МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 13 № 6 / 2023

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 13 № 6 / 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2023

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 25.12.2023.
Дата выхода в свет 28.12.2023. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 34,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 70.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2023

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 25.12.2023.
Release 28.12.2023. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 34,5.
Circulation 1000 copies. Order 70.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Оригинальные статьи

Становление системы правосудия в первые годы советской власти 10

Видашев И. И.

Национальная самобытность и иностранное заимствование в правовых формах кадрового делопроизводства: история и современность..... 18

Чуб Н. В.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ 28

Оригинальные статьи

Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области)..... 28

Зябликов А. В., Максименко А. А., Ахунзянова Ф. Т., Зайцев А. В.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ 47

Оригинальные статьи

Диссертация: некоторые размышления..... 47

Гонгало Б. М.

Правовая природа компенсационных выплат гражданам – участникам долевого строительства 58

Соловых С. Ж.

Методологические основы систематизации объектов гражданских прав: постановка проблемы 69

Семенова Е. Г.

Право потребителя на защиту персональных данных и его реализация..... 78

Сурков А. Н., Устинов В. Д.

Режим врачебной тайны и гражданско-правовая ответственность за его нарушение 89

Сурков А. Н., Агарков Б. В.

Закон о цифровых финансовых активах как современный механизм достижения баланса частных и публичных интересов..... 99

Филиппов П. М., Садков А. Н.

Особенности межотраслевых связей семейных правоотношений..... 112

Рутковская О. А.

Учет экономической цели и намерений нарушителя при определении размера компенсации за нарушение исключительных прав..... 122

Каменский М. А.

Проблемы бездоговорного перехода прав на результаты интеллектуальной деятельности..... 131

Козлова М. В.

Права инвесторов как участников отношений, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности..... 141

Леонтьев К. Б.

Права хозяйственных обществ и их участников на результаты интеллектуальной деятельности..... 149

Марасанов В. М.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ 159

Оригинальные статьи

Некоторые криминологические особенности преступности в миграционной сфере 159

Новичков В. Е.

Общественная опасность и проблемы квалификации создания и функционирования мошеннических колл-центров……. 175

Кашкаров А. А., Кашкаров А. А., Игнатов А. Н.

Нравственные и правовые аспекты цифровой трансформации уголовного процесса в России и зарубежных странах…….....……186

Чистилина Д. О.

О способах совершения преступлений против собственности в сети Интернет 199

Москальков А. В.

Искусственный интеллект в контексте уголовно-правовых рисков.....209

Лопашенко Н. А., Кобзева Е. В., Рожавский З. Д.

ПОЛИТОЛОГИЯ..... 222

Оригинальные статьи

Анализ организации социальной политики в постсоветской России в контексте международного опыта……..... ……..222

Подольский В. А.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 234

Оригинальные статьи

Исторический опыт судебного рассмотрения дел о незаконных порубках леса в Российской империи в первой половине XIX века…… ..... ……..234

Никифоров С. А.

Вопрос централизации и децентрализации власти в российской историографии 1860–1890-х годов 246

Подлесных С. Н.

Социальное управление качеством: исторические предпосылки формирования и границы применения нового направления науки о качестве…….....……262

Маякова А. В.

Деятельность Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции по выявлению и пресечению преступлений в государственных учреждениях (1921-1923 годы) 274

Немкова Д. С.

Дискуссия в англоязычной историографии Коммунистического интернационала 283

Суздальцев И. А.

К сведению авторов 297

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES……..... …10

Original articles

The Formation of the Justice System in the Early Years of Soviet Power…….. ..... ……10

Igor I. Vidashev

National Identity and Foreign Borrowing in the Legal Forms of Personnel Management: History and Modernity…….. ..... ……..18

Nadezhda V. Chub

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES…… ..28

Original articles

The Interaction of Government and Society in an Online Dialogue (on the Example of the Kostroma Region). …28

Alexey V. Zyablikov, Alexander A. Maksimenko, Farida T. Akhunzyanova, Alexander V. Zaitsev

PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE…… ……47

Original articles

Thesis Paper: Some Reflections…… ..... ……..47

Bronislav B. Gongalo

The Legal Nature of Compensation Payments to Citizens Participating in Shared-Equity Construction…… 58

Svetlana Z. Solovykh

Methodological Basis for Systematization of Objects of Civil Rights: Problem Statement…….. ..... …69

Ekaterina G. Semenova

The Right of the Consumer to Protect Personal Data and its Implementation……..... ……..78

Aleksandr N. Surkov, Vadim D. Ustinov

The Regime of Medical Secrecy and Civil Liability for its Violation……..……..89

Aleksandr N. Surkov, Bogdan V. Agarkov

The Law on Digital Financial Assets as a Modern Mechanism for Achieving a Balance of Private and Public Interests…….. ..... ……..99

Pyotr M. Filippov, Andrey N. Sadkov

Peculiarities of Interbranch Relations of Family Legal Relations…… ..... ……112

Olga A. Rutkovskaya

Consideration of the Economic Purpose and Intent of the Infringer in Determining the Amount of compensation for Infringement of Exclusive Rights…… ..... ……..122

Maksim A. Kamenskiy

Problems of Non-Contractual Transfer of Rights to Results of Intellectual Activity……..……..131

Mariia V. Kozlova

Rights of Investors as Participants in Relationships Related to the Creation and Use of Results of Intellectual Activity…… ..... ……..141

Konstantin B. Leontev

Rights of Business Companies and their Participants to the Results of Intellectual Activity…… ..... ……..149

Valerii M. Marasanov

CRIMINAL LEGAL SCIENCE……159

Original articles

Some Criminological Features of Crime in Migration Sphere……..159

Valery E. Novichkov

Public Danger and Problems of Qualifying the Creation and Operation of Fraudulent Call-Centers…….175

Alexey A. Kashkarov, Alexander A. Kashkarov, Aleksandr N. Ignatov

Moral and Legal Aspects of the Digital Transformation of the Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries……186

Daria O. Chistilina

About Ways to Commit Crimes Against Property on the Internet……199

Artem V. Moskalkov

Artificial Intelligence in the Context of Criminal Law Risks……209

Natalia A. Lopashenko, Elena V. Kobzeva, Zaur D. Rozhavskiy

POLITICAL SCIENCE……222

Original articles

Analysis of the Social Policy Organization in Post-Soviet Russia in the Context of International Experience…222

Vadim A. Podolskiy

HISTORICAL SCIENCES……234

Original articles

Historical Experience of Judicial Review of Cases of Illegal Logging in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century……234

Sergey A. Nikiforov

The Issue of Centralization and Decentralization of Power in the Russian Historiography of the 1860s–1890s……246

Sergey N. Podlesnykh

Social Quality Management: Historical Prerequisites for the Formation And Boundaries of the Application of a New Direction of Quality Science……262

Anna V. Mayakova

Activities of the Kursk Provincial Branch of the Workers' and Peasants' Inspectorate to Identify and Suppress Crimes in State Institutions: 1921-1923……274

Daria S. Nemkova

Discussion in the English-language Historiography of the Communist International……283

Ilya A. Suzdaltsev

INFORMATION FOR AUTHORS……297

Оригинальная статья / Original article

УДК 342.565

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-10-17

CC BY 4.0

Становление системы правосудия в первые годы советской власти

И. И. Видашев[1] ✉

[1]Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: vidashe-igor@rambler.ru

Резюме

Актуальность *указанной статьи заключается в исследовании становления и формирования института системы правосудия в зарождающемся советском государстве, факторов, которые влияли на формирование судов, отбор лиц, осуществляющих правосудие. Этот исторический опыт во многом уникален, так как одновременно с крушением монархии происходит зарождение нового социалистического государства, идеологические и политические основы которого во многом и предопределили основы, заложенные в фундамент будущей судебной системы РСФСР и современной России.*

Цель*: раскрытие особенностей и отличительных черт формирования судов в период становления советской власти.*

Задачи*: выявление факторов, влияющих на формирование системы правосудия на территории нашего государства в послереволюционный период.*

Методология*. В статье используется комплекс общенаучных и специально-юридических методов исследования в силу историко-правового и отчасти межотраслевого характера статьи.*

Результаты *исследования носят историко-правовой характер и позволили выявить факторы, влияющие на становление и формирование советской системы правосудия в послереволюционный период, а именно классовую борьбу, коммунистическую идеологию, необходимость победы в Гражданской войне и закрепления ее результатов, использование судов в качестве еще одного органа контроля за гражданами государства, допуск к осуществлению правосудия лиц, не имеющих специального образования.*

Выводы*. Исследуемый период развития и функционирования правосудия на территории нашего государства характеризовался ликвидацией предшествующей ей системы осуществления правосудия, опорой при осуществлении правосудия на революционное правосознание, подчиненностью судов представительным органам, избираемым гражданами, наличием и функционированием революционных трибуналов.*

В результате *первоначальных реформ судов ранее существовавшие единые основы осуществления правосудия были ликвидированы, а новые только начали формироваться, в результате реформ судьи стали избираться из представителей народа вне зависимости от своих профессиональных знаний, что существенно влияло на качество правосудия, но способствовало его открытости.*

Ключевые слова: *правосудие; суд; трибуналы; судебная система; судоустройство.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Видашев И. И. Становление системы правосудия в первые годы советской власти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 10–19. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-10-17.

Поступила в редакцию 16.10.2023 Принята к публикации 17.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Видашев И. И., 2023

The Formation of the Justice System in the Early Years of Soviet Power

Igor I. Vidashev[1] ✉

[1]Belgorod National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation;

✉ e-mail: vidashe-igor@rambler.ru

Abstract

The relevance *of this article lies in the study of the formation and formation of the institution of the justice system in the nascent Soviet state, the factors that influenced the formation of courts, the selection of persons administering justice. This historical experience is unique in many respects, since simultaneously with the collapse of the monarchy, a new socialist state was born on its territory, the ideological and political foundations of which largely predetermined the foundations laid in the foundation of the future judicial system of the RSFSR and modern Russia.*

Purpose*: disclosure of the features and distinctive features of the formation of courts during the formation of Soviet power.*

Objectives: *identification of factors influencing the formation of the justice system on the territory of our state in the post-revolutionary period.*

Methodology. *The article uses a complex of general scientific and special-legal research methods due to the historical-legal and partly interdisciplinary nature of the article.*

The results *of the study are of a historical and legal nature and made it possible to identify factors influencing the formation and formation of the Soviet justice system in the post-revolutionary period, namely the class struggle, communist ideology, the need to win the Civil War and consolidate its results, the use of courts as another control body for citizens of the state, admission to the administration of justice of persons who do not have a special education.*

Conclusions. *The studied period of the development and functioning of justice on the territory of our state was characterized by the elimination of the previous system of administration of justice, the reliance on revolutionary legal consciousness in the administration of justice, the subordination of courts to representative bodies elected by citizens, the presence and functioning of revolutionary tribunals.*

As a result of the initial reforms of the courts, the previously existing unified foundations for the administration of justice were eliminated, and new ones were just beginning to form; as a result of the reforms, judges began to be elected from representatives of the people, regardless of their professional knowledge, which significantly affected the quality of justice, but contributed to its openness.

Keywords: *justice; court; tribunals; judicial system; judicial system.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Vidashev I. I. The Formation of the Justice System in the Early Years of Soviet Power. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 10–17. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-10-17

Received 16.10.2023 Accepted 17.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Становлению и формирования судебной системы в послереволюционный период на территории нашего государства посвящено множество работ [1; 2; 3; 4; 5] и исследований [6; 7; 8; 9; 10]. При этом особенности формирования и становления советской системы правосудия являются уникальными, т. к. ранее подобного опыта не имелось, в нем отражаются особенности того исторического периода, в том числе идеологии пришедшей к власти коммунистической партии. В качестве основы вынесения приговора выступало революционное правосозна-

ние, отсутствовала единая система судебной власти, судебная практика и судебный механизм как таковой, при этом в процессе становления новой политической системы сформировалась и основа советской системы, некоторые особенности которой актуальны и в настоящее время, и были предметом научных исследований ряда ученых [11; 12; 13; 14; 15].

Методология

Специфика предмета исследования обусловила необходимость использования комплекса общенаучных, частнонаучных, специально-юридических методов исследования. Историко-правовой и отчасти междисциплинарный характер работы определил значимость методов систематизации, теоретико-правовой интерпретации правовых идей.

Так, метод систематизации позволил определить механизм формирования судебной системы, его структуру, принципы комплектования, метод теоретико-правовой интерпретации правовых идей позволил определить влияние политических идей пришедшей к власти коммунистической партии на функционирование судебной системы, в том числе применение при осуществлении правосудия принципа революционного правосознания.

Результаты и их обсуждение

Революция 1917 г. определила новый этап развития российского государства, упразднив старые государственные институты власти, механизмы их работы и функционирования, в том числе институт судебной власти, при этом новый механизм функционирования государства только формировался, в его основу были положены новые принципы функционирования, во многом уникальные по своей природе и сути.

В октябре 1917 г. по результатам проведения II Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов был создан высший представительный орган – Совет Народных Комиссаров, в составе которого образован Народный комиссариат юстиции с закреплением за последним полномочий по формированию новой системы правосудия государства. При этом формирование судебных органов в первые месяцы после Октябрьской революции происходило стихийно, в ряде городов и губерний были созданы разные по названиям и полномочиям суды.

В первом же Декрете Совета Народных Комиссаров от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде» упразднялись все прежние дореволюционные суды, система осуществления прокурорского надзора, частной и присяжной адвокатуры, судебного следствия, судебная система делилась на 3 направления: местные суды, третейские суды и народные трибуналы. При этом образование революционных трибуналов опережало процесс создания местных судов, в силу чего трибуналам приходилось рассматривать все уголовные и даже гражданские дела до момента формирования местных судов. Осенью 1918 г. были учреждены революционные военные трибуналы в армии. Революционные трибуналы создавались при революционных советах для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных военнослужащими.

По делам, расследуемым чрезвычайными комиссиями, приговоры выносились только революционными трибуналами, которые наделялись правом проведения следственных действий.

Основная масса дел, по которым предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не свыше 2 лет, сумма иска по которым не превышала 3000 рублей, рассматривалась местными судами, состоящими из постоянного выборного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по спискам очередных судей [16]. Прямой характер избрания судей противопоставлялся существовавшим до октября 1917 г. непрямым выборам мировых судей [17].

При этом применение норм законодательства при осуществлении правосудия отходило на второй план и носило прикладной характер, законы применялись только в случаях, если они не отменены революцией и не вступают в противоречие с революционными совестью и правосознанием, при этом единого понятия революционной совести и правосознания не существовало, что позволяло лицам, осуществляющим правосудие, действовать по своему усмотрению без применения норм законодательства. Требования к наличию специального образования либо стажу работы отсутствовали, судьи избирались советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, таким образом, суды зависели от указанных представительных органов власти. Также отсутствие всяких требований к уровню образования и квалификации наблюдалось к государственным обвинителям, защитникам, поверенным, которыми могли быть любые граждане, пользующиеся гражданскими правами.

В начале становления советской власти наблюдалось стремление к досудебному характеру разрешения споров в сфере гражданско-правовых отношений, уголовных дел частного характера.

Для разрешения спорных гражданских, частно-уголовных дел предусматривались третейские суды, детально деятельность которых была регламентирована Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета от 16 февраля 1918 г. Особенностью деятельности данных судов было их формирование из числа посредников, в том числе избираемых сторон спора, способы обжалования: на решение указанного суда жалобы направлялись в местные съезды судей, которые в случае отмены решения третейского суда передают дело на рассмотрение общего по подсудности суда.

Революционные трибуналы имели свою специфику и отвечали за борьбу с мародерством и хищениями, саботажем, контрреволюционными преступлениями, формировались из председателя и шести очередных заседателей, избираемых так же, как и лица, осуществляющие правосудие в местных судах.

При этом названный декрет не урегулировал значительный круг вопросов, без разрешения которых суды не могли функционировать в виде единой системы осуществления правосудия, в силу чего требовалась дальнейшая регламентация их деятельности.

С целью дальнейшего упорядочивания новой судебной системы и ее развития в марте 1918 г. издан Декрет № 2 «О суде», упразднявший апелляционный порядок судопроизводства и учреждающий порядок формирования окружных народных судов, которому передавались все дела, превышающие подсудность местных народных судов, областных народных судов, выполняющих функции суда кассационной инстанции, Верховного судебного контроля, формирующего судебную практику и отвечающего за ее единообразие.

Указанный декрет систематизировал порядок осуществления правосудия, ее иерархию, восстанавливал порядок судопроизводства, существовавший в Российской империи с 1864 г., устанавливал предупреждение об ответственности за лжесвидетельствование, возможность привлечения экспертов для разрешения судебных споров, единый порядок взимания пошлин за осуществление судопроизводства, осуществление предварительного следствия специально созданными следственными комиссиями, случаи недопустимого обжалования и сроки рассмотрения кассационных жалоб, язык судоговорения, возраст, по достижении которого лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности, порядок исполнения приговора, что способствовало единому порядку осуществления правосудия, обжалования и формирования судебной практики на территории государства, централизации судов в единую систему, ведение судопроизводства на языке большинства населения той местности, где слушается дело.

Отдельной функцией по осуществлению дел в отношении несовершеннолетних, замеченных в общественно-опасных деяниях, наделялись комиссии о несовершеннолетних, созданные согласно Декрету Совета Народных Комиссаров РСФСР в январе 1918 г. и подчиненные Народному комиссариату общественного презрения, что по своей сути определяло осуществление правосудия в отношении несовершеннолетних органом, не входящим в судебную систему.

Согласно указанному Декрету отменялось тюремное заключение и судебное производство для лиц, не достигших семнадцатилетнего возраста, по результатам рассмотрения дел в отношении указанной категории лиц они либо признавались невиновными в совершенных деяниях, либо направлялись в убежища Народного комиссариата народного призрения.

В дальнейшем, вследствие увеличения числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР в декабре 1919 г. возраст привлечения к уголовной ответственности был понижен до 14 лет, с марта 1920 г., ввиду издания Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», в отношении лиц возраста от 14 до 18 лет после установления невозможности применения мер медицинско-педагогического воздействия дела в отношении указанных лиц для рассмотрения вопроса о привлечении их к уголовной ответственности передавались в суды.

В мае 1918 г. в силу необходимости формирования единого подхода к организации деятельности революционных трибуналов издан Декрет «О революционных трибуналах», согласно которому упразднялись местные и военные революционные трибуналы, из подсудности данных органов исключены все общеуголовные дела с сохранением компетенции по рассмотрению дел о взяточничестве, подлоге, незаконном использовании документов, погромах, шпионаже и хулиганстве, сохранялись указанные органы только в столицах, губернских городах, крупных узловых станциях и промышленных центрах, при них формировались следственные комиссии и коллегии обвинителей. Заседания проводились в закрытом порядке.

Данный декрет в дальнейшем был отменен принятым в апреле 1919 г. Положением о революционных трибуналах, создаваемых в населенных пунктах с населением более двухсот тысяч человек, и предоставляющим указанным трибуналам определять самостоятельно меру наказания без каких-либо ограничений, руководствуясь только велениями революционной совести и обстоятельствами дела, при этом у подсудимого имелось право обжалования приговора в Кассационный трибунал. В целях ускорения принятия решения упразднялся институт народных заседателей в трибуналах, состав трибуналов сокращался с семи до трех человек, избираемых представительными органами.

Также для производства дел, передаваемых постановлением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов, создавался Верховный революционный трибунал при указанном органе, приговоры которого обжалованию не подлежали. Революционные трибуналы были упразднены только в октябре 1922 г.

С целью дальнейшей систематизации нормативно-правовой базы 30 ноября 1918 г. ВЦИК принял Положение о народном суде РСФСР, которому были подсудны все уголовные дела о преступлениях и проступках, споры об имущественных и личных правах и интересах, а также все дела, отнесенные к ведению суда в порядке бесспорного производства, по которым требуется для какого-либо учреждения республики установление факта или события.

При этом имелись различные варианты работы народного суда в зависимости от категории рассматриваемых дел: в составе или одного постоянного народного судьи, или постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей, или постоянного народного судьи и шести очередных народных заседателей.

При рассмотрении уголовных и гражданских дел очередные народные заседатели на всех стадиях судебного разбирательства пользовались одинаковыми правами с постоянным народным судьей, решая с ним вопросы о факте преступления, наказания, присуждения исковых требований или отказе в иске, все вопросы, возникающие при разборе дел [18]. При этом в приговорах и решениях судов запрещались ссылки на законы свергнутых правительств.

Главным условием для избрания постоянного народного судьи и временных очередных народных заседателей было право избирать и быть избираемыми в советы рабочих и крестьянских депутатов, наличие теоретической и практической подготовки для должности советского судьи было факультативным требованием только для назначения постоянного народного судьи.

Порядок формирования судейского корпуса устанавливал зависимость судебной системы от исполнительной власти [19].

Указанным положением ликвидировались все окружные суды и Московский кассационный суд, кассационные жалобы на решения и приговоры народных судов в губерниях теперь рассматривал Совет народных судей [20].

Новое Положение о народном суде было издано 21 октября 1920 г. и поменяло порядок избрания народных судей, которые теперь утверждались губернским исполнительным комитетом, при отсутствии кандидатов народные судьи назначались указанным органом самостоятельно, следственным комиссиям было поручено производить предварительное следствие по уголовным делам, прекращать или возбуждать дело, избирать меру пресечения.

Указанное положение завершило формирование системы советского правосудия до периода нэпа, когда были внесены новые существенные изменения в систему осуществления судопроизводства.

Выводы

Таким образом, указанный период развития и функционирования правосудия на территории нашего государства характеризовался уничтожением старой системы осуществления правосудия, приоритетом революционного правосознания перед нормами законодательства, отсутствием требований к уровню подготовки лиц, осуществляющих правосудие, зависимостью системы правосудия от выборных органов власти, наличием и функционированием революционных трибуналов, отсутствием однообразной судебной практики.

Уничтожив старую систему правосудия, пришедшие к власти представители коммунистической партии начали формировать новую систему правосудия, которая отвечала бы требованиям времени, политической, экономической обстановки в стране, при этом в силу роспуска старых органов правосудия и необходимости замены лиц, осуществляющих правосудие, на лиц, которые устраивали бы представителей новой власти, формирования в ограниченный период времени на территории государства новых судебных органов, отсутствия единой нормативной базы, регламентирующей принятие решений судами, указанный процесс завершился формированием новой системы правосудия, некоторые принципы которой: специализация судов, территориальный принцип осуществления правосудия, преимущественно открытый характер осуществления правосудия – применяются на территории нашего государства и в настоящее время.

Список литературы

1. Уварова И. А. Уголовный процесс / Московский университет им. С. Ю. Витте. М., 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

2. Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1956 годы. М.: Госюриздат, 1957. 383 с.

3. Воскобитова Л. А. Суд и борьба с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 94–99.

4. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1911. 698 с.

5. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М.: Проспект, 2018. 684 с.

6. Борозинец Ю. О. История судебной системы России эпохи СССР 1917–1930-х гг. // Инновационная наука. 2015. №. 7, т. 2. С. 64–67.

7. Борисов А. М. Законность правосудия и независимость судей: исторические трансформации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. Вып. 1 (19). С. 13–52.

8. Басов В. А. Правосудие и право в СССР в 1920-х годах // Марийский юридический вестник. 2008. Т. 1, вып. 6, С. 53–55.

9. Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства 1917–1918. М.: Наука, 1987. С. 196–202.

10. Верещагина А. В. Становление и развитие уголовной юстиции России: дореволюционный период: монография. Владивосток: ВГУЭС, 2009. С. 14–29.

11. Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М.: Институт российской истории РАН, 2003. 224 с.

12. Рева В. Е. История государственного и местного управления. Пенза: Изд-во Пензен. гос. техн. ун-та, 1995. С. 203-205.

13. Жуйков В. М. Судебная власть парадоксальна. Вступительная статья // Судебная реформа в прошлом и настоящем. М.: Статут, 2007. С. 7–10.

14. Синюков В. И. Российская правовая система. Саратов: Полиграфист, 1994. 494 с.

15. Ефремова Н. Н. Судебные реформы в России // Политико-правовые ценности: история и современность / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 249 с.

16. Бабенко В. Н. Проблемы формирования советской системы правосудия (1917–1920). Феноменология советского общества // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 250–259.

17. Верещагина А. В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 61–74.

18. Серов Д. О. Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 80–81.

19. Ленин В. И. Доклад о праве отзыва на заседании ВЦИК 21 ноября (4 декабря) 1917 г. // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 35. С. 109–111.

20. Калинин Г. С. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Советского государства / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М., 1959. 326 с.

References

1. Uvarova I. A. Ugolovnyj process [Criminal proceedings]. Moscow, Moscow Witte Univ. Publ., 2019. 1 elektronic optical disk (CD-ROM).

2. Kozhevnikov M. V. Istoriya sovetskogo suda. 1917–1956 gody [The history of the Soviet Court. 1917-1956]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 383 p.

3. Voskobitova L. A. Sud i bor'ba s prestupnost'yu [The court and the fight against crime]. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad = Russian criminological view*, 2005, no. 1, pp. 94–99.

4. Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, Izd-vo Br. Bashmakovyh, 1911. 698 p.

5. Shatalov A. S., Krymov A. A. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii [Criminal procedure law of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 684 p.

6. Borozinec Yu. O. Istoriya sudebnoj sistemy Rossii epohi SSSR 1917–1930-h gg. [The history of the judicial system of Russia during the Soviet era of the 1917-1930s.]. *Innovacionnaya nauka = Innovative Science*, 2015, no. 7, vol. 2, pp. 64–67.

7. Borisov A. M. Zakonnost' pravosudiya i nezavisimost' sudej: istoricheskie transformacii [The legality of justice and the independence of judges: historical transformations]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs = Historical and legal problems: a new perspective*, 2017, is. 1 (19), pp. 13–52.

8. Basov V. A. Pravosudie i pravo v SSSR v 1920-h godah [Justice and law in the USSR in the 1920s]. *Marijskij yuridicheskij vestnik = Mari Legal Bulletin*, 2008, vol. 1, is. 6, pp. 53–55.

9. Gorodeckij E.N. Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva 1917–1918 [The birth of the Soviet State 1917-1918]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 196–202.

10. Vereshchagina A. V. Stanovlenie i razvitie ugolovnoj yusticii Rossii: dorevolyucionnyj period [Formation and development of criminal justice in Russia: prerevolutionary period]. Vladivostok, VGUES Publ., 2009, pp. 14–29.

11. Gimpel'son E. G. Stanovlenie i evolyuciya sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravleniya, 1917–1930 [Formation and evolution of the Soviet state Administration Apparatus, 1917-1930]. Moscow, Institut rossijskoj istorii RAN Publ., 2003. 224 p.

12. Reva V. E. Istoriya gosudarstvennogo i mestnogo upravleniya [History of State and local government]. Penza, Izd-vo Penzen. gos. tekhn. un-ta, 1995, pp. 203-205.

13. Zhujkov V. M. Sudebnaya vlast' paradoksal'na. Vstupitel'naya stat'ya [The judiciary is paradoxical. Introductory article]. *Sudebnaya reforma v proshlom i nastoyashchem = Judicial reform in the past and present*. Moscow, Statut Publ., 2007, pp. 7–10.

14. Sinyukov V. I. Rossijskaya pravovaya sistema [The Russian legal system]. Saratov, Poligrafist Publ., 1994. 494 p.

15. Efremova N. N. Sudebnye reformy v Rossii [Judicial reforms in Russia]. Politiko-pravovye cennosti: istoriya i sovremennost' [Political and legal values: History and modernity]; ed. by V. S. Nersesyanc. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 249 p.

16. Babenko V. N. Problemy formirovaniya sovetskoj sistemy pravosudiya (1917-1920). Fenomenologiya sovetskogo obshchestva [Problems of the formation of the Soviet justice system (1917-1920). The Phenomenology of Soviet Society]. *Rossiya i sovremennyj mir = Russia and the modern world*, 2017, no. 3, pp. 250–259.

17. Vereshchagina A. V. Dekret No. 1 o sude: istoriya podgotovki i ego soderzhanie [Decree No. 1 on the court: the history of preparation and its content]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process = Judicial power and criminal procedure*, 2017, no. 3, pp. 61–74.

18. Serov D. O. Rossijskie sud'i i vysshee yuridicheskoe obrazovanie [Russian judges and higher legal education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*, 2013, no. 10, pp. 80–81.

19. Lenin V. I. Doklad o prave otzyva na zasedanii VCIK 21 noyabrya (4 dekabrya) 1917 g. [Report on the right of recall at the meeting of the Central Executive Committee on November 21 (December 4), 1917]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1969, vol. 35, pp. 109–111.

20. Kalinin G. S. Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya i sozdanie Sovetskogo gosudarstva [The Great October Socialist Revolution and the Creation of the Soviet State]. Moscow, Vsesoyuz. yurid. zaoch. in-t. 1959. 326 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Видашев Игорь Игоревич, соискатель кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: vidashe-igor@rambler.ru.ru,
ORCID: 0000-0002-4220-0196

Igor I. Vidashev, Applicant of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: vidashe-igor@rambler.ru.ru,
ORCID: 0000-0002-4220-0196

Оригинальная статья / Original article

УДК 340

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-18-27

CC BY 4.0

Национальная самобытность и иностранное заимствование в правовых формах кадрового делопроизводства: история и современность

Н. В. Чуб [1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: nadchub@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Внедрение специальных правил использования иностранной лексики в текстах публичных актов, совершенствование формы делового письма, видоизменение структуры документов в соответствии с полномочиями органов публичной власти – тенденции настоящего и прошлого российского опыта администрирования. Как в современном, так и в историко-правовом контексте научного исследования актуально рассмотрение государственных подходов в сфере регламентации официального делопроизводства, которые нацелены на формирование устойчивой модели управления сообразно с отечественными национальными интересами и ценностями.*

Цель *исследования заключается в установлении соотношения элементов национальной самобытности и иностранных образцов в государственной кадровой практике документооборота России XVIII века, что полезно для учета данного опыта при современных преобразованиях основ юридического и делового письма.*

Задачи: *рассмотрение законодательных новелл в части регулирования сферы делопроизводства и управления кадрами; выявление форм делопроизводства XVIII века и общественно-политических факторов, влияющих на их применение; ретроспективная оценка методики составления текстов правительственных актов.*

Методология *основана на сравнительно-правовом, сравнительно-историческом, историко-правовом и системном методах исследования.*

Результаты *исследования свидетельствуют о совершенствовании грамматических, стилистических, переводческих и иных деловых навыков и компетенций персонала органов публичной власти. Историко-правовой анализ направлений развития кадрового делопроизводства выявил активное заимствование иностранной лексики при оформлении административных актов. Постепенно усложнялся канцелярский механизм межведомственного сообщения, регламентирован порядок приема и ответа на прошения частных лиц.*

Вывод. *Опыт формирования русской управленческой и кадровой практики делопроизводства, развивающегося в условиях ценностных кризисов и политических противоречий, важен для учета проводимых в современном государстве политико-правовых мероприятий.*

Ключевые слова: *кадровое делопроизводство; национальная ценность; иностранная лексика; публичная переписка; история канцелярии.*

Финансирование: *НИР в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Чуб Н. В. Национальная самобытность и иностранное заимствование в правовых формах кадрового делопроизводства: история и современность // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 18–27. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-18-27.

Поступила в редакцию 01.11.2023 Принята к публикации 27.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Чуб Н. В., 2023

National Identity and Foreign Borrowing in the Legal Forms of Personnel Management: History and Modernity

Nadezhda V. Chub[1]✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: nadchub@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The introduction of special rules for the use of foreign vocabulary in the texts of public acts, improving the form of a business letter, modifying the structure of documents in accordance with the powers of public authorities are trends in the current and past Russian administration experience. Both in the modern and historical and legal context of scientific research, it is relevant to consider state approaches in the field of regulating official paperwork, which are aimed at forming a stable management model in accordance with domestic national interests and values.*

The purpose *of the study is to establish the relationship between elements of national identity and foreign models in the state personnel practice of document flow in Russia in the 18th century, which is useful for taking into account this experience in modern transformations of the foundations of legal and business writing.*

Objective: *are to consider legislative innovations in terms of regulating the field of record keeping and personnel management; to identify forms of record keeping in the XVIII century and socio-political factors influencing their application; a retrospective assessment of the methodology for drafting texts of government acts.*

Methodology. *The methodology is based on comparative legal, comparative historical, historical legal and systemic research methods.*

The results *of the study indicate the improvement of grammatical, stylistic, translation and other business skills and competencies of personnel of public authorities. A historical and legal analysis of the directions of development of personnel management revealed an active borrowing of foreign vocabulary in the execution of administrative acts. The clerical mechanism of interdepartmental communication gradually became more complicated, and the procedure for receiving and responding to petitions from private individuals was regulated.*

Conclusion. *The experience of forming the Russian management and personnel practice of paperwork, developing in conditions of value crises and political contradictions, is important for taking into account the political and legal measures carried out in the modern state.*

Keywords: *personnel records management; national value; foreign vocabulary; public correspondence; history of the office.*

Funding: *Research within the framework of the state assignment for 2023 "Transformation of private and public law in the context of an evolving individual, society and state" (No. 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Chub N. V. National Identity and Foreign Borrowing in the Legal Forms of Personnel Management: History and Modernity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 18–27. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-18-27

Received 01.11.2023 Accepted 27.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Выбор темы исследования связан с рядом актуальных событий в правовом пространстве России, которые определяют ценностные приоритеты как в системе общественно-политического сознания, так и в деятельности органов публичной власти. Регулирование административно-кадровой сферы исходит из системы национальных интересов, отражающих свободу политического и культурного

развития государства как проявлений его суверенитета, независимых от иностранного «участия».

В апреле 2021 г. в России принят закон о запрете иностранного гражданства и вида на жительство за рубежом для государственных и муниципальных служащих, военнослужащих, других категорий должностей. На руководящие должности в настоящее время назначаются только лица, не имеющие гражданства (вида на жительство) иностранного государства, а для кандидата в Президенты РФ закрепляется требование и ранее не иметь такого гражданства. Для депутатов и судей дополнительно устанавливается требование постоянного проживания на территории Российской Федерации.

Новая редакция Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53 «О государственном языке Российской Федерации» (от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ) закрепляет норму о допустимости применения иностранных терминов лишь в случае, когда отсутствуют общеупотребительные аналоги в русском языке, перечень которых содержится в специальных нормативных словарях, утвержденных постановлением Правительства РФ.

Надо отметить, что еще в 2020 г. Минтруд уже разрабатывал законопроект, который предлагал контролировать, как чиновники знают правила русского языка, однако он не был внесен в Государственную думу. Документ предусматривал считать знание стилистики и грамматики одним из требований к кандидатам на государственную службу[1]. В настоящее время установлено квалификационное требование к знанию государственного языка Российской Федерации (русского языка) в Справочнике квалификационных требований для государственных гражданских служащих 2017 г., который содержит перечень умений, знаний и навыков от орфографии и пунктуации до делового письма, тактики речи и правильной интерпретации различных текстов.

В 2020 г. Институт государственного и муниципального управления Высшей школы экономики провел исследование, чтобы оценить сложность языка, которым написаны российские законы. Авторы пришли к выводу, что язык этот с каждым годом усложняется, один из его основных недостатков – пассивность: в нем слишком мало используются глаголы. Язык российского законодателя в среднем вдесятеро сложнее литературного русского. При этом тексты становятся все многословнее[2]. В 2021 г. Счетная палата РФ на официальном сайте разместила обучающий курс для служащих своего ведомства, направленный на развитие компетенций деловой речи и повышение понятности, доступности официальных документов. Данный курс базируется на примерах и состоит из трех блоков: «Основы структурирования информации», «Лексико-стилистическое наполнение текста», «Визуальный контент»[3].

Анализируя подобную современную практику, полезно обратиться к отечественному историческому опыту нормативного обеспечения кадровой сферы в части выработки техники подготовки юридических и деловых документов, происходившей под влиянием национальных приоритетов в сфере кадров и

[1] Минпросвет предложил обязать чиновников соблюдать правила русского языка // РБК. 2022. 15 июня. URL: https://www.rbc.ru/politics/15/06/2022/62a9d65e9a794745dc2ceee3?ysclid=loh8rf5byh566275887 (дата обращения: 02.10.2023).

[2] Винокуров А. Слишком нормативный русский. В Высшей школе экономики оценили сложность российских законов // Коммерсантъ. 2022. № 48. URL: // https://www.kommersant.ru/doc/4291932 (дата обращения: 02.10.2023).

[3] Понятный язык в массы: Счетная Палата представляет обучающий курс русского языка для чиновников. Счетная палата: офиц. сайт. URL: // https://ach.gov.ru/news/ponyatnyy-yazyk-dlya-chinovnikov (дата обращения: 03.10.2023).

управления. Научный интерес в том числе представляет сочетание тех предпосылок и факторов, которые усовершенствовали управленческие навыки персонала в контексте составления текстов официальных документов и правительственных актов на основе иностранного материала. В этой связи примечательно исследование отечественной государственности периода XVIII в., когда началось активное использование в России западных институтов и моделей организации административного управления.

Методология

В рамках сравнительно-правового метода возможно соотнесение различных правовых источников для выявления состояния форм кадрового делопроизводства в исторических условиях отечественной и зарубежной практики. Историко-правовой метод позволил охарактеризовать конкретный этап правового развития сферы государственного документооборота (период XVIII в.), установить влияние на него определенных факторов (иностранные модели управления и собственные национальные ценности), сравнительно-исторический метод дает возможность изучить эволюцию отечественного законодательства в указанной сфере, закономерности и особенности его формирования, связав данный процесс с реалиями российской действительности. С помощью метода системного анализа рассматривается нормативная база о системе государственных органов и правилах их документооборота как единый комплекс.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время государственные органы действуют в рамках соблюдения требований закона об открытости (доступности) информации о своей деятельности, совершенствуют навыки кадрового состава в подготовке служебных актов, обеспечивая последним ясность и разумную простоту изложения в пределах официально-делового стиля.

В истории правового регулирования кадровой сферы были узаконены специальные требования по оформлению официальной переписки и подготовке актов государственных ведомств, в том числе при использовании иностранных сведений (лексики).

Мысль об иностранном заимствовании следовала из серии указов начала XVIII в. об организации коллежского устройства: шведские уставы предварительно обсуждать и сравнивать с русскими обычаями, «что может быть по старому, а что переменить». Поэтому в Коллегии как новые органы центрального управления, учрежденные по шведскому образцу, «для показания иноземного порядка, как вести дела» назначались иностранцы [1, с. 500, 566]. От последних, служащих по финансовому ведомству, предполагалось держать в тайне подлинные сведения о государственных доходах. А помощниками геролдьмейстера, ведующего родословными российского дворянства, и рекетмейстера, принимающего жалобы на медленное и неправильное делопроизводство в коллегиях и ходатайствующего императору о преступлениях против «государственной пользы», предписано было назначать только из русских, поскольку иноземцы не знали особенности данных должностей.

Необходимые для работы в той или иной коллегии тексты на иностранном языке переводили на русский «явственно, ясно, подлинно» переводчики с немецкого, которых было по одному человеку в каждом ведомстве, кроме коллегии иностранных государств, «которая больше во всяких языках искусных переводчиков требует» [2]. Таких специалистов приходилось искать за рубежом. Примечателен текст одного из Указов Петра I от 16 декабря 1715 г. «О наборе в Вене для организации дела в русских коллегиях приказных людей из славян и о переводе лексиконов на славянский язык» [3, с. 47].

Требовались «добрые», опытные, способные для службы в России переводчики «из негораздо высоких чинов», язык которых был по этимологии близок к русскому (например, славяне из чешских народностей). По указу 1716 г. в Кенигсберг направлялись 30–40 молодых подьячих для изучения немецкого языка, поскольку возникла необходимость в их переводческих навыках для соответствующей работы в коллегиях [3, с. 215]. В 1724 г. появилось указание немецкие «книги переводить без лишних рассказов», опускать праздные, отвлеченные от дела фразы [3, с. 148]. Закреплялся штраф (вычет из жалования) за нарушение сроков и правил составления перевода.

Н. П. Павлов-Сильванский отмечает, что «на русском языке того времени очень трудно было описывать явления, чуждые русской жизни, и вместо русских, старых имен для обозначения мест и лиц управления были приняты новые, иностранные названия. Они должны были служить указанием, какой дух отныне должен одушевлять Правительство» [4, с. 211–213]. С началом XVIII в. традиционные устои русской культуры, государственного языка, системы права и управления были смещены из-за «конкурирующего» влияния зарубежных образцов и моделей в соответствующих сферах.

Нередко интерпретация зарубежной лексики на национальной почве имела свои особенности, причем не только в российском опыте администрирования. Р. А. Ромашов приводит следующую дипломатическую ассоциацию относительно еще царства Ивана IV: «Не случайно англичане переводили титулатуру русского царя не как "Грозный", а как "Ужасный", акцентируя внимание на тех эмоциональных переживаниях, которые этот русский правитель вызывал в душах как собственных подданных, так и тех, с кем сталкивался "на ниве внешних сношений" [5, с. 59]. В это время в России была установлена смертная казнь, чтобы никто «не выезжал из государства ради каких-либо своих выгод и не смел ознакомляться со свободою иностранных земель» [6, с. 68]. Иными словами, форма интерпретации иностранного языка в официальных актах для каждого государства может иметь самобытный стиль, что подтверждается и практикой делопроизводства XVIII в.

Как указывают ученые-филологи, «древнерусская терминология и фразеология делового языка связаны с народными морально-религиозными воззрениями» [7, с. 108]. В актах 1720-х гг., например, все еще отмечается «моральное» наказание чиновнику за небрежение по службе в виде «Божьего суда». По мере усложнения государственных функций и появления новых управленческих и кадровых задач техника подготовки документов и прошений совершенствовалась, старорусские элементы речи и обычаи делопроизводства уступали место зарубежным нововведениям. «Необходимо было с новыми знаниями заимствовать и чужие слова для их выражения» [8, с. 24].

Указом 1702 г. предписывалось всем чиновникам в прошениях и письмах подписываться полным именем и фамилией, а не «полуименами». В этом же году установлено ведение государственного делопроизводства на листовой бумаге, переплетая в книги. Были приняты акты, упорядочивающие ведение официальной документации в части организации ее приема и оформления исключительно на рабочем месте и в установленные сроки. В 1714 г. вводится обязательное ведение протокола с указанием и подписью мнений присутствующих должностных лиц (членов Сената, коллегий) по обсуждаемым гражданским или военным делам [9]. При решении дел было право при несогласии с большинством оформить «особое» мнение. Как указывает А. Н. Филиппов, император старался ввести больше порядка в делопроизводство, чем было прежде. «Это создавало много канцеляр-

ских формальностей, не внося большей правильности в течение дел. Монарх хотел, чтобы сенаторы решали дела сами, а канцелярия давала только подготовительный материал; с целью контролировать это и был введен указанный сложный порядок» [10, с. 615].

Указ о протоколе содержит ряд новых иностранных фраз, выражающих особенности оформления протокола: «диспут», «сентенция», «принципалы». В актах о составе Коллегий канцеляристы бывших Приказов именовались и по старорусскому обычаю – молодые и старые подьячие – и на европейский манер – «шрайберами» (от немецкого «писарь, переписчик») [3, с. 162, 195, 209, 259].

В каждой коллегии из иноземцев были: один советник или асессор, секретарь и шрайбер [11, с. 81]. Как указывает Ю. Н. Власов, «для русского уха звучали дико и непонятно такие названия, как "обер-прокурор Синода", "ландрентмейстер камер–коллегии", "кирхшпильсфохт", "валдмейстер", "рентмейстер" и пр.» [12, с. 33]. Данный автор подобные новации называет излишеством правительственного вмешательства, поощряемого личной инициативой императора, который внедрял различные должности для поддержания высокого идейного содержания реформ.

Законы первой четверти XVIII в. «часто переводные с немецкого и шведского, отличались наименьшей ясностью и языком, чуждым народу, и далеко уступали в этом отношении Уложению царя Алексея Михайловича, которое Екатерина II ставит в образец ясности в тексте Наказа для своей комиссии, статьи которого имеют научный (философский) характер и по содержанию проникнуты человеколюбивыми началами» [13, с. 315]. Смена приоритетов в содержании актов,+ прошений и расширение сферы делопроизводства, в том числе в канцелярии («кабинете») монарха, произошло с середины XVIII в., в связи с разрастанием центрального аппарата и новыми политическими ориентирами. Хотя весь XVIII в. существовала практика приема жалоб на «неправый суд» и просьб о милостивом снисхождении. Прямо на высочайший суд можно было с определенными оговорками «представлять» обо всем, что служит к процветанию державы [14, с. 30].

Указом 1749 г. было определено несколько форм сношения государственных учреждений между собой посредством прememорий, доношений, указов, ведений [15]. Та или иная форма определялась в зависимости от статуса ведомств и порядка соподчиненности между ними. В 1753 г. появилась норма о необходимости мотивировать отказ в прошениях: «просителям не возвращать челобитные, без означения на них, почему они не приняты» [16]. Это требование делопроизводства было подтверждено в нормативных актах 70-х годов XVIII века. Форма прошений (челобитных) переутверждалась неоднократно в течение исследуемого периода.

В последующих нормативных актах были выработаны логически корректные определения некоторых юридических понятий и формул, которые затем легли в основу законов [17, с. 5]. В Наставлении Московскому и Санкт-Петербургскому губернаторам 1765 г. закреплялась обязанность последних свои представления «писать ясно и вразумительно, утверждая их неоспоримыми доказательствами и очевидным искусством препровождая» [18].

В другом акте от всех должностных лиц государства требовалось «не отступать от самой точности предписанных в Генеральном Регламенте всем членам должностей, не довольствоваться только по канцелярскому порядку рапортами, что указы посланы, но труды свои нести так, чтоб архивы наполнять документами прямых дел, а не пустыми бумагами» [19].

Анализируя государственные преобразования XVIII в., А. Б. Каменский указывает на рационализацию и специализацию канцелярского труда и делопроизводства как тенденции модернизации (европеизации) сферы кадров и управления [20, с.128, 156].

В 1764 г. установлен запрет, не принимать прошения, в которых содержатся фразы, не относящиеся к делу (предмету обращения) [21]. Указ 1786 г. отменил устаревшие фразы-обращения на высочайшее имя и в присутственные места: «бьет челом всеподданнейший раб или раба заменить словами и речениями: жалобница или прошение, приносит жалобу или просит имя рек всеподданнейший или верный подданный» [22, с. 80]. В 1797 г. было указано, что коллективные обращения («за подписанием более одного лица») не принимаются [23].

Согласимся с утверждением профессора О. А. Андреевой, что «все нынешние государственно-правовые институты и современная юридическая техника, сформировавшиеся в прошлом, были исторически обусловлены определенными объективными причинами» [24, с. 15]. Чтобы законы исполнялись, верховной власти было важно наладить межведомственные координационные связи и определить формы управления государством, в том числе на основе европейского опыта. Такими средствами взаимодействия между органами и населением (подданными) служили акты делопроизводства, отражающие специфику национальных интересов как ценностных приоритетов при решении конкретных управленческих задач (кадровых, образовательных) в различные годы рассматриваемого периода.

Составление текста административных актов с учетом требований ясности, смысловой определенности, точности передачи управленческой задачи, избегая загруженности зарубежной лексикой и нераспространенной в официальной переписке терминологии, – основные тенденции законодательной регламентации ведения публичной переписки и делового общения.

В правовом поле России в рамках направлений государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей формируются источники права, выступающие «сводом» правил современного русского литературного стиля, юридическими средствами защиты статуса официального языка России. Совершенствование практики документооборота в рамках ценностно-ориентированного подхода обусловлено отказом от излишнего иностранного влияния на процесс управления как нового «раздела» курса кадровой политики [25, с. 100–101]. Последнее явление в исторической действительности было развито в XVIII в., когда под влиянием европейских законов и знаний сложились «образы» и структура правительственных актов и регламентов.

Выводы

В системе делопроизводства, сформированном в начале XVIII в. в рамках заимствований иностранных порядков и терминологии, менялся стиль изложения текста от религиозной риторики до официальной деловой речи с установлением структуры государственного документа и его реквизитов. Прежний «книжный» язык публичных актов, берущий начало в церковной письменности, со своими народными формами, оборотами, выражениями, постепенно уступал место иному слогу, в котором идею, взятую из текста иностранных законов или бесед с иноземцами и дипломатами, облекали в практическую сферу делопроизводства. Иностранная лексика внушала новые идейные начала в кадровой сфере, но затрудняла официальную переписку, делая ее громоздкой и длительной из-за канцелярских формальностей и многочисленности государственных ведомств. Это

повлияло на специализацию кадрового состава, в ведении которого находился широкий круг обязанностей по приему информации, ее обработке, переводу, обобщению и мотивированному ответу. В настоящее время исследуемый опыт полезен в рамках применения правовых мер по соблюдению служебной дисциплины, обеспечению оперативности составления и ведения кадрового документооборота, доступности его материалов для заинтересованных лиц, охрану русского языка как государственного.

Список литературы

1. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М.: Тип. А. А. Карцева, 1888. 584 с.

2. Генеральный регламент или Устав // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 6, № 3534.

3. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. 602 с.

4. Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полное собрание сочинений. Т. 6. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 651 с.

5. Ромашов Р. А. Проблема понимания контекста «национальных скреп» в контексте сравнительно-исторического анализа российского политогенеза // История государства и права. 2019. № 9. С. 58–65. https://doi.org/10.18572/1812-3805-2019-9-58-65.

6. Олеарий Адам. О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича: (3-я книга "Путешествия" Олеария). СПб., 1861. 166 с.

7. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. (X – середина XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. 327 с.

8. Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М.: ГПИБ, 2000. 287 с.

9. О заведении в Сенате протоколов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 5, № 2791.

10. Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1907. 728 с.

11. Вицын А. И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань: И. В. Дубровин, 1855. 299 с.

12. Власов Ю. Н. Законодательство и законодатели России. Петр Великий. М.: Пропаганда Business media, 1998. 144 с.

13. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 797 с.

14. Бабич М. В. Из истории государственных учреждений XVIII в.: Кабинет императорского величества // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1998. № 6. С. 20–40.

15. О форме сношений // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 13, № 9637.

16. О невозвращении просителям челобитен без означения, по какой причине они приняты быть не могут // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 14, № 10397.

17. Евсеев А. В., Лядов А. О., Мушкет И. И. Идеи просвещенной монархии и законотворчество в период царствования Екатерины II // История государства и права. 2001. № 5. С. 2–6.

18. Наставление Московскому и Санкт-Петербургскому губернаторам // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 17, № 12306.

19. О существенных обязанностях всех чиновников // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 17, № 12537.

20. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.

21. Запрещение принимать челобитные // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 16, № 12240.

22. Законодательство Екатерины II: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 2000. 1053 с.

23. Прошения подавать каждому от себя // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 24, № 17955.

24. Андреева О. А. Проблемы методологии истории государства и права // История государства и права. 2004. № 3. С. 13–18.

25. Чуб Н. В., Грохотов А. Н. Конституционно-правовой механизм кадровой политики в условиях централизации власти в России // Современное общество и право. 2015. № 4 (21). С. 100–105.

References

1. Belyaev I. D. Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva [Lectures on the history of Russian legislation]. Moscow, Tip. A. A. Karceva, 1888. 584 p.

2. General'nyj reglament ili Ustav [General Regulations or Articles of Association]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 6, no. 3534.

3. Voskresensky N. A. Zakonodatel'nye akty Petra I: Akty o vysshih gosudarstvennyh ustanovleniyah [Legislative acts of Peter I: Acts on higher state institutions]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1945, vol. 1. 602 p.

4. Nevolin K. A. Obrazovanie upravleniya v Rossii ot Ioanna III do Petra Velikogo [The formation of management in Russia from John III to Peter the Great]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. St. Petersburg, Tip. E. Praca, 1859, vol. 6. 651 p.

5. Romashov R. A. Problema ponimaniya konteksta "nacional'nyh skrep" v kontekste sravnitel'no-istoricheskogo analiza rossijskogo politogeneza [The problem of understanding the context of "national scraps" in the context of a comparative historical analysis of Russian political genesis]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law,* 2019, no 9, pp. 58–65. https://doi.org/10.18572/1812-3805-2019-9-58-65

6. Olearius Adam. O sostoyanii Rossii v carstvovanie Mihaila Fedorovicha i Alekseya Mihajlovicha: (3-ya kniga "Puteshestviya" Olearіya) [On the state of Russia during the reign of Mikhail Fedorovich and Alexei Mikhailovich: (3rd book "Travels" by Olearia)]. St. Petersburg, 1861. 166 p.

7. Larin B. A. Lekcii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X – seredina XVIII v.) [Lectures on the history of the Russian literary language. (X – mid-18th centur]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 327 p.

8. Pavlov-Silvansky N. P. Proyekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo: Opyt izucheniya russkikh proyektov i neizdannyye ikh teksty [Reform projects in the notes of Peter the Great's contemporaries: Experience in studying Russian projects and their unpublished texts]. Moscow, GPIB Publ., 2000. 287 p.

9. O zavedenii v Senate protokolov [On the establishment of protocols in the Senate]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 5, no. 2791.

10. Filippov A. N. Uchebnik istorii russkogo prava [Textbook of the history of Russian law]. Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1907, pt. 1. 728 p.

11. Vitsyn A. I. Kratkiy ocherk upravleniya v Rossii ot Petra Velikogo do izdaniya Obshchego uchrezhdeniya ministerstv [A brief outline of management in Russia from Peter the Great to the publication of the General Establishment of Ministries]. Kazan, I. V. Dubrovin Publ., 1855. 299 p.

12. Vlasov Yu. N. Zakonodatel'stvo i zakonodateli Rossii. Petr Velikiy. Legislation and legislators of Russia. Peter the Great]. Moscow, Propaganda Business media Publ., 1998. 144 p.

13. Vladimirsky-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Moscow, Territory of the Future Publ., 2005. 797 p.

14. Babich M. V. Iz istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy XVIII v. Kabinet imperatorskogo velichestva [From the history of state institutions of the 18th century. The Cabinet of the Imperial Majes-

ty]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8: Istoriya = Bulletin of Moscow University. Series 8: History,* 1998, no. 6, pp. 20–40.

15. O forme snosheniy [On the form of relations]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 13, no. 9637.

16. O nevozvrashchenii prositelyam chelobiten bez oznacheniya, po kakoy prichine oni prinyaty byt' ne mogut [Petitions regarding non-return to petitioners without specifying why they cannot be accepted]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 14, no. 10397.

17. Evseev A. V., Lyadov A. O., Mushket I. I. Idei prosveshchennoy monarkhii i zakonotvorchestvo v period tsarstvovaniya Yekateriny II [Ideas of an enlightened monarchy and lawmaking during the reign of Catherine II]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law,* 2001, no. 5, pp. 2–6.

18. Nastavleniye Moskovskomu i Sankt-Peterburgskomu gubernatoram [Instructions to the Moscow and St. Petersburg governors]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 17, no. 12306.

19. O sushchestvennykh obyazannostyakh vsekh chinovnikov [On the essential responsibilities of all officials]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 17, no. 12537.

20. Kamensky A. B. Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII v. (opyt tselostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: reforms in Russia in the 18th century (experience of holistic analysis)]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 575 p.

21. Zapreshcheniye prinimat' chelobitnyye [Prohibition to accept petitions]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 16, no. 12240.

22. Zakonodatel'stvo Ekateriny II [Legislation of Catherine II]; ed. by O. I. Chistyakov, T. E. Novitskaya. Moscow, Yurid. lit. Publ., 2000, vol. 1. 1053 p.

23. Prosheniya podavat' kazhdomu ot sebya [Petitions should be submitted to everyone on their own]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire,* coll. 1, vol. 24, no. 17955.

24. Andreeva O. A. Problemy metodologii istorii gosudarstva i prava [Problems of the methodology of the history of state and law]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law,* 2004, no. 3, pp. 13–18.

25. Chub N. V., Grokhotov A. N. Konstitutsionno-pravovoy mekhanizm kadrovoy politiki v usloviyakh tsentralizatsii vlasti v Rossii [Constitutional and legal mechanism of personnel policy in the conditions of centralization of power in Russia]. *Sovremennoye obshchestvo i pravo = Modern society and law,* 2015, no. 4 (21), pp. 100–105.

Информация об авторе / Information about the Author

Чуб Надежда Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: nadchub@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9067-3588

Nadezhda V. Chub, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Kursk, Russian Federation,
e-mail: nadchub@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9067-3588

Оригинальная статья / Original article

УДК 342.732

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-28-46

CC BY 4.0

Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области)

А. В. Зябликов [1] ✉, А. А. Максименко[2], Ф. Т. Ахунзянова[1], А. В. Зайцев[1]

[1]Костромской государственный университет
ул. Дзержинского, д. 17/11, г. Кострома 156005, Российская Федерация

[2]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Покровский бульвар, д. 11, г. Москва 109028, Российская Федерация

✉ e-mail: a.zyablikov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье анализируется трансформация взаимодействия общества и власти от офлайн-диалога к онлайн-коммуникации на примере Костромского региона.*

Целью *исследования является выявление возможностей и форм онлайн-интеракции власти и общества для обсуждения социально значимых тем.*

Задачи*: проанализировать содержание общественных дискуссий, идущих на региональном уровне и связанных с возведением, восстановлением и функционированием объектов культурного значения; выявить формы интеграции в цифровое публичное пространство приемов, характеризующих традиционный диалог; определить круг проблем, препятствующих эффективному и равноправному онлайн-диалогу власти и общества.*

Методология. *Исследование основывается на диалектическом понимании социокультурных процессов и явлений, на общенаучных и логических методах познания. Используются идеографический, историко-сравнительный, институциональный методы.*

Результаты *исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на поиск эффективных приемов, устраняющих барьеры отчуждения общества и власти в цифровой публичной сфере, обеспечивающих заинтересованное и продуктивное участие сторон в обсуждении социально значимой повестки.*

Выводы. *Отмечается нелинейный и спонтанный характер трансформации офлайн-диалога в онлайн-коммуникацию, что объясняется недостаточным адаптивным ресурсом части социума, а также живучестью старых управленческих технологий и моделей. Выявляются возможности и преимущества онлайн-коммуникации для обсуждения социально значимых тем. Обосновывается, что в настоящее время устранена значительная часть законодательных или технических препятствий для налаживания продуктивного онлайн-диалога власти и населения – остаются препятствия ментального и психологического свойства. Делается вывод о том, что эскапистская тактика власти, игнорирующая запрос населения на участие в обсуждении региональных и городских проблем, как и деструктивный разоблачительный пафос, в который нередко впадает оппозиция, – одинаково непрочная основа для поиска общественного консенсуса. Отмечается, что цифровая публичная сфера некоторыми представителями власти до сих пор оценивается по преимуществу как ресурс формализации и стандартизации диалога с гражданами.*

Ключевые слова: *офлайн-диалог; онлайн-коммуникация; цифровая публичная сфера; интеракция власти и общества; публичные слушания; общественная дискуссия.*

Финансирование: *Исследование проведено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZEW-2023-0007.*

© Зябликов А. В., Максименко А. А., Ахунзянова Ф. Т., Зайцев А. В., 2023

***Конфликт интересов**: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области) / А. В. Зябликов, А. А. Максименко, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зайцев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 28–46. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-28-46.

Поступила в редакцию 20.10.2023 Принята к публикации 24.11.2023 Опубликована 25.12.2023

The Interaction of Government and Society in an Online Dialogue (on the Example of the Kostroma Region)

Alexey V. Zyablikov[1] ✉, Alexander A. Maksimenko[2], Farida T. Akhunzyanova[1], Alexander V. Zaitsev[1]

[1]Kostroma State University
17/11 Dzerzhinsky Str., Kostroma 156005, Russian Federation

[2]National Research University Higher School of Economics
11 Pokrovsky Boulevard, Moscow 109028, Russian Federation

✉ e-mail: a.zyablikov@yandex.ru

Abstract

***Relevance.** The article analyzes the transformation of the interaction of society and government from offline dialogue to online communication - on the example of the Kostroma region.*

***The purpose** of the study is to identify the opportunities and forms of online interaction between the government and society for discussing socially significant topics.*

***Objectives:** to analyze the content of public discussions taking place at the regional level and related to the construction, restoration and functioning of objects of cultural significance; to identify forms of integration into the digital public space of techniques that characterize traditional dialogue; to identify a range of problems that hinder an effective and equal online dialogue between government and society.*

***Methodology.** The research is based on a dialectical understanding of socio-cultural processes and phenomena, on general scientific and logical methods of cognition. Ideographic, historical-comparative, and institutional methods are used.*

***The results** of the research are theoretical and applied in nature and are aimed at finding effective techniques that eliminate barriers to alienation of society and government in the digital public sphere, ensuring interested and productive participation of the parties in the discussion of a socially significant agenda.*

***Conclusions.** The nonlinear and spontaneous nature of the transformation of offline dialogue into online communication is noted, which is explained by the insufficient adaptive resource of a part of society, as well as the survivability of old management technologies and models. The possibilities and advantages of online communication for discussing socially significant topics are revealed. It is proved that at present a significant part of legislative or technical obstacles to establishing a productive online dialogue between the authorities and the population have been eliminated - mental and psychological obstacles remain. It is concluded that the escapist tactics of the authorities, ignoring the request of the population to participate in the discussion of regional and urban problems, as well as the destructive revelatory pathos into which the opposition often falls, is an equally fragile basis for the search for public consensus. It is noted that the digital public sphere is still evaluated by some government representatives primarily as a resource for formalizing and standardizing dialogue with citizens.*

***Keywords:** offline dialogue online communication; digital public sphere; interaction between government and society; public hearings; social advice.*

***Funding:** The study was carried out with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. FZEW-2023-0007.*

***Conflict of interest:** The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Zyablikov A. V., Maksimenko A. A., Akhunzyanova F. T., Zaitsev A. V. The Interaction of Government and Society in an Online Dialogue (on the Example of the Kostroma Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 28–46. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-28-46

Received 20.10.2023 Accepted 24.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Динамичное развитие цифровых технологий меняет качество диалога общества и власти: у каждой из сторон появляются новые возможности, методы и ресурсы влияния. Формируется безбарьерная информационная среда, которая, казалось бы, должна гармонизировать отношения гражданина и власти, просителя и столоначальника, свести к минимуму традиционное «хождение по инстанциям» и «обивание» начальственных порогов, создать доступное пространство для обсуждения государственных и общественных инициатив. Цифровая публичная сфера, действительно, может стать полем конструктивного диалога государства и тех социальных сил, которые заинтересованы в национальном согласии, развитии и процветании. Но может и не стать, если поиск общественного консенсуса в новых условиях будет осуществляться в худших традициях российской бюрократии. Если общественно активные группы, например интеллигенция, не преодолеют в себе комплекс вечного оппозиционера.

Нужно признать, что трансформация офлайн-диалога в онлайн-коммуникацию идет нелинейно и неровно. Это связано не только и не столько с технической и технологической стороной дела, сколько с факторами социального бытия: с неспособностью или нежеланием некоторых групп адаптироваться к новой реальности, с живучестью старых управленческих стратегий и моделей и с попытками встроить их в новую цифровую практику. Инерционные процессы, так или иначе, сказываются на работе российской административной системы, которая открывает в новой цифровой реальности множество удобств – не только для налаживания быстрого и эффективного взаимодействия с гражданами, но и для поиска различных вариантов «ухода» и «прикрытия», особенно в ситуациях, когда власть не заинтересована в широком общественном обсуждении своих инициатив. Как результат формируется тип коммуникации, обладающий признаками имитации, и, говоря словами Ж. Бодрийяра, «симулятивной транспарентности», в которой реальность подменяется ее знаками, а факт – его моделью [1]. Договор общества и власти приобретает алеаторный характер, не сводимый к желаниям, потребностям и возможностям сторон. Важно, чтобы в цифровой публичной сфере был институализирован именно диалог, а не его инсценировка, не мимикрирующие под него манипулятивные и симулятивные модели.

В последние годы появились работы, посвященные исследованию диалога российской власти и общества в цифровой публичной сфере. Отметим публикации Д. А. Войнова [2] и Х. Ф. Гаджиева [3], выявляющие принципы и технологии такого взаимодействия. Качества цифровой публичной сферы как транспарентного коммуникативного пространства оценивают О. В. Кузьменко [4] и Л. В. Шевченко [5]. Процесс адаптации общественно активных групп к онлайн-диалогу с государством исследуют В. А. Порозов [6], И. В. Сибиряков [7; 8]. Возрастает интерес к региональной проблематике, поскольку именно на этом уровне интеракция власти и общества обретает предельно конкретное и предметное содержание. Изучению социальных сетей как диалоговых платформ в российских

регионах посвящены работы П. А. Ефимовой [9], В. В. Зотова, А. В. Губанова [10], Л. Г. Камалян, М. А. Бахтиной [11], А. В. Соколова, Е. А. Исаевой [12]. Исследование А. Ю. Красноперова акцентирует внимание на формах и методах участия муниципальных органов власти в сетевой коммуникации [13]. Некоторые авторы (Е. В. Кадышева, Д. И. Каминченко, Ю. А. Митяев, Ю. Г. Чернышев, О. Г. Филатова) сосредоточили внимание на способах формирования средствами онлайн-коммуни-кации имиджа главы региона [14; 15; 16; 17]. В работе Н. В. Медведева и А. А. Оторовой исследуется конфликтологический аспект онлайн-диалога власти и населения [18]. Правовые аспекты сетевого взаимодействия анализируют В. В. Богдан, Л. Лаксми [19; 20]. Переход от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества в контексте событий, формирующих культурную повестку города и региона, не являлся объектом специального исследования.

Методология

Исследование основывается на диалектическом понимании социокультурных процессов и явлений, на общенаучных и логических методах познания, которые позволили излагать, анализировать и структурировать материал, приводить примеры и делать выводы, следуя научным принципам истинности, обоснованности, объективности, системности. Идеографический метод позволил восстановить событийный контекст, связанный с возведением и функционированием в Костроме объектов культурного значения и определивший содержание общественной дискуссии. Использование историко-сравнительного метода дало возможность сопоставить обстоятельства и мотивы реализации различных историко-культурных и градостроительных проектов, сформировавших «резонансную» повестку в цифровой публичной сфере. С помощью институционального метода были изучены особенности и возможности взаимодействия власти и общества в пространстве офлайн- и онлайн-диалога, выявлены его проблемные зоны.

Результаты и их обсуждение

Как соотносятся традиционный офлайн-диалог и становящаяся онлайн-коммуникация на региональном уровне? Как интегрируются в цифровую публичную сферу приемы, определяющие содержание традиционного диалога? Каково содержание дискуссий, формирующих сегодня региональное публичное пространство? Какого рода проблемы препятствуют достижению общественного консенсуса?

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к опыту Костромы и Костромской области. Предметом нашего исследования являются знаковые для этого региона события 2015–2023 гг., связанные с восстановлением, возведением и сохранением объектов культурного значения. Все названные события имели широкий общественный резонанс, некоторые были восприняты неоднозначно, вызвав бурную полемику и даже протест. Анализ общественной дискуссии вокруг инициатив региональной и муниципальной власти помогает прояснить гражданскую, идейную, эстетическую диспозицию различных общественных групп, выявить полемический инструментарий участников диалога, понять возможности онлайн-коммуникации для продуктивного обсуждения социально значимых тем.

Событием, символическим для новейшей истории Костромского края, стало начало восстановления Костромского кремля и его соборного ансамбля, который был разрушен в 1934 г., в пору богоборческой кампанейщины. 19 июля 2015 г. Святейший патриарх Московский и Всея Руси Кирилл совершил чин освящения закладного камня в основание Успенского кафедрального собора. Летом 2016 г. начались строительные работы, которым предшествовал многолетний и трудоемкий процесс, связанный с проведением

инженерно-геологических и археологических изысканий, с подготовкой проектно-сметной документации, с расселением исторических зданий, находящихся на территории кремля, и пр. Столь масштабный проект мог быть реализован лишь при неравнодушном участии всех заинтересованных субъектов: федеральной и региональной власти, Русской православной церкви, бизнеса, профессионального сообщества (архитекторы, историки), местных жителей. Возрождение святыни осуществляется при финансовой помощи известного российского мецената, президента ООО «Корпорация ВИТ» В. И. Тырышкина.

Особо отметим широкую общественную поддержку проекта, которая в немалой степени является результатом грамотно проведенной информационной кампании. В публичных заявлениях руководителей региона подчеркивалась мысль о сбережении исторической памяти и о культурной преемственности. Губернатор Костромской области С. К. Ситников, обращаясь к горожанам 29 августа 2015 г., заявил: «Это будет особый знак внимания ко всем, кто жил на Костромской земле до нас, всем, кто подарил нам величие нашего древнего города»[1].

Популяризация проекта началась задолго до начала строительных работ: в печатных и электронных СМИ (федеральных и региональных), в цифровой публичной сфере. В сентябре 2016 г. Костромская епархия открыла интернет-сайт «Возрождение Костромского кремля» (www.kreml-kostroma.ru), насыщенный новостями, а также историческим, справочным, биографическим материалом. Сайт предоставляет пользователям возможность сделать денежное пожертвование. Постоянная рубрика «Возрождение Костромского кремля», сопровождаемая фотоотчетом о ходе работ, появилась в одном из костромских еженедельников. На портале государственных органов Костромской области в разделе «Регион» есть закладка «Костромской кремль», снабженная интересным текстовым и фотоматериалом (www.adm44.ru). К сожалению, последнее обновление датировано 31 мая 2017 г.: когда процесс запущен, а дело поставлено, оно перестает быть нервом новостной ленты. В 2018 г. заботами Костромской епархии вышел объемный сборник материалов об истории Костромского кремля. Большое количество просмотров в сети набрал фильм «Костромской кремль: возрождение утраченной святыни», снятый областной телерадиокомпанией «Русь» в 2017 г. Сегодня в интернет-пространстве можно найти десятки ссылок на материалы о возрождении Костромского кремля. Наиболее полные и содержательные публикации (в том числе фото и видеоматериалы отличного качества) размещены на сайте Костромской митрополии РПЦ (kostromamitropolia.ru).

Едва ли не единственную резкую отповедь идее возрождения соборного ансамбля дал в январе 2016 г. краевед Станислав Кузьменко на сайте «Русская провинция»[2]. Автор отмечает «идеологическую» суть проекта, якобы совершенно чуждого интересам и нуждам костромичей, намекает на «сомнительный» моральный облик благотворителей, остерегает от возведения «макетов в натуральную величину», высказывает убежденность в том, что кремлевский ансамбль «исказит» облик города, что стройка будет провоцировать социальные конфликты и политическую рознь. Любопытно, что при этом краевед высказывает обеспокоенность за сохранность расположенного неподалеку от воссоздаваемых хра-

[1] Костромской кремль: сборник материалов / сост. А. В. Семенова. Кострома: Костромская епархия Русской православной церкви, 2018. С. 529.

[2] Кузьменко С. «Воссоздание» Костромского кремля: благодеяние или варварство? // Русская провинция. 2016. 31 янв. URL: https://life.kostromka.ru/stroitelstvo-15554/ (дата обращения: 16.10. 2023).

мов памятника В. И. Ленину, утверждая, что этот объект и есть главная историческая достопримечательность Костромы. Среди немногих комментариев к очерку С. Кузьменко выделим мнение пользователя с никнеймом Нина (судя по всему, москвичка), которая дала тексту эмоциональную, но, на наш взгляд, в целом верную оценку: «Эту статью характеризует дичайшее невежество и глупость ее авторов! К счастью, Кремль восстанавливается, а исторический центр Костромы обретает свой красивейший исторический силуэт на века! Собака лает, а караван идет. Завидую Костроме. Теперь и в Москве надо бы восстановить порушенные коммунистами-варварами Красные Ворота, Сухареву башню, Успение на Покровке и Николу Большой Крест на Ильинке, выдающиеся памятники архитектуры и градостроительные доминанты исторического центра Москвы!». Заметим, что в суждениях С. Кузьменко есть и справедливый упрек, высказанный властям. Действительно, нужно было соблюсти все юридические формальности и бюрократические процедуры и провести публичные слушания, посвященные воссозданию Костромского кремля. Это, во-первых, укрепило бы и без того существенную народную поддержку проекта, а во-вторых, стало бы красноречивым свидетельством того, что такие яростные критики возрождения кремлевского храмового комплекса, как С. Кузьменко, находятся в подавляющем меньшинстве. Руководители органов государственного и муниципального управления должны преодолеть свою пейрафобию, наладив постоянные каналы взаимодействия с экспертами и общественностью.

Обычно жители провинции настороженно относятся к дорогостоящим и помпезным градостроительным проектам, однако в данном случае возобладал благожелательный настрой. Об этом, в частности, свидетельствуют суждения и оценки, которые граждане высказывали в интернет-пространстве, например, в сети «ВКонтакте», где была создана группа «Костромской кремль». Посыл превратить восстановление утраченной святыни в общее, народное дело был услышан и воспринят. Мнения отдельных скептиков касались не столько необходимости осуществления проекта, сколько возможности его реализации. Потому многие горожане называют возрождение кремлевского храмового ансамбля настоящим чудом[1].

24 сентября 2023 г. Святейший патриарх Кирилл совершил чин освящения воссозданного Богоявленского собора Костромского кремля и отслужил там Божественную литургию. Храмовый комплекс преобразил город. Сегодня над кремлевской площадью снова возносится 64-метровая соборная колокольня, ставшая архитектурной доминантой исторической части Костромы и останавливающая на себе восхищенные взоры костромичей и гостей города. На очереди – восстановление кафедрального Успенского собора.

Возрождение Костромского кремля стало прочной основой для регионального общественного консенсуса. Куда менее однозначно костромичи отнеслись к реконструкции сквера на улице Дзержинского, которую горожане до сих пор называют Муравьевкой (в честь костромского губернатора В. Н. Муравьева, по приказу которого в середине XIX в. сквер был благоустроен). В 2017–2019 гг. на Муравьевке появилась Аллея героев: установлены бронзовые бюсты полководцев Великой Отечественной войны – уроженцев Костромской земли (скульптор Андрей Коробцов). Проект был реализован при участии Российского военно-исторического общества. Увековечивание героев-фронтовиков – дело важное и благородное, но место для установки

[1] Труханова Э. В Костроме восстановили один из уничтоженных храмов кремля // Российская газета. 2023. 27 сент. URL: https://rg.ru/2023/09/27/reg-cfo/i-snova-kolokolnyj-zvon.html (дата обращения: 20.09.2023).

монументов было выбрано не самое удачное. Городской бульвар, излюбленное место отдыха горожан, превратился в некрополь, смотровая площадка – в мемориал (сегодня там находится 12 бюстов). Мрачноватый эффект усиливается тем, что бюсты военачальников повернуты затылком к солнцу: в дневное время они представляют собой темные силуэты на фоне неба. В печатных и электронных СМИ проект возведения аллеи анонсировался слабо. Общественного обсуждения не было. В цифровой публичной сфере официальные сообщения об открытии Аллеи контрастировали с недоуменными мнениями костромичей, озадаченных таким странным градостроительным решением[1], тем более что у Костромы есть позитивный опыт увековечивания знаменитых земляков, например, Аллея признания на проспекте Мира, которая органично вписалась в культурно-исторический ландшафт исторической части города.

Поспешность и непродуманность решений, связанных с установкой памятников и памятных знаков, стала болезненной приметой новейшей истории России. Кострома, к сожалению, не исключение. Впрочем, некоторые ошибки удается исправить. В 2009 г. в Костроме был установлен памятник уроженцу Костромской земли философу и писателю Александру Зиновьеву. Место для установки монумента (скульптор Андрей Ковальчук) выбрали заведомо неудачное – непроходной сквер с запирающимися на замок воротами перед зданием Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Спустя 13 лет мыслитель был «вызволен» из вынужденного заточения: осенью 2022 г., накануне 100-летнего юбилея А. А. Зиновьева, памятник обрел достойное для него место – на одной из центральных улиц города, в маленьком сквере перед зданием Областной научной библиотеки, наполнив особой энергией, сделав более выразительной и привлекательной эту часть городского пространства. На перенос памятника повлияли многие обстоятельства, в том числе копившиеся в цифровой публичной сфере критические и порой довольно едкие комментарии по поводу «злой судьбы» Александра Зиновьева, вновь упрятанного «за решетку»[2].

Если бы перед благоустройством Муравьевки было организовано широкое обсуждение проекта с участием экспертных и общественных групп, возможно, для Аллеи героев удалось бы подыскать более удачный вариант локации.

Одна из самых бурных общественных дискуссий в регионе вспыхнула в конце 2020 г., когда был инициирован проект восстановления в Костроме исторического памятника Ивану Сусанину и Михаилу Романову. Установленный на Сусанинской площади по проекту скульптора В. И. Демут-Малиновского в 1851 г. памятник был разрушен в 1920-е гг. Идея восстановления знаменитого сооружения (сохранился его главный элемент – шестиметровая колонна из финского гранита) возникла достаточно давно, более 20 лет назад. В начале столетия тщанием городских властей был смонтирован фундамент, проведена серьезная архивная и художественно-проектная работа, сделаны макеты барельефных изображений. Проект широко освещался в СМИ, имел значительную общественную поддержку. Однако финансовые трудности помешали довести дело до конца. В 2020 г. появилась хорошая возможность для реализации проекта: крупный благотворитель

[1] Костромичи раскритиковали Аллею героев в центре города за кладбищенский вид // Рамблер новости. 2019. 14 авг. URL: https://news.rambler.ru/other/42662262-kostromichi-raskritikovali-alleyu-geroev-v-tsentre-goroda-za-kladbischenskiy-vid/ (дата обращения: 28.09.2023).

[2] Особо опасен: памятник Александру Зиновьеву в Костроме за решеткой – символ трагической судьбы русской философии // Зиновьев. Инфо. 2020. 1 авг. URL: https://vk.com/wall-124652583_759 (дата обращения: 18.09.2023).

готов был сделать целевой взнос на воссоздание памятника. Однако некоторые представители общественности увидели в происходящем отличный повод для атаки на власть. Подогреть общественное возмущение было несложно: достаточно вбросить в публичное пространство мысль о региональных финансовых ресурсах, которые теперь будут идти «не на дороги и школы», а на идеологически «вредную» и дорогостоящую затею, восхваляющую рабскую покорность народа правителю (один из элементов памятника – коленопреклоненный Иван Сусанин). Сетевое пространство немедленно наполнилось слухами, домыслами, версиями, псевдоразоблачениями чиновничьих «махинаций», а также антиисторичными, ложнопафосными, но безотказно действующими на неискушенную аудиторию лозунгами типа: «Русский мужик ни перед кем не должен стоять на коленях!»[1]. Прошли шумные круглые столы, главной целью которых была дискредитация проекта, а через него – дискредитация власти. Анализу риторических кондиций и полемических приемов, которые практиковались противниками восстановления памятника, нами посвящена специальная работа [21]. Можно сказать, что такой дискурс типичен для общественного обсуждения проблем, в решение которых оказываются вовлечены местные жители и региональные власти. Он хорошо иллюстрирует довольно низкий уровень общей полемической культуры, который определяется многими факторами: рецидивами риторической практики, основанной на единомыслии, логико-речевой малограмотностью, политической экзальтацией, слабым, бессистемным или отрывочным знанием исторического и социокультурного контекста.

Здесь следует обратить внимание на появившийся в постсоветской России и окрепший впоследствии социальный феномен, за которым закрепилось словосочетание «общественный активист». Имеющее предельно размытое толкование, это понятие прижилось в публицистике. Оно применимо к людям с ответственной и активной гражданской позицией, которые не боятся задавать власти неудобные вопросы и брать на себя инициативу в разрешении разного рода проблем. Однако в последнее время это словосочетание всё отчетливее наполняется негативной коннотацией. В понимании многих общественный активист – это лицо, самочинно присваивающее право говорить от имени народа, представлять его интересы, формулировать его жизненные запросы. Нередко под маской борца за народные чаяния скрывается политически ангажированная фигура, отряженная на решение заведомо деструктивных задач. Такие «активисты» неизменно появляются там, где власть отдает общественную инициативу, закрывается в своей бюрократической скорлупе, уклоняется от прямого диалога с гражданами. Обычно администрация старается просто игнорировать крикливых оппозиционеров-популистов, и часто эта мера оказывается действенной. Однако нельзя игнорировать общественное мнение. Если власть не находит возможностей и ресурсов для профессионального анонсирования своих инициатив, для их популяризации, продвижения, для разъяснения их целей, смыслов и деталей, то такими «разъяснениями» займутся общественные активисты, чье владение софистическими ухищрениями и демагогическими уловками не подлежит сомнению. Если власть не обозначит свою заинтересованность в проведении общественных слушаний проекта, они все равно состоятся – в виде разного рода «круглых столов», «общественных обсуждений» и «заседаний инициативных групп», – но идти они будут уже под чужую диктовку, создавая негативный фон

[1] Памятник раздора: почему жители Костромы спорят о восстановлении монумента царю Михаилу Романову и Ивану Сусанину? // RIA City. Кострома. 2023. 21 дек. URL: https://ria.city/kostroma/269837554/ (дата обращения: 20.09.2023).

для любых попыток администрации сформулировать свою точку зрения. Если культурный проект, поддерживаемый властью, не находит должного освещения на государственном или муниципальном интернет-портале и в пабликах официальных лиц, то он обязательно получит тенденциозное освещение на страничках оппозиционных и «независимых» форумов и сайтов, будет вольно интерпретирован и преподнесен публике как злокозненный умысел чиновников.

К сожалению, именно по такому сценарию развивались события вокруг планов воссоздания в Костроме утраченного исторического памятника. Региональная власть упустила инициативу, выбрала тактику молчания и выжидания, не смогла организовать достаточную информационную и экспертную поддержку проекта, чем воспользовались деструктивные силы, для которых любое начинание власти плохо уже потому, что это начинание власти. Идею восстановления памятника поддержала Общественная палата Костромской области, многие известные костромичи: архитекторы, историки, искусствоведы, представители туристической отрасли, но в итоге возобладала крикливая, демагогическая и непрофессиональная позиция «общественных активистов». Дискуссия попала в передовицы федеральных СМИ, и чрезвычайно значимый для региона культурно-исторический проект был свернут. Снова отодвинуто на неопределенный срок восстановление уникального сооружения, о котором В. В. Розанов написал так: «Памятник Сусанину – хорош. Он “губернский”, скромный, не столичная краса: но закруглен в мысли и форме»[1].

2023 г. отмечен в Костромском регионе еще двумя неоднозначными событиями, связанными с культурной повесткой. Одно из них произошло летом. Казалось бы, будничное бюрократическое решение о передаче Костромской муниципальной художественной галереи с городского баланса на областной неожиданно спровоцировало настоящий скандал. Некоторые представители общественности усмотрели в этом намерение уничтожить галерею и разбазарить ее фонды. Для оппозиционеров такой поворот дела стал подарком судьбы: губернские и городские власти в роли «гонителей» и «душителей» культуры – прекрасный повод для очередной волны разоблачений. Некоторые интернет-форумы и новостные порталы разразились гневными энцикликами в адрес администрации, затеявшей очередное сомнительное мероприятие[2]. И вновь в цифровом публичном пространстве громче других звучали голоса тех, кто факты подменяет домыслами, экспертные заключения – частным мнением, отсутствие внятных доводов пытается компенсировать пафосом, а себя постулирует в роли выразителя солидарной общественной позиции.

20 июля 2023 г. прошел организованный активистами круглый стол «Нужна ли Костроме муниципальная художественная галерея?», запись которого позже была размещена на площадке видеохостинга YouTube. По состоянию на 22 октября 2023 г. эта видеозапись собрала 796 просмотров, 29 «лайков» и четыре коротких комментария – не так много для более чем четвертьмиллионной Костромы. Мероприятие, объединившее более 100 участников, больше напоминало не «круглый стол», который все-таки предполагает дискуссию и обмен мнениями, а пресс-конференцию оппозиционеров, где звучали по преимуществу обвинения в адрес власти, якобы замыслившей уничтожение храма искусства. Пресс-

[1] Розанов В. В. Собрание сочинений: Старая и молодая Россия: (Статьи и очерки 1909 г.). М.: Республика, 2004. С. 217.

[2] Костромские чиновники просто неграмотны: горожане требуют не отдавать художественную галерею // Кострома.Today. 2023. 4 авг. URL: https://kostroma.today/news/unikalnaya-kollekciya-propadet-press-konferenciyu-proveli-iz-za-situacii-s-galerej-v-kostrome/ (дата обращения: 20.09.2023).

конференция, кстати, тоже была проведена – 2 августа в конференц-зале гостиницы «Волга». Там сторонники сохранения status quo еще раз озвучили свою позицию. Примечательно, что присутствовавшие на этом собрании журналисты не задали выступающим ни одного вопроса. Размещенная на видеохостинге YouTube запись пресс-конференции собрала 409 просмотров, семь «лайков» и один комментарий (состояние на 22 октября 2023 г.)

Ирония судьбы: в 1996 г., когда по инициативе городской администрации галерея создавалась, было тоже немало недовольных. Общественные активисты возмущались тем, что деньги вкладываются в «несвоевременные» художественные проекты. Таково свойство тех, кто считает себя непререкаемыми лидерами общественного мнения: для критических выпадов сгодится любой повод – его содержательная основа не столь важна. Июльский «круглый стол» 2023 г. во многом продолжил эту традицию. В выражениях и эмоциях участники не стеснялись. Досталось и некоторым художникам-академистам, которые якобы стали инициаторами реорганизации галереи. Один из выступающих даже выдвинул идею создания своего рода «позорного столба», где должны быть размещены имена и портреты «вдохновителей» проекта: «Чтобы можно было плюнуть в рожу, бросить тухлое яйцо!»[1]. Такова заданная тональность для ведения «диалога» с властью.

Важная деталь: руководители галереи фактически выступили против своих работодателей и учредителей, т. е. против тех, за чей счет галерея существовала 27 лет. Имеет ли работодатель право реорганизовывать предприятие, вносить коррективы в стратегию его развития? Безусловно. Тем более что вопросов к идейно-эстетическому содержанию галереи накопилось много. Главная претензия сводилась к слишком вольному толкованию понятия «современное искусство», популяризатором которого объявляло себя это художественное учреждение. Тенденциозный подход к осуществлению выставочной политики и к отбору произведений изобразительного искусства отодвигал на периферию работы художников-реалистов, мастеров традиционной жанровой живописи, оставлял им «остаточное» внимание. Заметим, что на Костромской земле сложилась выдающаяся школа реалистической живописи, отношение к которой у руководителей Муниципальной художественной галереи всегда было отнюдь не благосклонным. Кстати, нескрываемые пренебрежительные и высокомерные оценки традиционного искусства отличают общую тональность заявлений, сделанных во время упомянутого «круглого стола».

В июле 2023 г. параллельно с событиями в Костроме в Москве в Доме культуры «ГЭС-2», известном своими неоднозначными арт-проектами, открылась подготовленная муниципальной художественной галереей выставка с показательным названием «Себе на уме». По замыслу организаторов, она должна была представить художественные достижения региона, которые, конечно, лежат далеко за рамками «архаичных» форм искусства, концентрируясь вокруг «новаторских» тем и образов. Знакомство с экспонатами выставки оставило множество возмущенных комментариев в социальных сетях. «Тратить бюджетные деньги вот на это, простите, “искусство”?! – задавался вопросом один из пользователей. – Что это вообще такое?»[2]. Этот и подобные им от-

[1] «Разрушать не строить!»: костромичей возмутила ликвидация муниципальной галереи // Kostroma. News. 2023. 7 авг. URL: https://dzen.ru/a/ZNDIsNGr51YhDE6J (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Костромичи в ужасе от того, каким представляют наш регион на художественных выставках // Social Media News. 2023. 28 июля. URL: https://kostroma.sm.news/kostromichi-v-uzhase-ot-togo-kakim-predstavlyayut-nash-region-na-xudozhestvennyx-vystavkax-32791-u3t5/ (дата обращения: 22.09.2023).

клики при желании можно списать на эстетическую непросвещенность массового зрителя, на непонимание им «кода» современного искусства, что, собственно, и делают (весьма охотно) апологеты артноваций. Но в какой мере этот срез искусства отражает художественное пространство Костромского региона? Какой душевный отклик находят эти художественные формы в сердце рядового костромича, беспокойство которого за судьбу своей страны, переживание за духовное, ценностное измерение русской культуры является в наше время совсем не абстрактным, не умозрительным? Космополитичные арт-объекты в духе «Большой глины № 4» Урса Фишера или «Пространства света» Джузеппе Пенони, установленные, кстати, на площадках того же «ГЭС-2», сегодня лишь провоцируют общественное раздражение.

Украинский кризис 2022 г. и начавшаяся Специальная военная операция переместили размышления о ценностных и смысловых приоритетах России, о содержании ее духовного пространства на первый план. Поэтому желание местной власти прояснить эстетическую программу вверенного ей учреждения культуры не кажется избыточным. Все аргументы противников реорганизации галереи строятся на известной логической манипуляции, которую называют подменой тезиса (ignoratio elenchi). Проведенный контент-анализ убеждает, что во всех своих выступлениях и пабликах активисты обосновывали протест против ликвидации галереи. Между тем ни один представитель власти о названных планах ничего не заявлял: речь шла о передаче этого учреждения культуры в государственную юрисдикцию, т. е. о реорганизации. Приписав власти тезис, никогда ею не формулировавшийся, активисты развязали руки для своих критических атак на администрацию, создавая соответствующий информационный фон, а по сути вводя в заблуждение не только общественность, но и тех известных костромичей, которые рекрутировались в качестве подписантов протестных писем. В действительности решение повысить статус учреждения культуры, передав его из муниципального подчинения на областной уровень, объясняется стремлением превратить галерею из элитарного модернистского кружка в художественную и просветительскую площадку, которая продвигает национальные приоритеты и ценности, отвечает актуальным запросам времени, интересна широкому зрителю, встроена в образовательные траектории и туристические маршруты. Многие костромичи сегодня удивляются не тому, что муниципальную картинную галерею решили реорганизовать, а тому, что это не было сделано раньше.

Поначалу паблики официальных лиц, разъясняющие мотивы реорганизации, «не поспевали» за ситуацией, ставя представителей администрации в невыгодное положение оправдывающейся стороны. Был момент, когда казалось, что власть сдаст свои позиции, отступит под напором общественного «возмущения». Однако постепенно соотношение аргументов и сил выравнивалось. Были проведены два заседания рабочих групп в расширенном составе – с участием приглашенных экспертов. Профильные комитеты городской думы рассмотрели финансово-правовую и хозяйственно-организационную стороны дела. Представители администрации провели несколько встреч с коллективом галереи, разъясняя преимущества получения государственного статуса (новые возможности, лучшее финансирование, увеличение штата, создание новых отделов, расширение площадей и пр.). В цифровой публичной сфере позиция власти формулировалась все более весомо, методично и внятно. В поддержку реорганизации галереи выступили многие художники, представители творческих союзов и общественных организаций. 31 августа 2023 г. решение о передаче художественной галереи на баланс области было принято думой г. Костромы

подавляющим большинством голосов[1]. С октября 2023 г. галерея работает в новом статусе как «Центр русского искусства».

Не успели утихнуть страсти вокруг муниципальной художественной галереи, как в сентябре 2023 г. разгорелись новые. Предметом оживленных обсуждений стали 12 бюстов русских классиков (от А. С. Пушкина до В. М. Шукшина), внезапно появившиеся в сквере возле Костромской областной филармонии. Как выяснилось позже, этот скульптурный ансамбль – дар Костроме известного мецената М. Л. Сердюкова, инициатора Всероссийского патриотического проекта «Аллея российской славы». Нельзя сказать, что бюсты деятелей культуры в городском сквере – это какое-то новое веяние. В 1940–50-е гг. такого рода типовые просветительские аллеи были едва ли не в каждом областном центре. В Костроме тоже. Тогда бюстам писателей отвели место в Центральном парке культуры. К 1960-м г. скульптуры, выполненные из недорогих и недолговечных материалов, обветшали настолько, что их решено было снести. Один из неравнодушных костромичей В. И. Козырев, печник по профессии, сумел сохранить три поврежденных скульптурных портрета, вызволив их из кучи щебня, наваленной бульдозером. Лучше других сохранился бюст А. С. Пушкина. Отреставрированный В. И. Козыревым бюст великого русского поэта долгое время стоял в одном из дворов на улице Симановского, превратившись в настоящую городскую достопримечательность[2].

В сентябре 2023 г. костромичи были озадачены не столько фактом появления в городском сквере скульптурных портретов М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и А. А. Блока, сколько молниеносностью их появления: проект, как водится, не анонсировался и публично не обсуждался. На официальных сайтах органов местного самоуправления никакой предварительной информации тоже не было. В очередной раз нужный, благородный художественный и просветительский проект реализовывался неподобающим образом, в обход мнения общественности, с нарушением установленных правил и регламентов. Электронные СМИ и социальные сети предсказуемо наполнились недоуменными комментариями, язвительными оценками. Появился мем – изображение филармонического сквера с торчащими там моаи – идолами острова Пасхи. Администрации города пришлось спешно созывать заседание Комиссии по наименованию (переименованию) улиц, приглашать экспертов, которые должны были дать рекомендации относительно монтажа уже установленного (!) скульптурного ансамбля. 8 сентября 2023 г. «Аллея русской культуры» – такое название было принято большинством голосов – была торжественно открыта. Во время церемонии открытия правоохранительные органы зафиксировали случай одиночного пикетирования: одна из жительниц близлежащего дома вышла с рукописным плакатом: «Жители улицы Овражной против незаконной установки бюстов у филармонии»[3].

Игнорируя право населения участвовать в обсуждении социально значимых проектов, уклоняясь от диалога с гражданами, власть дает оппозиционным силам отличный повод формулировать претензии, активировать общественное возмущение. Страх выносить на публичное об-

[1] Залесская Д. В вопросе о передаче Костромской художественной галереи на баланс области поставлена точка // Комсомольская правда. 2023. 31 авг. URL: https://www.kostroma.kp.ru/daily/27549/4816777/ (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Николаева З. Пушкин и печник // Народная газета. 2018. 30 апр.

[3] Скудаева А. Жители Костромы переругались из-за массовой установки памятников «в пику Украине» // Новые известия. 2023. 9 сентября. URL: https://newizv.ru/news/2023-09-09/zhiteli-kostromy-pererugalis-iz-za-massovoy-ustanovki-pamyatnikov-v-piku-ukraine-418803 (дата обращения: 24.09.2023).

суждение неоднозначные инициативы понятен. Расчет такой: издержки, рождаемые перемещением проекта на уровень открытой дискуссии, могут оказаться куда неприятнее и весомее, нежели проблемы, возникшие в результате ухода от широкого общественного обсуждения. Иногда этот вариант оказывается действенным средством, но мелкие тактические победы грозят обернуться стратегическим поражением – падением авторитета власти, утратой населением доверия к ней.

В настоящее время создана достаточная законодательная основа для налаживания эффективного и равноправного диалога власти и общества, в том числе посредством онлайн-коммуникации. Все условия, при которых органы государственного и муниципального управления не только вправе, но и обязаны налаживать такое взаимодействие, имеют юридическое обоснование. Правила и условия проведения публичных слушаний определены Федеральным законом №131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Общественное обсуждение может быть инициировано как главой муниципального образования (или представительным органом муниципального образования), так и населением. В ст. 28 Закона сказано, что проекты генеральных планов, проекты правил землепользования и застройки, проекты планировки территории, проекты межевания территории, проекты правил благоустройства территорий должны проходить через процедуру публичных слушаний. Благоустройство зон отдыха, городских скверов и парков – тема чувствительная для граждан, и с этим необходимо считаться. Важную роль закон отводит онлайн-дискурсу: жители должны быть заблаговременно извещены о времени и месте проведения публичных слушаний, а также о содержании обсуждаемого проекта, «в том числе посредством его размещения на официальном сайте органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Кроме того, жители должны иметь возможность представить свои замечания и предложения, «в том числе посредством официального сайта». Там же должны быть размещены результаты обсуждения и обоснование принятых решений[1].

Условия и правила размещения официальной информации в сети Интернет определяются ст. 13 Федерального закона № 8-ФЗ от 9 февраля 2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[2]. В 2022 г. в Закон были внесены существенные поправки, нацеленные на использование официальных интернет-порталов для налаживания эффективной онлайн-коммуникации с населением. Теперь сайт региональной или муниципальной администрации должен в обязательном порядке содержать «информацию о проводимых государственным органом, органом местного самоуправления или подведомственными организациями опросах и иных мероприятиях, связанных с выявлением мнения граждан (физических лиц), материалы по вопросам, которые выносятся государственным органом, органом местного самоуправления на публичное слушание и (или) общественное обсуждение, и результаты публичных слушаний или общественных обсуждений, а

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ: [ред. от 04.08.2023: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 23.09.2023)

[2] Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 25.09.2023).

также информацию о способах направления гражданами (физическими лицами) своих предложений в электронной форме». Кроме того, на сайте должна быть представлена информация «о проводимых государственным органом, органом местного самоуправления публичных слушаниях и общественных обсуждениях с использованием Единого портала»[1]. Впрочем, эти юридические императивы не изменили главного: в интеракции власти и общества по-прежнему доминирует традиционный субъект-объектный тип отношений. Субъект-субъектная модель, которую требует меняющееся время, пока не сложилась [22].

Публичные слушания как форма диалога с населением активно используются администрацией муниципалитета. На сайте Думы г. Костромы и главы города регулярно обновляется информация о проводимых общественных обсуждениях. Только за 10 месяцев 2023 г. (с января по октябрь) было проведено 73 общественных обсуждения по градостроительной тематике. Однако обращает на себя внимание, что все публичные слушания посвящены важным, но рутинным вопросам: межеванию территорий, выдаче разрешений на капитальное строительство, реконструкции объектов капитального строительства на земельных участках и пр. Ни один из вопросов вышеназванной «резонансной» повестки на публичные слушания не выносился. Получается странная вещь: возведение гаражного бокса на городской окраине достойно общественного обсуждения, а благоустройство аллеи или сквера в центральной части города – нет.

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»: федер. закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421796/ (дата обращения: 25.09.2023).

Выводы

В настоящее время устранена значительная часть законодательных или технических препятствий для налаживания продуктивного офлайн- и онлайн-диалога власти и населения, для выявления и учета мнения граждан при решении социально значимых вопросов. Остаются препятствия ментального и психологического свойства, создаваемые предубежденным отношением части социума к цифровым новшествам, подпитываемые атавистическими рефлексами российской бюрократии, а также некоторой части интеллигенции, видящей свою главную социальную миссию в противостоянии любым инициативам власти.

Эффективный и уважительный диалог – обязанность и ответственность обеих сторон. Эскапистская тактика власти, игнорирующей запрос населения на участие в обсуждении региональных и городских проблем, как и деструктивный разоблачительный пафос, в который нередко впадает оппозиция, – одинаково непрочная, зыбкая основа для поиска общественного консенсуса. Онлайн-коммуникация может и должна стать способом его достижения, простым и надежным каналом обратной связи, регулярной площадкой для ведения дискуссии. Для этого порталы государственных органов и органов местного самоуправления должны измениться концептуально. Неплохо справляясь с функцией электронных информационных «стендов» и «почтовых ящиков», сайты региональных и городских администраций пока не в полной мере отвечают задачам многоканального, полновесного общения с населением, хотя такое требование подтверждено социальным запросом и оговаривается законом. Видимо, цифровая публичная сфера некоторыми представителями власти до сих пор оценивается по преимуществу как ресурс формализации и стандартизации диалога с гражданами. Хотя смысл перемещения взаимодействия государства и общества в онлайн-

пространство в другом – в создании условий для устойчивого и транспарентного взаимодействия государства со всеми частями социума, в устранении барьеров отчуждения, недоверия и непонимания, которые исторически определяли взаимоотношения российской бюрократии и общества. Онлайн-коммуникация – важный элемент модели делиберативной демократии, инструмент для реализации функции социального советования. Проведение онлайн-опросов по актуальной повестке, накопление электронного «портфеля» полезных общественных инициатив, широкое обсуждение социально и культурно значимых проектов должны стать не спорадическими акциями, а обязательным и постоянным содержанием онлайн-коммуникации власти и населения. Пока же интернет-диалог власти и общества обладает чертами и свойствами кентавр-системы, где технологии офлайн- и онлайн-коммуникации зачастую соединяются искусственно и причудливо.

Принятию важных для региона или муниципального образования решений, в том числе в сфере благоустройства территорий, содержания, использования и восстановления объектов культурного значения, должна предшествовать общественная экспертиза. Смягчить ее «вечевую» тональность, не допустить деструктивного ухода от рационального и аргументированного изложения позиций – задача непростая, но вполне решаемая. Столкновения и конфронтации можно избежать при выявлении вектора совпадения интересов всех сторон. Потому взаимодействие власти с экспертным сообществом и лидерами общественного мнения приобретает особое значение. Для разъяснения, популяризации, анонсирования и продвижения культурно значимых проектов нужно шире использовать ресурс Pro-Am аналитики и публицистики, размещаемой на сетевых форумах. Игнорирование властью общественного голоса и участия имеет негативные последствия для социально-политического климата региона, наносит ему имиджевый ущерб, грозит представителям власти непоправимыми репутационными потерями. Пример Костромы показателен в том плане, что наилучшие условия для реализации историко-культурных и ландшафтных проектов возникают тогда, когда власть не уклоняется от диалога с населением, а, напротив, демонстрирует свою заинтересованность в нем. Попытки уйти от диалога с гражданами или симулировать его создают общественную нервозность и напряженность, которая может перерасти в конфликт.

Проанализированные проблемы определяют содержание общественных дискуссий, идущих сегодня во многих регионах Российской Федерации, прежде всего в городах с многовековой историей. Опыт Костромской области и города Костромы убеждает в том, сколь чутко и болезненно реагируют местные жители на проектные решения, способные изменить сложившийся облик города, нарушить его неповторимый колорит. Природа этих фантомных ощущений понятна: слишком большие историко-культурные утраты понесла Костромская земля в годы богоборческого террора. Стоит ли повторять сегодня прежние ошибки? Дома культуры, кинотеатры и городские бани, отдаваемые под торговые центры и банки, – это не многим лучше, нежели храмы, приспосабливаемые под кинотеатры, рабочие общежития и склады. Нельзя заботой о просвещении, патриотическом и нравственном воспитании населения оправдывать аляповатость и антиэстетизм некоторых градостроительных решений. Поэтому власть должна особенно продуманно и ответственно подходить к реализации проектов, нацеленных на возведение, сохранение, восстановление и текущее использование объектов исторического и культурного значения, формирующих городской ландшафт.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом ПОСТУМ, 2015. 240 с.

2. Войнов Д. А. Технологии политического диалога в интернет-пространстве // Актуальные проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии: сборник научных трудов. М.: Ин-т управления и права, 2015. С. 4–22.

3. Гаджиев Х. Ф. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 81–97.

4. Кузьменко О. В. Перспективы цифровой трансформации политической публичной сферы // Юридический вестник РГЭУ. 2021. № 3. С. 16–20.

5. Шевченко Л. В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (58), № 6. С. 191–200.

6. Порозов В. А. Цифровизация и интеллигенция // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Международной научно-теоретической конференции ИвГУ. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2021. С. 31–37.

7. Сибиряков И. В. Основные функции российской интеллигенции в эпоху цифровой революции // Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы XXX Международной научно-теоретической конференции ИвГУ. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2019. С. 50–56.

8. Сибиряков И. В. Современная российская интеллигенция: феномен «фантомной боли» в условиях цивилизационного кризиса // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 66–75.

9. Ефимова П. А. Специфика цифрового взаимодействия глав регионов с гражданами: пилотное исследование // Интернет-коммуникации в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления: практики и стратегии развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск: УлГТУ, 2023. С. 49–53.

10. Зотов В. В., Губанов А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов Центрального федерального округа // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 28–39.

11. Камалян Л. Г., Бахтина М. А. Социальные сети в деятельности органов власти Воронежской области // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. С. А. Скуридина. Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2023. С. 118–120.

12. Соколов А. В., Исаева Е. А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 686–710.

13. Краснопёров А. Ю. Муниципальные органы власти как субъекты массовой сетевой коммуникации в информационную эпоху // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 224–233.

14. Кадышева Е. В. Социальные сети как инструмент формирования имиджа главы региона (на примере глав регионов Приволжского федерального округа) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 5(81). С. 1408–1415.

15. Каминченко Д. И. Комплексный анализ содержания имиджа регионального руководителя (по материалам официального сайта Правительства Нижегородской области) // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 1. С. 100–113.

16. Митяева Ю. А., Чернышев Ю. Г. Использование социальных сетей и блогов в формировании имиджа губернаторов юго-западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1 (80). С. 281–286.

17. Филатова О. Г. Главы российских регионов в социальных сетях: аудит публичных коммуникаций // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2020. № 23. С. 6–16.

18. Медведева Н. В., Оторова А. А. Конфликты между органами власти и населением в России в условиях цифрового общества: причины и особенности протекания // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18, № 3. С. 150–157.

19. Богдан В. В. Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 133–147.

20. Богдан В. В., Лаксми Л. Субъекты права социальных сетей: к вопросу об определении правового статуса пользователей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 28–38.

21. Зябликов А. В. Дискуссия о восстановлении исторического памятника Ивану Сусанину и Михаилу Романову: риторический аспект // Кострома. Genius Loci: альманах. Вып. 4. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2021. С. 82–87.

22. Цифровая трансформация публичной сферы: от офлайн-коммуникации к онлайн-диалогу власти и общества / А. В. Зайцев, Ф. Т. Ахунзянова, А. В. Зябликов, А. А. Максименко // Социодинамика. 2023. № 10. С. 96–108.

References

1. Bodrijyar Zh. Simulyakry i simulyacii [Simulacra and simulations]. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.

2. Vojnov D. A. [Technologies of political dialogue in the Internet space]. *Aktual'nye problemy gosudarstvennogo upravleniya, ekonomiki, yurisprudencii i psihologii. Sbornik nauchnyh trudov* [Actual problems of public administration, economics, jurisprudence and psychology. Collection of scientific papers]. Moscow, In-t upravleniya i prava Publ., 2015, pp. 4–22. (In Russ.)

3. Gadzhiev H. F. Dialog vlasti i obshchestva v cifrovuyu epohu [Dialogue between government and society in the digital age]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 81–97.

4. Kuz'menko O. V. Perspektivy cifrovoj transformacii politicheskoj publichnoj sfery [Prospects of digital transformation of the political public sphere]. *Yuridicheskij vestnik RGEU = Legal Bulletin of the Russian State University of Economics*, 2021, no. 3, pp. 16–20.

5. Shevchenko L. V. Transformaciya obshchestvenno-politicheskoj kommunikacii v usloviyah cifrovizacii obshchestva [Transformation of socio-political communication in the context of digitalization of society]. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, 2022, vol. 11 (58), no. 6, pp. 191–200.

6. Porozov V. A. [Digitalization and intelligentsia]. *Intelligenciya i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deyatel'nost'. Materialy XXXI Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii IvGU* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity. Materials of the XXXI International Scientific and Theoretical Conference of the IvSU]. Ivanovo, Ivanovo St. Univ. Publ., 2021, pp. 31–37. (In Russ.)

7. Sibiryakov I. V. [The main functions of the Russian intelligentsia in the era of the digital Revolution]. *Intelligenciya i intelligentovedenie v nachale XXI veka: rezul'taty i perspektivy. Materialy XXX Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii IvGU* [Intelligentsia and Intellectual Studies at the beginning of the XXI century: results and prospects. Materials of the XXX International Scientific and Theoretical Conference of the IvSU]. Ivanovo, Ivanovo St. Univ. Publ., 2019, pp. 50–56. (In Russ.)

8. Sibiryakov I. V. Sovremennaya rossijskaya intelligenciya: fenomen "fantomnoj boli" v usloviyah civilizacionnogo krizisa [Modern Russian Intelligentsia: the phenomenon of "phantom pain" in the context of a civilizational crisis]. *Intelligenciya i mir = The Intelligentsia and the world*, 2016, no. 2, pp. 66–75.

9. Efimova P. A. [The specifics of digital interaction between heads of regions and citizens: a pilot study]. *Internet-kommunikacii v deyatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya: praktiki i strategii razvitiya. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Internet communications in the activities of public authorities and local self-government: practices and development strategies. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ul'yanovsk, UlGTU Publ., 2023, pp. 49–53. (In Russ.)

10. Zotov V. V., Gubanov A. V. Social'nye media kak dialogovye ploshchadki grazhdan i organov vlasti sub"ektov Central'nogo federal'nogo okruga [Social Media as dialogue platforms for citizens and authorities of the subjects of the Central Federal District]. *Cifrovaya sociologiya = Digital Sociology*, 2021, vol. 4, no. 4, pp. 28–39.

11. Kamalyan L. G., Bahtina M. A. [Social networks in the activities of the authorities of the Voronezh region]. *Lingvokul'turnye universalii v mirovom prostranstve. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Linguistic and cultural universals in the world space. Materials of the IV International Scientific Conference]; ed. by S. A. Skuridina. Voronezh, Voronezh. St. Technical Univ. Publ., 2023, pp. 118–120. (In Russ.)

12. Sokolov A. V., Isaeva E. A. Transformaciya vzaimodejstviya vlasti i obshchestva pod vliyaniem cifrovizacii: primer Yaroslavskoj oblasti [Transformation of interaction between government and society under the influence of digitalization: an example of the Yaroslavl region]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 686–710.

13. Krasnopyorov A. Yu. Municipal'nye organy vlasti kak sub"ekty massovoj setevoj kommunikacii v informacionnuyu epohu [Municipal authorities as subjects of mass network communication in the information age]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2023, no. 74, pp. 224–233.

14. Kadysheva E. V. Social'nye seti kak instrument formirovaniya imidzha glavy regiona (na primere glav regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga) [Social networks as a tool for shaping the image of the head of the region (on the example of the heads of regions of the Volga Federal District)]. *Voprosy politologii = Questions of political Science*, 2022, vol. 12, no. 5(81), pp. 1408–1415.

15. Kaminchenko D. I. Kompleksnyj analiz soderzhaniya imidzha regional'nogo rukovoditelya (po materialam oficial'nogo sajta Pravitel'stva Nizhegorodskoj oblasti) [A comprehensive analysis of the content of the image of the regional head (based on the materials of the official website of the Government of the Nizhny Novgorod region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of the Perm University. Political Science*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 100–113.

16. Mityaeva Yu. A., Chernyshev Yu. G. Ispol'zovanie social'nyh setej i blogov v formirovanii imidzha gubernatorov yugozapadnoj Sibiri [The use of social networks and blogs in shaping the image of the governors of Southwestern Siberia]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestia of Altai State University*, 2013, no. 4-1 (80), pp. 281–286.

17. Filatova O. G. Glavy rossijskih regionov v social'nyh setyah: audit publichnyh kommunikacij [Heads of Russian regions in social networks: audit of public communications]. *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyj aspect = PR and advertising in a changing world: the regional aspect*, 2020, no. 23, pp. 6–16.

18. Medvedeva N. V., Otorova A. A. Konflikty mezhdu organami vlasti i naseleniem v Rossii v usloviyah cifrovogo obshchestva: prichiny i osobennosti protekaniya [Conflicts between authorities and the population in Russia in the context of a digital society: causes and features of the course]. *Social'naya politika i sociologiya = Social policy and sociology*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 150–157.

19. Bogdan V. V. Pravo social'nyh setej (chastnopravovoj aspekt) [The law of social networks (private law aspect)]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Law Almanac*, 2022, no. 5, pp. 133–147.

20. Bogdan V. V., Laksmi L. Sub"ekty prava social'nyh setej: k voprosu ob opredelenii pravovogo statusa pol'zovatelej [Subjects of social media law: on the issue of determining the legal status of users]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12, no. 5, pp. 28–38.

21. Zyablikov A. V. Diskussiya o vosstanovlenii istoricheskogo pamyatnika Ivanu Susaninu i Mihailu Romanovu: ritoricheskij aspekt [Discussion on the restoration of the historical monument to Ivan Susanin and Mikhail Romanov: a rhetorical aspect]. Kostroma. Genius Loci. Al'manah [Kostroma. Genius Loci. The almanac]. Is. 4. Kostroma, Kostroma St. Univ. Publ., 2021, pp. 82–87.

22. Zajcev A. V., Ahunzyanova F. T., Zyablikov A. V., Maksimenko A. A. Cifrovaya transformaciya publichnoj sfery: ot oflajn-kommunikacii k onlajn-dialogu vlasti i obshchestva [Digital transformation of the public sphere: from offline communication to online dialogue between government and society]. *Sociodinamika = Sociodynamics*, 2023, no. 10, pp. 96–108.

Информация об авторах / Information about the Authors

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация,
e-mail: a.zyablikov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2054-0066

Alexey V. Zyablikov, Doctor of Sciences (Historical), Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation,
e-mail: a.zyablikov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2054-0066

Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Maximenko.Al@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-0891-4950

Alexander A. Maksimenko, Doctor of Sciences (Sociological), Candidate of Psychological Sciences, Chief Researcher of the Anti-Corruption Policy Design and Training Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
e-mail: Maximenko.Al@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-0891-4950

Ахунзянова Фарида Тагировна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация,
e-mail: farida.ahunzyano@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4610-5241

Farida T. Akhunzyanova, Candidate of Sciences (Cultural studies), Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation,
e-mail: farida.ahunzyano@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4610-5241

Зайцев Александр Владимирович, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, руководитель Межрегионального научно-просветительского центра им. И.А. Дедкова, Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация,
e-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4977-8828

Alexander V. Zaitsev, Doctor of Sciences (Political), Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Head of the I. A. Dedkov Interregional Scientific and Educational Center, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation,
e-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-4977-8828

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.001

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-47-57

(cc) BY 4.0

Диссертация: некоторые размышления

Б. М. Гонгало[1]✉

[1] Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
ул. Комсомольская, д. 21, г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация

✉ e-mail: uril3713641@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящее время происходит трансформация процедуры подготовки диссертационных исследований, связанная с изменением номенклатуры научных специальностей, в соответствии с которой на смену научной специальности 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» пришла расширенная научная специальность 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки». Однако до сих пор существует проблема невысокого числа защиты диссертаций по частноправовым наукам как итога окончания аспирантуры. Высказанное вызывает необходимость формирования у начинающих исследователей представления о подготовке диссертационных исследований по частноправовым наукам с учетом их специфики.*

Целью *исследования является обобщение авторского представления о подготовке диссертационного исследования по частноправовым наукам.*

Задачи: *выявить подходы к выбору темы диссертационного исследования по цивилистике, разработать рекомендации по применению практики в диссертационном исследовании, дать рекомендации по стилистике текста диссертации.*

Методология *исследования представлена диалектико-материалистическим методом, системным методом, а также были применены анализ, синтез и формально-юридический метод.*

Результаты *исследования заключаются в обобщенном представлении о специфике подготовки диссертационного исследования по частноправовым (цивилистическим) наукам, основанном на личном опыте автора. Выделены ключевые моменты успешного выполнения диссертационного исследования, в частности обоснование темы исследования, использования практики, зарубежных источников.*

Вывод. *Написание диссертации – сложный и трудоемкий процесс. В целом приведенные рассуждения о том, как «делается» диссертация, не является истиной в последней инстанции. И конечно, не претендуют на полноту. Это скорее информация к размышлению.*

Ключевые слова: *методология; гражданское право; исследование; диссертация; наука.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Гонгало Б. М. Диссертация: некоторые размышления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 47–57. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-47-57.

Поступила в редакцию 12.10.2023 Принята к публикации 20.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Гонгало Б. М., 2023

Thesis Paper: Some Reflections

Bronislav B. Gongalo[1] ✉

[1]Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya Str., Ekaterinburg 620137, Russian Federation

✉ e-mail: uril3713641@yandex.ru

Abstract

Relevance. *At present, the procedure for preparing thesis papers is being transformed. It is due to changes in the nomenclature of scientific specialties, according to which the scientific specialty 12.00.03 "Civil Law, Business Law, Family Law, Private International Law" has been replaced by an extended scientific specialty 5.1.3 "Private Law (Civil) Sciences". However, there is still a problem of a low number of thesis papers in private law sciences as a result of postgraduate studies. This makes it necessary for novice researchers to form an idea about the preparation of thesis papers on private law sciences, taking into account their specifics.*

The purpose of the study *is to generalize the author's idea of preparing a thesis paper on private law sciences.*

Objectives: *to identify approaches to the selection of a thesis paper topic on civil law, to develop recommendations for the application of practice in a thesis paper, to give recommendations on the style of a thesis paper text.*

The methodology of the study *is presented by the dialectical-materialistic method and the system method. There were also applied analysis, synthesis and the formal legal method.*

The results of the study *consist in a generalized idea of the specifics of preparing a thesis paper on private law (civil) sciences, based on the author's personal experience. The key points of successful completion of a thesis paper research are highlighted, in particular, the justification of the research topic, the use of practice, and foreign scientific literature.*

Conclusion. *Working on a thesis paper is a complex and time–consuming process. In general, the arguments given about how a thesis is "prepared" are not the ultimate truth. Moreover, they do not pretend to be complete ones. This is more a thought-provoking information.*

Keywords: *methodology; civil law; research; thesis paper; science.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Gongalo B. B. Thesis Paper: Some Reflections. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 47–57. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-47-57

Received 12.10.2023 Accepted 20.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Так случилось, что автор в той или иной мере причастен к появлению на свет ряда диссертаций[1]. Сам написал две: кандидатскую и докторскую. Потом был научным руководителем более чем у полусотни соискателей ученой степени кандидата юридических наук и научным консультантом нескольких ученых, ставших докторами наук. Естественно, что за это время сформировались некоторые представления о том, как «делается диссертация». Причем есть формально-юридические требования, сформулиро-

[1] Здесь и далее прежде всего речь идет о диссертациях по специальности 12.00.03 (гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право), ныне – специальность 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки (далее по тексту – в том числе «диссертации по частному праву»).

ванные в нормативных актах[1], и есть некоторый опыт, иногда «сын ошибок трудных», иногда результат обычного осмысления разных ситуаций и т. д. В настоящее время представителями цивилистической науки написано много научных трудов по отдельным аспектам выполнения диссертационного исследования, в том числе о развитии науки частного права в целом [1; 2], методологии написания диссертационных исследований [3–16], актуальности темы [17], определения объекта и предмета [18], постановке цели [19], новизны диссертационных исследований [20], теоретической и практической значимости [21]. Но не менее важным, если не самым, является выбор диссертационного исследования.

Методология

Методологической основой исследования выступил комплекс общенаучных методов научного познания. Применялись методы анализа, логический метод интерпретации. Формально-логический метод применялся при формулировании выводов результатов проведенного исследования.

Результаты и их обсуждение

Очень важный этап в подготовке диссертации представляет собой в*ыбор темы* диссертационного исследования. Способы выбора достаточно стандартизированы. Например, исследователь занимается определенной тематикой (предположим, рассмотрением договора жилищного найма) и вполне логично «вырастает» диссертация (например, посвященная договорному регулированию жилищных отношений).

Обычно субъект, предполагающий подготовку диссертации, избирает какую-то тему, накапливает по ней материал, пишет статьи (книги, доклады…) и постепенно формируется система информации, которую надо «сложить» определенным образом с тем, чтобы она предстала в виде диссертации. Это хороший, правильный подход. Вопрос лишь в том, насколько он осмысленный в том или ином случае. Так, часто является наивным вопрос о том, какая тема исследования является актуальной. Например, потому, что востребованное и кажущееся необходимым и неотложным сегодня может оказаться неинтересным и никому не нужным завтра: изменятся экономические или политические условия, кардинально поменяется правовое регулирование, появятся новые технологические (юридико-технические и иные) решения и т. д. К тому же давно известно, что «идеи носятся в воздухе» – осознание актуальности темы одним лицом не означает монополии. Напротив, востребованность темы понимают или вскоре поймут и другие исследователи. И может оказаться, что к моменту завершения диссертации появится множество других работ, в которых рассматриваются те же (или подобные) вопросы. Стало быть, будут рассматриваться те же проблемы, решения и т. п.

С этой точки зрения, видимо, желательно избегать «модных» тем. Другое дело, что пишущий о чем-либо (в том числе о том, что у всех на слуху или просто модно) часто считает, будто все другие, рассуждающие на ту же тему, неправильно понимают ситуацию, не учитывают те или иные факторы, предлагают ошибочные решения, и потому полагает,

[1] См. об этом Положение о порядке присуждения ученых степеней (п. 7-11). Например, в п. 7 установлено, что диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний, либо изложены научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны. В п. 11 указано, что при написании диссертации соискатель обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов и т.д.

часто искренне, будто именно ему удастся создать совершенную концепцию, разрешить (неразрешимые) противоречия, предложить универсальные решения всех (или почти всех) проблем…

Иногда что-то удается, иногда наступает разочарование. Но рассматриваемый подход нельзя порицать, ибо он востребован, исходя из соображений экономических, социально-политических и т.п., необходим в связи с тем, что требуются правовые решения существующим или формирующимся общественным отношениям. Думается, именно поэтому в начале девяностых годов прошлого века столь пристальное внимание было привлечено к рассмотрению в диссертациях ценных бумаг, недвижимости, залога и т.д. Сегодня подобное отношение, например, к банкротству, так называемому банкротному праву, цифровизации вообще и цифровым правам в частности и т.д.

В данном случае об этом говорится отнюдь не для того, чтобы признать ошибочным такой подход к избранию темы. Речь лишь о том, что научная и иная увлеченность не всегда является залогом успеха. Так, в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века среди очень многих ученых и практиков (в первую очередь экономистов и юристов) чрезвычайно широко было распространено мнение, в соответствии с которым нашу экономику можно «поднять» через аренду. Соответственно цивилистика не осталась в стороне. Аренда и далее будет привлекать пристальное внимание, но былого восторга уже давно нет.

Чуть раньше (в середине 80-х годов XX века) в СССР в целом (и на «диссертационном фронте» в том числе) широчайшее распространение получила «борьба с нетрудовыми доходами», а также стремление внедрять кооперацию.

С учетом изложенного «поход» за модной темой опасен уже тем, что ситуация (социально-политическая, экономическая, правовая и пр.) может измениться. Потому то, что вчера было невероятно привлекательным, может оказаться сегодня никому не интересным.

Подобная ситуация и в тех случаях, когда есть некий резонансный законопроект, и желающий написать диссертацию опирается на идеи, лежащие в основании этого проекта. А к моменту окончания работы или на полпути может получиться так, что «все уже сказано» кем-то другим (другими). Законопроект может быть вообще отвергнут (например, по политическим причинам), и тогда упомянутые идеи будут либо девальвированы, либо вовсе «похоронены».

Бывает, что стремление избрать оригинальную тему уводит за пределы правовой сферы и объектом исследования избирается нечто философское, сугубо экономическое, никак не связанное с правовой материей и т.д. (например, пространство, время). Иногда говорят о правовом регулировании инстинктов, выделяют правовые инстинкты…

Случается, что при рассмотрении явлений, объектов, отношений и т.п., могущих быть предметом внимания цивилиста, автор уходит далеко от юридической науки и от права вообще (например, увлекается общей теорией систем, в ущерб юридической стороне «дела»). Системный подход необходим, но в диссертации по частному праву он должен «работать» на раскрытие темы, сам по себе он здесь не нужен.

А может быть, выбор темы надо начинать с определения индивидуальных особенностей будущего соискателя? Если он более склонен к абстрактному мышлению, то, очевидно, можно избрать соответствующую тему, например, ту, которая из числа вопросов, относящихся к общей части науки частного права. Если же мышление более конкретное, то скорее надо исследовать какой-то отдельный договор, способ обеспечения обязательств и т.д.

Любая диссертация должна представлять собой результат *научного* иссле-

дования. Следовательно, при ее написании требуется теоретическое осмысление объекта и предмета исследования. Попросту говоря, *в первую очередь* следует думать о таких понятиях, как предмет и метод правового регулирования, правосубъектность (правоспособность, дееспособность, сделкоспособность, деликтоспособность, трансдееспособность), правоотношение, динамика правоотношения, основания динамики правоотношения, юридические факты, осуществление прав, ответственность в праве. Разумеется, что работа, посвященная частноправовой проблематике, не может обойтись без обращения к закону. Но поскольку речь о диссертации, то, говоря о законе, должно быть его теоретическое осмысление. Нельзя сбиться на переписывание закона, недопустима его идеализация, так же как его размашистое порицание.

Естественно, может быть указано, что та или иная норма недостаточно обоснована, а то и ошибочна с точки зрения экономической, организационной и пр. Но в целом отношение к закону должно быть уважительным, ибо это – Закон.

И конечно, надо стремиться понять, почему то или иное правило введено в правовую систему. Только после этого можно давать ему положительную или отрицательную оценку. И при этом, безусловно, требуется учитывать, как «живет» соответствующая норма. Только при таком подходе возможна более или менее объективная оценка закона.

Особо нужно сказать о предложениях, направленных (по мнению автора) на совершенствование правового регулирования. Многие считают наличие таких предложений в диссертации необходимым. В этой связи следует отметить, что надо учитывать тему исследования. Понятно, что в работе, посвященной высокой теории, таких предложений может быть немного, а то их и совсем может не быть. В диссертации, в которой рассматриваются более конкретные, привязанные к практике «вещи», их может быть больше. Но в любом случае предложения по совершенствованию правового регулирования тех или иных отношений в диссертации должны быть теоретически обоснованы. И само по себе такое предложение нельзя относить к положениям, выносимым на защиту. Научная новизна может проявляться как раз в теоретическом обосновании указанных предложений.

Кажется очевидным, что не надо бы стараться обязательно изменить имеющиеся нормы. Вначале должна быть оценка имеющегося правового регулирования (быть может, оно вполне удовлетворительное и его пока не надо менять). Если предлагать новые нормы или изменения в существующие, то их необходимо обосновать (в диссертации – теоретически) и просчитать последствия (как они будут восприняты обществом, будут ли работать, достижимы ли цели и т. д.).

Считается, что при написании диссертации надо использовать материалы практики. Справедливости ради нужно отметить, что необходимость (целесообразность, желательность и т. п.) использования практики, а также объем использования практики все же зависят от темы исследования. Если, предположим, диссертация посвящается какому-то гражданско-правовому договору (подряда, комиссии и т. д.), то, видимо, материалов практики будет (должно быть) больше, нежели в диссертации о равенстве (диспозитивности и т. п.) в гражданском праве. Хотя, конечно, многое зависит от стиля мышления автора, его приверженности идеям, умению видеть или не видеть то, как идеи воплощаются в жизни и т. д.

К сожалению, само понятие практики воспринимается неоднозначно. Очень часто слово «практика» неотделимо от слова «судебная». Между тем есть практика применения законодательства при заключении, изменении и прекращении договоров (договорная работа), практика органов исполнительной власти, практи-

ка законотворчества, нотариальная практика и т.д. В зависимости от темы (объекта и предмета) исследования может понадобиться и та, и другая, и третья…

В качестве примеров практики (судебной и другой) следует рассматривать наиболее типичные решения, устоявшиеся позиции, имеющие широкое распространение взгляды. Нельзя в качестве «практики» приводить нечто случайное, например, решение суда, которое идет вразрез с тем, как решаются подобные споры другими судами. Всегда можно найти нечто вопиющее, но нельзя это квалифицировать как практику. Об этом можно только с сожалением сказать, что встречаются иногда и такие решения. Помнится, было решение одного из самых крупных российских судов, которое основывалось на позиции, сформулированной Президентом Российской Федерации. Это лишь досадные случаи, а не практика.

Отношение к практике должно быть взвешенным. Тезис, в соответствии с которым «Практика – критерий истины», несмотря на авторитет тех, кто его сформулировал и довольно широкое признание, не должен восприниматься при написании диссертации. В этом случае обращение к материалам практики требуется для того, чтобы дать «пищу для ума»; чтобы «увидеть», насколько тот, кто применяет закон, делает это правильно в соответствии с «буквой и духом» закона. Быть может, в результате обнаружится несовершенство закона и т. д. Но учитывая то, что речь идет о диссертации – теоретической работе – анализ практики должен помочь обосновать доктринальные положения либо побуждать к изменению таких положений…

Кроме упоминавшихся формально-юридических и иных требований, предъявляемых к диссертациям, автор должен продемонстрировать знание юридической литературы. Точнее – общую правовую культуру, поскольку очевидно, что автор показывает знание не только достижений науки, непосредственно относящихся к теме исследования (допустим, договор найма служебного жилого помещения), но и общей теории права, гражданско-правовой доктрины и т. д. Нужно показать умение анализировать различные взгляды (концепции, точки зрения…), вести дискуссию.

Традиционно в диссертации показывается «история вопроса»: когда появились рассматриваемые общественные отношения, как ранее осуществлялось их правовое регулирование (например, в Древнем Риме, Российской империи, Советском Союзе), какие взгляды высказывались в юридической науке (в приведенных примерах римскими юристами, русскими и советскими учеными) и т. д. Добросовестный исследователь внимательно рассматривает все эти отношения, нормы, взгляды и пр. И часто в диссертации по гражданскому праву старается показать соответствующие познания. Парадокс заключается в том, что знать все это надо, а «нести» в гражданско-правовое исследование не нужно, ибо работа не по истории права. К тому же при воспроизведении в диссертации таких исторических сведений в этой части работа обычно приобретает сугубо описательный характер. Поэтому соответствующая информация должна даваться достаточно лаконично, но «яркими красками» (говорится о самом важном, имевшем (а может, и имеющем сегодня) существенное значение).

Сведения исторического характера могут быть «вплетены в ткань» повествования, в том числе «рассеяны» по работе. Например, при рассмотрении действующей нормы права можно показать ее истоки в римском праве или, напротив, указать, что она прямо противоположна положениям римского права и т. п. Кстати, об истории. Стремясь показать значимость исследуемой темы, часто автор «ищет черную кошку в темной комнате» и не всегда «она там есть». Так, вряд ли без иронии можно воспринимать указа-

ние на то, что лизинг «изобрели» шумеры.

В последние десятилетия широкое распространение при выполнении диссертационных исследований получило привлечение зарубежных источников (в том числе иностранного законодательства, трудов зарубежных ученых). Некоторые идеи стали чрезвычайно популярными, модными (например, об экономическом анализе права)[1].

Такой подход, конечно, заслуживает поддержки. Происхождение российского права, его динамика, существование, модификация, реформирование неразрывно связано с правовыми системами других государств. Гражданское право России есть часть мировой правовой системы. В одних случаях мы можем воспринять то положительное, что используется различными государствами при регулировании частных отношений. К сожалению, нередко заимствуется не только положительное. В других случаях, изучив иностранный опыт, можно сделать вывод о нецелесообразности или даже недопустимости двигаться в определенном направлении.

Иногда исследователь обнаруживает, что решение, эффективное в какой-либо стране, неприемлемо в российских условиях (например, исходя из экономических реалий, традиций и т.д.). Как тут не вспомнить: «Что русскому хорошо, то немцу – смерть». То, что хорошо для одного, может быть противопоказано для другого.

Все указанные и подобные рассуждения должны учитываться, если при написании диссертации привлекается «иностранный элемент».

Увы, довольно часто в соответствующих случаях даже очень подготовленные грамотные специалисты сбиваются на рассказ об иностранном праве или же об иностранной доктрине. Бывает, что автор очарован чужеземными конструкциями, идеями и т. п. (например, немецкими, французскими, а то и англосаксонскими). Иногда, узнав что-то малоизвестное, а то и вовсе неведомое отечественному цивилисту, автор хочет поделиться знаниями («интересно же»). Но диссертация имеет определенные цели и задачи. Популяризация и просто распространение информации (рассказ или пересказ) не для диссертации.

В какой-то мере здесь уместны те рассуждения, которые изложены при рассмотрении того, как использовать исторические материалы, в том числе о нежелательности обособления материала об «иностранном элементе» в отдельную главу, параграф и т. п. В подавляющем числе случаев такое обособление ведет к «рассказу», к описанию. Но нет собственно исследования, анализа.

Еще более сложно выполнить *сравнительно-правовое исследование.* Для этого необходимо обладать глубокими познаниями не только отечественного частного права и российской же цивилистики, но и понимать также глубоко право и науку другой страны (например, Германии или Франции). Причем очень важно знать истоки появления тех или иных правовых норм, идей, концепций в России и в другой стране (в примере – Германии, Франции). Надо знать, как «живут» эти нормы, идеи, концепции и т.п. Надо просчитать, стоит ли воспринимать иностранный опыт в России или рекомендовать наш опыт другой стране (дескать, «у нас лучше, правильнее»). Впрочем, обычно рекомендуется нам что-то поправить либо все переписать на иностранный манер, ибо давно известно, что «пророков нет в отечестве своем» (Новый Завет) и потому их ищут «на стороне», забывая, что «и в других отечествах не густо» (В. С. Высоцкий). Крайне редко встречаются утверждения, что при сравнении иностранного и российского гражданского законодательства установлено, что российские правовые нормы

[1] Представляется, что сейчас (начиная с 2022 г.) интерес ко всему заграничному несколько снизится.

адекватны общественным отношениям, существующим в России, заслуживают одобрения и перенесение чего-либо из иностранных правовых систем (доктрин) не требуется.

Думается, очень важна форма подачи материала (стилистика, язык), используемая при написании диссертации. В разных жанрах юридической литературы используются различные формы подачи материала. Если это, предположим, научно-популярная статья, то она адресуется в том числе, а может быть в первую очередь, читателю, не искушенному в юриспруденции. Стало быть, не требуется или является излишним глубокое погружение в юридическую материю, обширное использование специальной терминологии, воспроизведение доктринальных положений, многочисленное цитирование закона и т. д. Но, учитывая цель статьи, надо уметь доступно изложить материал и суметь донести ее основные идеи, при этом показать ее важность и заинтересовать читателя.

Научная статья «делается» скорее в соответствии с изложенными рекомендациями о написании диссертации. Иногда такая статья есть фрагмент диссертации. Если она представляет собой цельное произведение (не выглядит как некий «осколок», фрагмент, вырванный из контекста), то, думается, это допустимо. Научно-популярная статья может быть написана с юмором, а то и в сатирическом стиле. В диссертации или научной статье, по общему правилу, это недопустимо. Приемы, используемые при написании фельетона или памфлета, просто запрещены.

Учебник, прежде всего, адресован студентам, нацелен на то, чтобы помочь тому, кто стремится к постижению той или иной дисциплины (чаще – ее основ). Если это, предположим, учебник по гражданскому праву, то, конечно, рассматривается и гражданское законодательство. Но акцент на юридических конструкциях и т.д. Комментарии к правовым актам чаще всего призваны помочь при применении этих актов, стало быть, больше связаны с практикой, а теория используется в той мере, в какой это необходимо на практике. Другие жанры имеют свою специфику. Здесь об этом говорится только потому, что и при написании диссертации, как отмечалось, превалирует теория. Но приходится прибегать и к догматическому изложению материала, и к комментированию. Это вопрос меры.

Не будет преувеличением сказать, что язык диссертации должен быть строгим. Стилистические вольности, как указывалось, недопустимы. С этой точки зрения язык диссертации близок к языку официальному. При этом надо умудриться, чтобы было интересно читать.

Выводы

Необходимость понимания значимости выбора темы диссертационного исследования позволяет при условии серьезного подхода к выполнению работы достичь искомого результата, поставить и разрешить научные задачи. Материал диссертации должен подаваться в системе. Не случайно в большинстве случаев диссертация содержит общую часть и особенную часть (иногда без указания на это). В общей части приводятся положения, распространяющиеся на все (или почти все), включаемое в часть особенную. Например, диссертация посвящена какой-то группе правоотношений (допустим, указанному в законе договору). Значит, в общей части будет дано понятие этой группы правоотношений (договора), выявлены ее признаки, субъекты, объекты, основания возникновения, правоотношение характеризуется как система, и показываются компоненты этой системы и т. д. В особенной части можно рассмотреть в обобщенном виде эти компоненты с указанием их особенностей. И еще немного о стиле. Традиционно соискатель не говорил «я считаю» («думаю», «полагаю» и т. п.). Не говорил автор о себе в

третьем лице («по мнению автора работы», «автор считает» и т. п.). В соответствующих случаях использовались такие обороты, как «представляется наиболее правильным», «вряд ли можно согласиться», «думается» и т. д. Сегодня, увы, можно встретить и то и другое.

Список литературы

1. Гонгало Б. М. Российская наука гражданского права: исторический, предметный и академический аспекты // Российский юридический журнал. 2020. № 6 (135). С. 94–104.

2. Карпычев В. Ю., Карпычев М. В. Цивилистика 2.0: о новой парадигме цивилистических исследований в цифровой экономике (постановка проблемы) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. С. 145–161.

3. Валеев Д. Х., Голубцов В. Г. Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 34–44.

4. Арсланов К. М. Исторический метод и современные цивилистические исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 101–114.

5. Богданова Е. Е., Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 135–146.

6. Серова О. А. Проблемы развития методологии гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 351–362.

7. Кузнецова О. А. Сравнительно-правовой метод в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. С. 183–214.

8. Серова О. А., Лескова Ю. Г. Междисциплинарные исследования: проблемы методологии // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. С. 267–280.

9. Комиссарова Е. Г. Параметры методологии юриспруденции в их функциональном значении (на примере гражданского правоведения) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 50–75.

10. Голубцов В. Г., Валеев Д. Х. Правовое моделирование как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 4. С. 276–296.

11. Кузнецова О. А. Правовой эксперимент как научно-исследовательский метод в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 297–318.

12. Татар О. В., Михалаке Ю. И. Ценность методологии научного исследования как правильный вектор познания науки // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 69–79.

13. Болдырев В. А. Сравнительно-правовой метод в цивилистике: оценка частоты использования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 3. С. 150–162.

14. Кузнецова О. А. Межотраслевой метод цивилистического познания // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 206–225.

15. Ситдикова Р. И., Коробко К. И. Межотраслевые связи гражданского права как проявление системности // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2023. № 5. С. 57–67.

16. Кузнецова О. А. Историко-правовой метод в отраслевых юридических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2023. № 5. С. 114–130.

17. Барков А. В., Гришина Я. С. Обоснование актуальности научной проблемы в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2023. № 5. С. 9–25.

18. Кузнецова О. А., Захаркина А. В. Объект и предмет исследования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 217–249.

19. Щенникова Л. В. Постановка цели и ее достижение как критерий научности исследования в области гражданского права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 96–123.

20. Зайцев В. В., Демиева А. Г. О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 64–86.

21. Голубцов В. Г. Теоретическая и практическая значимость цивилистической диссертации // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 96–116.

References

1. Gongalo B. M. Rossijskaya nauka grazhdanskogo prava: istoricheskij, predmetnyj i akademicheskij aspekty [Russian Science of Civil Law: Historical, subject and academic aspects]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2020, no. 6 (135), pp. 94–104.

2. Karpychev V. Yu., Karpychev M. V. Civilistika 2.0: o novoj paradigme civilisticheskih issledovanij v cifrovoj ekonomike (postanovka problemy) [Civics 2.0: on the new paradigm of Civics Research in the digital economy (problem statement)]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2020, no. 2, pp. 145–161.

3. Valeev D. H., Golubcov V. G. Metodologicheskie aspekty mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo processual'nogo prava [Methodological aspects of intersectoral relations of civil procedure law]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies,* 2019, no. 1, pp. 34–44.

4. Arslanov K. M. Istoricheskij metod i sovremennye civilisticheskie issledovaniya [The historical method and modern civil studies]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2019, no. 1, pp. 101–114.

5. Bogdanova E. E., P'yankova A. F. Balans interesov kak metod civilisticheskogo issledovaniya [Balance of interests as a method of civilistic research]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2019, no. 1, pp. 135–146.

6. Serova O. A. Problemy razvitiya metodologii grazhdansko-pravovyh issledovanij v cifrovuyu epohu [Problems of the development of the methodology of civil law research in the digital age]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2019, no. 1, pp. 351–362.

7. Kuznecova O. A. Sravnitel'no-pravovoj metod v civilisticheskih dissertaciyah [Comparative legal method in civil dissertation]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2020, no. 2, pp. 183–214.

8. Serova O. A., Leskova Yu. G. Mezhdisciplinarnye issledovaniya: problemy metodologii [Interdisciplinary research: problems of methodology]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2020, no. 2, pp. 267–280.

9. Komissarova E. G. Parametry metodologii yurisprudencii v ih funkcional'nom znachenii (na primere grazhdanskogo pravovedeniya) [The parameters of the methodology of jurisprudence in their functional meaning (using the example of civil law)]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2021, no. 3, pp. 50–75.

10. Golubcov V. G., Valeev D. H. Pravovoe modelirovanie kak metod civilisticheskogo issledovaniya [Legal modeling as a method of civil research]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2021, no. 4, pp. 276–296.

11. Kuznecova O. A. Pravovoj eksperiment kak nauchno-issledovatel'skij metod v civilistike [Legal experiment as a scientific research method in civil law]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2021, no. 3, pp. 297–318.

12. Tatar O. V., Mihalake Yu. I. Cennost' metodologii nauchnogo issledovaniya kak pravil'nyj vektor poznaniya nauki [The value of the methodology of scientific research as the correct vector of

knowledge of science]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2022, no. 4, pp. 69–79.

13. Boldyrev V. A. Sravnitel'no-pravovoj metod v civilistike: ocenka chastoty ispol'zovaniya [Comparative legal method in civil law: assessment of the frequency of use]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2022, no. 3, pp. 150–162.

14. Kuznecova O. A. Mezhotraslevoj metod civilisticheskogo poznaniya [The intersectoral method of civil knowledge]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2022, no. 4, pp. 206–225.

15. Sitdikova R. I., Korobko K. I. Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo prava kak proyavlenie sistemnosti [Intersectoral relations of civil law as a manifestation of consistency]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2023, no. 5, pp. 57–67.

16. Kuznecova O. A. Istoriko-pravovoj metod v otraslevyh yuridicheskih issledovaniyah [Historical and legal method in branch legal research]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2023, no. 5, pp. 114–130.

17. Barkov A. V., Grishina Ya. S. Obosnovanie aktual'nosti nauchnoj problemy v civilisticheskih issledovaniyah [Substantiation of the relevance of the scientific problem in civil studies]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2023, no. 5, pp. 9–25.

18. Kuznecova O. A., Zaharkina A. V. Ob"ekt i predmet issledovaniya v civilisticheskih dissertaciyah [The object and subject of research in civil dissertation]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2019, no. 1, pp. 217–249.

19. Shchennikova L. V. Postanovka celi i ee dostizhenie kak kriterij nauchnosti issledovaniya v oblasti grazhdanskogo prava [Setting a goal and achieving it as a criterion of scientific research in the field of civil law]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2021, no. 3, pp. 96–123.

20. Zajcev V. V., Demieva A. G. O nekotoryh problemah nauchnoj novizny v civilisticheskih issledovaniyah (na primere dissertacionnyh rabot) [On some problems of scientific novelty in civil studies (using the example of dissertations)]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2019, no. 1, pp. 64–86.

21. Golubcov V. G. Teoreticheskaya i prakticheskaya znachimost' civilisticheskoj dissertacii [Theoretical and practical significance of a civil dissertation]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij = Methodological problems of civil studies*, 2022, no. 4, pp. 96–116.

Информация об авторе / Information about the Author

Гонгало Бронислав Мичиславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, заслуженный юрист Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: uril3713641@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2487-5659

Bronislav B. Gongalo, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Head of the Department of Civil Law, Honored Lawyer of the Russian Federation Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: uril3713641@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2487-5659

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.736

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-58-68

CC BY 4.0

Правовая природа компенсационных выплат гражданам – участникам долевого строительства

С. Ж. Соловых[1] ✉

[1] Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, д. 1, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉ e-mail: swetlanasolo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Удовлетворение потребности граждан в жилье является конституционной обязанностью государства, и на законодательном уровне реализуется в различных формах, в том числе и путем участия в долевом строительстве. В тех случаях, когда застройщик становится банкротом и не может выполнить свои обязательства перед дольщиками, законодательно предусмотрены различные меры, гарантирующие восстановление имущественных прав. К таким мерам также относится и компенсационный механизм, направленный на обеспечение выплат публично-правовой компанией «Фонд развития территории» денежных средств, в счет возмещения гражданам – участникам строительства, имеющим требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений, включенные в реестр требований участников строительства.*

Однако особенность правового статуса Фонда как публично-правовой компании создает у правоприменителя проблемы по определению правовой природы данных компенсационных выплат, что негативно отражается на уровне защищенности прав граждан.

Целью *исследования является выявление правовой природы компенсационных выплат, производимых ППК «Фонд развития территории», определение эффективности законодательно установленного компенсационного механизма.*

Задачи*: определение правового положения Фонда, выявление особенностей процессуально-правового статуса Фонда в делах о несостоятельности (банкротстве) застройщика; анализ юридических фактов, составляющих основания правопреемства между застройщиком-банкротом и Фондом.*

Методология*. При подготовке исследования автором были применены общенаучные методы, методы анализа и синтеза, системный метод, формально-юридический метод.*

Результаты*. В процессе исследования определено, что компенсационный механизм и обязательства по выплате денежных средств дольщикам носят гражданско-правовой характер. При определении эффективности компенсационного механизма установлен его низкий уровень, т. к. в полной мере не достигается цель обеспечения защиты прав и законных интересов граждан – участников строительства.*

Выводы*. Действующий компенсационный механизм не обеспечивает восстановление права на жилище путем участия в долевом строительстве. Факторами, оказывающими негативное влияние, можно назвать существенное изменение социально-экономических условий и низкоэффективные правовые средства, порождающие коллизии и пробелы в правовом регулировании, что негативно сказывается на процессе их реализации.*

Ключевые слова: *право на жилище; публично-правовая компания; денежные обязательства; гарантии прав дольщиков.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Соловых С. Ж. Правовая природа компенсационных выплат гражданам участникам долевого строительства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 58–68. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-58-68.

Поступила в редакцию 13.10.2023 Принята к публикации 17.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Соловых С. Ж., 2023

The Legal Nature of Compensation Payments to Citizens Participating in Shared-Equity Construction

Svetlana Z. Solovykh[1] ✉

[1] Saratov State Law Academy
1 Volskaya Str., Saratov 410056, Russian Federation

✉ e-mail: swetlanasolo@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Meeting the needs of citizens for housing is a constitutional obligation of the State, and at the legislative level it is implemented in various forms, including through participation in shared-equity construction. In cases when a developer becomes bankrupt and cannot fulfill its obligations to shareholders, various measures are provided by law to guarantee the restoration of property rights. Such measures also include a compensation mechanism aimed at ensuring the payment of funds by the Public Law Company "Territorial Development Fund" to compensate citizens participating in construction who have claims for the transfer of residential premises, parking spaces and non-residential premises included in the register of claims of construction participants.*

However, the peculiarity of the legal status of the Fund as a public law company creates problems for the law enforcement officer to determine the legal nature of these compensation payments, which negatively affects the level of protection of citizens' rights.

The purpose *of the study is to identify the legal nature of compensation payments made by the PPK "Territory Development Fund", to determine the effectiveness of the legally established compensation mechanism.*

Objectives*: to determine the legal status of the Fund, to identify the peculiarities of the procedural and legal status of the Fund in cases of insolvency (bankruptcy) of the developer, to analyze the legal facts that constitute the grounds for succession between the bankrupt developer and the Fund.*

Methodology*. In preparing the study, the author applied general scientific methods, methods of analysis and synthesis, a systematic method, a formal legal method.*

Results*. In the course of the study, it was determined that the compensation mechanism and obligations to pay money to shareholders are of a civil nature. When determining the effectiveness of the compensation mechanism, its low level is established, since the goal of ensuring the protection of the rights and legitimate interests of citizens participating in construction is not fully achieved.*

Conclusions*. The current compensation mechanism does not ensure the restoration of the right to housing by participating in shared construction. The factors that have a negative impact can be called a significant change in socio-economic conditions and poorly effective legal means that generate collisions and gaps in legal regulation, which negatively affects the process of their implementation.*

Keywords: *right to housing; public law company; de-tender obligations; guarantees of the rights of shareholders.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Solovykh S. Z. The Legal Nature of Compensation Payments to Citizens Participating in Shared-Equity Construction. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 58–68. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-58-68

Received 13.10.2023 Accepted 17.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Реализация конституционного права на жилище предполагает наличие системы гарантий, создающих условия для удовлетворения данной потребности граждан. Участие в долевом строительстве жилья представляет собой один из способов приобретения права собственности на жилое помещение в условиях рыночной экономики. Однако участие в долевом строительстве не только предпо-

лагает удовлетворение потребности в жилье, но и обеспечивает экономические интересы граждан путем сбережения денежных средств, создания имущественной базы в виде жилого помещения для дальнейшего пользования и распоряжения им[1].

Конституционный суд РФ не только указал, что участие в долевом строительстве обеспечивает возможности как реализации права на жилище, так и иные имущественные интересы, которые могут удовлетворять потребности граждан, но и отметил обязанность публичной власти принимать меры защиты таких интересов в случаях неисполнения застройщиком обязательств[2].

Государственная политика в сфере строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ с прогнозом до 2035 года определяет ряд мероприятий, направленных на защиту и восстановление прав участников долевого строительства[3].

Одним из субъектов, на который возложена обязанность завершить строительство проблемных объектов и осуществить компенсационные выплаты, является публично-правовая компания «Фонд развития территорий» (далее – Фонд). Данный субъект от имени государства выступает гарантом восстановления прав обманутых граждан – участников долевого строительства, а нормативная регламентация механизма замещения застройщика в банкротных отношениях направлена на снижение имущественных рисков, связанных с приобретением жилища посредством участия в долевом строительстве.

Однако законодательно урегулированный механизм, включающий ряд мер, а именно: обязательное отчисление в компенсационный фонд, созданный на основании Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ[4]; расчеты граждан через счета эскроу, которые застрахованы Агентством по страхованию вкладов на случай банкротства банка; наделение застройщика специальным статусом в банкротных делах[5] (ст. 201.12-2

[1] По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца: постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218686/ (дата обращения: 15.09.2023).

[2] По делу о проверке конституционности частей 14 и 17 статьи 16 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации", подпунктов 3 и 3.1 пункта 1 статьи 201.1, пункта 5 статьи 201.10, абзаца второго пункта 2 статьи 201.15, подпункта 1 пункта 8 статьи 201.15-1, пункта 11 статьи 201.15-2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой гражданки А. Н. Шалимовой: постановление Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 34-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_422717/ (дата обращения: 15.09.2023).

[3] Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 31 окт. 2022 г. № 3268-р // Гарант: сайт. URL: https://www.garant.ru/product/ipo/prime/doc/405560559/ (дата обращения: 15.09.2023).

[4] О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ: [ред. от 14.07.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221171/ (дата обращения: 15.09.2023).

[5] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: [ред. от 31.05.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 15.09.2023).

Федерального закона от 26.10.2022 г. № 127-ФЗ) создание ППК «Фонд защиты граждан – участников долевого строительства»[1], учредителем которой является Российская Федерация, – полной мере не позволил эффективно обеспечивать права дольщиков.

В исследованиях, посвященных проблемам реализации мер, направленных на восстановление прав дольщиков, отмечается низкая эффективность указанных законодательных мер в процессе их применения [1, с. 34–35; 2, с. 55–56; 3, с. 217].

Так, некоторыми авторами отмечается, что самостоятельность принятия Фондом альтернативного решения о выплате компенсации или завершении строительства объекта лишает участника долевого строительства возможности «каким-то образом на него повлиять» [4, с. 163].

Методология

В процессе исследования на основе аксиологического подхода выявлены противоречия и факторы, которые препятствуют реализации правовых норм в соответствии с теми ценностными ориентирами, которые заложены в правовом регулировании, а именно право граждан на жилище и гарантированное восстановление нарушенных прав дольщиков.

Общенаучные методы анализа и синтеза позволили выявить объем и содержание полномочий Фонда в правоотношениях несостоятельности (банкротства) и определить правовую природу компенсационных выплат.

Метод юридической синергетики позволил структурировать юридические факты, составляющие основание возникновения денежных обязательств перед гражданами-участниками долевого строительства и определить их гражданско-правовой характер.

Результаты и их обсуждение

В подп. 4 ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ определены основные направления деятельности Фонда. Данные направления ориентированы на повышение гарантий защиты прав и законных интересов граждан – участников строительства, в том числе участников долевого строительства, членов жилищно-строительных кооперативов.

Законодательно установлено, что для достижения целей деятельности Фонд осуществляет полномочия, предусмотренные подп. 3 п. 2 ст. 2, а именно выплаты за счет имущества Фонда возмещения гражданам – участникам строительства. Обязанность такой выплаты основывается на переводе прав и обязанностей от застройщика-банкрота к Фонду по правилам главы 24 Гражданского кодекса РФ и не является безвозмездной дотацией со стороны государства в виде денежного пособия.

Организационно-правовая форма, в которой действует Фонд, определяется как унитарная некоммерческая организация, которой делегированы публично-правовые полномочия по проведению государственной жилищной политики и закреплены функции по защите прав и законных интересов участников долевого строительства. Как следствие, следует согласиться с мнением ученых, которые утверждают, что достижение целей его деятельности возможно только при участии в имущественных отношениях, а публичные полномочия выступают основой их вступления в гражданский оборот [5, с. 89].

В этом смысле Фонд является носителем гражданской правоспособности, которая является строго целевой (специальной) [6, с. 189–191]. Возможности, которые включены в содержание гражданской правоспособности, позволяют совершать сделки для обеспечения реализации функций и полномочий, которые связаны с защитой прав и законных инте-

[1] Переименована в 2022 г. в публично-правовую компанию «Фонд развития территорий».

ресов граждан – участников строительства; с содействием модернизации жилищно-коммунального хозяйства и обеспечением сокращения непригодного для проживания жилищного фонда; с содействием в обеспечении устойчивого развития территорий и создании комфортных и благоприятных условий проживания граждан, т. е. в социально-полезных целях.

Таким образом, в результате осуществления деятельности Фонд как юридическое лицо становится сосредоточением различных гражданских прав и обязанностей.

Следует согласиться с мнением, что главным элементом в правовом статусе любого юридического лица являются гражданские права, которые «соответствуют целям его деятельности, предусмотренным в учредительных документах, и связанные с этой деятельностью обязанности» [7, с. 90–91].

Гражданская правосубъектность наделяет Фонд не только правами, но и (по общему правилу), определяет совокупность обязанностей, т. е. способностью участвовать в гражданском обороте, а именно отвечать по долгам имуществом, которое находится на праве собственности. Как отмечается некоторыми исследователями, «не обладая каким-либо аналогом самодостаточной ценности человеческой личности, юридическое лицо, лишенное такого предназначения, становится полностью фиктивным и ненужным правопорядку образованием» [8, с. 813].

И в тех случаях, когда Фонд выступает участником гражданского оборота, он является субъектом гражданско-правовой ответственности по обязательствам, носящим гражданско-правовой характер, несмотря на публично-правовую природу самого Фонда и комплексный характер общественных отношений, возникающих при формировании, распределении и использовании имущества Фонда.

В контексте данной работы неисполнение обязанности по выплате возмещения можно и следует рассматривать как недостижение целей деятельности Фонда и, как следствие, его ненужность как элемента в компенсационном механизме. Так как функционирование Фонда при отсутствии гарантий по выплате возмещений прямо указывает на недостаточность принятых государством мер для защиты интересов граждан, что способствует формированию недоверия граждан к реализуемой государственной жилищной политике.

Особое значение имеет деятельность Фонда по реализации полномочий в процедурах банкротства застройщиков. Сложность определения его правового положения в таких отношениях является следствием как его публично-правового статуса, так и самих отношений, складывающихся при проведении процедур банкротства, т. к. сам институт банкротства носит комплексный характер и отнесение его только к области частного либо только публичного права достаточно проблематично. По делам о несостоятельности (банкротстве) застройщика Фонд обладает самостоятельным процессуально-правовым статусом, который закреплен в ч. 1 ст. 201.2 Закона об банкротстве.

Его процессуально-правовой статус можно определить как процессуально-правовую модель защиты прав и законных интересов других лиц (п. 2 ст. 53 АПК РФ). Институт участия организаций в защиту прав и законных интересов других лиц в арбитражном процессе является следствием расширения возможности вмешательства в частноправовые отношения иных субъектов, не являющихся участниками таких правоотношений.

Процессуально-правовое положение Фонда характеризуется функциями, которые возложены на него государством, и именно они и определяют его процессуально-правовой статус, наделяя соответствующими процессуальными правами и

обязанностями, в том числе и инициативой на обращение с заявлением о банкротстве застройщика. К таким функциям, которые имманентно присущи ему в процессуальных отношениях, следует относить:

– публично-правовой характер полномочий, осуществляемых в интересах других лиц и обусловленных целью создания Фонда, а именно выполнение полезных социально-экономических функций, например, урегулирование обязательств застройщика перед участниками строительства по строительству объектов инфраструктуры, а также выплата возмещения гражданам – участникам долевого строительства и т. д.;

– реализация полномочий публично-правового характера, составляющих основу правового положения Фонда, в правоотношения осуществляется путем исполнения обязанности соблюдения основных прав граждан, гарантированных Конституцией РФ, и в соответствии с принципами гражданского законодательства.

Такое понимание правового положения Фонда складывается на основе анализа правоотношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве), которые обусловлены их экономическим характером. Суть этих правоотношений определяется тем, что один из участников имущественного оборота не в состоянии по тем или иным причинам рассчитаться по своим долгам, и данное обстоятельство обусловливает рассмотрение предмета конкурсного права через призму имущественно-стоимостных (товарно-денежных).

При употреблении дефиниции «имущество» в его конституционно-правовом смысле подразумеваются вещные права и права-требования, в том числе принадлежащие кредиторам[1]. Определение института несостоятельности (банкротства) в рамках отрасли частного (гражданского) права возможно не только в силу доктрины и давней традиции, но и потому, что он, прежде всего по сути, является феноменом рыночной экономики, лежит в сфере хозяйственно-предпринимательской деятельности и связан с удовлетворением имущественных интересов и требований кредиторов как субъектов гражданского оборота.

Определяя суть интересов, существующих в рамках отношений несостоятельности, проф. С. А. Карелина утверждает, и с этим трудно не согласиться, что они являются порождением этих отношений, имущественных по своей природе [9, с. 28].

Основы регулирования правил банкротства содержатся в Гражданском кодексе РФ (ст. 25, 65) и развиваются в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)». Следовательно, по определению связаны с регулируемыми им имущественными отношениями, не основанными на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, т. е. не основанными на публичном праве[2].

Существующие ограничения осуществления прав участников отношений несостоятельности (банкротства), а именно участников-строительства, как отмечает В. Химичев [10, с. 15], являются порождением природы конкурсных от-

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited»: постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW__27207/ (дата обращения: 15.09.2023).

[2] По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева: постановление Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2005 г. № 12-П // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW__57463/ (дата обращения: 15.09.2023).

ношений, которые должны обеспечивать баланс интересов множества субъектов, в том числе и реализующих как частный, так и публичный интерес. К таким ограничениям относится перевод долга без согласия участника-строительства передать права должника – застройщика Фонду, что в целом соответствует конструкции норм ст. 392.2 ГК РФ.

Как следствие, правовая регламентация институтов гражданского права в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) будет содержать специальные нормы, но это не будет изменять сущности и правовой природы норм того или иного института гражданского права. Установление специальной нормы будет обеспечивать баланс «между принципом автономной координации и субординированной, подчинительной деятельностью» [11, с. 31].

В соответствии с общеправовым принципом lex specialis derogat generali, определяющим критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения, приоритетом обладает специальная норма. Специальной нормой, которая определяет основание возникновения у Фонда прав застройщика (ч. 3 ст. 201.15-2-2 Закона о банкротстве), указывается на факт выплаты возмещения участникам строительства в качестве встречного представления за передаваемое имущество, т. е. проявляется возмездный и встречный характер. И данное положение находится в системной связи с нормой ст. 201.15-2 Закона о банкротстве, в п. 9 которой определяется, что такая передача есть не что иное, как перемена лиц в обязательствах, которые вытекают из заключенных застройщиком с участниками строительства договоров, согласно которым застройщик выступает должником с последующей передачей приобретателю обязательств по передаточному акту.

Данная норма содержит юридический факт, на основе которого происходит перемена лиц в обязательстве (ст. 392.2 ГК РФ), и каких-либо ограничений по долгам, которые не могут переходить, данная норма не содержит [12, с. 631], а специальная норма Закона о банкротстве допускает сингулярную перемену лица в обязательстве, причем только с субъектом, который обладает специальной правоспособностью.

В этом смысле сингулярное правопреемство обеспечивает следующие цели [13, с. 8]:

– социальная, т. к. обеспечивает переход имущества и обязательств застройщика Фонду;

– экономическая, т. к. обеспечивается стабильность в сфере строительства жилья, посредством юридического соединения долговых обязательств застройщика с активом имущества.

Д. И. Мейер писал, что во всех случаях, когда на место прежнего участника становится иное лицо, имеет место перемена участника обязательства [14, с.114].

В дальнейшем в науке гражданского права было сформулировано, что «при наличии установленных юридических фактов происходит прекращение прав и обязанностей у одних лиц и причинно связанное возникновение их у других в том же или ином объеме» [15, с. 173]. Применительно к объему прав и обязанностей, которые переходят к Фонду от застройщика, следует сказать, что законодательство не указывает на какие-либо ограничения либо изменения объема обязанностей. Участник строительства как кредитор в обязательстве вправе получить денежное возмещение, которое явилось результатом трансформации неденежных требований после введения конкурса.

Но здесь следует отметить, что перемена лиц в обязательстве, а именно перевод денежного требования с застройщика на Фонд, не оказывает влияние на процессуально-правовой статус Фонда и не влечет процессуального правопреемства, но влечет обязанность по соверше-

нию платежа до окончания конкурсного производства по возникшему у него денежному обязательству.

В тех случаях, когда Фонд принял решение о выплате денежного возмещения, но в наличии существует просрочка его исполнения, специальная правоспособность Фонда не предполагает освобождение от применения к нему мер гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, у Фонда перед гражданином-дольщиком возникает два вида денежного обязательства с различными основаниями, а именно денежное обязательство с первоначальным денежным содержанием и с обязанностью платить деньги в виде санкции за неисполнение первоначального обязательство [16, с. 155].

Системность Гражданского кодекса РФ указывает, что нормы об ответственности находятся как в общих положениях (ст. 15 и 16, п. 4 ст. 10), так и в разделах, составляющих отдельные подотрасли гражданского права (корпоративное, вещное право, интеллектуальные права), и распространяются на всех субъектов гражданского права.

Под гражданско-правовой ответственностью понимают «одну из форм государственного принуждения, состоящую во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, перелагающих на нарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего» [17, с. 34]. Иными словами, это неблагоприятные для должника имущественные последствия несоблюдения им обязательств, дополнительная его обязанность. И эта дополнительная обязанность в виде имущественной санкции, взыскиваемой в пользу участника строительства, должна компенсировать ему неблагоприятные имущественные последствия противоправного поведения обязанной стороны, т. е. Фонда, другими словами, нивелировать негативные последствия в имущественной сфере лица, чьи права нарушены [18, с. 710–711].

Гражданский кодекс РФ среди основных начал гражданского законодательства предусматривает обеспечение восстановления нарушенных прав (ст. 1) с использованием для этого широкого круга различных способов защиты (ст. 12), которые направлены в числе прочего на поддержание стабильности гражданско-правовых отношений[1]. С учетом преследуемой законодателем цели обеспечения баланса интересов участников гражданского оборота подразумевается, что участник строительства, получив уплаченные им денежные средства в качестве возмещения, мог бы реализовать право на жилище, приобретя другое жилое помещение. Невозможность реализации данного права представляет собой причинение вреда, т. е. нарушение (умаление) имущественного, а равно и неимущественного субъективного права [19, с. 447; 20, с. 152]. И в данном случае непризнание за Фондом обязанности в виде имущественной санкции, т. е. непринятие положений о возможности обращения участника строительства с исками о применении ст. 395 ГК РФ, является прямым противоречием тем целям, которые заложены в действующем законодательстве, регулирующем вопросы восстановления прав участников долевого строительства [21, с. 232].

Выводы

Гражданско-правовой режим компенсационных выплат не позволяет в полной мере обеспечить восстановление права на жилище путем участия в долевом строительстве, т. к. в тех случаях, когда существенно изменяются экономические условия (рост рыночных цен на жилье), размер выплат с учетом санкций (ст. 395 ГК РФ) существенно отличается

[1] См., например: определения Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. № 1179-О-О, от 20 февраля 2014 г. № 361-О, от 27 октября 2015 г. № 2412-О, от 28 января 2016 г. № 140-О.

от размера средств, необходимых для повторного вложения в долевое строительство.

В таких условиях нет убедительных политико-правовых резонов исключать начисление процентов в случае невыплаты в срок возмещения гражданам – участникам строительства за счет имущества Фонда. Такое нарушение может повлечь для кредитора возникновение убытков (например, необходимость изыскать иной источник финансирования), покрытие которых могло быть обеспечено за счет начисления процентов годовых.

С точки же зрения догматики гражданского права нет никаких убедительных оснований не квалифицировать обязательство по выплате за счет имущества Фонда возмещения гражданам – участникам строительства в качестве денежного, а следовательно, отсутствуют формальные основания выводить данную ситуацию из сферы применения ст. 395 ГК РФ, устанавливающей ответственность за неисполнение денежного обязательства.

Проблема компенсационной гражданско-правовой ответственности государства в целом перед гражданином – участником строительства вследствие потерь, возникших в результате как бездействия уполномоченного органа – Фонда, так и в результате его правомерных действий, играет самостоятельную роль в механизме гражданского правового регулирования и должна получить свое дальнейшее развитие, в том числе и путем дифференциации круга лиц, которым нанесен ущерб вследствие участия в долевом строительстве.

Список литературы

1. Борисова Л. В. Счета эскроу как механизм защиты прав участников долевого строительства в условиях банкротства застройщика // Право и экономика. 2020. № 1. С. 33–36.

2. Карелина С. А., Фролов И. В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 240 с.

3. Вахитова Д. Р. Правозащитная деятельность прокуратуры по восстановлению жилищных прав обманутых дольщиков // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сборник научных трудов по итогам работы методологического семинара и юридической клиники «Правовой центр». Вып. 8. Стерлитамак: Башкир. гос. ун-т, Стерлитамакский филиал, 2021. С. 23-27.

4. Миролюбова О. Г., Лисицын А. А. Некоторые проблемы защиты прав граждан – участников долевого строительства при банкротстве застройщика // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 2. С. 153–165.

5. Зайцева Ю. А. Особенности гражданской правосубъектности публично-правовой компании // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1 (146). С. 86–98.

6. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 720 с.

7. Андреев В. К., Кондратьев В. А. Единство материальных и процессуальных элементов юридического лица // Правосудие. 2021. Т. 3, № 3. С. 83–98.

8. Коновалов А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. 682 с.

9. Карелина С. А. Институт несостоятельности (банкротства) как средство разрешения конфликта интересов участников хозяйственной деятельности в условиях рыночной экономики // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Международной научно-практической конференции / науч. ред. О. А. Ашурков. Донецк: ФЛП Кириенко Е. Г. 2019. С. 27-39.

10. Химичев В. А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М.: Волтерс Клувер, 2005. 184 с.

11. Гражданское право: в 4-х т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд.., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 576 с.

12. Емельянцев В. П. Универсальное правопреемство в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.

13. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2005. 847 с.

14. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Статут, 1997. 455 с.

15. Толстой В. С. Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973. 207 с.

16. Лунц Л. А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран // Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. 352 с.

17. Тархов В. А. Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1977. № 2. С. 33–40.

18. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.

19. Белов В. А. Гражданское право: Общая часть. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 637 с.

20. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 163 с.

21. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2012. 432 с.

References

1. Borisova L. V. Scheta eskrou kak mekhanizm zashchity prav uchastnikov dolevogo stroitel'stva v usloviyah bankrotstva zastrojshchika [Escrow accounts as a mechanism for protecting the rights of participants in shared-equity construction in the context of bankruptcy of the developer]. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2020, no. 1, pp. 33–36.

2. Karelina S. A., Frolov I. V. Bankrotstvo zastrojshchika: teoriya i praktika pravoprimeneniya [Bankruptcy of a developer: theory and practice of law enforcement]. Moscow, Yusticinform Publ., 2018. 240 p.

3. Vahitova D. R. [Human rights activities of the Prosecutor's Office for the restoration of housing rights of defrauded shareholders]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava i processa: sbornik nauchnyh trudov po itogam raboty metodologicheskogo seminara i yuridicheskoj kliniki "Pravovoj centr"* [Actual problems of civil law and process. Collection of scientific papers based on the results of the methodological seminar and the legal clinic "Legal Center"]. Is. 8. Sterlitamak, Sterlitamak Branch of the Bashkir Stat. Univ. Publ., 2021, pp. 23–27.

4. Mirolyubova O. G., Lisicyn A. A. Nekotorye problemy zashchity prav grazhdan – uchastnikov dolevogo stroitel'stva pri bankrotstve zastrojshchika [Some problems of protecting the rights of citizens participating in shared–equity construction in case of bankruptcy of a developer]. *Demidovskij yuridicheskij zhurnal = Demidov Law Journal*, 2023, vol. 13, no. 2, pp. 153–165.

5. Zajceva Yu. A. Osobennosti grazhdanskoj pravosub"ektnosti publichno-pravovoj kompanii [Features of the civil legal personality of a public law company]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2023, vol. 18, no. 1 (146), pp. 86–98.

6. Grazhdanskoe pravo. T. 1. Obshchaya chast' [Civil law. Vol. I. General part]; ed. by E. A. Suhanov. 3th ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 720 p.

7. Andreev V. K., Kondrat'ev V. A. Edinstvo material'nyh i processual'nyh elementov yuridicheskogo lica [The unity of the material and procedural elements of a legal entity]. *Pravosudie = Justice*, 2021, vol. 3, no. 3, pp. 83–98.

8. Konovalov A. V. Principy grazhdanskogo prava: metodologicheskie i prakticheskie aspekty issledovaniya. Diss. dokt. yurid. nauk [Principles of civil law: methodological and practical aspects of the study. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2019. 682 p.

9. Karelina S. A. [Institute of Insolvency (bankruptcy) as a means of resolving the conflict of interests of participants in economic activity in a market economy]. *Sovremennye problemy hozyajstvennogo zakonodatel'stva. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Modern problems of economic legislation. Materials of the I International Scientific and Practical Conference]; ed. by O. A. Ashurkov. Donetsk, FLP Kirienko E. G. 2019, pp. 27–39. (In Russ.)

10. Himichev V. A. Zashchita prav kreditorov pri bankrotstve [Protection of creditors' rights in bankruptcy]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 184 p.

11. Grazhdanskoe pravo. T. 1. Obshchaya chast' [Civil law. Vol. 1. General part]; ed. by E. A. Suhanov. Moscow, Statut Publ., 2019. 576 p.

12. Emel'yancev V. P. Universal'noe pravopreemstvo v grazhdanskom prave. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Universal succession in civil law. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2005. 24 p.

13. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. Dogovornoe pravo. Kn. 1. Obshchie polozheniya [Contract law. Book 1. General provisions]. Moscow, Statut Publ., 2005. 847 p.

14. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian civil Law]. Moscow, Statut Publ., 1997. 455 p.

15. Tolstoj V. S. Ispolnenie obyazatel'stv [Fulfillment of obligations]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1973. 207 p.

16. Lunc L. A. Denezhnoe obyazatel'stvo v grazhdanskom i kollizionnom prave kapitalisticheskih stran [Monetary obligation in the civil and conflict of laws of capitalist countries]. Den'gi i denezhnye obyazatel'stva v grazhdanskom prave [Money and monetary obligations in civil law]. Moscow, Statut Publ., 1999. 352 p.

17. Tarhov V. A. Ponyatie yuridicheskoj otvetstvennosti [The concept of legal responsibility]. *Pravovedenie = Legal studies*, 1977, no. 2, pp. 33–40.

18. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii; [Contract and Obligation law (general part): article-by-article commentary on Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation]; ed. by A. G. Karapetov. Moscow, M-Logos Publ., 2017. 1120 p.

19. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo: Obshchaya chast' [Civil law: The general part]. Moscow, Centr YurInfoR Publ., 2002. 637 p.

20. Agarkov M. M. Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligation under Soviet civil law]. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu [Selected works on civil law]. Moscow, Centr YurInfoR, 2002, vol. 1. 163 p.

21. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya yuridicheskoj otvetstvennosti [General theory of legal liability]. Moscow, Norma Publ., 2012. 432 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: swetlanasolo@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7591-3002

Svetlana Z. Solovykh, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation,
e-mail: swetlanasolo@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7591-3002

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.1

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-69-77

CC BY 4.0

Методологические основы систематизации объектов гражданских прав: постановка проблемы

Е. Г. Семенова [1] ✉

[1]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
ул. Академика Волгина, д. 12, г. Москва 117437, Российская Федерация

✉ e-mail: e-g-semenova@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Развитие новейших информационных, биомедицинских и иных технологий детерминировало появление новых благ, на которые направлен интерес субъектов гражданского права, что обусловливает оживленность научной оценки их сущности и правовой природы. Объекты гражданских прав требуют всестороннего исследования не только в пределах проблематики их квалификации, но и в контексте системного анализа. Основная методологическая проблема заключается в отсутствии системного подхода к изложению нормативных положений действующего гражданского законодательства, регулирующего объекты гражданских прав, а также определенных методологических упущениях на доктринальном уровне относительно концептуальной основы систематизации объектов гражданских прав.*

Целью *исследования является установление методологических основ систематизации объектов гражданских прав.*

Задачи: *проанализировать законодательные и доктринальные подходы к построению системы объектов гражданских прав, определить их недостатки и пути их устранения.*

Методология. *При написании работы использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, общелогические приемы и инструментарий системного подхода.*

Результаты. *Обосновано, что эффективное правовое регулирование не может осуществляться путем простого перечисления объектов гражданских прав и/или закрепления правового режима некоторых из них в законодательстве в отрыве от иных элементов механизма правового регулирования.*

Выводы. *В качестве методологической основы обосновывается применение системного подхода, который позволит установить критерии отнесения объекта к категории объекта гражданских прав, определить его правовой режим, обеспечивающий особый порядок регулирования, условия и порядок возникновения, осуществления и прекращения субъективных прав, объектом которых выступает такой объект гражданского права, их защиту.*

Ключевые слова: *объекты гражданских прав; правовой режим; цифровые объекты; органы и ткани человека.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Семенова Е. Г. Методологические основы систематизации объектов гражданских прав: постановка проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 69–77. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-69-77.

Поступила в редакцию 16.10.2023 Принята к публикации 22.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Семенова Е. Г., 2023

Methodological Basis for Systematization of Objects of Civil Rights: Problem Statement

Ekaterina G. Semenova[1] ✉

[1]Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
12 Academika Volgina Str., Moscow 117437, Russian Federation

✉ e-mail: e-g-semenova@mail.ru

Abstract

Relevance. *The development of the latest information, biomedical and other technologies has determined the emergence of new benefits to which the interest of subjects of civil law is directed, which determines the vivacity of the scientific assessment of their essence and legal nature. Objects of civil rights require comprehensive research not only within the scope of their qualifications, but also in the context of systemic analysis. The main methodological problem is the lack of a systematic approach to the presentation of the normative provisions of the current civil legislation regulating the objects of civil rights, as well as certain methodological omissions at the doctrinal level regarding the conceptual basis for systematizing the objects of civil rights.*

The purpose *of the study is to establish the methodological basis for systematizing the objects of civil rights.*

Objectives: *analyze legislative and doctrinal approaches to building a system of objects of civil rights, identify their shortcomings and ways to eliminate them.*

Methodology. *When writing the work, the method of analysis and synthesis, induction and deduction, general logical techniques and tools of the systems approach were used.*

Results. *It is substantiated that effective legal regulation cannot be carried out by simply listing the objects of civil rights and/or enshrining the legal regime of some of them in legislation in isolation from other elements of the mechanism of legal regulation.*

Conclusions. *As a methodological basis, the use of a systematic approach is substantiated, which will allow establishing criteria for classifying an object as an object of civil rights, determining its legal regime, providing a special procedure for regulation, conditions and procedure for the emergence, implementation and termination of subjective rights, the object of which is such an object of civil law, their protection.*

Keywords: *objects of civil rights; legal regime; digital objects; human organs and tissue.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Semenova E. G. Methodological Basis for Systematization of Objects of Civil Rights: Problem Statement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 69–77. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-69-77

Received 16.10.2023 Accepted 22.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Исследование особенностей правового регулирования объектов гражданских прав является в настоящее время одной из актуальных сфер современной цивилистики. Большинство дискуссионных вопросов связано с определением того или иного явления в качестве объекта гражданских прав, установлением места такого объекта в системе объектов гражданских прав. Развитие новейших информационных, биомедицинских и иных технологий детерминировало появление новых благ, на которые направлен интерес субъектов гражданского права, что обусловливает оживленность научной оценки их сущности и правовой природы. Объекты гражданских прав требуют всестороннего исследования не только в пределах проблематики квалифика-

ции новых объектов права, но и в контексте системного анализа.

Методология

Метод анализа и синтеза, индукции и дедукции позволили выявить системные недостатки в законодательном закреплении объектов гражданских прав, с помощью общелогических приемов и инструментария системного подхода определены методологические основы систематизации объектов гражданских прав.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время в гл. 6 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) получила отражение модель бессистемного закрепления объектов гражданских прав, которая, по сути, включает четыре типа правовой регламентации: 1) установление перечня объектов гражданских прав, относя их к определенным типологическим группам (вещи, иное имущество; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации; нематериальные блага); 2) установление деления вещей на виды (недвижимые и движимые, главная вещь и принадлежность); 3) установление специфики правового режима определенных вещей (предприятие, неделимые вещи, единый недвижимый комплекс, сложные вещи, плоды, продукция и доходы); 4) установление специфики правового режима животных, денег (валюты), валютных ценностей, цифровых прав. При этом следствием отсутствия унифицированного подхода законодателя к правовой регламентации одних и тех же объектов является неопределенность и противоречивость в установлении их правового режима [1, с. 22–26].

Так, наряду с сохранением традиционного деления всех вещей на движимые или недвижимые (ст. 130 ГК РФ) в результате принятия Федерального закона от 21 декабря 2021 г. «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» законодателем был закреплен правовой режим недвижимых вещей в гл. 6.1. ГК РФ. В предыдущих исследованиях нами обосновывалась нецелесообразность специального упоминания в законодательстве о делении всех вещей на движимые и недвижимые и необходимость закрепления правового режима недвижимого имущества без противопоставления ему режима движимого имущества [2], поэтому более детально на этом аспекте останавливаться не будем.

Также необходимо отметить, что общие положения об объектах гражданских прав (гл. 6 ГК РФ) не согласованы с содержанием иных (специальных) глав (гл. 6.1, 7, 8 ГК РФ), которые посвящены отдельным видам объектов (недвижимым вещам, ценным бумагам, нематериальным благам). Глава 6 ГК РФ начинается с перечисления объектов гражданских прав (ст. 128), а далее в последующих главах закрепляется правовой режим только некоторых объектов.

Говоря о самой редакции ст. 128 ГК РФ, следует подчеркнуть, что она предусматривает закрытый перечень объектов гражданских прав, соответственно для правовой регламентации новых объектов, правовая природа которых не определена, основной проблемой является их встраивание в действующую модель ст. 128 ГК РФ.

В рамках существующей модели закрепления объектов гражданских прав проблема системной принадлежности усложняется пересечением смыслового содержания понятий таких объектов, как «вещь», «имущество», «имущественные права». Так, отечественный законодатель, устанавливая правовой режим вещи, не называет ее предметом материального мира, но потенциально рассматривает как товар (ст. 454 ГК РФ). Отсюда в доктрине поднимается вопрос о возможности признания объектов, не имеющих материа-

лизованную форму выражения вещью, товаром [3, с. 30].

Критики ст. 128 ГК РФ отмечают, что разграничение объектов, предусмотренных в данной статье, носит исключительно информационный характер. По мнению Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселовой, «нет оснований утверждать, что при отсутствии перечня, аналогичного тому, что содержится в ст. 128 ГК, правовое регулирование было бы ущербным. Говорить о том, что с появлением такого перечня гражданско-правовое регулирование поднялось на качественно новый уровень, тоже нет оснований» [4, с. 191].

Вторая проблема построения системы объектов гражданских прав обусловлена определенными методологическими упущениями на доктринальном уровне. Противоречивость действующего законодательства, проявляющаяся как в недостатках юридической техники, так и в отсутствии согласованной концепции определения объекта гражданских прав, безусловно, ставит перед доктриной определенные задачи в выработке рекомендаций по систематизации объектов гражданских прав [5, с. 81–86].

Большинство ученых рассматривали те или иные аспекты правового регулирования объектов гражданских прав, которые в том числе не получили закрепление в подр. 3 ГК РФ. В частности, разрабатывались различные концепции по исследуемым вопросам, однако в пределах достаточно узких задач. Как следствие, в исследованиях поднимается вопрос о том, «следует ли вести речь об обобщении и последующем переходе к частному, либо, наоборот, исходя из конкретного представления о конкретных объектах вести речь об объектах прав в общем смысле» [6, с. 103–104]. Таким образом, следует признать методологическую значимость проблемы выбора и применения формально-логических приемов при определении основ построения системы объектов гражданских прав.

Так, например, при общей характеристике цифровых объектов в процессе установления их правовой природы исследователями в основном используются два подхода: 1) изучение общих черт объектов, созданных с применением информационных технологий, как универсальной правовой категории (цифровое имущество); 2) в рамках исследования феномена цифровых прав отмечается достаточно широкий научный интерес к отдельным видам объектов, которые несмотря на общую (цифровую) форму существования характеризуются определенными юридическими признаками, что исключает их объединение в одну группу цифровых объектов.

В контексте объекта гражданских прав цифровые объекты рассматривают: как самостоятельный вид имущества, как особый (цифровой) способ фиксации (удостоверения) имущественных прав (юридически аналогичный бездокументарным ценным бумагам) [7]. В качестве оборотоспособного объекта признают не сами цифровые объекты, а цифровые права на них [8; 9]. Отмечается необходимость признания цифрового имущества в качестве нового объекта гражданских прав [10; 11].

Схожие методологические упущения можно наблюдать в исследованиях органов и тканей человека как объектов отношений в сфере трансплантации и донорства. Любые органы и ткани человека с момента их отделения от организма рассматриваются как объекты материального мира, относящиеся к категории вещей [12; 13, с. 321], иное имущество [14], особые объекты гражданского права [15] либо их гражданско-правовой режим определяется содержанием неимущественных прав [16, с. 101].

Указанные теоретические разногласия обусловлены использованием учеными методологии исследований, которую в общем виде можно обозначить как «юридический нормативизм» [17, с. 197]. По-

добные разногласия в понимании одного и того же правового явления создают препятствия для развития нормальной правоприменительной деятельности, порождают условия для формирования противоречивой судебной практики.

В целях данного исследования мы не будем приводить детальную характеристику правового режима указанных объектов, нас интересуют методологические основы систематизации объектов, которые имеют важное значение в том числе для законодательной деятельности и определяют алгоритм установления правового режима конкретного явления как объекта гражданских прав. В то же время приведенные примеры показывают, что значительное количество объектов, которые, например, могут быть отнесены к цифровому имуществу, отличие в способах (технологии) их получения (создания), функциональном предназначении определяют невозможность установления единого правового режима для такой объектной группы.

Так, исследуя объекты, создаваемые в цифровой форме, необходимо учитывать их широкий перечень, который определяется функциональной направленностью. Речь идет о цифровых активах в виде криптовалют, токенов и др.; виртуальном имуществе; таких цифровых явлениях, как искусственный интеллект; цифровых способах совершения юридических действий (технология распределенного реестра, цифровые технологические платформы и т. д.), что исключает распространение на них единого правового режима. Объекты, создаваемые в цифровой форме, ввиду своего разнообразия способны удовлетворять широкий спектр различных потребностей субъектов гражданских правоотношений (накопление/сохранение стоимости, удовлетворение инвестиционных потребностей, выполнение функций ценных бумаг и т. д.). Значительную часть данных объектов составляют виртуальные объекты, которые удовлетворяют виртуальные потребности субъектов (аватары, одежда, недвижимость и т. д.).

Необходимость дифференцированного подхода к правовому регулированию органов и тканей человека, исходя из целей их изъятия и дальнейшего использования, также обусловлена неоднородностью таких объектов. Так, органы и ткани, относящиеся к сфере действия Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека», используются в порядке, установленным законодательством для пересадки от донора к реципиенту в целях сохранения его жизни либо восстановления здоровья. Однако такие органы и ткани могут изыматься с иной целью (например, научно-исследовательской, образовательной). Отдельные биологические материалы (кровь и ее компоненты, репродуктивный биологический материал, грудное молоко) могут существовать вне человеческого организма, являются благом, которое удовлетворяет соответствующие потребности человека (при тяжелых заболеваниях, для помощи лицам, страдающим бесплодием, для вскармливания и правильного развития организма и иммунной системы у детей и т. д.). Регенеративные биологические материалы человека, такие как волосы, ногти и пр., при их механическом отделении могут использоваться для коллекционных целей или в сфере красоты. Следует отметить, что цель использования биологического материала может вообще отсутствовать (медицинские отходы) [18].

Именно различие потребностей и интересов обусловливает существование такого количества объектов в указанных сферах, которые, по сути, являются объектами различных правоотношений, имеющих как абсолютный, так и относительный характер.

В целях гражданско-правового регулирования новых объектов в исследованиях предлагается дополнить гл. 6 ГК РФ

нормами, детализирующими правовой режим биологических материалов человека [19, с. 89–94]. Некоторые цивилисты поддерживают идею, что для формирования правового режима отдельных объектов гражданских прав необходимо расширение материалистического понимания вещи, дополнив ее категорией «бестелесные вещи» («бестелесное имущество») [20, с. 94–99]. В качестве основной цели рассматривается распространение права собственности на такие объекты [21, с. 67–68]. Также предлагается и применение неконкретизированного иного подхода к определению того, что является объектом прав (правоотношений), и к построению классификации данного правового явления [22, с. 90]. На наш взгляд, существование указанного плюрализма в доктринальных подходах к формированию системы объектов гражданских прав неконструктивно по своей сути, внесение изменений в общую часть ГК РФ должно быть особенно взвешенным, поскольку оказывает влияние на весь гражданский оборот.

Таким образом, актуальной проблемой науки гражданского права является систематизация объектов гражданских прав на единых методологических основах, направленных на установление системности, т. е. выявление структурно-функциональных связей, их взаимодействие и взаимозависимость.

Выводы

Эффективное правовое регулирование не может осуществляться путем простого перечисления объектов гражданских прав и/или закрепления правового режима некоторых из них в законодательстве в отрыве от иных элементов механизма правового регулирования. Отсутствие методологически взвешенного подхода к систематизации объектов гражданских прав порождает проблемы, в том числе при определении прав и обязанностей в отношении таких объектов, установлении запретов и дозволений при осуществлении прав на них. Правовой режим объекта характеризуется не только направленностью правового регулирования, но и степенью его благоприятности для удовлетворения интересов различных субъектов права, оптимального использования конкретного объекта права.

В качестве методологической основы систематизации объектов гражданских прав необходимо рассматривать системный подход, который позволит установить критерии отнесения объекта к категории объекта гражданских прав, определить его правовой режим, обеспечивающий особый порядок регулирования, условия и порядок возникновения, осуществления и прекращения субъективных прав, объектом которых выступает такой объект гражданского права, их защиту.

Список литературы

1. Дерюгина Т. В. О юридической технике и проблемах правоприменения норм глав 6.1 и 17.1 Гражданского кодекса РФ // Цивилист. 2023. № 1 (41). С. 22–26.

2. Семенова Е. Г. Концептуальная модель правового режима недвижимости как объекта имущественных прав: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. 404 с.

3. Новрузова О. Б. К вопросу о понятии электроэнергии как объекта гражданских прав, энергетических гражданских правоотношений и договора энергоснабжения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 27–33.

4. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.

5. Чеговадзе Л. А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 81–86.

6. Свирков С. А. К вопросу об объектах гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 102–116.

7. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.

8. Карцхия А. А. Гражданский оборот и цифровые технологии: монография. М.: Филинъ, 2019. 126 с.

9. Гандилов Т. М., Тумаков А. В. Некоторые вопросы цифровых финансовых активов // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 60–63.

10. Мефодьева К. А. Некоторые проблемы правового регулирования оборота цифровых данных в эпоху Больших данных // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 73–75.

11. Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 8. С. 52–62.

12. Малеина М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных благ // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.

13. Карташков Д. В. Компоненты человеческого тела как объекты гражданского права // Правоведение. 2021. Т. 65, № 4. С. 404–420.

14. Аполинская Н. В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 157 с.

15. Синицын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 340 с.

16. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. акад., 1994. 200 с.

17. Виниченко Ю.В. «Гражданский оборот»: подходы к пониманию и их трактовка в российской цивилистике // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 1 (34). С. 195–201.

18. Трубина В. А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2020. 252 с.

19. Каменева З. В. Гражданско-правовой режим биологического материала человека // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 2. С. 89–94.

20. Матиящук С. В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2008. № 12 (144). С. 94–99.

21. Мурзин Д. В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М.: Статут, 1998. 176 с.

22. Турбанов А. В. Цифровой рубль как объект правоотношения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9 (154). С. 79–94.

References

1. Deryugina T. V. O yuridicheskoj tekhnike i problemah pravoprimeneniya norm glav 6.1 i 17.1 Grazhdanskogo kodeksa RF [On legal technology and problems of law enforcement of the norms of chapters 6.1 and 17.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Civilist = Civilist*, 2023, no. 1 (41), pp. 22–26.

2. Semenova E. G. Konceptual'naya model' pravovogo rezhima nedvizhimosti kak ob"ekta imushchestvennyh prav. Diss. dokt. yurid. nauk [A conceptual model of the legal regime of real estate as an object of property rights. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2021. 404 p.

3. Novruzova O. B. K voprosu o ponyatii elektroenergii kak ob"ekta grazhdanskih prav, energeticheskih grazhdanskih pravootnoshenij i dogovora energosnabzheniya [On the issue of the concept of electricity as an object of civil rights, energy civil legal relations and energy supply agreements]. *Izvestiya*

Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and law, 2019, vol. 9, no. 2 (31), pp. 27–33.

4. Gongalo B. M., Novoselova L. A. Est' li mesto "cifrovym pravam" v sisteme ob"ektov grazhdanskogo prava [Is there a place for “digital rights” in the system of objects of civil law]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm legal almanac*, 2019, no. 2, pp. 179–192.

5. Chegovadze L. A. Ob"ekty grazhdanskih prav i novaya redakciya stat'i 128 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Objects of civil rights and the new edition of Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2014, no. 10, pp. 81–86.

6. Svirkov S. A. K voprosu ob ob"ektah grazhdanskih prav [On the issue of objects of civil rights]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2012, no. 1, pp. 102–116.

7. Suhanov E. A. O grazhdansko-pravovoj prirode "cifrovogo imushchestva" [On the civil legal nature of “digital property”]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Rewiew*, 2021, no. 6, pp. 7–29.

8. Karckhiya A. A. Grazhdanskij oborot i cifrovye tekhnologii [Civil circulation and digital technologies]. Moscow, Filin Publ., 2019, 126 p.

9. Gandilov T. M., Tumakov A. V. Nekotorye voprosy cifrovyh finansovyh aktivov [Some issues of digital financial assets]. *Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti = Vestnik of economic security*, 2021, no. 3, pp. 60–63.

10. Mefod'eva K. A. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya oborota cifrovyh dannyh v epohu Bol'shih dannyh [Some problems of legal regulation of the circulation of digital data in the era of Big Data]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2018, no. 10 (125), pp. 73–75.

11. Efimova L. G. Al'ternativnyj vzglyad na pravovoe regulirovanie grazhdansko-pravovyh otnoshenij v usloviyah cifrovoj ekonomiki [An alternative view on the legal regulation of civil relations in the digital economy]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 8, pp. 52–62.

12. Maleina M. N. Ponyatie i vidy nematerial'nyh blag kak ob"ektov lichnyh neimushchestvennyh blag [The concept and types of intangible benefits as objects of personal non-property benefits]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2014, no. 7, pp. 40–47.

13. Kartashkov D. V. Komponenty chelovecheskogo tela kak ob"ekty grazhdanskogo prava [Components of the human body as objects of civil law]. *Pravovedenie = Pravovedenie*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 404–420.

14. Apolinskaya N. V. Biologicheskie ob"ekty cheloveka v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [Biological human objects in civil law of the Russian Federation: monograph]. Irkutsk, Irkutsk St. Univ. Publ., 2010. 157 p.

15. Sinicyn S. A. Iskovaya zashchita veshchnyh prav v rossijskom i zarubezhnom grazhdanskom prave: aktual'nye problemy [Claim protection of property rights in Russian and foreign civil law: current problems]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2015. 340 p.

16. Krasavchikova L.O. Ponyatie i sistema lichnyh neimushchestvennyh prav grazhdan (fizicheskih lic) v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [The concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation]. Ekaterinburg, Ural. yurid. akad. Publ., 1994. 200 p.

17. Vinichenko Yu. V. "Grazhdanskij oborot": podhody k ponimaniyu i ih traktovka v rossijskoj civilistike [“Civil circulation”: approaches to understanding and their interpretation in Russian civil law]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa = Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute*, 2016, no. 1 (34), pp. 195–201.

18. Trubina V. A. Tkani i organy cheloveka kak ob"ekty grazhdanskih prav [Human tissues and organs as objects of civil rights]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2020. 252 p.

19. Kameneva Z. V. Grazhdansko-pravovoj rezhim biologicheskogo materiala cheloveka [Civil legal regime of human biological material]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2021, no. 2, pp. 89–94.

20. Matiyashchuk S. V. Elektricheskaya energiya i moshchnost' kak osobye ob"ekty grazhdanskogo oborota: voprosy teorii i praktiki [Electrical energy and power as special objects of civil circulation: questions of theory and practice]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law,* 2008, no. 12 (144), pp. 94–99.

21. Murzin D. V. Cennye bumagi – bestelesnye veshchi. Pravovye problemy sovremennoj teorii cennyh bumag [Securities are incorporeal things. Legal problems of modern securities theory]. Moscow, Statut Publ., 1998. 176 p.

22. Turbanov A. V. Cifrovoj rubl' kak ob"ekt pravootnosheniya [Digital ruble as an object of legal relations]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2023, no. 9 (154), pp. 79–94.

Информация об авторе / Information about the Author

Семенова Екатерина Геннадьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: e-g-semenova@mail.ru,
ORCID: 0009-0000-0153-1055

Ekaterina G. Semenova, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Process, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation,
e-mail: e-g-semenova@mail.ru,
ORCID: 0009-0000-0153-1055

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.51

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-78-88

CC BY 4.0

Право потребителя на защиту персональных данных и его реализация

А. Н. Сурков[1], В. Д. Устинов [2] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vadim4697@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье рассматриваются способы защиты персональных данных потребителя как их субъекта. Отмечается, что риск нарушения прав этой категории граждан значительно возрос в эпоху цифровизации. Анализируются предлагаемые научным сообществом законодательные новеллы, касающиеся признания персональных данных в качестве личного неимущественного блага. На основе обобщения судебной практики показаны подходы к оценке неправомерности обработки, распространения или использования чужих персональных данных в решениях по искам о признании таких действий нарушающими положения гражданского законодательства.*

Цель *исследования состоит в дополнении научного знания о способах защиты персональных данных потребителя и повышении качества правоприменительной практики при рассмотрении исков по делам этой категории.*

Задачи*: проанализировать практику Конституционного, Верховного судов Российской Федерации, судов общей юрисдикции по делам о защите персональных данных потребителя и выявить проблемы, связанные с реализацией этого права.*

Методология*. При написании работы использовались методы анализа и синтеза, системно-аналитический, документальный и формально-юридический методы.*

Результаты исследования *имеют теоретико-прикладной характер и направлены на поиск оптимальных решений для эффективной реализации права потребителя на защиту персональных данных. Поднимается вопрос о законодательном признании персональных данных человека личным нематериальным благом в целях обеспечения надлежащего восстановления нарушенных прав.*

Выводы *направлены на продолжение научных разработок по заявленной теме, носят дискуссионный характер и позволяют единообразным способом разрешать проблемы, возникающие при реализации права потребителя на защиту персональных данных.*

Ключевые слова*: персональные данные; право на защиту; изображение гражданина; нематериальные блага.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Сурков А. Н., Устинов В. Д. Право потребителя на защиту персональных данных и его реализация // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 78–88. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-78-88.

Поступила в редакцию 29.09.2023 Принята к публикации 20.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Сурков А. Н., Устинов В. Д., 2023

The Right of the Consumer to Protect Personal Data and its Implementation

Aleksandr N. Surkov[1], Vadim D. Ustinov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: vadim4697@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article discusses ways to protect the personal data of the consumer as their subject. It is noted that the risk of violation of the rights of this category of citizens has increased significantly in the era of digitalization. Legislative novelties proposed by the scientific community concerning the recognition of personal data as a personal non-property good are analyzed. Based on the generalization of judicial practice, approaches to assessing the illegality of processing, distribution or use of other people's personal data in decisions on claims for recognition of such actions as violating the provisions of civil legislation are shown.*

The purpose *of the study is to supplement scientific knowledge about ways to protect consumer personal data and improve the quality of law enforcement practice when considering claims in cases of this category.*

Objectives*: to analyze the practice of the Constitutional, Supreme Courts of the Russian Federation, courts of general jurisdiction in cases of consumer personal data protection and to identify problems related to the implementation of this right.*

Methodology. *When writing the work, methods of analysis and synthesis, system-analytical, documentary and formal legal methods were used.*

The results *of the study are theoretical and applied in nature and are aimed at finding optimal solutions for the effective implementation of the consumer's right to personal data protection. The issue of legislative recognition of a person's personal data as a personal intangible good is raised in order to ensure proper restoration of violated rights.*

The conclusions *made in the article, as well as the proposals made, are aimed at continuing scientific developments on the stated topic, are of a debatable nature and allow for a uniform way to resolve problems arising in the implementation of the consumer's right to personal data protection.*

Conclusion *and proposals are aimed at continuing scientific developments on the stated topic, are of a debatable nature and allow solving problems arising in the implementation of the consumer's right to personal data protection in a uniform way.*

Keywords*: personal data; right to the protection; image of a citizen; intangible goods.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Surkov A. N., Ustinov V. D. The Right of the Consumer to Protect Personal Data and its Implementation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 78–88. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-78-88

Received 29.09.2023 Accepted 20.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Персональные данные, по мнению ученых, фактически стали объектом гражданского оборота, информацией, используемой для создания цифровых продуктов и интернет-сервисов [1, с. 163]. В информационном обществе их защита является актуальной проблемой. Это подтверждается данными Роскомнадзора, согласно которым в 2022 г. было зарегистрировано 44 269 жалоб по нарушениям в области защиты персональных данных (для сравнения – в 2021 г. в Роскомнадзор поступило 38 тыс. таких жалоб граждан). Из всех поступивших жалоб обращения граждан, связанные с неправомерной передачей и обработкой персональных данных без согласия их субъек-

тов, составили 25,4%[1]. Основными нарушителями права на защиту персональных данных являются кредитные организации, организации ЖКХ и коллекторские агентства, которые передавали или обрабатывали персональные данные потребителей без их согласия. Ведомство фиксирует, что доступ к персональным данным граждан неограниченному числу лиц предоставляют и владельцы интернет-сайтов и соцсетей. По итогам обращений Роскомнадзор включил 535 записей в Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных, составлено более 2220 протоколов о привлечении к административной ответственности.

На сегодняшний день, по информации с сайта Роскомнадзора, число операторов персональных данных составляет 922 227. Очевидно, что с развитием информационных технологий и все большей вовлеченности человека в виртуальный мир информационных услуг и социальной коммуникации количество операторов (индивидуальных предпринимателей, иных юридических лиц) будет расти, а значит, право потребителя на защиту персональных данных будет и дальше являться объектом нарушений [2, с. 105]. Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 15 июня 2022 г. № 1067 «О случаях и сроках использования биометрических персональных данных, размещенных физическими лицами в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным», разрешена работа с биометрическими персональными данными операторам связи, банкам, организациям торговли, сферы услуг, образовательным учреждениям и др.[2] Это будет способствовать в том числе новым нарушениям права человека на защиту персональных данных [3, с. 34]. Многократно возрастут риски их использования и в криминальных целях [4, с. 91]. В этой связи особую актуальность приобретает исследование вопросов, связанных с защитой права потребителя на охрану своих персональных данных и его реализацией.

Методология

Поставленные в работе цели и задачи предопределили применение общенаучных и специально-юридических методов познания. Таковыми выступили методы анализа и синтеза, позволившие осуществить сопоставление норм, регулирующих отношения, связанные с защитой персональных данных, изучить научные публикации, систематизировать полученный материал и описать результаты. Системно-аналитический, формально-юридический и документальный методы позволили изучить постановления Конституционного и Верховного судов РФ в части толкования понятия неприкосновенности частной жизни человека, личной и семейной тайны, решения судов общей юрисдикции по искам в соответствии со ст. 152.2 ГК РФ, разрешающих по существу дела о защите персональных данных, разработать теоретические положения и сформулировать выводы.

[1] РКН в 2022 году получил 44,3 тысячи жалоб на неправомерную обработку персональных данных // Газета.Ru. 2023. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/01/28/19599499.shtml?ysclid=lnith6lfgz812632602 (дата обращения: 14.09.2022).

[2] О случаях и сроках использования биометрических персональных данных, размещенных физическими лицами в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным: постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2022 г. № 1067: [ред. от 13.03.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419618/ (дата обращения: 14.09.2022).

Результаты и их обсуждение

Персональные данные – это, как говорится в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу[1]. Она включает сведения о физическом лице, в том числе семейном положении, месте жительства, работы, образовании, национальности, о судимости и др. Они (сведения), как пишут теоретики, формируют «информационный облик (образ) человека», основой которого является информация [5, с. 29]. Сам закон делит персональные данные на две группы: 1) так называемые «чувствительные» [6, с. 64], куда входят сведения о расе, национальности, политических взглядах и убеждениях, религиозных верованиях, состоянии здоровья, сексуальной жизни и др.; 2) биометрические персональные данные, которые могут включать, к примеру, фото- и видеоизображение [7, с. 107; 8, с. 23; 9, с. 10], запись голоса, фото радужки глаза, анализ ДНК, рост, вес и др.[2]

В теории гражданского права учеными отмечается, что отсутствие категории «персональные данные» в ст. 128 ГК РФ в числе легально закрепленных объектов гражданских прав порождает проблему определения места персональных данных среди закрепленных в законе объектов гражданских прав и установления их правового режима [10, с. 3; 11, с. 382]. Гражданское законодательство в действующей редакции исходит из необходимости охраны персональных данных в составе охраны частной жизни гражданина при осуществлении сбора, хранения, распространения и использования любой информации о ней как нематериального блага (п. 2 ст. 2 ГК РФ). В норме законодатель оговаривает, что частная жизнь человека включает, в частности, сведения о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни, что не исчерпывается этими данными [12, с. 144].

Так, правом на неприкосновенность частной жизни Конституционный Суд РФ признал предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера[3]. В другом определении от 28 июня 2012 г. № 1253-О суд пришел к такому выводу: «...Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Рос-

[1] О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: [с изм. и доп. от 06.02.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 14.09.2022).

[2] Об определении состава сведений, размещаемых в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации, включая вид биометрических персональных данных, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 июня 2018 г. № 772: [ред. от 12.07.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301465/ (дата обращения: 14.09.2022).

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54736/ (дата обращения: 14.09.2022).

сийской Федерации»[1]. А Пленум Верховного Суда РФ указал на исключения из запрета использования сведений о частной жизни лица, указанного в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ. Он (запрет) не распространяется на случаи, когда их «собирание или распространение осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле»[2].

В теории гражданского права известны предложения ученых признать персональные данные нематериальным благом путём внесения в ГК РФ соответствующих изменений. И тогда персональные данные становятся объектом личного неимущественного права гражданина на защиту персональных данных, расширяется содержание гражданской правосубъектности [13, с. 79]. Неопределенность же правового режима персональных данных оказывает влияние на неправомерный их оборот. Отсюда представляет сложность выбор норм, применяемых к договорным обязательствам, когда их объектом являются персональные данные, а значит, и мер ответственности за нарушение права на их неприкосновенность [14, с. 89].

Разделяемая автором позиция о персональных данных как личном нематериальном благе и необходимости легализации такого их понимания доказывается самим содержанием охраняемой информации о человеке – его жизни, здоровье, личной тайне и т. д., когда персональные данные характеризуют наличие банковских вкладов, сексуальную ориентацию, имеющуюся судимость или число объектов недвижимости. В ряде случаев возникают вопросы, как соотносится право гражданина на защиту персональных данных и право на неприкосновенность частной жизни, всегда ли персональные данные связаны с личной или семейной тайной, составляют ли они тайну частной жизни, повлекло ли нарушение права на неприкосновенность частной жизни в форме распространения персональных данных неблагоприятные последствия для субъекта или нет и др. [15, с. 60] Для их разрешения следует поддержать предложение о придании персональным данным статуса гражданско-правовой категории, что позволит охранять это нематериальное благо самостоятельно, независимо от того, связано ли оно с неприкосновенностью частной жизни.

Какие же действия являются нарушением права потребителя (клиентов банков, салонов красоты, онлайн-магазинов, пациентов, пассажиров и др.) на защиту персональных данных и влекут гражданско-правовую ответственность? К таковым относится неправомерная передача персональных данных (распространение, предоставление, доступ), раскрывающая личные данные [16, с. 104; 17, с. 39]. Передача личных данных может осуществляться конкретному лицу или неопределенному кругу лиц (когда осуществляются так называемые «сливы» баз данных, информационных массивов). Для защиты персональных данных как личного неимущественного блага должны применяться те же меры ответственности, какие установлены законом за нарушение этих благ. Судебная практика подтверждает применение к персональ-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029/ (дата обращения: 14.09.2022)

[2] О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138[1], 139, 144[1], 145, 145[1] Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 2.

ным данным потребителя режима нематериальных благ при условии согласия на обработку персональных данных. Как показывает ее мониторинг, для защиты прав потребителей применяются положения п. 2 ч. 2 ст. 150 «Нематериальные блага», ст. 151 «Компенсация морального вреда», п. 3 ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина», п. 4 ст. 152.2 «Охрана частной жизни гражданина» ГК РФ [18, с. 7]. Причем для применения мер гражданско-правовой защиты является достаточным доказать истцу факт нарушения его права на неприкосновенность персональных данных, к примеру, путем их распространения.

Так, Л. обратился в суд с иском, ответчиком по которому выступала городская больница. Истец требовал взыскания компенсации морального вреда и судебных расходов, приводя следующие обоснования. Получив на производстве травму, он был доставлен бригадой скорой медицинской помощи в больницу, где проходил лечение. Работник больницы с телефона (№) без согласия истца в мессенджере «Ватсап» выслал его сожительнице фотографию медицинской карты стационарного больного, где содержатся его персональные данные и сведения о диагнозе – гепатит С. Об этом диагнозе истец не рассказывал сожительнице, которая, узнав о нем, решила с ним расстаться. По вине сотрудника больницы у истца распалась семья. Центральный районный суд г. Комсомольска-на-Амуре удовлетворил иск и взыскал с больницы в пользу Л. денежную компенсацию морального вреда и судебные расходы. В своем решении он указал, что разглашение персональных данных, включая сведения, составляющие врачебную тайну, допускаются только с письменного согласия гражданина или его законного представителя. Как установлено в судебном заседании, фотография титульного листа медицинской карты истца содержит его персональные данные, а именно год и место рождения, семейное положение, место работы, адрес, телефон, дату поступления в больницу, его диагноз. Изображение полностью совпадает с оригиналом карты пациента[1].

Гражданско-правовая ответственность направлена не только на возмещение убытков и компенсацию морального вреда. Другим требованием потребителей при незаконной обработке персональных данных выступает их физическое уничтожение, в том числе на материальных носителях, в случае если они используются ответчиком без согласия владельца.

Так, во время нахождения Б. в магазине парфюмерии и косметики сотрудниками магазина были сделаны фотографии торгового зала с витриной, на которых были изображения истца в момент покупки товара. Из искового заявления следует, что истица предупреждала сотрудников о том, что она не дает своего согласия на публичное размещение своего фотографического изображения. Однако на здании, в котором расположен магазин «...», размещен баннер с ее фотографическим изображением. Истец Б. считает использование своего изображения на рекламном баннере нарушением права на охрану персональных данных, поскольку она в силу ст. 152.1 ГК РФ не давала согласие на его размещение. Ленинский районный суд г. Оренбурга, рассмотрев иск Б. о компенсации морального вреда за неправомерное использование изображения, удовлетворил его. Ответчик не представил доказательства того, что Б. дала согласие на размещение фотографии с её изображением на рекламном баннере. Суд не принял и доводы ответчика о том, что фото Б. не является основным объектом изображения. Истец является единственным на фотографии, его лицо расположено в центре плаката крупным планом, что требовало согласия на его использование. Тот факт, что истица по-

[1] Решение Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 6.06.2019 по делу № 2-1600 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/yJJzdSc95xrh/ (дата обращения: 14.09.2023).

зирует фотографу, не означает, что она согласилась на использование её изображения в рекламе магазина. Судом удовлетворено и требование в части осуществления демонтажа и уничтожения рекламного баннера с изображением истца[1].

Дополнительными способами защиты неприкосновенности персональных данных могут быть признание судом самого факта нарушения с опубликованием судебного решения или удовлетворение требований о пресечении действий, нарушающих право на тайну персональных данных или создающих угрозу такого нарушения. К примеру, в апелляционном определении Санкт-Петербургский городской суд от 18.09.2018 по делу № 2-2071/2018 указал, что отсутствие согласия истца на использование кредитной организацией его персональных данных (номер личного телефона, используемый для личного общения, ФИО) для направления требований погасить кредиторскую задолженность является нарушением, в связи с чем суд удовлетворил требование истца о прекращении направления автоматических сообщений и звонков и удалении его персональных данных из базы данных должников ввиду отсутствия задолженности[2]. По мнению теоретиков, это право субъекта персональных данных есть частный случай реализации «права на забвение» (right to be forgotten) [19, с. 34; 20, с. 109].

Как следует из текста принятых решений судов по данной категории дел, широкое распространение получила практика неправомерной передачи операторами персональных данных третьему лицу права на их обработку (использование). Одним из таких примеров является передача персональных данных заемщиков по кредитным договорам без их согласия коллекторским агентствам. Другим вариантом передачи личной информации о заёмщике является агентский договор кредитной организации и третьего лица[3]. В Обзоре судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утвержденном Президиумом ВС РФ 27.09.2017, разъясняется, что для передачи коллекторам сведений о гражданине-должнике по агентскому договору банк обязан получить его согласие[4].

Еще одним примером служит незаконная передача персональных данных потребителей организациям, поставляющим им ресурсы. Судебная практика выработала однозначную позицию об отказе в доступе к таким данным при незаконном получении, т. е. когда их передача осуществлялась в отсутствие согласия субъектов персональных данных. Так, в постановлении от 16.09.2019 по делу № А60-59015 Арбитражный суд Уральского округа отказал ресурсоснабжающей организации в доступе к персональным данным потребителей, указав, что управляющая компания многоквартирного дома была не вправе раскрывать (передавать) их третьему лицу без согласия

[1] Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга от 19.10.2016 по делу № 2-8123/2016 //Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. Консультант Плюс: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nhMzeH4ONygU/?regular (дата обращения: 14.09.2023).

[2] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.09.2018 по делу № 2-2071 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 14.09.2023).

[3] Информационное письмо Банка России № ИН-06-59/57, Роскомнадзора № 08ЛА-48666 от 29.07.2021 «О согласии заемщиков на обработку их персональных данных» // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391996/ (дата обращения: 14.09.2023).

[4] Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017] // Верховный Суд Рос. Федерации: сайт. URL: https://vsrf.ru/ documents/all/23996/?ysclid=lnn70r148e925389614 (дата обращения: 14.09.2023).

субъектов персональных данных, выраженного конкретно[1].

В своих решениях суды исходят из того, что и самого факта получения согласия субъекта персональных данных для их передачи недостаточно. В них обращается внимание на то, что согласие на обработку персональных данных должно быть конкретным, информированным и сознательным. Вместе с тем суды расходятся во мнении, нарушаются ли права потребителя, если он лишен права отказать в согласии на обработку персональных данных. По этому поводу практика использует два взаимоисключающих подхода. Первый состоит в том, что права нарушаются (постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.02.2021 № Ф06-904/2021 по делу № А 65-16592/2020), а второй – нарушения нет (апелляционное определение Московского городского суда от 12.12.2018 по делу № 33-54212/2018[2]). В первом случае правоприменитель обусловливает правомерность обработки и передачи персональных данных третьим лицам не только самим согласием заемщика как субъекта персональных данных, но и согласованным с ним конкретным перечнем третьих лиц, коим могут быть переданы личные данные. Об этом, в частности, говорится в постановлениях арбитражных судов Поволжского (от 18.02.2021 по делу № А65-16592/2020[3]) и Северо-Западного округов (от 26.10.2020 по делу № А56-87199/2019[4]). Суд отметил, что заключая договор страхования в отсутствие конкретного права выбора возможности согласия или отказа в согласии на обработку персональных данных, имеет место необоснованное право на обработку персональных данных в отсутствие согласия их субъекта. При отсутствии в договоре страхования конкретного перечня третьих лиц, которым продавец имеет право передать персональные данные потребителя, права последнего нарушаются.

Во втором случае речь шла о страховых полисах СПАО «РЕСО-Гарантия», когда потребитель не мог выразить согласие или отказ от обработки и передачи персональных сведений третьим лицам. Суд решил, что оно (согласие на обработку персональных данных) презюмируется заключением самого договора. Здесь суд апелляционной инстанции в мотивировочной части указал, что персональные данные указываются в полисах страхователя, и отказ потребителя от их обработки сделает заключение договора невозможным, поскольку он лишает страховщика возможности совершать конкретные действия (внести в базу личные данные, обработать заявление о страховом случае и произвести выплаты и др.). Иными словами, суды, устанавливая наличие возможности у потребителя отказаться или согласиться с обработкой персональных данных, должны в том числе учитывать, являются ли персональные данные потребителя инструментом исполнения его обязательств как стороны договора.

Выводы

При рассмотрении исков о защите персональных данных потребителя суды

[1] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.09.2019 по делу № Ф09-5375/19. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/zBBnKuuQTI5j/?ysclid=lnnj4ueww708862763 (дата обращения: 14.09.2023).

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 12.12.2018 по делу № 33-54212/2018 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 14.09.2023).

[3] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.02.2021 № Ф06-904/2021 по делу № А 65-16592/2020// Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 14.09.2023).

[4] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.10.2020 N Ф07-8987/2020 по делу № А56-87199/2019 // Консультант Плюс: сайт. URL: https:// www.consultant.ru/document/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 14.09.2023).

исходят из самого факта нарушения неприкосновенности персональных данных или факта их незаконной передачи третьим лицам без согласия потребителя. В зависимости от обстоятельств нарушения суды дают оценку правомерности предоставленного доступа к персональным данным или их использования. Согласно проведенному исследованию, практика не определилась в позиции, следует ли однозначно устанавливать конкретный перечень третьих лиц, которым могут быть переданы персональные данные потребителя, нарушается ли право потребителя в случае отсутствия у него возможности отказаться от передачи персональных данных третьим лицам. Суды должны учитывать при этом, использовались ли персональные данные потребителя для исполнения его обязательств как стороны договора. Законодатель не определил персональные данные в качестве гражданско-правовой категории. Для обеспечения надлежащего восстановления прав истца по делам этой категории следует признать персональные данные личными нематериальными благами, что позволит признавать их объектом личного неимущественного права. Такое законодательное решение будет служить повышению эффективности защиты нарушенного права человека на неприкосновенность персональных данных.

Список литературы

1. Острикова Л. К. Современные проблемы квалификации персональных данных в контексте доктрины о нематериальных благах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 5 (105). С. 162–169.

2. Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 103–118.

3. Солдатова В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex Russica. 2022. № 2 (159). С. 33–43.

4. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 90–101.

5. Богданов Е. В. Информация как объект гражданских правоотношений // Гражданское право. 2018. № 5. С. 29–33.

6. Новиков Р. В. Правовое регулирование защиты информации, относящейся к сфере частной жизни граждан, в гражданском законодательстве и законодательстве о персональных данных // Ex jure. 2020. № 2. С. 64–71.

7. Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С. Проблемы охраны изображения человека в гражданском законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2019. № 14. С. 107–116.

8. Григорьева И. М. Об определении оснований неправомерности использования изображения гражданина (по данным правоприменительной практики по статье 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. № 12(6). С. 23–36.

9. Каменский М. А. Право гражданина на изображение: актуальные проблемы охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. № 12(6). С. 10–22.

10. Михайлова И. А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3–9.

11. Судакова О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1 (30). С. 381–384.

12. Зайцева Ю. П. Субъективное право гражданина на частную жизнь: содержательный аспект // Российский юридический журнал. 2016. № 1 (106). С. 142–149.

13. Рузанова В. Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3 (69). С. 77–83.

14. Криволапова Л. В. Защита персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 88–91.

15. Колмыков И. П. Соотношение права на неприкосновенность частной жизни и права на судебную защиту в контексте доступа к персональным данным: поиск баланса интересов // Право и политика. 2020. № 5. С. 58–67.

16. Гаджиалиева Н. Ш. Предмет доказывания по гражданским делам о защите неприкосновенности частной жизни // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 1. С. 104–108.

17. Попова И. Ю. Об определении предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 37–49.

18. Чернякова С. А. Компенсация морального вреда при посягательствах на неприкосновенность частной жизни // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 1–2 (6). С. 7–9.

19. Москвитин О., Агейченко К., Наумова Е. Обзор правоприменительной практики по защите прав субъектов персональных данных (с практическими комментариями). М.: Высшая школа экономики, 2020. 35 с.

20. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 104–129.

References

1. Ostrikova L. K. Sovremennye problemy kvalifikacii personalnyh dannyh v kontekste doktriny o nematerialnyh blagah [Current problems of personal data qualification in the context of the doctrine of intangible goods]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Vestnik of the University named after O. E. Kutafina*, 2023, no. 5 (105), pp. 162–169.

2. Romashov P. A. K voprosu o prave na neprikosnovennost' chastnoj zhizni v cifrovoj vek [On the issue of the right to privacy in the digital age]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*, 2019, no. 2, pp. 103–118.

3. Soldatova V. I. Zaschita personalnyh dannyh v usloviyah primeneniya cifrovyh tehnologii [Protection of personal data in the context of the use of digital technologies]. *Lex Russica*, 2022, no. 2 (159), pp. 33–43.

4. Alikhadzhiyeva I. S. Kriminologicheskie riski personalnyh dannyh: osnovnye tendencii i prognozy [Criminological risks of personal data: main trends and forecasts]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, no. 13(3), pp. 90–101.

5. Bogdanov E. V. Informaciya kak ob"ekt grazhdanskih pravootnoshenij [Information as an object of civil legal relations]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*, 2018, no. 5, pp. 29–33.

6. Novikov R. V. Pravovoe regulirovanie zashchity informacii, otnosyashchejsya k sfere chastnoj zhizni grazhdan, v grazhdanskom zakonodatel'stve i zakonodatel'stve o personal'nyh dannyh [Legal regulation of the protection of information related to the private life of citizens in civil and personal data legislation]. *Ex jure*, 2020, no. 2, pp. 64–71.

7. Ablyatipova N. A., Tsyganova D. S. Problemy ohrany izobrazheniya cheloveka v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii [Problems of protecting the image of a person in the civil legislation of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU = Scientific notes of the Tambov branch of the Russian Union of Young Scientists*, 2019, no. 14, pp. 107–116.

8. Grigorieva I. M. Ob opredelenii osnovanii nepravomernosti ispolzovaniya izobrajeniya grajdanina (po dannym pravoprimenitel'noi praktiki po stat'e 152.1 Grajdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federacii) [On Determining the Grounds for the Unlawful USE of a Citizen's Image (According to Law Enforcement Practice Under Article 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, no. 12(6), pp. 23–36.

9. Kamenskiy M. A. Pravo grajdanina na izobrajenie: aktualnye problemy ohrany [Citizen's Right to Image: Current Security Issues]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12(6), pp. 10–22.

10. Mikhailova I. A. Lichnye neimushchestvennye prava i nematerial'nye blaga: tradicionnoe ponimanie i novye podhody [Personal non-property rights and intangible goods: traditional understanding and new approaches]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2012, no. 4, pp. 3–9.

11. Sudakova O. V. Lichnye neimushchestvennye prava, napravlennye na obespechenie neprikosnovennosti i tajny lichnoj zhizni grazhdan [Personal non-property rights aimed at ensuring the inviolability and secrecy of the personal life of citizens]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2020, no. 1 (30), pp. 381–384.

12. Zajceva Yr. P. Sub"ektivnoe pravo grazhdanina na chastnuyu zhizn': soderzhatel'nyj aspekt [Subjective right of a citizen to privacy: meaningful aspect]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2016, no. 1 (106), pp. 142–149.

13. Ruzanova V. D. Personalnye dannye kak grajdansko-pravovaya kategoriya [Personal data as a civil law category]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Legal state: theory and practice*, 2022, no. 3 (69), pp. 77–83.

14. Krivolapova L. V. Zashchita personalnyk dannyk [Personal data protection]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the state: theory and practice*, 2020, no. 6 (186), pp. 88–91.

15. Kolmykov I. P. Sootnoshenie prava na neprikosnovennost' chastnoj zhizni i prava na sudebnuyu zashchitu v kontekste dostupa k personal'nym dannym: poisk balansa interesov [Correlation of the right to privacy and the right to judicial protection in the context of access to personal data: finding a balance of interests]. *Pravo i politika = Law and policy*, 2020, no. 5, pp. 58–67.

16. Gadzhialieva N. Sh. Predmet dokazyvaniya po grazhdanskim delam o zashchite neprikosnovennosti chastnoj zhizni [Subject of evidence in civil cases on the protection of privacy]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*, 2022, no. 1, pp. 104–108.

17. Popova I. Yu. Ob opredelenii predmeta dokazyvaniya po delam o zashchite neprikosnovennosti chastnoi zhizni grajdanina [On the Definition of the subject of evidence in cases on the protection of the privacy of a citizen]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, no. 12(6), pp. 37–49.

18. Chernyakova S. A. Kompensaciya moral'nogo vreda pri posyagatel'stvakh na neprikosnovennost' chastnoj zhizni [Compensation for moral damage in infringements on privacy]. *Nacional'naya associaciya uchenyh = National Association of Scientists*, 2015, no. 1–2 (6), pp. 7–9.

19. Moskvitin O., Ageichenko K., Naumova E. Obzor pravoprimenitel'noi praktiki po zashchite prav sub"ektov personal'nyh dannyh s prakticheskimi kommentariyami [Review of law enforcement practice for the protection of the rights of personal data subjects (with practical comments)]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2020. 35 p.

20. Savelyev A. I. Grajdansko-pravovye aspekty regulirovaniya oborota personalnykh dannykh [Civil law aspects of regulating the circulation of personal data]. *Vestnik grajdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2021, no. 4, pp. 104–129.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сурков Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: rnessa30@yandex.ru,
Autor ID: 550219

Устинов Вадим Дмитриевич, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vadim4697@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-5958-768X

Aleksandr N. Surkov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: rnessa30@yandex.ru,
Autor ID: 550219

Vadim D. Ustinov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vadim4697@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-5958-768X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.51

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-89-98

(cc) BY 4.0

Режим врачебной тайны и гражданско-правовая ответственность за его нарушение

А. Н. Сурков[1] ✉, Б. В. Агарков[2]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье анализируется институт врачебной тайны и способы ее защиты гражданином как личного неимущественного блага. Правовая регламентация понятия «врачебная тайна» в здравоохранительном законодательстве не устранила проблем ее гражданско-правовой охраны. На примерах судебной практики показаны способы защиты сведений, составляющих врачебную тайну, при их разглашении лицами, обязанными ее соблюдать. На основе анализа отдельных законодательных актов, касающихся врачебной тайны, выявлены противоречия в установленных гарантиях конфиденциальности личной информации о пациенте. С учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, воспринятой судами общей юрисдикции, определены обстоятельства, которые не признаются нарушением врачебной тайны пациента.*

Цель *исследования состоит в дополнении научного знания о режиме врачебной тайны и особенностях ответственности за ее нарушение.*

Задачи: *выявление особенностей режима врачебной тайны и гражданско-правовой ответственности за ее нарушение, установление проблем, связанных с реализацией права пациента на защиту врачебной тайны на основе анализа норм гражданского законодательства, научных публикаций, практики Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснений Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции по искам о защите врачебной тайны.*

Методология*. В работе нашли применение общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, методы анализа и синтеза, индукции, дедукции, системно-аналитический и формально-юридический.*

Результаты исследования *имеют теоретико-прикладной характер и направлены на поиск оптимальных решений для эффективной защиты данных пациента, составляющих его врачебную тайну.*

Выводы*. Автором обоснована необходимость признания на законодательном уровне врачебной тайны как самостоятельного личного нематериального блага; предлагается законодательно расширить круг субъектов, осуществляющих профессиональную деятельность в интересах пациента, для получения сведений, составляющих врачебную тайну без его специального согласия.*

Ключевые слова*: врачебная тайная; личная тайна; медицинская тайна; частная жизнь; правовой режим; ответственность.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Сурков А. Н., Агарков Б. В. Режим врачебной тайны и гражданско-правовая ответственность за его нарушение // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 89–98. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-89-98.

Поступила в редакцию 13.10.2023 Принята к публикации 24.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Сурков А. Н., Агарков Б. В., 2023

The Regime of Medical Secrecy and Civil Liability for its Violation

Aleksandr N. Surkov[1], Bogdan V. Agarkov[1]✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article analyzes the institution of medical secrecy and the ways of its protection by a citizen as a personal non-property good. The legal regulation of the concept of «medical secrecy» in healthcare legislation has not eliminated the problems of its civil protection. The examples of judicial practice show ways to protect the information constituting a medical secret when they are disclosed by persons who are obliged to comply with it. Based on the analysis of certain legislative acts concerning medical secrecy, contradictions in the established guarantees of confidentiality of personal information about the patient were revealed. Taking into account the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, accepted by the courts of general jurisdiction, the circumstances that are not recognized as a violation of the patient's medical secrecy are determined.*

The purpose *of the study is to supplement scientific knowledge about the regime of medical secrecy and the specifics of responsibility for its violation.*

Objectives: *identification of the peculiarities of the regime of medical secrecy and civil liability for its violation, identification of problems related to the implementation of the patient's right to protection of medical secrecy based on the analysis of the norms of civil legislation, scientific publications, the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction on claims for protection of medical secrecy.*

Methodology*. The work uses general scientific and private scientific methods of cognition: dialectical, methods of analysis and synthesis, induction, deduction, system-analytical and formal-legal.*

The results *of the study are theoretical and applied in nature and are aimed at finding optimal solutions for effective protection of patient data that constitute his medical secrecy.*

Conclusions*. The author substantiates the need for recognition at the legislative level of medical secrecy as an independent personal intangible good; it is proposed to legislatively expand the range of subjects engaged in professional activities in the interests of the patient to obtain information constituting medical secrecy without his special consent.*

Keywords*: medical secrecy; personal secrecy; medical secrecy; private life; legal regime; responsibility.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: *Surkov A. N., Agarkov B. V. The Regime of Medical Secrecy and Civil Liability for its Violation. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 89–98. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-89-98

Received 13.10.2023 Accepted 24.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Врачебная помощь как особый вид профессиональной деятельности предполагает сохранение сведений, полученных при ее оказании, в тайне. Врачебная тайна не только информация, ставшая известной врачу в связи с обращением за медицинской помощью, заболеванием и лечением пациента, но и доверенные ему личные переживания, семейные, интимные тайны и др. Статьёй 23 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны. Особую значимость охраны врачебной тайны неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Фе-

дерации при рассмотрении жалоб, связанных с ее защитой. В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об охране здоровья) соблюдение врачебной тайны провозглашается одним из принципов охраны здоровья[1]. Конституционные нормы нашли свое развитие и в отраслевом законодательстве, а потому проблемы, связанные с доступом к информации о пациенте и оказании ему медицинской помощи, являются предметом исследования многих ученых. Проведен ряд научных исследований на эту тему специалистами по конституционному, информационному, уголовному, гражданскому и медицинскому праву [1, с. 125; 2, с. 145; 3, с. 28; 4, с. 30; 5, с. 61]. Вместе с тем в научных трудах не всегда изучается судебная практика по делам о защите прав пациентов на врачебную тайну, не исследованы все основания, по которым суды признают это право нарушенным, а также пробелы правового регулирования режима врачебной тайны. Настоящее исследование направлено на разработку новых теоретических и законодательных положений, касающихся рассматриваемой проблемы.

Методология

Методологическую основу работы составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Для исследования правового содержания института врачебной тайны в качестве общенаучного использовался диалектический метод научного познания. При изучении проблем, возникающих при рассмотрении исков о защите права на врачебную тайну, внимание уделялось и другим общенаучным методам (анализ, синтез, индукция, дедукция). Формально-юридический метод позволил изучить правовые нормы, определяющие режим врачебной тайны и устанавливающие ответственность за его нарушение, постановления Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, федеральное законодательство, регулирующее отдельные вопросы охраны персональной медицинской информации, рассмотреть существующие подходы правоприменителя к разрешению исков о защите прав лиц, чья личная (врачебная) тайна была разглашена. Системно-аналитический метод позволил систематизировать имеющиеся научные разработки по теме работы и материалы правоприменения, описать полученные результаты и сформулировать предложения правотворческого характера.

Результаты и их обсуждение

Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) не выделяет врачебную тайну как объект специальной охраны. Законодатель гарантирует ее защиту в качестве общего института личной тайны, охватывающей все сферы частной жизни, и в том числе медицинскую помощь. Так, в ст. 152.2 ГК РФ запрещается сбор, хранение и распространение информации без согласия гражданина, сопряженные с нарушением прав на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну. Охраняется врачебная тайна как составной элемент тайны частной жизни в качестве нематериального блага (ст. 150 ГК РФ). Справедливо мнение отдельных исследователей о том, что право на охрану врачебной тайны должно быть закреплено в ГК РФ наравне с другими личными неимущественными правами [6, с. 14]. Согласно ст. 13 Закона об охране здоровья, содержание врачебной тайны составляют сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении (ст. 13). Другими словами, врачеб-

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ: [ред. от 24.07.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 23.09.2023).

ную тайну включают сведения об обращении к врачу, в медицинскую организацию, о предварительном диагнозе, в том числе не подтвержденном, самом заболевании, результаты инструментальных исследований, методы обследования и терапии, биометрические данные пациента, его физические и психические особенности, другие персональные данные [7, с. 42].

Законом об охране здоровья регулируются ограничения в доступе к врачебной тайне, субъектный состав и исключения из принципа сохранности личных данных, связанных с оказанием медицинской помощи. Лица, имеющие доступ к таким сведениям, определяются законом или пациентом, указавшим, кто именно информируется о составляющих врачебную тайну сведениях. Имеются и исключения из требования о сохранении врачебной тайны и ее передаче третьим лицам без предварительного согласия пациента или его законного представителя. Не будет разглашения врачебной тайны, если родителям или законному представителю предоставлена информация о состоянии здоровья несовершеннолетних детей (в возрасте от 15 до 18 лет) [8, с. 45], при наличии угрозы распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений.

Врачебная тайна может быть раскрыта и по запросу правоохранительных органов, судов, органа уголовно-исполнительной системы исключительно в связи с расследованием, судебным разбирательством или исполнением наказания и др. [9, с. 16; 10, с. 330] И суды подтверждают такую практику, не признавая нарушениями права на врачебную тайну случаи, когда данные, ее составляющие, были переданы в правоохранительные органы. Так, В. обратился в суд с иском к Краснокамской городской больнице, которая, по его мнению, противоправно передала результаты обследования в травматологическом отделении следователю нарочно. По мнению истца, эти сведения составляют врачебную тайну и не подлежат обозрению третьими лицами без согласия пациента. Отказав в удовлетворении иска, Краснокамский городской суд указал, что выяснение причин необходимости истребования сведений в рамках уголовного дела не входит в компетенцию больницы, а доказательств, подтверждающих утверждение о наличии факта разглашения врачебной тайны, истец не представил[1].

Не требуется и предварительного согласия умершего пациента, если при жизни он не оставил согласия на доступ к врачебной тайне близким родственникам и не запретил получение ими информации, связанной с оказанием медицинских услуг. Это правило было сформулировано Конституционным Судом РФ в определении от 13.01.2020 № 1-П, рассмотревшим жалобу Р. Д. Свечниковой[2]. Сложившаяся до этого судебная практика ввиду прямого запрета на разглашение врачебной тайны ч. 2 ст. 13 Закона об охране здоровья признавала законными действия врачей по отказу в выдаче копии истории болезни родственникам умерших больных[3].

[1] Решение Краснокамского городского суда Пермского края от 05.08.2019 по делу № 2-855 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/lhA4oLpzbOJn/ (дата обращения: 23.09.2023).

[2] По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 пункта 5 статьи 13, части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой: постановление Конституционного Суда РФ от 13 янв. 2020 г. № 1-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2020. № 1.

[3] Решение Октябрьского районного суда г. Барнаула от 04.09.2013 по делу № 2-2900 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт.. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Em3cW1LFv8rc/?ysclid=lnvzrkuwvc873141713/ (дата обращения: 23.09.2023); Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 14.05.2014 по делу № 33-3828 // Судебные и

Между тем необходимость в получении документов, относящихся к врачебной тайне, возникает в случаях, когда родственники умершего пациента считают, что причиной его смерти явилась ненадлежащая медицинская помощь [11]. И по делу Р. Д. Свечниковой суды всех инстанций признали правомерным отказ должностных лиц медучреждений в предоставлении сведений, составляющих врачебную тайну, на том основании, что при жизни умерший супруг не обращался с заявлением о получении копий медицинских документов о состоянии здоровья и не давал согласия на их получение кем-либо. Дело дошло до Конституционного Суда РФ, который признал незаконным отказ заявительнице в предоставлении копий документов о лечении умершего супруга. Конституционный Суд РФ предписал медицинским организациям предоставлять для ознакомления документы умершего пациента супругу (супруге), близким родственникам (членам семьи) умершего пациента, лицам, указанным в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство. Отказ в таком доступе допускается, если при жизни пациент выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну[1]. Эта позиция Конституционного Суда РФ, последовательно подтверждаемая им и в других решениях[2], легла в основу изменения ст. 13 Закона об охране здоровья, которая была дополнена п. 3.1 [12, с. 43].

Разъяснения Конституционного Суда РФ суды стали применять немедленно, еще до внесения изменений в ст. 13 Закона об охране здоровья. Например, как следует из иска К., после смерти матери он обращался в Центральную ГКБ г. Калининграда с заявлением о предоставлении заверенной медицинской карты умершей и ознакомлении с медицинскими документами. Главврач больницы обосновал свой отказ врачебной тайной. Московский районный суд г. Калининграда принял решение о понуждении больницы предоставить истцу имеющуюся медицинскую документацию и взыскать в его пользу моральный вред. Удовлетворяя иск, суд сослался на постановление Конституционного Суда РФ от 13 января 2020 г. № 1-П, который впредь до внесения в законодательство необходимых изменений определил порядок доступа к медицинской документации умершего пациента по требованию супруга и членов семьи. Он обосновал свою позицию «испытанными нравственными страданиями, сильной психоэмоциональной перегрузкой в связи с невозможностью детально ознакомиться с медицинскими документами умершей матери в течение пяти месяцев»[3].

За допущение разглашения врачебной тайны установлены разные виды юридической ответственности [13, с. 115]. Следуя

нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Q9lxZHYymLrT/?ysclid=lo1wjyljzm958707683 (дата обращения: 23.09.2023); Кассационное определение Тверского областного суда от 10.11.2011 по делу № 33-4643 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7kJalfbYplWH/?ysclid=lo1luv2c12190774329 (дата обращения: 24.09.2023).

[1] Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за I квартал 2020 года // Конституционный Суд Рос. Федерации: сайт. URL: http://www.ksrf.ru (дата обращения: 24.09.2023).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зубкова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 2, 3 и 4 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 1275-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182084/ (дата обращения: 24.09.2023).

[3] Решение Московского районного суда г. Калининграда от 17.07.2020 по делу № 2-1519 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/w2fLI4GhBDrK (дата обращения: 24.09.2023).

положениям ст. 151 ГК РФ, при причинении физических или нравственных страданий гражданину, когда нарушены его личные неимущественные права, суд может обязать нарушителя возместить моральный вред посредством денежной компенсации. Эта норма применима и к случаям нарушения врачебной тайны, что подтверждается разъяснением Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»[1]. В его 14 пункте нравственными страданиями признаются страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека, обусловленные в том числе и раскрытием врачебной тайны. Причем в соответствии со ст. 1068 ГК РФ возмещает вред при исполнении трудовых обязанностей не его непосредственный причинитель (работник), а медицинское учреждение, которое и выплачивает денежную компенсацию пациенту. К примеру, Е. обратилась в суд с иском к Барышской больнице о взыскании денежной компенсации за моральный вред, причиненный разглашением врачебной тайны. Истица доказала, что главный врач больницы направила в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав сведения, составляющие врачебную тайну. Они включали информацию о состоянии её здоровья, диагнозе, об обследовании и лечении, постановке на учет в связи с заболеванием, выписку из медицинской карты, которая идентифицирует ее как пациента. По утверждению Е., она хранила в тайне свое заболевание и не давала согласия на передачу указанных сведений третьим лицам. Ее диагноз стал известен жителям небольшого города, что причинило ей нравственные страдания. Барышский городской суд Ульяновской области, учитывая доказательства разглашения ответчиком врачебной тайны, а именно диагноз истицы без ее согласия, удовлетворил требования Е. Суд взыскал с больницы в ее пользу денежную компенсацию морального вреда и компенсацию судебных расходов[2]. И другой пример. Требования истицы В. о компенсации морального вреда к краевой клинической инфекционной больнице были удовлетворены. Черновский районный суд г. Читы признал доказанным нарушение врачебной тайны об инфекционном заболевании беременной В., находившейся в больнице на лечении. Разглашение тайны выразилось в предоставлении ее врачом доступа к сведениям о болезни другому врачу, которая рассказала о заболевании родственникам В.[3]

Еще одним способом защиты права на врачебную тайну является обращение в суд с иском граждан не к медицинским учреждениям, а к средствам массовой информации. Например, П. при обосновании иска о компенсации ей морального вреда за раскрытие врачебной тайны указала, что после урагана, обрушившего на нее киоск, она получила травму и была доставлена спасателями МЧС в больницу. Местная газета опубликовала ее персональные данные и диагноз, хотя ни она, ни ее родственники не давали согласия на это. Самарский районный суд г. Самары в своем решении признал нарушением

[1] О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 нояб. 2022 г. № 33 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.cosultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 24.09.2023).

[2] Решение Барышского городского суда Ульяновской области от 30.09.2011 по делу № 2-818 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/MdXTgKD3SZUV/ (дата обращения: 24.09.2023).

[3] Решение Черновского районного суда г. Читы от 24.01.2019 по делу № 2-1977 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WpHJwBMzIt5U/ (дата обращения: 24.09.2023).

права истицы на врачебную тайну публикацию анкетных данных, даты рождения и диагноза без ее согласия[1].

Следует отметить, что в теории продолжается дискуссия ученых по ряду вопросов, связанных как с понятием врачебной тайны, так и с ее субъектным составом. В законе об охране здоровья законодатель использует термин «врачебная тайна», а в юридической литературе активно обсуждаются его допустимость и замена на понятие «медицинская тайна» [14, с. 64]. Сторонники легализации второго, более объемного, понятия полагают, что информацию, связанную с врачеванием пациента, состоянием его здоровья должны хранить не только врачи, но и весь медицинский персонал учреждения [15, с. 403; 16, с. 18; 17, с. 104]. Противники медицинской тайны как юридической категории полагают, что врачебная тайна относится и к личной, и к семейной тайне, и характеризует не профессию врача, а вид его деятельности (врачевание) [18, с. 32]. Полагаем, что действующий термин «врачебная тайна» является устоявшимся и вполне соответствует принципу ограничения доступа к личной информации пациента. К тому же именно врачебная тайна является тайной профессиональной, поскольку как личная она доверяется пациентом врачу и персоналу медицинских учреждений для исполнения ими профессиональных обязанностей. И тогда вместе с доступом к личной тайне на указанных субъектов врачебной деятельности возлагается обязанность по ее неразглашению.

Обсуждается в науке и вопрос о доступе к информации, составляющей врачебную тайну, страховых компаний [19, с. 65] и адвокатов в силу их профессиональной деятельности [20, с. 100]. Он поднимается по той причине, что закон об охране здоровья вступает в противоречие с иными законодательными актами, что приводит к формированию неединообразной практики. К примеру, страховая организация запрашивает медицинские документы о состоянии здоровья умершего пациента, чтобы исполнить обязательства по договору страхования его жизни и здоровья, однако здесь требуется письменное согласие застрахованного. В то же время запросы страховщиков при наступлении страхового случая обязаны быть исполнены для решения вопросов о выплатах (Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации»)[2].

Исследователи справедливо ставят и вопрос о том, что медицинские организации, выдавая сведения по адвокатскому запросу в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности»[3] без согласия клиента, нарушают закон об охране здоровья [21, с. 36]. Это следует из его положений, в которых адвокат как лицо с правом получения информации о медицинской помощи пациенту не назван. С другой стороны, адвокат вправе собирать сведения для оказания юридической помощи, и в том числе через запрос в медицинские учреждения. На них лежит обязанность предоставить адвокату запрошенные документы или их копии. Суды заняли единую позицию, решая, что адвокат может запросить информацию о состоянии здоровья доверителя только при наличии его письменного согласия.

[1] Решение Самарского районного суда г. Самары от 18.09.2014 по делу № 2-2340 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/aPjx3sld2vmp/ (дата обращения: 14.10.2023).

[2] Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ от 27 нояб. 1992 г. № 4015-1: [ред. от 28.04.2023] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 24.09.2023).

[3] Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ: [ред. от 24.07.2023] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 24.09.2023).

Этот пробел с конкуренцией норм федеральных законов должен быть устранен. Следует поддержать предложения правоведов о расширении профессиональных возможностей адвокатов в рамках заключенного договора об оказании юридических услуг. Адвокаты должны быть включены в перечень лиц, обладающих правом получить конфиденциальные сведения о состоянии здоровья клиента (пациента) без его согласия на основании своего статуса.

Выводы

Как одна из наиболее значимых для человека врачебная тайна нуждается в особой сохранности. В силу этого она должна определяться законодателем не как составная часть личной тайны частной жизни, а получить статус самостоятельного объекта и подлежать специальной охране. Для этого в ГК РФ должно быть сформулировано право на охрану врачебной тайны наряду с прочими личными неимущественными правами. Во избежание судебных споров о разглашении врачебной тайны страховыми компаниями, адвокатами пациентов и медицинскими учреждениями следует разрешить имеющиеся противоречия в законодательстве об охране здоровья и о страховании и адвокатской деятельности в части предоставления медицинской документации после смерти пациента или во время осуществления защиты его интересов.

Список литературы

1. Басова А. В., Комкова Г. Н., Торосян Р. А. Конституционное право ВИЧ-инфицированных российских граждан на охрану личной тайны: пределы ограничения // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2021. № 1. С. 124–130.

2. Радов В. В., Журилов Н. В. Проблемы права в регламентации врачебной тайны // Медицинское право: теория и практика. 2020. № 2 (12). С. 142–149.

3. Рыжова О. А., Паменкова И. А. Ответственность за разглашение врачебной тайны // Наука. Общество. Государство. 2017. № 3 (19). С. 25–31.

4. Серебряков А. А. Допустимость предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, в публичных интересах // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 1. С. 28–32.

5. Шевчук С. С., Петрова Н. В. Правовые гарантии охраны частной жизни гражданина при оказании медицинских услуг // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48). С. 58–63.

6. Крюкова Е. С. Врачебная тайна в аспекте охраны генетической информации // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 2 (64). С. 11–25.

7. Герш М. В. О разглашении врачебной тайны и ответственности за это // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2020. № 4. С. 41–48.

8. Предеина И. В. Врачебная тайна в отношении несовершеннолетних старшего возраста: новые аспекты правового регулирования // Медицинское право. 2020. № 6. С. 41–49.

9. Александров А. А. Некоторые особенности понятия врачебной тайны в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 6 (223). С. 15–21.

10. Жиронкина Ю. Е. Проблемы защиты медицинской тайны в деятельности органов внутренних дел // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. С. 329–331.

11. Цыпина Е. Б. Проблемы врачебной тайны // Адвокатская газета. 2020. 22 янв.

12. Синцов Г. В., Феоктистов Д. Е. Институт посмертной врачебной тайны в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 2 (54). С. 41–50.

13. Скребнева Н. А. Особенности и противоречия правового регулирования врачебной тайны в Российской Федерации как объекта правонарушений медицинских работников и медицинских организаций // Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение. 2019. № 2 (29). С. 113–117.

14. Шибаев Д. В. Правой режим врачебной тайны как информационно-правового объекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 3. С. 63–67.

15. Давлетшин А. Р. Право на врачебную (медицинскую) тайну и квалифицированную юридическую помощь // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 401–409.

16. Павлов А. В. О некоторых проблемах терминологии законодательства о врачебной тайне // Медицинское право. 2019. № 1. С. 17–23.

17. Цыпина Е. Б. Понятие медицинской тайны в законодательстве и научной доктрине // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 103–110.

18. Цыпина Е. Б. Особенности правового режима врачебной тайны // Информационное право. 2020. № 1. С. 31–35.

19. Рубанова М. Е., Портенко Н. Н., Масляков В. В. Правовые аспекты врачебной тайны // Журнал прикладных исследований. 2021. № 2. С. 63–69.

20. Феоктистов Д. Е. Теоретические вопросы правового режима сведений, составляющих и не составляющих врачебную тайну // Наука. Общество. Государство. 2021. № 3 (35). С. 99–109.

21. Куранов В. Г. К вопросу о совершенствовании правового регулирования института врачебной тайны // Медицинское право. 2014. № 2. С. 34–38.

References

1. Basova A. V., Komkova G. N., Torosyan R. A. Konstitucionnoe pravo VIC-inficirovannykh rossiiskikh grazhdan na okhranu lichnoi tainy: predely ogranicheniya [The constitutional right of infected Russian citizens to protect personal secrets: limits of restriction]. *VICh-infekciya i immunosupressii = HIV Infection and Immunosuppression Disorders*, 2021, no. 1, pp. 124–130.

2. Radov V. V., Zhurilov N. V. Problemy prava v reglamentacii vrachebnoj tajny [Problems of law in the regulation of medical secrecy]. *Medicinskoe pravo: teoriya i praktika = Medical law: theory and practice*, 2020, no. 2 (12), pp. 142–149.

3. Ryzhova O. A., Pamenkova I. A. Otvetstvennost' za razglashenie vrachebnoj tajny [Responsibility for disclosing a medical secret]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2017, no. 5(3), pp. 25–31.

4. Serebryakov A. A. Dopustimost' predostavleniya svedenij, sostavlyayushchikh vrachebnuyu tajnu, v publichnykh interesakh [The permissibility of providing information constituting a medical secret in the public interest]. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*, 2020, no. 1, pp. 28–32.

5. Shevchuk S. S., Petrova N. V. Pravovye garantii ohrany chastnoj zhizni grazhdanina pri okazanii medicinskikh uslug [Legal guarantees of protecting private life of a citizen in the context of medical services]. *Evraziyskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2020, no. 5 (48), pp. 58–63.

6. Kryukova E. S. Vrachebnaya tajna v aspekte ohrany geneticheskoj informacii [Medical secrecy in terms of protecting genetic information]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Legal State: Theory and Practice*, 2021, no. 2 (64), pp. 11–25.

7. Gersh M. V. O razglashenii vrachebnoj tajny i otvetstvennosti za eto [On the disclosure of medical secrets and responsibility for it]. *Otdel kadrov gosudarstvennogo (municipal'nogo) uchrezhdeniya = Personnel Department of a State (Municipal) Institution*, 2020, no. 4, pp. 41–48.

8. Predeina I. V. Vrachebnaya tajna v otnoshenii nesovershennoletnikh starshego vozrasta: novye aspekty pravovogo regulirovaniya [Medical secrecy in relation to older minors: new aspects of legal regulation]. *Medicinskoe pravo = Medical law*, 2020, no. 6, pp. 41–49.

9. Aleksandrov A. A. Nekotorye osobennosti ponyatiya vrachebnoj tajny v ugolovnom sudoproizvodstve [Some features of the concept of medical secrecy in criminal proceedings]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Jurisprudence,* 2011, no. 6 (223), pp. 15–21.

10. Zhironkina Yu. E. Problemy zashchity medicinskoj tajny v deyatel'nosti organov vnutrennikh del [Problems of protecting medical secrets in the activities of internal affairs bodies]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 4, pp. 329–331.

11. Cypina E. B. Problemy vrachebnoj tajny [Problems of medical secrecy]. *Advokatskaya gazeta = Advocate newspaper*, 2020, January 22.

12. Sintsov G. V., Feoktistov D. E. Institut posmertnoi vrachebnoi tainy v pravovykh pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Institute of posthumous medical secrecy in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = Izvestiya of Higher educational institutions. Volga region. Social sciences*, 2020, no. 2 (54), pp. 41–50.

13. Skrebneva N. A. Osobennosti i protivorechiya pravovogo regulirovaniya vrachebnoj tajny v Rossijskoj Federacii kak ob"ekta pravonarushenij medicinskikh rabotnikov i medicinskikh organizacij [Features and contradictions of legal regulation of medical secrecy in the russian federation as an object of offenses by medical staff and medical organizations]. *Infektsionnye bolezni: Novosti. Mneniya. Obuchenie = Infectious Diseases: News. Opinions. Training*, 2019, no. 2 (29), pp. 113–117.

14. Shibaev D. V. Pravoj rezhim vrachebnoj tajny kak informacionno-pravovogo ob"ekta [The legal regime of medical secrecy as an information and legal object]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, no. 3, pp. 63–67.

15. Davletshin A. R. Pravo na vrachebnuyu (medicinskuyu) tajnu i kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch [The right to medical (medical) secrecy and qualified legal assistance]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. Humanities Series*, 2017, no. 2, pp. 401–409.

16. Pavlov A. V. O nekotoryh problemah terminologii zakonodatel'stva o vrachebnoj tajne [On some terms in the legislation on medical secrecy]. *Meditsinskoe pravo = Medical Law*, 2019, no. 1, pp.17–23.

17. Cypina E. B. Ponyatie medicinskoj tajny v zakonodatel'stve i nauchnoj doktrine [The concept of medical secrecy in legislation and scientific doctrine]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Jurisprudence,* 2019, no. 4, pp. 103–110.

18. Cypina E. B. Osobennosti pravovogo rezhima vrachebnoj tajny [Features of the legal regime of medical secrecy]. *Informacionnoe pravo = Information law*, 2020, no. 1, pp. 31–35.

19. Rubanova M. E., Portenko N. N., Maslyakov V. V. Pravovye aspekty vrachebnoj tajny [Legal aspects of medical secrecy]. *Zhurnal prikladnyh issledovanij = Journal of Applied Research*, 2021, no. 2, pp. 63–69.

20. Feoktistov D. E. Teoreticheskie voprosy pravovogo rejima svedenii, sostavlyayushchikh i ne sostavlyayushchikh vrachebnuyu tainu [Theoretical issues of the legal regime of information constituting and not constituting a medical secret]. *Nauka. Obschestvo. Gosudarstvo = The science. Society. State,* 2021, no. 3 (35), pp. 99–109.

21. Kuranov V. G. K voprosu o sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya instituta vrachebnoj tajny [On the issue of improving legal regulation of medical privacy]. *Meditsinskoe pravo = Medical law*, 2014, no. 2, pp. 34–38.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сурков Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: rnessa30@yandex.ru,
Autor ID: 550219

Aleksandr N. Surkov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: rnessa30@yandex.ru,
Autor ID: 550219

Агарков Богдан Владимирович, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0459-075X

Bogdan V. Agarkov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
ORCID: 0000-0003-0459-075X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-99-111

(cc) BY 4.0

Закон о цифровых финансовых активах как современный механизм достижения баланса частных и публичных интересов

П. М. Филиппов[1], А. Н. Садков [2,3] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2] Волгоградский государственный аграрный университет
пр-т Университетский, д. 26, г. Волгоград 400002, Российская Федерация

[3]Волгоградский государственный университет
пр-т Университетский, д. 100, г. Волгоград 400062, Российская Федерация

✉ e-mail: sadkov@volgau.ru

Резюме

Актуальность. *Применение новых механизмов фиксации имущественных прав (на примере феномена «цифровые финансовые активы») позволяет не только обеспечить удовлетворение частных интересов, но и способствует оперативности привлечения инвестиций в национальную экономику; цифровая форма фиксации имущественных прав выступает в качестве определенного средства достижения баланса частных и публичных интересов, характеризующегося применением новых правовых конструкций, подлежащих всестороннему исследованию.*

Целью *исследования является уточнение места цифровых технологий (на примере цифровых финансовых активов) в обеспечении баланса частных и публичных интересов.*

Задачи*: выявить суть категории «баланс частных и публичных интересов»; определить место конструкции «цифровые финансовые активы» в обеспечении должного уровня согласованности частных и публичных интересов.*

Методология. *При написании работы использовались методы анализа и синтеза, системный метод, догматико-юридический метод и метод толкования норм права.*

Результаты. *Авторами утверждается, что сутью баланса частных и публичных интересов на современном этапе развития российского общества следует считать не только обеспечение свободного распоряжения индивидуумами своим имуществом и способностями, но и в предоставлении им уверенности действенности требований, предъявляемых к государству в соблюдении последним своего же Основного закона – Конституции для недопущения произвола публичной власти. Авторами формулируются предложения по совершенствованию оборота имущественных прав, зафиксированных в цифровой форме по конструкции цифровых финансовых активов.*

Выводы. *Цифровые финансовые активы являются перспективным инвестиционным финансовым инструментом, позволяющим удовлетворить потребности индивидуумов в сохранении и приращении принадлежащего им имущества, что способствует оперативности привлечения инвестиций в национальную экономику и обеспечению достижения баланса частных и публичных интересов.*

Ключевые слова*: баланс интересов; цифровые финансовые активы; имущественные права.*

Финансирование*: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00475, https://rscf.ru/project/23-28-00475/.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Филиппов П. М., Садков А. Н. Закон о цифровых финансовых активах как современный механизм достижения баланса частных и публичных интересов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 99–111. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-99-111.

Поступила в редакцию 16.10.2023 Принята к публикации 20.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Филиппов П. М., Садков А. Н., 2023

The Law on Digital Financial Assets as a Modern Mechanism for Achieving a Balance of Private and Public Interests

Pyotr M. Filippov[1], Andrey N. Sadkov[2, 3]✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2]Volgograd State Agrarian University
26 Universitetskiy Ave., Volgograd 400002, Russian Federation

[3]Volgograd State University
100 Universitetskiy Ave., Volgograd 400062, Russian Federation

✉ e-mail: sadkov@volgau.ru

Abstract

***Relevance**. The use of new mechanisms for fixing property rights (on the example of the phenomenon of "digital financial assets") allows not only to ensure the satisfaction of private interests, but also contributes to the efficiency of attracting investments into the national economy; the digital form of fixing property rights acts as a certain means of achieving a balance of private and public interests, characterized by the use of new legal structures, subject to comprehensive research.*

***The purpose** of the study is to clarify the place of digital technologies (using the example of digital financial assets) in ensuring a balance of private and public interests.*

***Objectives**: to identify the essence of the category "balance of private and public interests"; to determine the place of the construction of "digital financial assets" in ensuring the proper level of consistency of private and public interests.*

***Methodology.** When writing the work, methods of analysis and synthesis, the system method, the dogmatic-legal method and the method of interpretation of the norms of law were used.*

***Results.** The authors argue that the essence of the balance of private and public interests at the present stage of the development of Russian society should be considered not only to ensure the free disposal of individuals with their property and abilities, but also to provide them with confidence in the effectiveness of the requirements imposed on the state in compliance with its own Basic Law – the Constitution to prevent the arbitrariness of public authorities. The authors formulate proposals to improve the turnover of property rights recorded in digital form by the design of digital financial assets.*

***Conclusions.** Digital financial assets are a promising investment financial instrument that allows meeting the needs of individuals in preserving and incrementing their property, which contributes to the efficiency of attracting investments into the national economy and ensuring a balance of private and public interests.*

***Keywords:** balance of interests; digital financial assets; property rights.*

***Funding**: The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00475, https://rscf.ru/project/23-28-00475/*

***Conflict of interest:** The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Filippov P. M., Sadkov A. N. The Law on Digital Financial Assets as a Modern Mechanism for Achieving a Balance of Private and Public Interests. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 99–111. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-99-111

Received 16.10.2023 Accepted 20.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

В настоящее время общество обеспокоено поиском новых конструкций и технологий, направленных не только на обеспечение эффективности взаимодействия государства и отдельных индивидуумов, но и на развитие национальной экономики, выступающей в качестве

фундамента государственного суверенитета. Очевидно, что без развитой и сильной экономики не может быть сильного и суверенного государства. При этом экономическое развитие невозможно без привлечения частных и, прежде всего, внутренних инвестиций. Общепризнанно, что ни одно государство не может обходиться без поддержки своего населения [1, с. 420], так же как и населению сложно развиваться в условиях слабого и несамостоятельного государства.

Самоочевидно, что цифровые информационные технологии оказывают качественное влияние на оперативность, прозрачность, защищенность и стабильность возникающих между индивидуумами отношений [2; 3; 4]. Хорошая проработка правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений, в условиях применения цифровых информационных технологий, обладающих целым рядом преимуществ по сравнению с аналоговыми способами фиксации, хранения и передачи информации (в том числе и о принадлежности имущественных прав тому или иному лицу), позволяет не только обеспечить надежную охрану субъективных прав индивидуумов (в том числе и обладателей имущественных прав), но и стимулирует рост объемов оборота имущества и имущественных прав, повышает инвестиционную привлекательность экономики, способствует наполняемости бюджетов различных уровней за счет четкого администрирования финансовых потоков.

Методология

Для достижения цели и решения поставленных задач авторами использовались такие общенаучные методы, как анализ, синтез, метод системного подхода, а также такие частнонаучные методы научного познания, как догматико-юридический, толкования норм права.

Применение методов анализа и синтеза предоставило авторам возможность установить сущность феноменов «баланс частных и публичных интересов», «цифровые финансовые активы» (далее по тексту – ЦФА).

Системный метод позволил провести структурирование и логическое изложение исследовательского материала. Догматико-юридический метод гарантировал качественное изучение состояния законодательства в исследуемых областях. Использование метода толкования норм права способствовало выявлению пробелов и коллизий в правовом регулировании обращения ЦФА.

Результаты и их обсуждение

Рассматривая содержание термина «баланс» с позиции соотношения «взаимно связанных показателей какой-нибудь деятельности, процесса» [5, с. 34], мы неизбежно обращаемся к проблематике поиска такого состояния общественных отношений, которое позволило бы обеспечить эволюционное развитие социума.

Обращение в рамках настоящего исследования к категории «баланс» позволяет более наглядно раскрыть суть не только отношений, касающихся соотношения прав человека и прав такого публично-правового образования, как государство, но и соотношения категорий «государство» и «закон», ибо, говоря о балансе, мы, прежде всего, говорим о некоем состоянии равновесия, позволяющем обеспечить устойчивость той или иной системы (например, использования шеста-баланса позволяет цирковым эквилибристам выполнять даже сальто-мортале на тонком канате). Мы глубоко убеждены в том, что при рассмотрении проблематики соотношения интересов государства и интересов человека и гражданина в качестве должного базиса для обеспечения такого баланса выступает закон.

В настоящее время общепризнанно, что важнейшим критерием достижения прогресса в развитии человечества следует считать степень удовлетворенности потребностей человека, который рассматривается как высшее существо –

«венец природы»[1]. И хотя позиционирование в нормах ст. 2 Конституции РФ человека, его прав и свобод с позиции высшей ценности российского общества совсем не случайно, раскрытие всего положительного потенциала конкретной личности в отрыве от организованного человеческого социума невозможно. В рамках проведения историко-теоретического анализа современного состояния частного и публичного права С. В. Васильев обоснованно отмечает факт возрастания воздействия современного государства на экономические отношения, увеличения внимания, уделяемого вопросам социальной деятельности государства, направленной на обеспечение материальных и духовных потребностей людей, их прав и законных интересов, что обусловливает тенденцию к более тесной связи и взаимопроникновению норм публичного и частного права [6, с. 3].

Исследуя проблематику баланса частных и публичных интересов, следует отметить, что абсолютный примат государства над личностью чреват крайне негативными последствиями. В том случае, если в рамках политической системы общества при установлении иерархии потребностей интересы государства рассматриваются в качестве высшего приоритета по отношению к интересам отдельной личности, если государство исключительно по своему усмотрению определяет допустимый круг прав и свобод человека и гражданина, а также возможности их правовой защиты, есть весомые основания говорить о тоталитарной системе управления обществом.

Некоторые авторы, например Р. Р. Лутфуллин, утверждают, что значительная часть сегодняшних трудностей и проблем современной России во многом обусловлена нашим тоталитарным прошлым [7, с. 3]. Однако мы полагаем, что данный подход нельзя признать состоятельным. Большевики тоже рассуждали о трудностях, возникших при становлении советской власти, с позиций негативного наследия царского тоталитаризма, хотя они сами настолько резко и быстро разрушили все старые экономические конструкции, что им пришлось фактически с нуля формировать новые модели регулирования имущественных отношений, основанные на коммунистическом мировоззрении.

К сожалению, в 90-е годы XX века переход к экономике, фундаментом которой является частная собственность, также осуществлялся столь стремительно, что устоявшиеся социалистические модели межсубъектного взаимодействия были разрушены очень быстро. Несомненно, что резкость перестройки моделей хозяйствования и управления, отсутствие постепенности и плавности при смене конструкции социальной парадигмы российского общества во многом обусловило то, что негативные последствия такой «шоковой терапии» мы ощущаем вот уже более 30 лет.

В то же время следует отметить, что противоположная тоталитаризму анархическая идеология (если данная социально-политическая философия берется за основу построения модели общественного взаимодействия) вовсе не способствует повышению эффективности поступательного развития общества. Хотя анархическая идеология и практика, базирующиеся на необходимости «уничтожения государства как социального института» [8, с. 15], в своем стремлении заменить государственную власть местным самоуправлением [9, с. 5] и сегодня продолжает, в той или иной степени, оказывать влияние на общественные настроения, однако перспективность общественного устройства, основанного исключительно на анархизме, весьма утопична [10, с. 21; 11, с. 161–163].

Мы убеждены, что обеспечение устойчивого функционирования системы «человек – закон – государство», когда личность наделяется определенной совокупностью прав и обязанностей во взаи-

[1] Копшев О. Человек – венец природы. URL: https://proza.ru/2017/09/16/1621 (дата обращения: 03.09.2023).

моотношениях с государством, во многом зависит от того, насколько действенно каждая конкретная личность может защищать свой интерес, своё частное право от любого нарушения, в том числе и при их умалении со стороны властных органов. Бесспорно, что ощущение защищенности от любого произвола способствует формированию творческой инициативы личности, без которой невозможно обеспечить поступательное и прогрессивное развитие человечества. Думается, что только в рамках правового и социального государства, когда посредством использования различных методов правового воздействия государство способно обеспечить должный уровень защиты персональных интересов, можно говорить об усилении частной инициативы, которая позволит добиться повышения эффективности и устойчивости национальной экономики, лежащей в основе любого государственного суверенитета.

Интересной видится позиция Е. Ю. Архиповой, утверждающей, что «государство может и игнорировать личный и общественный интерес, а может и инициировать их согласование в целях обеспечения необходимого в текущий период времени баланса интересов личности, общества и государства» [12, с. 134]. Однако, на наш взгляд, такой подход характерен для государства, построенного на тоталитарных принципах управления, тогда как для правового государства это неприемлемо.

В соответствии со ст. 1 Конституции РФ, Россия является правовым государством, в котором созданы такие правовые механизмы, которые позволяют в определенных ситуациях признавать те или иные нормативные правовые акты не соответствующими Конституции РФ. Думается, что принятая на всенародном референдуме 1993 г. Конституция РФ как Основной закон нашего государства является действенным правовым инструментом, позволяющим обеспечить должный баланс и равновесие между интересами государства в целом и интересами каждой отдельной личности. На наш взгляд, для обеспечения поступательного прогрессивного развития нашего общества граждане России должны знать и быть уверенными в том, что они могут не только свободно распоряжаться своим имуществом и способностями в своем интересе, но и требовать от государства соблюдения своего же Основного закона для недопущения произвола публичной власти, что и является первым и неизменным условием правового государства. Что же касается формирования условий, обусловливающих возникновение у индивидов интересов, соответствующих интересам общества и государства, то это хотя и является весьма важным направлением развития современного общества [12, с. 138], но не самым главным. При этом мы неоднократно обращали внимание, что тенденцию социализации частного права следует рассматривать в качестве тренда развития правовой системы российского государства [13; 14, с. 72–76], что вполне соответствует нормам ст. 7 Конституции РФ.

Несомненно, что достижение баланса частных и публичных интересов зависит от целого ряда обстоятельств, среди которых весьма важное место занимают время и пространство. О подвижности баланса интересов во времени и пространстве, о противоречивости взаимодействия и взаимовлияния интересов личности, общества и государства неоднократно отмечалось в научных исследованиях как российских [15], так и зарубежных [16] авторов. В этой связи, мы полагаем, юридическая наука должна внимательно изучать складывающиеся новые экономические, имущественные отношения, судебную практику, выявлять возникающие противоречия и предлагать законодателю принимать соответствующие законы, которые служили бы «балансом» для уравновешивания интересов отдельной личности и интересов государства и общества в целом.

В свете вышеизложенного предлагаем обратиться к исследованию отношений, связанных с развитием новых цифровых технологий, которые позволяют субъектам экономических имущественных отношений в своих собственных интересах без личного контакта, без привязки ко времени суток и конкретной точке пространства приобретать субъективные права и осуществлять юридические обязанности, минуя посредничество различных структур, в том числе и государственных органов.

Государство не может игнорировать факт развития таких новых конструкций межсубъектного взаимодействия, которые все чаще и чаще обозначаются термином «трансакция» (от лат. transactio – совершение, договор) [17, с. 649]. В рамках этих отношений зачастую фиксируются факты недобросовестного поведения отдельных субъектов, преследующих свой корыстный интерес. Причем свой фискальный (налоговый) интерес в нормальном развитии таких отношений имеется и у государства, что обусловливает необходимость принятия законов, устанавливающих четкие правила поведения участников названных отношений.

В настоящее время в качестве одного из важнейших трендов современной экономики, как в Российской Федерации, так и во всем мире, рассматривается переход к максимальной компьютерной алгоритмизации процедур экономических отношений, когда большое значение в рамках организации и осуществления хозяйствования приобретают электронные процессы получения данных, принятия и реализации управленческих решений, что зачастую обозначается термином «цифровая экономика» (digital economy) [18, с. 8]. Развитие науки и техники позволяет организовать дистанционное взаимодействие субъектов экономических отношений и гражданского оборота без какого-либо ухудшения качества такого взаимодействия. Станки с числовым программным управлением, робототехника позволяют значительно повысить производительность труда, снизить издержки, связанные с привлечением трудовых ресурсов, оперативно менять модельный ряд производимой продукции. Использование в банковской сфере интернет-технологий, инвестиционных технологий, работающих на основе блокчейна, современного программного обеспечения позволяет вводить новые финансовые инструменты, которые выступают и расчетным средством, и средством для инвестирования и накопления. В качестве одного из перспективных финансовых инвестиционных инструментов выступают ЦФА [19, с. 107].

Термин ЦФА является новеллой российской правовой мысли. В отличие от России в зарубежных юрисдикциях более распространен термин «токен». Именно поэтому за рубежом нередко говорят о «токенизации экономики», предусматривая под этим все ту же цифровизацию, но с учетом преимуществ блокчейн-технологий [20, с. 108].

Конструкция ЦФА получила легальное признание в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). Российский законодатель, формулируя нормы ст. 1 вышеназванного нормативного правового акта, вступившего в силу с 1 января 2021 г., понимает под ЦФА определенный сегмент имущественных (цифровых) прав, сведения о которых зафиксированы в специальных информационных системах, функционирующих на принципах распределенного реестра[1]. В качестве важнейших особенностей российских имущественных прав, зафиксированных по

[1] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ : [ред. от 14.07.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru›document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 19.08.2023).

конструкции ЦФА, российский законодатель обозначил, что их учет и обращение возможны только посредством внесения соответствующих записей в некую информационную систему, бесперебойность работы которой достигается посредством использования технологии блокчейн, причем обслуживание и работоспособность такой системы должен обеспечивать специальный субъект – оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА (далее – оператор выпуска ЦФА).

В качестве сущностного наполнения конструкции ЦФА российский законодатель рассматривает корпоративные права участника непубличного акционерного общества, денежные требования, имущественные права, зафиксированные в эмиссионных ценных бумагах, а также право требования передачи таких эмиссионных ценных бумаг. Причем мы солидарны с В. А. Садковым, который убедительно доказал, что оригинальность конструкции ЦФА заключается не в специфике имущественных прав, определяющих ценность ЦФА, а в особой форме фиксации этих имущественных притязаний [21, с. 9].

Преимуществами конструкции ЦФА перед другими способами фиксации имущественных прав является то, что оборотоспособность имущественных прав, зафиксированных в цифровой форме, гораздо выше, нежели оборотоспособность аналогичных прав, зафиксированных в соответствии с традиционными правовыми механизмами. По сравнению с оборотом имущественных прав, зафиксированных в форме ценных бумаг (как документарных, так и бездокументарных), издержки обладателя ЦФА на оплату услуг посредников, обеспечивающих реализацию и переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должны быть на несколько порядков ниже. Защищенность информационной системы, в которой выпущены права, зафиксированные по конструкции ЦФА, от мошеннических действий, обеспечивается за счет функционирования данной информационной системы на основе распределенного реестра, а также за счет жестких требований, предъявляемых к оператору выпуска ЦФА и четкой регламентации его деятельности на законодательном уровне. Ведение реестра операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, возложено на Банк России. По состоянию на 25.08.2023 в данном реестре зафиксировано 10 компаний: блокчейн-платформа «Атомайз», Сбербанк, финтех-компания «Лайтхаус», Альфа-банк, ООО «Системы распределенного реестра», ООО «Токены – Цифровые Инвестиции», АО АКБ «ЕВРОФИНАНС МОСНАР-БАНК», ПАО «СПБ Биржа», ООО «Блокчейн Хаб», НКО АО «Национальный расчетный депозитарий».

В соответствии с нормами Закона о ЦФА права, удостоверенные по конструкции ЦФА, обладают определенной имущественной ценностью, могут свободно отчуждаться, характеризуются значительной инвестиционной привлекательностью. Однако ЦФА не могут рассматриваться в качестве средства платежа и средства накопления.

Российские ЦФА имеют природу, отличную от правовой природы цифровой валюты (далее по тексту – цифровалюта), в качестве которой российский законодатель в нормах ст. 1 Закона о ЦФА рассматривает некий цифровой код или совокупность электронных данных. В отличие от цифровалюты, при обороте которой имя лица, обязанного перед каждым обладателем соответствующих электронных данных, не называется, при использовании прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, лицо, являющееся обязанным по соответствующим требованиям, определить достаточно просто. Этот момент весьма важен, т. к. позволяет чётко определить субъектов отношений, их интерес, конкретные права и обязанности, цель и, конечно, оценить законность сделки, а у налоговых органов имеется возможность отследить доходность проводимых сделок в фискальных целях.

Оборот прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, осуществляется в цифровой форме по определённому алгоритму, который должен фиксироваться в Правилах обмена цифровых финансовых активов (далее – правила обмена ЦФА). В обобщенном виде гражданский оборот прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, включает пять этапов: 1) приобретение тем или иным лицом статуса пользователя информационной системы, в которой фиксируются ЦФА; 2) осуществление выпуска ЦФА в порядке, установленном российским законодателем; 3) приобретение ЦФА их первым обладателем посредством заключения сделки с лицом, осуществляющим эмиссию прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; 4) передача прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, от одного обладателя другому при посредничестве специального субъекта – оператора обмена цифровых финансовых активов (далее по тексту – оператор обмена ЦФА), по правилам обмена ЦФА, установленным и согласованным с Банком России; 5) погашение обязательств, имущественные права по которым были удостоверены по конструкции ЦФА и исполнены обязанным лицом [22, с. 85].

Правила обмена ЦФА являются одним из важнейших документов оператора обмена ЦФА. Именно через оператора обмена ЦФА осуществляются все сделки по купле-продаже прав, зафиксированных посредством конструкции ЦФА, а также иные сделки с ЦФА, включая обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, одного вида на имущественные права, удостоверенные по конструкции ЦФА, другого вида, либо на иные цифровые права и другие объекты гражданских прав.

Признание за тем или иным субъектом статуса оператора обмена ЦФА возможно только после получения соответствующего разрешения от Центрального банка России. Это фиксируется посредством осуществления регистрационной записи в реестре операторов обмена цифровых финансовых активов (далее по тексту – реестр операторов обмена ЦФА).

Требования к оператору обмена ЦФА в императивном порядке установлены в нормах ст. 10 Закона о ЦФА. Российский законодатель устанавливает, что в качестве оператора обмена ЦФА могут выступать только кредитные организации, организаторы торговли и иные юридические лица, которые соответствуют установленным в Законе о ЦФА требованиям. При этом оператор обмена ЦФА имеет право осуществлять свою профессиональную деятельность только после включения его в реестр операторов обмена ЦФА.

Для того чтобы организатор торговли приобрел статус оператора обмена ЦФА, это хозяйственное общество должно быть создано в соответствии с законодательством РФ. Коммерческие организации, личным законом которых является не российское право в качестве организатора торговли – оператора обмена ЦФА, рассматриваться не должны.

В соответствии с нормами ст. 5 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах» (далее по тексту – Закон об организованных торгах) организатор торговли должен обладать лицензией биржи или лицензией торговой системы[1]. Анализ норм действующего российского законодательства показывает, что деятельность организатора торговли – оператора обмена ЦФА носит не только строго регламентированный характер, но и осуществляется в рамках специальной (функциональной) правоспособности.

Специальная правоспособность предоставляется определенным категориям участников гражданского оборота в соответствии с их особыми потребностями или статусом в обществе. Целью специальной правоспособности является защи-

[1] Об организованных торгах: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 325-ФЗ : [ред. от 10.07.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru›document/cons_doc_LAW_121888/ (дата обращения: 19.08.2023).

та интересов определенных лиц и обеспечение должных возможностей для их участия в гражданском обороте.

Основной принцип специальной правоспособности заключается в том, что лица, которые на законодательном уровне ограничиваются в субъективных правах, могут требовать предоставления им дополнительных механизмов защиты. Только принятые на законодательном уровне нормы, позволяющие обеспечить работоспособность соответствующих правовых механизмов, позволяют обеспечить эффективную реализацию специальной правоспособности и защиту интересов управомоченных лиц. Создание эффективных механизмов защиты и реализации специальной правоспособности является важной задачей, касающейся обеспечения состояния равенства среди участников общественных отношений и справедливости в обществе, т. е. для достижения равновесия.

Говоря о сути специальной (функциональной) правоспособности, следует подчеркнуть, что ее пределы в императивном порядке установлены законодателем, а выход за такие пределы имеет крайне негативные последствия [23, с. 663]. Все сделки, совершенные с выходом за установленные пределы такой правоспособности, следует квалифицировать как недействительные.

Это имеет самое прямое отношение к организации деятельности оператора обмена ЦФА. В частности, организатору торговли – оператору обмена ЦФА запрещено заниматься производственной, торговой и страховой деятельностью, а также деятельностью по ведению реестра владельцев ценных бумаг. Ему запрещается осуществлять функции кредитных организаций. Организатору торговли – оператору обмена ЦФА нельзя управлять акционерными инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами, негосударственными пенсионными фондами. Организатор торговли – оператор обмена ЦФА не может рассматриваться в качестве специализированного депозитария инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов. Ему запрещено осуществлять деятельность в качестве акционерного инвестиционного фонда, негосударственного пенсионного фонда по пенсионному обеспечению и пенсионному страхованию. Законодателем установлен однозначный запрет на осуществление деятельности организатора торговли – оператора обмена ЦФА в качестве центрального контрагента. Несомненно, что такое ограничение сферы деятельности оператора обмена ЦФА предусмотрено для того, чтобы он не «распылялся» при оказании широкого круга услуг, а сосредоточился на определенном сегменте общественных отношений, в рамках которого продемонстрировал бы высокие профессиональные показатели, гарантирующие безопасность оказываемых услуг.

Если организатор торговли одновременно выступает и оператором обмена ЦФА, то для ведения деятельности по проведению организованных торгов в таком хозяйственном обществе, функционирующем в организационно-правовой форме или ООО, или АО, должны быть созданы специальные структурные подразделения, причем конфликт интересов в рамках осуществления разноплановой деятельности организатора торговли – оператора обмена ЦФА недопустим.

К учредителям и органам управления организатора торговли – оператора обмена ЦФА предъявляются достаточно жесткие требования, установленные в нормах ст. 10 Закона о ЦФА. В нашей юрисдикции таким требованиям полностью соответствует, например, Публичное акционерное общество «Московская Биржа ММВБ-РТС» – ПАО «Мосбиржа». Именно указанный организатор торговли стал первым оператором обмена цифровых финансовых активов в Российской Федерации, что позволило Банку России в августе 2023 г. открыть соответствующий реестр операторов обмена цифровых финансовых активов.

Однако признавая соответствие действующему законодательству о ЦФА решение о включении ПАО «Мосбиржа» в реестр операторов обмена ЦФА, мы полагаем, что в целях обеспечения стабильности оборота ЦФА, обеспечения должной степени защиты прав частных лиц – действующих обладателей ЦФА, старающихся реализовать эти цифровые финансовые активы, и лиц, выразивших желание приобрести ЦФА, государственный контроль за оборотом ЦФА должен находиться на более высоком уровне. Думается, что функции оператора обмена ЦФА должны возлагаться на определенный государственный орган, ответственность за деятельность которого будет возлагаться на само государство, а не ограничиваться вкладом участников в уставной капитал того или иного хозяйственного общества. Полагаем, что такое решение вопроса позволит значительно повысить гарантии стабильности рынка ЦФА, инвестиционную привлекательность российской экономики.

Выводы

Несомненно, что объем оборота ЦФА, которые, на наш взгляд, являются весьма перспективным инвестиционным финансовым инструментом, будет нарастать. Вполне уместно распространить нормы закона о ЦФА не только на непубличные акционерные общества, но и на публичные АО, но с введением условий об обязательном страховании ответственности эмитентов ЦФА и операторов выпуска ЦФА.

Мы убеждены, что гарантированность стабильности оборота ЦФА со стороны государства позволит увеличить скорость оборота свободных капиталов, будет способствовать направлению их в наиболее эффективные социально-экономические проекты, повышению ресурсной базы этих проектов. Накопленный человечеством опыт показывает, что одним из следствий вышесказанного в ближнесрочной перспективе должно стать повышение результативности социально-производственной деятельности, что отвечает как чаяниям отдельной личности, так и интересам всего социально-правового государства, коим и является Российская Федерация, что вполне вписывается в рамки обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Думается, что в современных условиях медлить с внедрением перспективных технологий нельзя, т. к. задержки на пути развития экономики в условиях противодействия Российской Федерации со стороны недружественных государств недопустимы.

Список литературы

1. Куксин И. Н., Чечельский И. В. Обеспечение баланса публичных и частных интересов как средство достижения справедливости в правотворчестве // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 28 апреля 2016 года / [под общ. ред. Д.А. Пашенцева]. Рязань: Концепция, 2016. С. 420–427.

2. Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6 (135). С. 105–117.

3. Габов А. В. Электронное взаимодействие и цифровые технологии в корпоративном управлении акционерным обществом в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 24–64.

4. Карцхия А. А. Цифровые технологии в процессе «цифровой» адаптации права // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2019. № 5. С. 41–48.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковик, 1999. 944 с.

6. Васильев С. В. Частное и публичное право в России: Историко-теоретический анализ: автореф. дис. … докт. юрид. наук. СПб., 2002. 35 с.

7. Лутфуллин Р. Р. Тоталитаризм как политико-правовое явление: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2003. 28 с.

8. Бученков Д. Е. Феномен анархизма в политической жизни современной России: автореф. дис. … канд. полит. наук. Н. Новгород, 2003. 28 с.

9. Сафронов О. С. Проблемы эволюции общества и государства в идеологии русского анархизма (М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин): дис. … докт. ист. наук. Воронеж, 2015. 463 с.

10. Назаров И. Ю. Идеология и политическая практика махновского движения: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2006. 32 с.

11. Жуков Ю. В. Политические идеи анархизма П.А. Кропоткина в контексте современности: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 236 с.

12. Архипова Е. Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 2. С. 132–139.

13. Садков А. Н., Мамедов Р. Ю., Карпычев М. В. Социализация частного права как тренд российской и азербайджанской правовой системы // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / ред.: Н. В. Котельников, П. М. Филиппов, Н. И. Батурина, Ю. В. Репникова. Вып. 12. Волгоград: ВА МВД России, 2020. С. 157–161.

14. Цивилизационный путь развития России в контексте междисциплинарных научных исследований: коллективная монография / Р. А. Данакари, Ю. Н. Дрокин, Н. Г. Екатериничева [и др.]; под общ. ред. М. А. Кузнецовой. Волгоград: Волгоград. гос. Аграрный ун-т, 2023. 191 с.

15. Mahoney J. T., McGahan A. M., McGahan A. M. The Interdependence of Private and public interests // Organization Science. 2009. Vol. 20, no. 6. P. 1034–1052.

16. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова (гл. ред.) и Л. С. Шаумяна. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Сов. Энцикл., 1964. 784 с.

17. Головенчик Г. Г., Ковалев М. М. Цифровая экономика. Минск: Изд. центр БГУ, 2019. 395 с.

18. Гончарова М. В., Гончаров А. И., Споловихин О. Ю. Экономические интересы и риски участников операций с цифровыми финансовыми активами // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 2. С. 105–119.

19. Корнилов Д. А., Корнилова Е. В. Криптовалюты и токенизация бизнеса // Вестник НГИЭИ. 2019. № 5 (96). С. 107–118.

20. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 22 с.

21. Садков В. А. Специфика гражданско-правового оборота цифровых финансовых активов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 79–88.

22. Котельников Н. В., Садков А. Н. Функциональная правоспособность юридического лица как правовой механизм ограничения пределов его участия в гражданском обороте // Правовой порядок: актуальные проблемы развития государственно-правовых институтов / под ред. Г.Ф. Барковского, С. О. Беляева, Г. С. Працко. М.: Вузовская книга, 2010. С. 662–665.

References

1. Kuksin I. N., Chechel'skij I. V. [Ensuring a balance of public and private interests as a means of achieving justice in lawmaking]. *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty i yuridicheskaya praktika. Materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamyati professora Feliksa Mihajlovicha Rudinskogo* [Human and civil rights and freedoms: theoretical aspects and legal practice. Materials of the annual International Scientific Conference in Memory of Professor Felix Mikhailovich Rudinsky]; ed. by D. A. Pashenceva. Ryazan', Koncepciya Publ., 2016, pp. 420–427. (In Russ.)

2. Vasilevskaya L. Yu. Cifrovizaciya grazhdanskogo oborota: problemy i tendencii [Digitalization of civil turnover: problems and trends]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*, 2020, no. 6 (135), pp. 105–117.

3. Gabov A. V. Elektronnoe vzaimodejstvie i cifrovye tekhnologii v korporativnom upravlenii akcionernym obshchestvom v Rossii [Electronic interaction and digital technologies in corporate gover-

nance of a joint-stock company in Russia]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 2, pp. 24–64.

4. Karckhiya A. A. Cifrovye tekhnologii v processe "cifrovoj" adaptacii prava [Digital technologies in the process of "digital" adaptation of law]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual property. Industrial property*, 2019, no. 5, pp. 41–48.

5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovik Publ., 1999. 944 p.

6. Vasil'ev S. V. Chastnoe i publichnoe pravo v Rossii: Istoriko-teoreticheskij analiz. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Private and Public Law in Russia: Historical and Theoretical Analysis. Dr. legal sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2002. 35 p.

7. Lutfullin R. R. Totalitarizm kak politiko-pravovoe yavlenie. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Totalitarianism as a political and legal phenomenon. Cand. legal sci. abstract diss.]. Kazan', 2003. 28 p.

8. Buchenkov D.E. Fenomen anarhizma v politicheskoj zhizni sovremennoj Rossii. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [The phenomenon of anarchism in the political life of modern Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. N. Novgorod, 2003. 28 p.

9. Safronov O. S. Problemy evolyucii obshchestva i gosudarstva v ideologii russkogo anarhizma (M. A. Bakunin i P. A. Kropotkin). Diss. dokt. istor. nauk [Problems of the evolution of society and the state in the ideology of russian anarchism (M. A. Bakunin and P. A. Kropotkin). Dr. hist. sci. abstract diss.]. Voronezh, 2015. 463 p.

10. Nazarov I. Yu. Ideologiya i politicheskaya praktika mahnovskogo dvizheniya. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Ideology and political practice of the Makhnovist movement. Cand. hist. sci. abstract diss.]. Moscow, 2006. 32 p.

11. Zhukov Yu. V. Politicheskie idei anarhizma P. A. Kropotkina v kontekste sovremennosti. Diss. kand. yurid. nauk [Political ideas of P. A. Kropotkin Anarchism in the context of modernity. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2006. 236 p.

12. Arhipova E. Yu. Balans chastnyh i publichnyh interesov pri pravovom regulirovanii [The balance of private and public interests in legal regulation]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Actual problems of the state and law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 132–139.

13. Sadkov A. N., Mamedov R. Yu., Karpychev M. V. [Socialization of private law as a trend of the Russian and Azerbaijani legal system]. *Aktual'nye problemy chastnogo i publichnogo prava. Sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual problems of private and public law. Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and Practical conference]; ed. by N. V. Kotel'nikov, P. M. Filippov, N. I. Baturina, Yu. V. Repnikova. Is. 12. Volgograd, VA MVD Rossii Publ., 2020, pp. 157–161. (In Russ.)

14. Danakari R. A., Drokin Yu. N., Ekaterinicheva N. G., eds. Civilizacionnyj put' razvitiya Rossii v kontekste mezhdisciplinarnyh nauchnyh issledovanij [The civilizational path of Russia's development in the context of interdisciplinary scientific research]; ed. by M. A. Kuznecova. Volgograd, Volgograd St. Agrarian Univ. Publ., 2023. 191 p.

15. Mahoney J. T., McGahan A. M., McGahan A. M. The interdependence of Private and public interests. *Organization Science*, 2009, vol. 20, no. 6, pp. 1034–1052.

16. Slovar' inostrannyh slov [Dictionary of foreign words]; ed. by I. V. Lekhin, S. M. Lokshina, F. N. Petrov, L. S. Shaumyan. Moscow, Sov. Encikl. Publ., 1964. 784 p.

17. Golovenchik G. G., Kovalev M. M. Cifrovaya ekonomika [The digital economy]. Minsk, Izd. centr BGU, 2019. 395 p.

18. Goncharova M. V., Goncharov A. I., Spolovihin O. Yu. Ekonomicheskie interesy i riski uchastnikov operacij s cifrovymi finansovymi aktivami [Economic interests and risks of participants in transactions with digital financial assets]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Volgograd State University. Economy*, 2023, vol. 25, no. 2, pp. 105–119.

19. Kornilov D. A., Kornilova E. V. Kriptovalyuty i tokenizaciya biznesa [Cryptocurrencies and business tokenization]. *Vestnik NGIEI = Bulletin NGIEI*, 2019, no. 5 (96), pp. 107–118.

20. Sadkov V. A. Cifrovye finansovye aktivy kak ob"ekty grazhdanskih prav. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Digital financial assets as objects of civil rights. Cand. legal sci. abstract diss.]. Volgograd, 2022. 22 p.

21. Sadkov V. A. Specifika grazhdansko-pravovogo oborota cifrovyh finansovyh aktivov [Digital financial assets as objects of civil rights]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Se-*

riya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 79–88.

22. Kotel'nikov N. V., Sadkov A. N. [The functional legal capacity of a legal entity as a legal mechanism for limiting the limits of its participation in civil turnover]. *Pravovoj poryadok: aktual'nye problemy razvitiya gosudarstvenno-pravovyh institutov* [Legal order: current problems of the development of state legal institutions]; ed. by G. F. Barkovskii, S. O. Belyaev, G. S. Pracko. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 2010, pp. 662–665. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Филиппов Петр Мартынович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-5439-8382,
e-mail: civillaw34@yandex.ru

Pyotr M. Filippov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Leading Researcher of the Scientific and Educational center "Civilist" of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
ORCID: 0000-0001-5439-8382,
e-mail: civillaw34@yandex.ru

Садков Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Право и социально-гуманитарные дисциплины», Волгоградский государственный университет; старший научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0002-6148-0576,
e-mail: sadkov@volgau.ru

Andrey N. Sadkov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Law and Socio-Humanitarian Disciplines Department, Volgograd State Agrarian University; Senior Researcher of the Civil and International Private Law Department, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation,
ORCID: 0000-0002-6148-0576,
e-mail: sadkov@volgau.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.61/.64

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-112-121

CC BY 4.0

Особенности межотраслевых связей семейных правоотношений

О. А. Рутковская [1] ✉

[1] Московский университет имени А. С. Грибоедова
шоссе Энтузиастов, д. 21, г. Москва 111024, Российская Федерация

✉ e-mail: login8@mail.ru

Резюме

***Актуальность**. Одной из проблем семейного права является необходимость разграничения отдельных групп семейных правоотношений, нуждающихся в различных вариантах межотраслевого регулирования.*

При поиске решений данной задачи автором на основе проведенного анализа правового регулирования семейных правоотношений как отрасли права и соотношения норм семейного права и норм иной отраслевой принадлежности делается вывод о необходимости выделения, во-первых, непосредственно семейных правоотношений, для которых характерно доминирование норм семейного права с ограниченным применением норм иной отраслевой принадлежности для достижения целей, определяемых семейным правом, и, во-вторых, правоотношений, которые возможно охарактеризовать как «осложненные» семейным элементом, при регулировании которых применение положений семейного права направлено на учет требований семейного права в рамках правоотношений, в целом регулируемых нормами иной отраслевой принадлежности.

***Целью** исследования является разработка теоретических положений, определяющих особенности проявления межотраслевых связей семейных правоотношений на современном этапе развития законодательства Российской Федерации.*

***Задачи**: выявить проблемы, связанные с наличием межотраслевых связей семейных правоотношений; проанализировать межотраслевые связи семейных правоотношений с учетом особенностей существующего отраслевого законодательного регулирования; предложить варианты разграничения семейных правоотношений по критерию доминирования при их регулировании норм семейного права либо норм иной отраслевой принадлежности, определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.*

***Методология**. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

***Результаты** исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования семейных правоотношений.*

***Выводы**, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики. Статья является продолжением научных исследований автора по вопросам развития теории семейных правоотношений.*

***Ключевые слова**: семья; семейные правоотношения; межотраслевые связи; семейное законодательство; частное право.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Рутковская О.А. Особенности межотраслевых связей семейных правоотношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 112–121. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-112-121.

Поступила в редакцию 02.10.2023 Принята к публикации 17.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Рутковская О.А., 2023

Peculiarities of Interbranch Relations of Family Legal Relations

Olga A. Rutkovskaya[1] ✉

[1] A. S. Griboyedov Moscow University
21 Entuziastov highway, Moscow 111024, Russian Federation

✉ e-mail: login8@mail.ru

Abstract

Relevance. *One of the problems of family law is the need to distinguish separate groups of family legal relations, which need different variants of interbranch regulation.*

When searching for solutions to this problem, the author, based on the analysis of legal regulation of family legal relations as a branch of law and the correlation between the norms of family law and norms of other branch affiliation, concludes that it is necessary to distinguish, firstly, family legal relations directly, which are characterized by the dominance of family law norms with limited application of norms of other sectoral affiliation to achieve the goals defined by family law, and, secondly, legal relations, which can be characterized as "complicated" by a family element, in the regulation of which the application of family law provisions is aimed at taking into account the requirements of family law within the framework of legal relations, generally regulated by norms of other branch affiliation.

The purpose *of the study is to develop theoretical provisions that determine the features of manifestation of interbranch relations of family legal relations at the present stage of development of the legislation of the Russian Federation.*

Objectives*: to identify problems associated with the presence of interbranch relations of family legal relations; to analyze interbranch relations of family legal relations taking into account the peculiarities of the existing sectoral legislative regulation; to propose variants of differentiation of family legal relations by the criterion of dominance in their regulation of norms of family law or norms of other branch affiliation, to determine the directions of further development of legal regulation of the issues under consideration.*

Methodology*. When writing the work used dialectical-materialistic method, system method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method.*

The results *of the research are are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of family legal relations.*

The conclusions *made in the article are of a discussion nature, aimed at the continuation of research in the framework of the declared subject. The article is a continuation of the author's scientific research on the development of the theory of family legal relations.*

Keywords: *family; family legal relations; inter-branch relations; family legislation; private law.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Rutkovskaya O. A. Peculiarities of Interbranch Relations of Family Legal Relations*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 112–121. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-112-121

Received 02.10.2023 Accepted 17.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Анализ правового регулирования семейных правоотношений как отрасли права и соотношения норм семейного права и норм иной отраслевой принадлежности проводился в научных трудах известных отечественных и зарубежных ученых [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Ряд публикаций последних лет были посвящены непосредственно изучению межотраслевых связей семейного права и семейных правоотношений [7; 8].

Вместе с тем многие вопросы, связанные с рассматриваемой в настоящей статье проблематикой, по-прежнему вызывают дискуссии, не имеют однозначных, общепризнанных решений.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил осуществить исследование межотраслевых связей семейных правоотношений с учетом особенностей существующего отраслевого законодательного регулирования. Использование системного метода позволило провести анализ основных проблем, связанных с соотношением норм права различной отраслевой принадлежности при регулировании различных видов рассматриваемых правоотношений. Методы анализа и синтеза дали возможность осуществить сопоставление правовых норм, регулирующих семейные правоотношения и связанные с ними правоотношения, регулируемые правовыми нормами иной отраслевой принадлежности, обосновать тезисы выдвигаемых предложений. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Значительная часть семейных отношений нуждается в межотраслевом регулировании. В качестве примеров необходимости такого регулирования Е. В. Косенко обоснованно приводит сферу регулирования вопросов опеки и попечительства, решение вопросов об ограничении и лишении родительских прав, алиментах, актах гражданского состояния [7, с. 70].

Наличие семейных отношений существенным образом влияет на осуществление прав супругов, установленных гражданским законодательством Российской Федерации, причем Семейный кодекс Российской Федерации[1] (далее – СК РФ) предусматривает различные правовые механизмы (брачный договор, соглашение о разделе совместно нажитого имущества), использование которых позволяет участникам семейных правоотношений различным образом предопределять решение имущественных вопросов в рамках возникающих гражданско-правовых отношений, в том числе с участием третьих лиц.

М. Ю. Челышев, анализируя межотраслевые связи гражданского права, отмечал, что усложнение общественных отношений и их правового регулирования на современном этапе все чаще выражается в развитии комплексного, межотраслевого регулирования [9, с. 3], причем для возникновения межотраслевых связей требуется наличие общности регулируемых отношений при сохранении дифференциации с учетом отраслевой принадлежности [9, с. 56, 58–59, 434].

Семейное право регулирует межотраслевые отношения, связанные с различными отраслями как частного, так и публичного права, включая нормы публичного права, реализация которых требует участия публично-правовых образований, контроля со стороны уполномоченных органов, в связи с чем Е. В. Косенко предлагает выделять среди правоотношений, регулируемых семейным правом, частные и частно-публичные отношения [10, с. 71]. Самостоятельность семейного права при этом предопределяется, по мнению В. В. Кулакова, особыми целями участников семейных отношений [8, с. 128].

Участники семейных правоотношений должны обладать свободой при принятии решений, что гарантируется, в частности, принципом добровольности

[1] Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 1995 № 223-ФЗ : [ред. от 31.07.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 21.09.2023).

брачного союза [11; 12]. Но при этом частные потребности и волеизъявления не должны приводить к нарушению прав и законных интересов других членов общества, в связи с чем необходимо согласование действий и решений, принимаемых его отдельными членами, что обеспечивается, в частности, за счет принципов равенства прав супругов в семье [13] и разрешения внутрисемейных споров по взаимному согласию [14; 15].

В то же время регулирование семейных правоотношений во многих случаях требует применения публично-правовых средств и наличия императивного регулирования ввиду необходимости обеспечения защиты семейных ценностей [16, с. 126], защиты слабой стороны возникающих отношений [17], например, при регулировании семейных правоотношений, возникающих в результате усыновления или иной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Баланс между публично-правовым и частноправовым регулированием семейных правоотношений, императивными требованиями и частноправовыми подходами существенным образом отличался на разных этапах общественного развития.

При этом представляется недостаточно обоснованным выделение и признание приоритетного значения императивного подхода к регулированию семейных правоотношений [18]. Специфика семейного права состоит в том, что регулируемые им семейные правоотношения ввиду их большого разнообразия могут в различной степени нуждаться в межотраслевом регулировании, причем если решение одних вопросов, например, связанных с защитой несовершеннолетних детей, во многих случаях исключает диспозитивное регулирование, то при осуществлении, например, предпринимательской деятельности членами семьи [5; 18] существует необходимость в предоставлении им максимальной свободы при принятии решений в качестве хозяйствующих субъектов и, соответственно, в наличии преимущественно диспозитивного правового регулирования отношений, связанных с такой деятельностью.

Ограничения, налагаемые императивными нормами на осуществление прав членов семьи при их участии в предпринимательских отношениях, в экономическом обороте, могут осложнять такую деятельность и приводить в конечном счете к причинению убытков и снижению благосостояния семей, в связи с чем особенно важно обеспечить достижение разумного баланса при применении правовых средств различной отраслевой принадлежности.

Важно осуществить разграничение отдельных групп семейных правоотношений, нуждающихся в различных вариантах межотраслевого регулирования. Для каждой из таких групп возможно будет с учетом действия общих базовых требований семейного права развивать несколько отличающиеся варианты при совершенствовании правового регулирования на основе межотраслевых подходов.

В частности, в тех случаях, когда речь идет об имущественных отношениях, подпадающих под гражданско-правовое регулирование, установление и применение императивных норм семейного права является оправданным при условии, что это необходимо для защиты интересов слабой стороны семейных правоотношений, например, несовершеннолетних детей [10]. В остальных случаях ограничение свободы участия членов семьи в экономическом обороте должно допускаться только тогда, когда существуют явные угрозы нарушения существенных интересов других участников семейных правоотношений.

В тех случаях, когда речь идет об отношениях, связанных с экономическим обменом, превалирующее значение должны иметь нормы гражданского права, при этом нормы семейного права, с учетом их специфики, могут играть

прежде всего роль сдерживающего, корректирующего фактора, обеспечивающего охрану прав и законных интересов участников семейных правоотношений в определенных особых случаях.

Вместе с тем следует признать, что до настоящего времени встречаются попытки обосновать иные подходы, например, основанные на полном исключении отношений экономического обмена из сферы действия семейного права, с отнесением их исключительно к сфере гражданского права. При этом совершение действий, аналогичных гражданско-правовым сделкам, между членами семьи, предлагается рассматривать как не подпадающие под действие гражданского права, «даже если у них сходный объект, сходное положение субъектов (соответственно, перевод родителем денег ребенку, даже совершеннолетнему, к примеру, на оплату учебы, вряд ли обоснованно квалифицировать в качестве дарения, равно как и оплату одним членом семьи лечение другого)» [8, с. 128].

Данный вывод вступает в противоречие с закладываемыми отечественным законодательством базовыми подходами. В частности, законодательство не предусматривает отдельного правового регулирования для вышеуказанных действий при их совершении между членами семьи. Перевод средств между физическими лицами, оплата учебы или лечения одним лицом за другое лицо будут квалифицироваться на основании положений гражданского права, вызывать определенные гражданско-правовые и налоговые последствия, включая возможность исключения таких сумм из налогооблагаемой базы и т. д. Наличие семейных правоотношений при этом будет учитываться в качестве важного фактора, определяющего в ряде случаев как гражданско-правовые, так и налоговые и иные последствия совершения таких действий, но не может приводить к исключению применения в отношении указанных действий положений гражданского, налогового и иного законодательства.

Проблема межотраслевых связей гражданского и семейного права неоднократно становилась предметом исследования отечественных ученых [1; 19; 20], относившими даже брачный договор к числу «обычных гражданско-правовых сделок» [2, с. 8] либо указывавших на невозможность установления значимых отличий брачного договора от гражданско-правовых договоров [21, с. 72].

Гражданское право и семейное право находятся в сложной взаимосвязи друг с другом, применение норм гражданского законодательства к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, возможно только при условии, что это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК РФ), при этом возможно применение семейного законодательства и гражданского законодательства к семейным отношениям по аналогии, а при отсутствии возможности применения аналогии закона или аналогии права – на основе принципов гуманности, разумности и справедливости (ст. 5 СК РФ).

Таким образом, законодательство допускает, что во многих случаях семейные правоотношения и гражданские правоотношения между членами семьи могут регулироваться сложным, комплексным образом, с применением в различных сочетаниях норм семейного и гражданского права. Однако в тех случаях, когда речь идет, в частности, о передаче имущества по гражданско-правовым основаниям, семейное право играет особую роль, обеспечивая соблюдение участниками правоотношений требований семейного законодательства, но действия таких участников по осуществлению права собственности, интеллектуальных прав, выполнению договорных обязательств и участию в иных отношениях, регулируемых гражданским законодательством (ст. 2 ГК РФ), подлежат ква-

лификации в соответствии с нормами гражданского права.

Закрепляемые в ст. 1 СК РФ основные начала семейного законодательства, включая учет необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности и др., при этом подлежат применению опосредованно, в рамках существующего правового регулирования или в качестве базовых принципов, учитываемых при рассмотрении судебных споров [6].

С учетом определения в ст. 2 СК РФ перечня отношений, регулируемых семейным законодательством, возможно сформировать систему субординационных межотраслевых связей с учетом превалирования в различной степени в рамках тех или иных складывающихся отношений семейных правоотношений или иных правоотношений, связанных с семейными, но подпадающих преимущественно под правовое регулирование нормами иной отраслевой принадлежности. Так, например, при решении вопросов, связанных с усыновлением, выявлением детей, оставшихся без попечения родителей, и иных вопросов, связанных с защитой интересов детей, преимущественное значение будут иметь нормы семейного права, в то время как законодательные положения иной отраслевой принадлежности, включая административные по своему содержанию нормы, должны служить реализации положений, закрепляемых семейным правом.

При решении вопросов, связанных с осуществлением имущественных прав, нормы семейного права подлежат особому учету, в том числе в связи с установлением ими в ряде случаев особого порядка осуществления прав на совместно нажитое имущество, особых положений, применяемых при разделе имущества супругов, специальных прав [22] и др. Но порядок возникновения, осуществления и защиты имущественных прав будет определяться в первую очередь нормами гражданского права, при применении которых будут дополнительно применяться нормы семейного права. Так, О. Ю. Ильиной отмечается, что применение норм наследственного права во многих случаях требует учета семейно-правового регулирования [23], указанным автором рассмотрены также особенности регулирования семейных правоотношений в рамках предмета наследственного права и права социального обеспечения [3].

Интересно отметить, что такие основные начала семейного законодательства, как недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможность судебной защиты этих прав (п. 1 ст. 1 СК РФ) в значительной степени коррелируют с основными началами гражданского законодательства (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Указанные базовые подходы при их последовательном применении к имущественным правоотношениям, возникающим между членами семьи или с их участием, должны приводить к повышению гарантий для участников семейных правоотношений при реализации ими своих имущественных прав. Так, например, последовательное применение вышеуказанных начал должно было бы приводить к недопустимости оспаривания третьими лицами сделок между членами семьи как мнимых или притворных, поскольку члены семьи должны иметь возможность сами определять основания и условия обмена имуществом и имущественными правами, без необходимости подтверждения перед государством или третьими лицами обоснованности принимаемых ими решений. В случае если при этом нарушаются права третьих лиц, имущество таким лицам должно возвращаться

по иным, специально установленным законом и подтвержденным судебными решениями основаниям, например, в случае хищения, мошенничества, неосновательного обогащения и т. д.

Внутрисемейные имущественные отношения при отсутствии дополнительных оснований в виде обращения за защитой какого-либо их участника или необходимости защиты несовершеннолетних лиц, должны были бы рассматриваться в качестве подпадающих под гражданско-правовое регулирование только в той мере, в какой такие отношения нуждаются во «внешнем» юридическом оформлении, в частности, при регистрации имущества или сделок с ним.

Выводы

В качестве основных особенностей межотраслевых связей семейных правоотношений, таким образом, можно выделить необходимость разграничения, с одной стороны, непосредственно семейных правоотношений, для которых характерно доминирование норм семейного права с ограниченным применением норм иной отраслевой принадлежности для достижения целей, определяемых семейным правом, и, с другой стороны, правоотношений, которые возможно охарактеризовать как «осложненные» семейным элементом, для которых применение положений семейного права будет иметь «восполнительный», «корректирующий» характер, направленный на учет требований семейного права в рамках правоотношений, в целом регулируемых нормами иной отраслевой принадлежности.

При этом в отношении конкретных возникающих правоотношений установление субординации применяемых правовых норм может представлять собой сложную задачу и нуждается в разработке специальной научно обоснованной классификации.

Список литературы

1. Алиев Т. Т. О специфике семейных правоотношений (на примере анализа соотношения гражданско-правовых и семейных правоотношений) // Современное право. 2014. № 11. С. 72–75.

2. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Брачный договор. Комментарий семейного и гражданского законодательства. М.: Статут, 2009. 147 с.

3. Ильина О. Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–15.

4. Илюхина В. А. Развитие принципов семейного права в контексте конституционной реформы 2020 г. в России // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы V Международной научно-практической конференции: в 2 т. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. Т. 1. С. 324–326.

5. Левушкин А. Н., Измайлов В. В. Государственная политика в сфере семейного предпринимательства и его поддержка // Современный юрист. 2021. № 1 (34). С. 68–80.

6. Рабец А. М. Конституционные принципы семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 9–11.

7. Косенко Е. В. Межотраслевые связи в семейных правоотношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 70–73.

8. Кулаков В. В. Межотраслевые связи семейного права // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Международная научно-практическая конференция / отв. ред. О. Ю. Ильина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 128–131.

9. Челышев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.

10. Гуляева О. Н. Слабый субъект семейных правоотношений: сравнительно-правовое исследование // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 5. С. 128–132.

11. Ильина О. Ю. Меры по примирению супругов в контексте ограничения принципа добровольности брачного союза // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. П. Очередько, А. Н. Кузбагарова, С. Ю. Катуковой. СПб.: Астерон, 2019. С. 92–97.

12. Илюхина В. А. Принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины в судебной практике // Пятый конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Русайнс, 2023. С. 191–201.

13. Торосян Р. А. Равенство полов в сфере семейных правоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, № 3. С. 349–356.

14. Дробин А. Р., Попова Е. Д. Процедура медиации и её роль в регулировании спорных семейных правоотношений // Вопросы российской юстиции. 2023. № 25. С. 95–100.

15. Скуратовская М. М. Медиация, применимая при разрешении споров, вытекающих из семейных правоотношений // Российское государствоведение. 2017. № 1. С. 93–100.

16. Ксенофонтова Д. С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // Lex russica. 2021. Т. 74, № 11. С. 124–133.

17. Краснова Т. В. Взаимодействие норм морали и права как регуляторов поведения родителей в семейных правоотношениях // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 3А. С. 122–130.

18. Пономарев Д. А. Понятие и признаки семейного предпринимательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 54–64.

19. Касаткина А. Ю. Семейное и наследственное правоотношение по законодательству Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 4. С. 9–15.

20. Тарасов Ю. А. Особенности семейных правоотношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2-1. С. 210–214.

21. Звенигородская Н. Ф. Проблема правовой природы договоров в семейном праве в свете межотраслевых связей гражданского и семейного права // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 72–75.

22. Ковалёва М. Л. Преимущественные права как элемент правового статуса субъекта семейных правоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 111–118.

23. Ильина О. Ю. О применении Семейного кодекса Российской Федерации при регулировании наследственных правоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 15–20.

References

1. Aliev T. T. O specifike semejnyh pravootnoshenij (na primere analiza sootnosheniya grazhdansko-pravovyh i semejnyh pravootnoshenij) [On the specifics of family legal relations (by the example of the analysis of the ratio of civil and family legal relations)]. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2014, no. 11, pp. 72–75.

2. Gongalo B. M., Krasheninnikov P. V. Brachnyj dogovor. Kommentarij semejnogo i grazhdanskogo zakonodatel'stva [The prenuptial agreement. Commentary on family and civil law]. Moscow, Statut Publ., 2009. 147 p.

3. Il'ina O. Yu. Semejnye otnosheniya i semejnye pravootnosheniya kak predmet inogo otraslevogo regulirovaniya [Family relations and family legal relations as a subject of other industry regulation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2021, no. 1 (65), pp. 7–15.

4. Ilyuhina V. A. [The development of the principles of family law in the context of the constitutional reform of 2020 in Russia]. *Tambovskie pravovye chteniya imeni F. N. Plevako. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Tambov Legal Readings named after "F. N. Plevako". Materials of the V International Scientific and Practical Conference]. Tambov, Izd. dom "Derzhavinskij", 2021, vol. 1, pp. 324–326. (In Russ.)

5. Levushkin A. N., Izmajlov V. V. Gosudarstvennaya politika v sfere semejnogo predprinimatel'stva i ego podderzhka [State policy in the field of family entrepreneurship and its support]. *Sovremennyj yurist = A modern lawyer*, 2021, no. 1 (34), pp. 68–80.

6. Rabec A. M. Konstitucionnye principy semejnogo prava Rossijskoj Federacii [Constitutional Principles of Family Law of the Russian Federation]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2023, no. 4, pp. 9–11.

7. Kosenko E. V. Mezhotraslevye svyazi v semejnyh pravootnosheniyah [Intersectoral relations in family legal relations]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2016, no. 3 (110), pp. 70–73.

8. Kulakov V. V. [Intersectoral relations of family law]. *Semejnoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i social'nye orientiry sovershenstvovaniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* [Family law and legislation: political and social guidelines for improvement. International Scientific and Practical Conference]; ed. by O. Yu. Il'ina. Tver', Tver St. Univ. Publ., 2015, pp. 128–131. (In Russ.)

9. Chelyshev M. Yu. Sistema mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie. Diss. dokt. yurid. nauk [The system of intersectoral relations of civil law: a civilistic study. Dr. legal sci. abstract diss.]. Kazan', 2008. 501 p.

10. Gulyaeva O. N. Slabyj sub"ekt semejnyh pravootnoshenij: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [A weak subject of family legal relations: a comparative legal study]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki = Problems of economics and legal practice*, 2022, vol. 18, no. 5, pp. 128–132.

11. Il'ina O. Yu. [Measures for the reconciliation of spouses in the context of limiting the principle of voluntary marriage]. *Primiritel'nye procedury v civilisticheskom prave i sudoproizvodstve. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Conciliation procedures in civil law and judicial proceedings. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]; ed. by V. P. Ochered'ko, A. N. Kuzbagarov, S. Yu. Katukova. St. Petersburg, Asteron Publ., 2019, pp. 92–97. (In Russ.)

12. Ilyuhina V. A. [The principle of voluntary marriage of a man and a woman in judicial practice]. *Pyatyj kongress civilistov pravoohranitel'nyh organov. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [The Fifth Congress of civil law enforcement officers. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Moscow, Rusajns Publ., 2023, pp. 191–201. (In Russ.)

13. Torosyan R. A. Ravenstvo polov v sfere semejnyh pravootnoshenij [Gender equality in the field of family relations]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 349–356.

14. Drobin A. R., Popova E. D. Procedura mediacii i eyo rol' v regulirovanii spornyh semejnyh pravootnoshenij [Mediation procedure and its role in the regulation of disputed family relations]. *Voprosy rossijskoj yusticii = Issues of Russian justice*, 2023, no. 25, pp. 95–100.

15. Skuratovskaya M. M. Mediaciya, primenimaya pri razreshenii sporov, vytekayushchih iz semejnyh pravootnoshenij [Mediation applicable in the resolution of disputes arising from family legal relations]. *Rossijskoe gosudarstvovedenie = Russian State Studies*, 2017, no. 1, pp. 93–100.

16. Ksenofontova D. S. Semejnoe pravo v usloviyah formirovaniya novoj social'noj real'nosti: doktrinal'nye nachala pravoprimeneniya [Family law in the context of the formation of a new social reality: doctrinal principles of law enforcement]. *Lex russica*, 2021, vol. 74, no. 11, pp. 124–133.

17. Krasnova T. V. Vzaimodejstvie norm morali i prava kak regulyatorov povedeniya roditelej v semejnyh pravootnosheniyah [The interaction of moral norms and law as regulators of parents' behavior in family legal relations]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*, 2017, vol. 7, no. 3A, pp. 122–130.

18. Ponomarev D. A. Ponyatie i priznaki semejnogo predprinimatel'stva [The concept and signs of family entrepreneurship]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 54–64.

19. Kasatkina A. Yu. Semejnoe i nasledstvennoe pravootnoshenie po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: sravnitel'no-pravovoj aspekt [Family and inheritance relations under the legislation of the Russian Federation: a comparative legal aspect]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2017, no. 4, pp. 9–15.

20. Tarasov Yu. A. Osobennosti semejnyh pravootnoshenij [Features of family legal relations]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2012, no. 2-1, pp. 210–214.

21. Zvenigorodskaya N. F. Problema pravovoj prirody dogovorov v semejnom prave v svete mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo i semejnogo prava [The problem of the legal nature of contracts in family law in the light of intersectoral relations of civil and family law]. *Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Vector of Science TSU. Series: Legal Sciences*, 2010, no. 2, pp. 72–75.

22. Kovalyova M. L. Preimushchestvennye prava kak element pravovogo statusa sub"ekta semejnyh pravootnoshenij [Preferential rights as an element of the legal status of the subject of family relations]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Tver State University. Series: Law*, 2014, no. 2, pp. 111–118.

23. Il'ina O. Yu. O primenenii Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii pri regulirovanii nasledstvennyh pravootnoshenij [On the application of the Family Code of the Russian Federation in the regulation of hereditary legal relations]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2017, no. 2, pp. 15–20.

Информация об авторе / Information about the Author

Рутковская Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса, Московский университет имени А. С. Грибоедова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3068-5608

Olga A. Rutkovskaia, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure, A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian federation,
e-mail: login8@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3068-5608

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.61/.64

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-122-130

(cc) BY 4.0

Учет экономической цели и намерений нарушителя при определении размера компенсации за нарушение исключительных прав

М. А. Каменский [1] ✉

[1]Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации
ул. Большая Якиманка, д. 50, г. Москва 119049, Российская Федерация

✉ e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Взыскание компенсаций за нарушения исключительных прав на произведения и иные объекты интеллектуальной собственности является основным способом защиты, применяемым авторами и правообладателями. Особое значение возможность использования компенсационного подхода при определении размеров взыскиваемых с нарушителя сумм приобретает в условиях развития современных технологий, приводящих к появлению новых способов использования произведений, при осуществлении которых правообладатели не имеют возможности однозначным образом устанавливать объемы использования и размер причиняемых убытков. Вместе с тем практика применения положений о компенсации за нарушения исключительных прав выявила необходимость разработки дополнительных критериев для исключения случаев необоснованного взыскания несоразмерных компенсаций при формальном применении установленных законодательством способов их расчета.*

Целью *исследования является определение особенностей использования дополнительных критериев, таких как «экономическая цель» и «единство намерений нарушителя», при установлении размеров компенсации за нарушения исключительных прав на произведения и иные объекты интеллектуальной собственности с учетом развития судебной практики и разъяснений судов высших инстанций.*

Задачи*: выявить проблемы, связанные с применением критериев «одна экономическая цель» и «единство намерений нарушителя» при определении размеров компенсации за нарушения исключительных прав; определить возможности дальнейшего развития правового регулирования с учетом вышеуказанных критериев.*

Методология*. При подготовке исследования автором были применены общенаучные методы, методы анализа и синтеза, системный метод, формально-юридический метод.*

Результаты *исследования имеют теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.*

Выводы *направлены на дальнейшее развитие подходов, способствующих единообразному решению проблем, возникающих при применении законодательных положений об определении размеров компенсации за нарушения исключительных прав на произведения и иные объекты интеллектуальной собственности в целях предотвращения и пресечения таких нарушений, а также возмещения причиняемых ими убытков.*

Ключевые слова: *автор; правообладатель; авторское право; исключительные права; нарушения авторских прав.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Каменский М. А. Учет экономической цели и намерений нарушителя при определении размера компенсации за нарушение исключительных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 122–130. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-122-130.

Поступила в редакцию 13.10.2023 Принята к публикации 22.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Каменский М. А., 2023

Consideration of the Economic Purpose and Intent of the Infringer in Determining the Amount of compensation for Infringement of Exclusive Rights

Maksim A. Kamenskii[1] ✉

[1]Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President of the Russian Federation
50 Bol'shaya Yakimanka Str., Moscow 119049, Russian Federation

✉ e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru

Abstract

Relevance. *Compensation for violations of exclusive rights to works and other intellectual property objects is the main method of protection used by authors and right holders. The possibility of using a compensatory approach in determining the amount of recovery from the infringer acquires special significance in the conditions of the development of modern technologies, leading to the emergence of new ways of using works, in the implementation of which the right holders do not have the opportunity to unambiguously establish the scope of use and the amount of damages caused. At the same time, the practice of applying the provisions on compensation for violations of exclusive rights has revealed the need to develop additional criteria to exclude cases of unjustified recovery of disproportionate compensation in the formal application of the methods of their calculation established by law.*

The purpose *of the study is to determine the specifics of using additional criteria, such as "economic purpose" and "unity of intent of the infringer", when establishing the amount of compensation for violations of exclusive rights to works and other intellectual property objects, taking into account the development of judicial practice and clarifications of the courts of higher instances.*

Objectives: *to identify problems associated with the application of the criteria of "one economic purpose" and "unity of intent of the infringer" in determining the amount of compensation for violations of exclusive rights to works and other objects of intellectual rights; to identify opportunities for further development of legal regulation taking into account the above criteria.*

Methodology. *In preparing the study the author applied general scientific methods, methods of analysis and synthesis, system method, formal-legal method.*

The results *of the research have theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.*

Conclusions. *Conclusions. The conclusions made in the article are of a controversial nature, aimed at further development of approaches contributing to the uniform solution of problems arising in the application of legislative provisions on determining the amount of compensation for violations of exclusive rights to works and other intellectual property objects in order to prevent and suppress such infringements, as well as compensation for losses caused by them.*

Keywords: *author; rightholder; copyright; copyright; exclusive rights; copyright infringement.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kamenskii M. A. Consideration of the Economic Purpose and Intent of the Infringer in Determining the Amount of compensation for Infringement of Exclusive Rights. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 122–130. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-122-130

Received 13.10.2023 Accepted 22.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Вопросы, связанные с применением положений о компенсации за нарушения исключительных прав, рассматривались в трудах известных российских специалистов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10], в том числе в ряде диссертационных исследований, непосредственно посвященных проблемам применения такой компенсации в качестве основного способа защи-

ты исключительных прав [11; 12]. При этом отмечалась необходимость выработки специальных правил и дополнительных критериев для применения установленных законодательством положений, поскольку их формальное применение способно приводить к взысканию несоразмерных компенсаций, в том числе при нарушениях, ответственность за которые наступает при отсутствии вины нарушителя [13; 14; 15].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10[1] в качестве таких дополнительных критериев судам было рекомендовано устанавливать наличие «одной экономической цели» (п. 56 Постановления) и выявлять «единство намерений нарушителя» (п. 65 Постановления). Однако применение вышеуказанных критериев на практике вызывает определенные сложности, в связи с чем Судом по интеллектуальным правам были разработаны специальные Рекомендации по их применению[2] (далее – Рекомендации СИП). Несмотря на это до настоящего времени остаются нерешенными многие вопросы, связанные с применением указанных критериев в отдельных случаях, с которыми судам и правообладателям приходится сталкиваться на практике.

Методология

Для решения поставленных задач исследования были применены общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Применение методов анализа и синтеза создало возможность для сопоставления правовых норм, регулирующих отношения, возникающие при нарушениях исключительных прав и принятии мер для защиты правообладателей. Использование системного метода позволило рассмотреть основные проблемы, связанные с применением положений о компенсации за нарушения исключительных прав. Формально-юридический метод позволил рассмотреть законодательные положения, правоприменительную практику и мнения специалистов, выраженные в научных публикациях по тематике исследования, а также описать полученные результаты.

Результаты и их обсуждение

Взыскание компенсаций за нарушения исключительных прав является наиболее часто применяемым правообладателями способом защиты при незаконном использовании произведений и иных объектов интеллектуальных прав в случаях, когда такая возможность предусмотрена законодательством (ст. 1301, 1311, 1406.1, 1515, 1537 Гражданского кодекса РФ, далее – ГК РФ). Особенности использования произведений, иных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации приводят к тому, что при нарушениях прав на них правообладатели и суды не имеют возможности однозначным образом устанавливать размер причиненных убытков [17; 18], а в условиях развития современных технологий даже масштабы незаконного использования и иных нарушений во многих случаях могут

[1] О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 7.

[2] Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя (пункты 56 и 65 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»): [утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.02.2023 № СП-22/4] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. URL: http://ip-cmagazine.ru/official-cronicle/recommendations-scientific-advisory-board-cip-issues-arising-from-establishment-one-economic-goal-unity-of-intentions-of-the-offender-paragraphs-56-65?ysclid=lq2bia6kv 8309475827 (дата обращения: 15.09.2023).

оставаться неизвестными или трудноопределимыми.

В связи с этим именно компенсационный подход при определении размеров подлежащей взысканию с нарушителя суммы остается превалирующим в настоящее время. Законодательство предусматривает несколько вариантов определения такой компенсации, включая определение по усмотрению суда в установленных законом пределах, например, от десяти тысяч до пяти миллионов рублей (п. 1 ст. 1301 ГК РФ), взыскание компенсации в размере двукратной стоимости контрафактных экземпляров [17] (п. 2 ст. 1301 ГК РФ) или двукратном размере стоимости прав использования произведения при сравнимых обстоятельствах (п. 3 ст. 1301 ГК РФ).

Аналогичные подходы для определения размеров компенсации установлены также иными статьями части четвертой ГК РФ, устанавливающими порядок ее определения за нарушения исключительных прав на иные объекты интеллектуальной собственности [19].

Формальное применение предусматриваемых законодательством положений на практике приводило в ряде случаев к принятию решений о взыскании компенсации в размере, значительно превышающем размер убытков, которые предположительно могли быть причинены соответствующим нарушением прав[1] [20; 21; 22].

В результате возникло понимание необходимости установления дополнительных критериев, которые могли бы позволить судам принимать решения об установлении размера компенсации с учетом дополнительных обстоятельств. В 2014 г. п. 3 ст. 1252 ГК РФ был дополнен, в частности, положением, позволяющим судам снижать общий размер присуждаемой правообладателю компенсации, если одним действием нарушались права на несколько результатов интеллектуальной деятельности, принадлежащие одному правообладателю, но не более чем на 50% от суммы минимальных размеров компенсаций за каждое из совершенных нарушений. Практика показала, что данное правило позволило лишь частично решить возникающие проблемы[2] [23].

Новые критерии для исключения случаев необоснованного взыскания несоразмерных компенсаций при формальном применении установленных законодательством способов их расчета были предусмотрены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 (далее – Постановление).

Пунктом 56 Постановления предусмотрена возможность отступления от применявшегося ранее подхода, состоявшего во взыскании компенсации за каждый случай нарушения исключительного права. Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на необходимость особого подхода к случаям, когда несколько способов использования направлены на достижение одной экономической цели, рекомендовав рассматривать совокупность таких незаконных способов использования в качестве одного нарушения исключительного права. В качестве примеров таких нарушений были приведены совершаемые одним лицом хранение, перевозка и продажа (введение в гражданский оборот) контрафактных товаров. Таким образом, критерий «одной экономической цели» позволяет решить вопрос о совместном учете сово-

[1] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 ноября 2016 года по делу № А40-147121/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/szu0QIpLla1n/?ysclid=lq2ba0ajof909009850 (дата обращения: 15.09.2023).

[2] По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ПАГ": постановление Конституционного Суда РФ от 13 февр. 2018 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2018. № 3.

купности действий, совершаемых нарушителем для ее достижения.

Пунктом 65 рассматриваемого Постановления был предусмотрен дополнительный критерий «единства намерений нарушителя», в соответствии с которым при обращении правообладателя с требованием о взыскании компенсации за нарушения исключительного права в твердом размере суд должен определить сумму компенсации с учетом нарушения в целом. При этом количество контрафактных экземпляров должно рассматриваться в целях учета характера правонарушения, не влияя на оценку данного правонарушения как совершенного с единой целью.

При повторном обращении правообладателя в суд, связанном с тем же событием нарушения (в частности, контрафактными товарами из той же партии, изданиями из того же тиража и т.д.), суд должен прекращать производство или отказывать в принятии искового заявления. В обоснование данной позиции приводится довод о том, что взыскание дополнительной компенсации означало бы фактически пересмотр выводов суда, сделанных по ранее рассмотренному делу.

Вместе с тем в абзаце третьем п. 65 Постановления отмечается, что каждая сделка, опосредующая продажу или иную передачу контрафактных экземпляров, может квалифицироваться в качестве самостоятельного нарушения, если нарушителем не будет доказано единство намерений при совершении определенной последовательности сделок. Кроме того, при продолжении нарушений после привлечения к ответственности нарушитель может быть привлечен к ответственности за них как за отдельно совершенные нарушения.

Применение указанных критериев потребовало дополнительных разъяснений, которые были даны в Рекомендациях СИП, утвержденных постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15 февраля 2023 г. № СП-22/4. В частности, в рекомендациях СИП была разъяснена разница между случаями применения двух вышеуказанных критериев, первый из которых подлежит применению при последовательном использовании охраняемых объектов несколькими способами в рамках достижения определенной экономической цели, а второй относится к случаям, когда имеет место совершение аналогичных по своему содержанию действий по использованию одного и того же охраняемого объекта, например, в отношении контрафактных экземпляров, выпущенных в рамках одной и той же партии или тиража (см. Преамбулу Рекомендаций СИП).

В качестве основной цели установления обоих рассматриваемых критериев в Рекомендациях СИП указывается недопущение несоразмерности взысканий последствиям нарушения за счет необоснованной «мультипликации» компенсации. Вместе с тем СИП представил также определенного рода ограничения для применения, в частности, критерия «одной экономической цели», сославшись на необходимость дополнительного учета экономического значения, которое то или иное действие может иметь для правообладателя.

В пункте 1 Рекомендаций СИП указывается, что изготовление контрафактных экземпляров и их распространение, несмотря на их взаимосвязанность, должны рассматриваться как действия, каждое из которых имеет самостоятельное экономическое значение для правообладателя, т. к. каждым из них правообладателю причиняются убытки. При этом снижение размера компенсации возможно на основании положений п. 64 Постановления в случае, если изготовление и распространение контрафактных экземпляров осуществляются одним лицом и могут рассматриваться как нарушения, составляющие единый процесс использования охраняемого объекта.

Дополнительное ограничение применения критерия «единства намерений» отмечено в п. 4 Рекомендаций СИП, согласно которому приводить данный довод и обосновывать его должен ответчик, на которого ложится бремя предоставле-

ния доказательств соответствия совершенных им действий указанному критерию.

Особый интерес вызывает представленное в п. 2 Рекомендаций СИП разъяснение о возможности рассмотрения воспроизведения произведения в электронной форме и последующего его доведения до всеобщего сведения как действий, направленных на достижение единой экономической цели и в силу этого составляющих одно нарушение. Тем самым был закреплен подход, ранее выработанный судебной практикой[1].

В пункте 3 Рекомендаций СИП признал возможность распространения рекомендованного в Постановлении критерия «одной экономической цели» на случаи, когда последовательные действия по нарушению исключительных прав совершаются аффилированными лицами или в рамках существующих между нарушителями договорных отношений, что также стало отражением ранее выработанной СИП практики[2]. Аналогичным образом в пп. 6 и 7 Рекомендаций СИП отмечается, что распространение контрафактных товаров с использованием различных интернет-сайтов или размещение произведения на различных страницах одного сайта[3] может быть признано единым нарушением при единстве намерений нарушителя, а количество используемых для такой продажи сайтов может учитываться при определении размера компенсации за соответствующее нарушение в целом.

Особые рекомендации даны СИП в отношении случаев использования результатов несанкционированной правообладателем переработки произведения (п. 8 Рекомендаций СИП), многократных скачиваний произведения и предложения их для скачивания (п. 9 и 10 Рекомендаций СИП), предложения к продаже и реализации контрафактной продукции (п. 11 Рекомендаций СИП), удаление информации об авторском праве (п. 12 Рекомендаций СИП).

Выводы

Введение предложенных Верховным Судом Российской Федерации двух дополнительных критериев, направленных на устранение проблем, связанных с формальным применением предусмотренных законодательством положений о порядке определения размера компенсации за нарушения исключительных прав, имеет важное значение для дальнейшего развития судебной практики, создает условия для устранения отдельных случаев присуждения компенсаций в размерах, не соответствующих нарушениям и их последствиям.

Вместе с тем применение новых критериев, в свою очередь, потребовало дополнительных усилий и разработки разъяснений и рекомендаций, в частности, со стороны Суда по интеллектуальным правам. Следует также признать, что критерии «одной экономической цели» и «единства намерений» нарушителя не могут рассматриваться в качестве универсальных и подлежат применению только в определенных случаях, соответствующих особому характеру использования произведений и иных объектов интеллектуальной собственности. Следовательно, требуется разработка новых дополнительных критериев и выработка устойчивой судебной практики для по-

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.07.2021 по делу № А40 118133/2020 // Консультант Плюс: сайт. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 15.09.2023); Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.11.2020 по делу № А40-172822/2019 // Консультант Плюс: сайт. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 15.09.2023).

[2] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.06.2020 по делу № А07-5220/2019 // Консультант Плюс: сайт. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 15.09.2023).

[3] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.05.2022 по делу № А40-96117/2021 // Консультант Плюс: сайт. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 15.09.2023).

следовательного применения каждого из них в отношении конкретных случаев совершаемых нарушений исключительных прав.

Список литературы

1. Гаврилов К. М. Компенсация вместо возмещения убытков как способ защиты исключительных прав // Патенты и лицензии. 2012. № 10. С. 8–14.

2. Гаврилов Э. П. Компенсация за нарушение исключительных прав и некоторые новые аспекты ее применения // Хозяйство и право. 2013. № 7. С. 3–21.

3. Гаврилов Э. П. Совершенствование законодательства о компенсации за нарушение исключительного права в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 года № 28-П // Хозяйство и право. 2017. № 3. С. 18–32.

4. Матвеев А. Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. … докт. юрид. наук. М., 2016. 460 с.

5. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав. Часть 1 / Е. А. Павлова, В. О. Калятин, В. А. Корнеев, М. В. Радецкая, Э. А. Евстигнеев, М. А. Кольздорф, А. Е. Туркина, Н. Б. Спиридонова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 152–190.

6. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав. Часть 2 / Е. А. Павлова, В. О. Калятин, В. А. Корнеев, М. В. Радецкая, Э. А. Евстигнеев, М. А. Кольздорф, А. Е. Туркина, Н. Б. Спиридонова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 3 (37). С. 118–210.

7. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 128 с.

8. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект: ТК Велби, 2007. 752 с.

9. Сергеев А. П. Уменьшение размера компенсации за нарушение исключительного права // Интеллектуальные права: вызовы XXI века: сборник докладов II Международной конференции / под ред. Э. П. Гаврилова, С. В. Бутенко. Томск: Томск. гос. ун-т, 2020. С. 12-21.

10. Ситдикова Р. И. Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом: дис. … докт. юрид. наук. Казань, 2013. 408 с.

11. Музыка Ф. А. Компенсация как способ защиты исключительных прав на произведения и объекты смежных прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 211 с.

12. Федоскина Н. И. Гражданско-правовые способы защиты авторских и смежных прав в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 189 с.

13. Аветисян С. Практика взыскания компенсации за нарушение исключительных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 3. С. 39–50.

14. Данилов Ю. С. Защита имущественных интересов авторов и иных правообладателей при нарушении исключительных и других имущественных прав на произведения и объекты смежных прав: монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 154 с.

15. Данилов Ю. С., Леонтьев К. Б. Обоснование соразмерности компенсации: право истца или обязанность суда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 5. С. 17–26.

16. Иванов Н. В. Компенсация за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта и убытки правообладателя // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 71–84.

17. Иванов Н. В. Определение размера компенсации за нарушение исключительного права в виде двукратной стоимости контрафакта // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 1. С. 14–29.

18. Сятчихин А. В. Компенсация за нарушение исключительных прав: статутные или заранее оцененные убытки? // Ex Jure. 2019. № 3. С. 97–109.

19. Рузакова О. А., Пирогов А. И. Компенсация и убытки: соотношение институтов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 1. С. 13–19.

20. Каменский М. А. Гражданско-правовое регулирование производства и распространения рекламы на территории Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 203 с.

21. Каменский М. А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав при осуществлении рекламной деятельности // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2018. № 2. С. 130–137.

22. Каменский М. А. Прослеживаемость интернет-рекламы как условие борьбы с нарушениями авторских и смежных прав при ее создании и распространении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 160–162.

23. Вольфсон В. Л. По направлению к восстановлению: компенсация за нарушение исключительного права в доктрине, правовых позициях Конституционного суда и правоприменении // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 70–102.

References

1. Gavrilov K. M. Kompensaciya vmesto vozmeshcheniya ubytkov kak sposob zashchity isklyuchitel'nyh prav [Compensation instead of damages as a way to protect exclusive rights]. *Patenty i licenzii = Patents and Licenses*, 2012, no. 10, pp. 8–14.

2. Gavrilov E. P. Kompensaciya za narushenie isklyuchitel'nyh prav i nekotorye novye aspekty ee primeneniya [Compensation for violation of exclusive rights and some new aspects of its application]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2013, no. 7, pp. 3–21.

3. Gavrilov E. P. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva o kompensacii za narushenie isklyuchitel'nogo prava v svyazi s Postanovleniem Konstitucionnogo Suda RF ot 13 dekabrya 2016 goda № 28-P [Improvement of legislation on compensation for violation of an exclusive right in connection with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 13, 2016 No. 28-P]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2017, no. 3, pp. 18–32.

4. Matveev A. G. Sistema avtorskih prav v Rossii: normativnye i teoreticheskie modeli. Diss. dokt. yurid. nauk [The copyright system in Russia: normative and theoretical models. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 460 p.

5. Pavlova E. A., Kalyatin V. O., Korneev V. A., Radeckaya M. V., Evstigneev E. A., Kol'zdorf M. A., Turkina A. E., Spiridonova N. B. Kompensaciya kak mera otvetstvennosti za narushenie isklyuchitel'nyh prav. Chast' 1 [Compensation as a measure of liability for violation of exclusive rights. Part 1]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2022, no. 2 (36), pp. 152–190.

6. Pavlova E. A., Kalyatin V. O., Korneev V. A., Radeckaya M. V., Evstigneev E. A., Kol'zdorf M. A., Turkina A. E., Spiridonova N. B. Kompensaciya kak mera otvetstvennosti za narushenie isklyuchitel'nyh prav. Chast' 2 [Compensation as a measure of liability for violation of exclusive rights. Part 2]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2022, no. 3 (37), pp. 118–210.

7. Novoselova L. A., Rozhkova M. A. Intellektual'naya sobstvennost': nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya [Intellectual property: some aspects of legal regulation]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 128 p.

8. Sergeev A. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii [Intellectual property law in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., TK Velbi Publ., 2007. 752 p.

9. Sergeev A. P. [Reduction of the amount of compensation for violation of an exclusive right]. *Intellektual'nye prava: vyzovy XXI veka. Sbornik dokladov II Mezhdunarodnoj konferencii* [Intellectual property rights: challenges of the XXI century. Collection of reports of the II International Conference]; ed. by E. P. Gavrilova, S. V. Butenko. Tomsk, Tomsk St. Univ. Publ., 2020, pp. 12–21.

10. Sitdikova R. I. Grazhdansko-pravovoj mekhanizm ohrany chastnyh, obshchestvennyh i publichnyh interesov avtorskim pravom. Diss. dokt. yurid. nauk [The civil law mechanism for the protection of private, public and public interests by copyright. Dr. legal sci. diss.]. Kazan', 2013. 408 p.

11. Muzyka F. A. Kompensaciya kak sposob zashchity isklyuchitel'nyh prav na proizvedeniya i ob"ekty smezhnyh prav. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation as a way to protect exclusive rights to works and objects of related rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2011. 211 p.

12. Fedoskina N. I. Grazhdansko-pravovye sposoby zashchity avtorskih i smezhnyh prav v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law methods of protection of copyright and related rights in the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2008. 189 p.

13. Avetisyan S. Praktika vzyskaniya kompensacii za narushenie isklyuchitel'nyh prav [The practice of collecting compensation for violation of exclusive rights]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2017, no. 3, pp. 39–50.

14. Danilov Yu. S. Zashchita imushchestvennyh interesov avtorov i inyh pravoobladatelej pri narushenii isklyuchitel'nyh i drugih imushchestvennyh prav na proizvedeniya i ob"ekty smezhnyh prav [Protection of the property interests of authors and other copyright holders in case of violation of exclusive and other property rights to works and objects of related rights]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2019. 154 p.

15. Danilov Yu. S., Leont'ev K. B. Obosnovanie sorazmernosti kompensacii: pravo istca ili obyazannost' suda? [Justification of the proportionality of compensation: the right of the plaintiff or the obligation of the court?]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2020, no. 5, pp. 17–26.

16. Ivanov N. V. Kompensaciya za narushenie isklyuchitel'nogo prava v vide dvukratnoj stoimosti kontrafakta i ubytki pravoobladatelya [Compensation for violation of the exclusive right in the form of double the value of the counterfeit and losses of the copyright holder]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2022, no. 3, pp. 71–84.

17. Ivanov N. V. Opredelenie razmera kompensacii za narushenie isklyuchitel'nogo prava v vide dvukratnoj stoimosti kontrafakta [Determination of the amount of compensation for violation of the exclusive right in the form of two times the value of the counterfeit]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and licenses. Intellectual property rights*, 2022, no. 1, pp. 14–29.

18. Syatchihin A. V. Kompensaciya za narushenie isklyuchitel'nyh prav: statutnye ili zaranee ocenennye ubytki? [Compensation for violation of exclusive rights: statutory or pre-assessed damages?]. *Ex Jure*, 2019, no. 3, pp. 97–109.

19. Ruzakova O. A., Pirogov A. I. Kompensaciya i ubytki: sootnoshenie institutov [Compensation and losses: the ratio of institutions]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and licenses. Intellectual property rights*, 2019, no. 1, pp. 13–19.

20. Kamenskij M. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie proizvodstva i rasprostraneniya reklamy na territorii Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law regulation of the production and distribution of advertising in the territory of the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2019. 203 p.

21. Kamenskiy M. A. Problemy realizacii i zashchity intellektual'nyh prav pri osushchestvlenii reklamnoj deyatel'nosti [Problems of realization and protection of intellectual rights in the implementation of advertising activities]. *Kopirajt. Vestnik Rossijskoj akademii intellektual'noj sobstvennosti i Rossijskogo avtorskogo obshchestva = Copyright. Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property and the Russian Copyright Society*, 2018, no. 2, pp. 130–137.

22. Kamenskij M. A. Proslezhivaemost' internet-reklamy kak uslovie bor'by s narusheniyami avtorskih i smezhnyh prav pri ee sozdanii i rasprostranenii [Traceability of online advertising as a condition for combating violations of copyright and related rights in its creation and distribution]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social Sciences*, 2022, no. 12, pp. 160–162.

23. Vol'fson V. L. Po napravleniyu k vosstanovleniyu: kompensaciya za narushenie isklyuchitel'nogo prava v doktrine, pravovyh poziciyah Konstitucionnogo suda i pravoprimenenii [Towards restoration: compensation for violation of an exclusive right in the doctrine, legal positions of the Constitutional Court and law enforcement]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Court of Intellectual Rights*, 2021, no. 2 (32), pp. 70–102.

Информация об авторе / Information about the Author

Каменский Максим Андреевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела административной работы, Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6847-282X

Maksim A. Kamenskii, Candidate of Sciences (Juridical), Deputy Head of Administrative Work Department, Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6847-282X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-131-140

(cc) BY 4.0

Проблемы бездоговорного перехода прав на результаты интеллектуальной деятельности

М. В. Козлова [1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: mano173318@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье анализируются случаи, в которых законодательство признает возможность перехода исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности без заключения договоров с правообладателями, в том числе при наследовании таких прав и при различных формах реорганизации юридического лица – правообладателя.*

Целью *исследования является разработка теоретических положений, учитывающих интересы участников гражданских правоотношений в различных случаях бездоговорного перехода прав на результаты интеллектуальной деятельности.*

Задачи*: выявить проблемы, связанные с бездоговорным переходом прав на результаты интеллектуальной деятельности; проанализировать особенности правоотношений, связанных с таким переходом, с учетом особенностей существующего законодательного регулирования; предложить варианты решений, направленных на устранение противоречий между интересами участников правоотношений, возникающих при бездоговорном переходе прав на результаты интеллектуальной деятельности.*

Методология*. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

Результаты *исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования нетипичных видов гражданских правоотношений.*

Выводы*. Делаются выводы о необходимости обеспечить возможность документального подтверждения факта бездоговорного перехода исключительного права на результат интеллектуальной деятельности во всех случаях, когда такой переход происходит вследствие реорганизации юридического лица, а также предоставить авторам и иным правообладателям возможность при заключении договоров отчуждения включать в них обязательства, препятствующие обходу положений о выплате вознаграждения и иных существенных условий таких договоров. Предлагаемые решения позволят обеспечить оборот исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и гарантировать соблюдение обязательств, предусматриваемых договорами об отчуждении таких прав.*

Статья является продолжением научных исследований автора по вопросам, связанным с охраной прав авторов и их наследников.

Ключевые слова: *автор; правообладатель; произведение; результат интеллектуальной деятельности; исключительное право.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Козлова М. В. Проблемы бездоговорного перехода прав на результаты интеллектуальной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 131–140. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-131-140.

Поступила в редакцию 20.10.2023 Принята к публикации 24.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Козлова М. В., 2023

Problems of Non-Contractual Transfer of Rights to Results of Intellectual Activity

Mariia V. Kozlova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: mano173318@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article analyzes the cases in which the legislation recognizes the possibility of transfer of exclusive rights to the results of intellectual activity without concluding contracts with the right holders, including in the case of inheritance of such rights and in various forms of reorganization of a legal entity - the right holder.*

The purpose *of the study is to develop theoretical provisions that take into account the interests of participants of civil legal relations in various cases of non-contractual transfer of rights to the results of intellectual activity.*

Objectives: *to identify the problems associated with the non-contractual transfer of rights to the results of intellectual activity; to analyze the peculiarities of legal relations associated with such a transfer, taking into account the peculiarities of the existing legislative regulation; to propose solutions aimed at eliminating contradictions between the interests of the participants of legal relations arising from the non-contractual transfer of rights to the results of intellectual activity.*

Methodology. *The dialectical-materialistic method, system method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method were used in writing the work.*

The results *of the research are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of atypical types of civil legal relations.*

Conclusions. *The conclusions are drawn on the need to ensure the possibility of documentary confirmation of the fact of non-contractual transfer of the exclusive right to the result of intellectual activity in all cases when such transfer occurs as a result of reorganization of a legal entity, as well as to provide authors and other right holders with the possibility to include in alienation contracts the obligations preventing the circumvention of the provisions on payment of remuneration and other essential conditions of such contracts. The proposed solutions will make it possible to ensure the circulation of exclusive rights to the results of intellectual activity and guarantee compliance with the obligations provided for in agreements on the alienation of such rights.*

The article is a continuation of the author's scientific research on the issues related to the protection of the rights of authors and their heirs.

Keywords: *author; right holder; work; result of intellectual activity; exclusive right.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kozlova M. V. Problems of Non-Contractual Transfer of Rights to Results of Intellectual Activity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 131–140. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-131-140

Received 20.10.2023 Accepted 24.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Различным аспектам охраны прав интеллектуальной собственности посвящены научные труды многих известных отечественных специалистов, опубликованные на протяжении последних десятилетий [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Однако наибольшее внимание в них уделяется вопросам охраны и защиты имущественных и личных неимущественных прав, принадлежащих авторам и иным правообладателям. Значительное число научных исследований посвящено вопросам распоряжения исключительными правами, переходу исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности по договору и предоставлению прав (лицензий) на использование таких ре-

зультатов [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16] и иным случаям распоряжения правами по договору. Вопросам бездоговорного перехода исключительного права, особенностям возникающих при этом правоотношений уделялось мало внимания в отечественной цивилистике, несмотря на необходимость поиска баланса интересов для всех заинтересованных лиц.

Методология

Для достижения поставленной цели при проведении исследования использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил рассмотреть проблемы, связанные с бездоговорным переходом прав на результаты интеллектуальной деятельности, учесть права участников возникающих при этом правоотношений. Использование системного метода дало возможность осуществить анализ правоотношений, связанных с бездоговорным переходом прав на результаты интеллектуальной деятельности, с учетом особенностей существующего законодательного регулирования. Методы анализа и синтеза позволили осуществить сопоставление правовых норм, обосновать выдвигаемые предложения. Формально-юридический метод заключался в изучении регулирующего рассматриваемые отношения законодательства, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Переход исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) по общему правилу должен осуществляться по воле правообладателя, на основании заключаемых с ним договоров распоряжения исключительным правом (ст. 1233 Гражданского кодекса РФ, далее – ГК РФ). Такой переход обычно оформляется путем заключения договора об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК РФ) или иных гражданско-правовых договоров, включающих положения об отчуждении исключительного права или подпадающих под действие установленных ГК РФ презумпций о переходе исключительных прав.

Переход исключительных прав на РИД возможен также в рамках трудовых отношений при соблюдении установленных законодательством условий (ст. 1295, 1320, 1370, 1430, 1461, 1470 ГК РФ). Несмотря на то, что в основе таких отношений лежит трудовой договор, последствия его заключения устанавливаются ГК РФ и могут рассматриваться как наступающие по воле автора – работника, который мог предвидеть наступление таких последствий при заключении трудового договора и принятии на себя связанных с ним обязательств.

Законодательство признает возможность перехода исключительных прав на РИД к другим лицам без заключения договора с правообладателем, но такой переход может происходить только в установленных законом случаях и только по специально предусмотренным основаниям [17, с. 315–357]. В ст. 1241 ГК РФ приводится только два таких случая: универсальное правопреемство или обращение взыскания на принадлежащее правообладателю исключительное право. В качестве примеров универсального правопреемства в рассматриваемой законодательной норме приведены, в свою очередь, два кардинальным образом различающихся случая: наследование и реорганизация юридического лица.

Положения ст. 1241 ГК РФ не содержат исчерпывающего перечня случаев, в которых переход исключительных прав на РИД возможен без договора с правообладателем. Как представляется, перечень таких случаев должен быть не только ограничен, но сами такие случаи должны определяться положениями ГК РФ. Данный подход применен, в частности, при определении в п. 1 ст. 1229 ГК РФ

понятия «исключительное право»: в абзаце третьем указанного пункта предусматривается, что исключения, допускающие использование РИД без согласия правообладателя, должны определяться непосредственно положениями ГК РФ.

Существует явное логическое противоречие между рассматриваемыми правовыми нормами: с одной стороны, ст. 1229 ГК РФ предусматривает, что использование РИД без согласия правообладателя допускается только в случаях, установленных ГК РФ, а с другой стороны, ст. 1241 ГК РФ признает возможность бездоговорного перехода исключительных прав в случаях, устанавливаемых не только ГК РФ, но и любыми другими законодательными актами. Данное различие, как представляется, разрушает единство законодательных подходов к регулированию правоотношений, связанных с использованием РИД, предоставлением прав на их использование и переходом исключительных прав на РИД, следствием которого также является получение третьими лицами прав использования РИД.

Необходимо также обеспечить единую классификацию случаев бездоговорного перехода прав на РИД, основанную на сочетании отчетливых критериев, основным среди которых следует признать определение субъекта, которому принадлежит исключительное право на РИД.

Так, в случае принадлежности исключительного права на произведение автору или его наследнику как «продолжателю» личности автора [18] законодательство исключает возможность бездоговорного изъятия такого исключительного права путем обращения взыскания на него [19], кроме случаев, когда в отношении исключительного права на конкретное произведение с его автором был заключен договор залога (п. 1 ст. 1284 ГК РФ).

При этом переход исключительного права при обращении взыскания по договору залога, заключенному с автором произведения, нельзя признать «бездоговорным» переходом в полном смысле, т. к. при заключении договора залога автор фактически распоряжается принадлежащим ему исключительным правом на случай наступления определенных условий, т. е. явным образом выражает свое согласие на переход права в случае, определенном договором залога. В связи с этим вряд ли целесообразно относить обращение взыскания на исключительное право по договору залога к числу случаев бездоговорного перехода прав, по крайней мере, априорное согласие на такой переход предоставляется правообладателем при заключении договора залога. Заключение такого договора возможно рассматривать как один из способов распоряжения исключительным правом на РИД, тем более что п. 1 ст. 1233 ГК РФ закреплен неисчерпывающий перечень таких способов, включающий договор отчуждения исключительного права и лицензионный договор о предоставлении прав использования РИД, но допускающий также существование иных способов распоряжения исключительными правами на РИД, которые могут использоваться правообладателями по их усмотрению.

Таким образом, случаи бездоговорного перехода исключительных прав на РИД следует разделить на две группы: во-первых, относящиеся к исключительным правам, принадлежащим авторам соответствующих РИД и их наследникам, и во-вторых, связанные с бездоговорным переходом прав, принадлежащих иным лицам.

Для первой группы характерным является только одно основание для бездоговорного перехода исключительного права – наследование. Данный подход необходимо закрепить в качестве общего правила на законодательном уровне, предусмотрев, что возможность установления исключения из него для отдельных видов РИД должна устанавливаться соответствующими положениями ГК РФ. Это позволит достичь определенности законодательных требований, базирую-

щихся на едином законодательном принципе недопустимости изъятия прав у автора или его наследника без договорных оснований и, следовательно, возможности перехода таких прав без прямо выраженного согласия правообладателя только при их наследовании. Недопустимость бездоговорного перехода исключительных прав на РИД при жизни автора или его наследника предопределяет возможность перехода таких прав только после смерти такого правообладателя – физического лица, в рамках наследственных правоотношений.

Данный принцип в полной мере может применяться в отношении произведений и объектов смежных прав, возможность его применения для изобретений и иных видов РИД является дискуссионной, однако именно он, как представляется, должен лежать в основе определения обоснованного перечня случаев и условий отказа от приоритетной охраны прав авторов как основы современной системы правовой охраны РИД [20]. Современное законодательство признает тесную связь личности и достигнутого ей РИД, в том числе при решении вопросов регистрации изобретений, полезных моделей, селекционных достижений и других объектов интеллектуальных прав, в связи с чем предлагаемый подход в целом может быть распространен также на положения, относящиеся к промышленной собственности.

В случаях, когда исключительные права принадлежат не авторам и их наследникам, а иным лицам, возможен их дальнейший переход по различным законодательно предусмотренным основаниям, в том числе, как отмечается в ст. 1241 ГК РФ, в порядке наследования и при реорганизации юридических лиц.

Особенности наследования исключительных прав, принадлежащих лицам, не являющимся авторами или их наследниками, обусловлены прежде всего правовой природой таких прав и, как правило, не приводят на практике к возникновению ситуаций, обусловленных необходимостью дополнительного решения вопросов соблюдения прав авторов РИД. Также достаточно редкой ситуацией является наследование гражданами имущества юридического лица, которое не следует путать с наследованием акций или долей в уставном капитале хозяйственных обществ [21]. Определенная специфика наследования объектов промышленной собственности, сложности при наследовании исключительных прав несколькими лицами и в целом недостаточное законодательное регулирование в сфере наследования исключительных прав отмечается П. П. Баттаховым [22], но сделанные им замечания относятся к наследованию таких прав в целом, без выделения отдельных проблем при наследовании прав, правообладателем которых является не автор или его наследник, а иное физическое лицо.

Правомерное владение исключительными правами на РИД лицом, не являющимся автором или наследником автора, основывается на переходе к такому лицу исключительного права по установленным законом или договором основаниям, в связи с чем дальнейший переход исключительного права к наследнику такого физического лица – правообладателя будет находиться за пределами сферы контроля автора РИД. Во всяком случае нарушение или какое-либо ущемление прав автора при таком наследовании не является заметным явлением на практике. Вместе с тем при возникновении данной проблемы для ее решения потребуются специальные правовые механизмы, выработка которых требует проведения дополнительного анализа.

Переход исключительных прав, происходящий при реорганизации юридического лица, может приводить к различным последствиям, в зависимости от формы, в которой проводится реорганизация [23]. Так, преобразование юридического лица, заключающееся в изменении его организационно-правовой фор-

мы, в большинстве случаев не влияет на принадлежность ему исключительных прав на РИД и возможности продолжения использования таких РИД, хотя и требует для регистрируемых объектов исключительных прав принятия мер для внесения изменений в соответствующие государственные реестры[1].

Разделение юридического лица или выделение из его состава одного или нескольких юридических лиц может приводить к негативным последствиям при недостаточно отчетливом решении вопросов правообладания и перехода исключительных прав на РИД к новым юридическим лицам. Для произведений и иных объектов, переход исключительных прав на которые не подлежит обязательной государственной регистрации, возникает вопрос о документальном подтверждении перехода исключительного права на РИД к новому юридическому лицу или его сохранения у ранее существовавшего.

Вопросы правопреемства при реорганизации юридического лица должны регулироваться в передаточном акте, однако данный документ не во всех случаях является достаточным доказательством подтверждения прав, может содержать различного рода дефекты, которые невозможно или затруднительно устранить впоследствии, и, кроме того, по обоснованному мнению, высказанному А. В. Габовым, не может служить единственным доказательством наличия права или обязанности [24].

Для подтверждения факта правообладания в случаях, когда не осуществляется государственная регистрация исключительного права или его перехода к иным лицам, необходимо наличие договоров или иных доказательств перехода исключительного права на каждом этапе, когда такой переход имел место. Соответственно, добавление дополнительного этапа перехода исключительного права, обусловленного реорганизацией юридического лица, создает дополнительные риски утраты правообладания или сложности его подтверждения, обусловленные для нерегистрируемых объектов отсутствием общепринятых документов и способов подтверждения правообладания.

Отдельную проблему составляет решение вопросов, связанных с соблюдением прав и законных интересов авторов и иных правообладателей, которые, осуществляя отчуждение прав, с одной стороны, утрачивают возможности контроля за их дальнейшей «юридической судьбой», не могут воспрепятствовать их дальнейшей передаче, но, с другой стороны, могут предусматривать при заключении договора отчуждения исключительного права различного рода дополнительные обязательства, в частности выплату вознаграждения в виде процента от получаемых доходов, в том числе при предоставлении лицензий или при отчуждении исключительного права на РИД третьим лицам, выплаты периодических платежей или отложенную оплату части вознаграждения.

В случае реорганизации вновь возникшие юридические лица – правопреемники по различным причинам могут оказаться не в состоянии выполнять обязательства по выплате такого вознаграждения. Данные последствия возможны при реорганизации не только в форме разделения или выделения, но и при слиянии или присоединении, т. к. присоединяемые организации могут быть обременены значительными обязательствами перед кредиторами, сама реорганизация в

[1] Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги «Внесение изменений в государственные реестры изобретений, полезных моделей, промышленных образцов Российской Федерации, а также в патенты на изобретение, полезную модель, промышленный образец» (зарегистрировано в Минюсте России 20.10.2022 № 70636): приказ Роспатента от 7 окт. 2022 г. № 153 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429706/ (дата обращения: 23.09.2023).

ряде случаев может использоваться как способ ухода от банкротства [25], вследствие чего создаваемое новое юридическое лицо может оказаться неспособным выполнять свои обязательства. При разделении или выделении возможны ситуации, в которых наиболее перспективные активы окажутся выведены в одну организацию, а обязательства по выплате вознаграждения будет формально нести другая организация, пусть даже и сохраняющая исключительные права на соответствующее произведение или иной РИД.

Выводы

Варианты расторжения договора об отчуждении исключительных прав на РИД при нарушении обязательств по выплате вознаграждения не всегда обеспечивают защиту интересов авторов и иных предшествующих правообладателей в полной мере. Во-первых, к моменту предъявления такого требования исключительные права на РИД могут быть переданы реорганизуемым юридическим лицом или его правопреемником другим лицам, а во-вторых, многие РИД имеют ограниченный срок коммерчески значимого использования. Так, книга может быть наиболее востребована при выходе основанного на ней фильма, востребованность музыкального произведения или произведения дизайна во многом зависит от текущей моды, из-за чего даже возврат прав при невозможности взыскания убытков или достоверного обоснования их объема не приводит к полному удовлетворению интересов потерпевшей стороны.

Необходимо обеспечить возможность документального подтверждения факта бездоговорного перехода исключительного права на РИД во всех случаях, когда имеет место такой переход вследствие реорганизации юридического лица, а также предоставить авторам и иным правообладателям возможность при заключении договоров отчуждения включать в них обязательства, препятствующие обходу предусматриваемых ими положений о выплате вознаграждения или иных закрепляемых в них существенных условий. Данные решения позволят обеспечить надежность оборота исключительных прав на РИД и гарантировать соблюдение обязательств, включаемых в договоры, предусматривающие отчуждение исключительных прав на РИД.

Список литературы

1. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016. 876 с.

2. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации / Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации. М.: Статут, 2005. 416 с.

3. Калятин В. О. Личные неимущественные права автора объекта интеллектуальной деятельности. М.: Роспатент, 2006. 102 с.

4. Матвеев А. Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. … докт. юрид. наук. М., 2016. 460 с.

5. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 128 с.

6. Право интеллектуальной собственности / под ред. И. А. Близнеца. М.: Проспект, 2016. 892 с.

7. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект: ТК Велби, 2007. 752 с.

8. Ситдикова Р. И. Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом: дис. … докт. юрид. наук. Казань, 2013. 408 с.

9. Видьма В. В. Особенности договоров о распоряжении исключительными авторскими правами: дис. … канд. юрид. наук. Новосибирск, 2016. 254 с.

10. Витко В. С. Правовая природа договоров по созданию произведений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 309 с.

11. Гаврилов Э. П., Гаврилов К. Договоры заказа на создание авторских произведений // Хозяйство и право. 2013. № 3. С. 28–47.

12. Добрякова Г. Э. Оборот исключительного права в интернет-среде: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 172 с.

13. Моргунова Е. А. Коллективное управление имущественными авторскими правами как гражданско-правовой институт: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 208 с.

14. Рузакова О. А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 9. С. 2–7.

15. Рузакова О. А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами. М.: Проспект, 2017. 144 с.

16. Фалалеев А. С. Распоряжение исключительным правом автора на произведение: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 161 с.

17. Право интеллектуальной собственности / Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов, Е. С. Гринь, О. В. Добрынин, П. В. Крашенинников, А. Е. Молотников, А. Е. Новикова, Л. А. Новоселова, Е. А. Павлова, Ю. В. Петрова, О. А. Рузакова, С. В. Усольцева / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 512 с.

18. Козлова М. В. Наследники авторов как участники правоотношений по использованию произведений // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3. С. 40–43.

19. Козлова М. В. Правовое регулирование вопросов обращения взыскания на исключительные права на произведения и права на их использование // Евразийская адвокатура. Международный журнал. 2019. № 5. С. 70–74.

20. Козлова М. В. Принцип приоритетного соблюдения прав авторов и баланс интересов участников гражданских правоотношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 61–69.

21. Андреев В. К. Наследование гражданами имущества юридического лица // Российское правосудие. 2019. № 10. С. 5–11.

22. Баттахов П. П. Внедоговорное приобретение исключительных прав // Аграрное и земельное право. 2019. № 11 (179). С. 18–21.

23. Баттахов П. П. Особенности перехода исключительных прав на объекты промышленной собственности без договорных отношений // Аграрное и земельное право. 2019. № 7. С. 30–34.

24. Габов А. В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57-65 Гражданского кодекса Российской Федерации / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2015. 203 с. http://www.dx.doi.org/10.12737/5972.

25. Гурьев А. В. Реорганизация в форме присоединения как способ предупреждения банкротства туроператора по соглашению с другой туристской организацией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 3. С. 65–73.

References

1. Gavrilov E. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. XXI vek [Intellectual property law. Copyright and related rights. XXI century]. Moscow, Yurservitum Publ., 2016. 876 p.

2. Dozorcev V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii [Intellectual property rights: The concept. System. Tasks of Codification]. Moscow, Statut Publ., 2005. 416 p.

3. Kalyatin V. O. Lichnye neimushchestvennye prava avtora ob"ekta intellektual'noj deyatel'nosti [Personal non-property rights of the author of the object of intellectual activity]. Moscow, Rospatent Publ., 2006. 102 p.

4. Matveev A. G. Sistema avtorskih prav v Rossii: normativnye i teoreticheskie modeli. Diss. dokt. yurid. nauk [The copyright system in Russia: normative and theoretical models. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 460 p.

5. Novoselova L. A., Rozhkova M. A. Intellektual'naya sobstvennost': nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya [Intellectual property: some aspects of legal regulation]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 128 p.

6. Pravo intellektual'noj sobstvennosti [Intellectual property law]; ed. by I. A. Bliznec. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 892 p.

7. Sergeev A. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii [Intellectual property law in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., TK Velbi Publ., 2007. 752 p.

8. Sitdikova R. I. Grazhdansko-pravovoj mekhanizm ohrany chastnyh, obshchestvennyh i publichnyh interesov avtorskim pravom. Diss. dokt. yurid. nauk [The civil law mechanism for the protection of private, public and public interests by copyright. Dr. legal sci. diss.]. Kazan', 2013. 408 p.

9. Vid'ma V. V. Osobennosti dogovorov o rasporyazhenii isklyuchitel'nymi avtorskimi pravami. Diss. kand. yurid. nauk [Features of agreements on the disposal of exclusive copyrights. Cand. legal sci. diss.]. Novosibirsk, 2016. 254 p.

10. Vitko V. S. Pravovaya priroda dogovorov po sozdaniyu proizvedenij. Diss. kand. yurid. nauk [The legal nature of contracts for the creation of works. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2018. 309 p.

11. Gavrilov E. P., Gavrilov K. Dogovory zakaza na sozdanie avtorskih proizvedenij [Contracts for the creation of copyrighted works]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2013, no. 3, pp. 28–47.

12. Dobryakova G. E. Oborot isklyuchitel'nogo prava v internet-srede. Diss. kand. yurid. nauk [Turnover of exclusive rights in the Internet environment. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2011. 172 p.

13. Morgunova E. A. Kollektivnoe upravlenie imushchestvennymi avtorskimi pravami kak grazhdansko-pravovoj institut. Diss. kand. yurid. nauk [Collective management of property copyrights as a civil law institution. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 208 p.

14. Ruzakova O. A. Dogovory v sfere intellektual'noj sobstvennosti i cifrovye tekhnologii [Contracts in the field of intellectual property and digital technologies]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and licenses. Intellectual property rights*, 2019, no. 9, pp. 2–7.

15. Ruzakova O. A. Dogovory o sozdanii rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti i rasporyazhenii isklyuchitel'nymi pravami [Agreements on the creation of the results of intellectual activity and the disposal of exclusive rights]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 144 p.

16. Falaleev A. S. Rasporyazhenie isklyuchitel'nym pravom avtora na proizvedenie. Diss. kand. yurid. nauk [Disposal of the exclusive right of the author to the work. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2013. 161 p.

17. Badulina E. V., Gavrilov D. A., Grin' E. S., Dobrynin O. V., Krasheninnikov P. V., Molotnikov A. E., Novikova A. E., Novoselova L. A., Pavlova E. A., Petrova Yu. V., Ruzakova O. A., Usol'ceva S. V. Pravo intellektual'noj sobstvennosti [Intellectual property law]; ed. by L. A. Novoselova. Moscow, Statut Publ., 2017. 512 p.

18. Kozlova M. V. Nasledniki avtorov kak uchastniki pravootnoshenij po ispol'zovaniyu proizvedenij [Heirs of authors as participants in legal relations on the use of works]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2022, no. 3, pp. 40–43.

19. Kozlova M. V. Pravovoe regulirovanie voprosov obrashcheniya vzyskaniya na isklyuchitel'nye prava na proizvedeniya i prava na ih ispol'zovanie [Legal regulation of issues of foreclosure on exclusive rights to works and rights to their use]. *Evrazijskaya advokatura. Mezhdunarodnyj zhurnal = Eurasian Advocacy. International Journal*, 2019, no. 5, pp. 70–74.

20. Kozlova M. V. Princip prioritetnogo soblyudeniya prav avtorov i balans interesov uchastnikov grazhdanskih pravootnoshenij [The principle of priority observance of the rights of authors and the balance of interests of participants in civil relations]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 61–69.

21. Andreev V. K. Nasledovanie grazhdanami imushchestva yuridicheskogo lica [Inheritance by citizens of the property of a legal entity]. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2019, no. 10, pp. 5–11.

22. Battahov P. P. Vnedogovornoe priobretenie isklyuchitel'nyh prav [Non-contractual acquisition of exclusive rights]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2019, no. 11 (179), pp. 18–21.

23. Battahov P. P. Osobennosti perekhoda isklyuchitel'nyh prav na ob"ekty promyshlennoj sobstvennosti bez dogovornyh otnoshenij [Features of the transfer of exclusive rights to objects of indus-

trial property without contractual relations]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2019, no. 7, pp. 30–34.

24. Gabov A. V. Reorganizaciya i likvidaciya yuridicheskih lic: nauchno-prakticheskij kommentarij k stat'yam 57-65 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Reorganization and liquidation of legal entities: a scientific and practical commentary on Articles 57-65 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, INFRA-M Publ., 2015. 203 p. http://www.dx.doi.org/10.12737/5972.

25. Gur'ev A. V. Reorganizaciya v forme prisoedineniya kak sposob preduprezhdeniya bankrotstva turoperatora po soglasheniyu s drugoj turistskoj organizaciej [Reorganization in the form of affiliation as a way to prevent the bankruptcy of a tour operator by agreement with another travel organization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*, 2016, no. 3, pp. 65–73.

Информация об авторе / Information about the Author

Козлова Мария Вячеславовна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: mano173318@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9413-2191

Mariia V. Kozlova, Candidate of Sciences (Juridical), Senior Researcher of the Scientific and Educational Center "Civilist" at the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: mano173318@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9413-2191

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-141-148

(cc) BY 4.0

Права инвесторов как участников отношений, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности

К. Б. Леонтьев [1] ✉

[1] Научно-образовательный центр интеллектуальной собственности и цифровой экономики
ул. Малая Бронная, д. 10/1, г. Москва 117342, Российская Федерация

✉ e-mail: leontyev.kb@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В статье рассматриваются проблемы, обусловленные ограниченностью возможностей юридического оформления отношений между инвесторами и лицами, создающими результаты интеллектуальной деятельности или организующими создание РИД. Отмечается, что обязательственные права, основанные на заключаемых инвесторами договорах, не позволяют в полной мере учесть их интересы и обеспечить гарантии их соблюдения при распоряжении исключительными правами на РИД, создаваемый с привлечением инвестиционных средств.*

Обосновываются выводы о том, что с учетом расширяющихся потребностей в привлечении инвестиционных средств для реализации проектов, связанных с созданием и использованием РИД, необходимо предоставить инвесторам возможность участия в правообладании исключительными правами на создаваемые при их поддержке РИД, что позволит инвесторам контролировать последующее распоряжение исключительными правами на такие РИД, непосредственно участвовать в процессах лицензирования и получения вознаграждения за их использование.

Целью *исследования является разработка теоретических положений, формирующих основу для развития правового регулирования, обеспечивающего соблюдение прав инвесторов в качестве участников отношений, связанных с созданием и использованием РИД.*

Задачи: *выявить особенности оформления прав инвесторов при их участии в отношениях, связанных с созданием и использованием РИД с привлечением инвестиционных средств; разработать предложения, направленные на совершенствование правового регулирования отношений между инвесторами, лицами, организующими создание и использование РИД, авторами и правообладателями для различных случаев организации инвестиционной деятельности в рассматриваемой области.*

Методология. *При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

Результаты *исследования имеют теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования правоотношений, связанных с созданием и использованием РИД.*

Выводы, *сделанные по результатам проведенного исследования, имеют дискуссионный характер, направлены на совершенствование правового регулирования инвестиционной деятельности, связанной с созданием РИД. Статья является продолжением научных исследований автора.*

Ключевые слова: *результаты интеллектуальной деятельности; исключительное право; инвестиции; абсолютные права; относительные права.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Леонтьев К. Б. Права инвесторов как участников отношений, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 141–148. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-141-148.

Поступила в редакцию 23.10.2023 Принята к публикации 27.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Леонтьев К. Б., 2023

Rights of Investors as Participants in Relationships Related to the Creation and Use of Results of Intellectual Activity

Konstantin B. Leontev[1] ✉

[1] Scientific and Educational Center of Intellectual Property and Digital Economy
10/1 Malaya Bronnaya Str., Moscow 117342, Russian Federation

✉ e-mail: andreevvrn3@yandex.ru

Abstract

***Relevance**. The article considers the problems caused by the limited possibilities of legal registration of relations between investors and persons creating the results of intellectual activity or organizing the creation of RIA. It is noted that the obligatory rights based on contracts concluded by investors do not allow to fully take into account their interests and provide guarantees of their observance when disposing of exclusive rights to the intellectual property created with the attraction of investment funds.*

The conclusions are substantiated that taking into account the growing needs in attracting investment funds for the implementation of projects related to the creation and use of RIAs, it is necessary to provide investors with the opportunity to participate in the ownership of exclusive rights to RIAs created with their support, which will allow investors to control the subsequent disposal of exclusive rights to such RIAs, directly participate in the licensing processes and receive remuneration for their use.

***The purpose** is to develop theoretical provisions that form the basis for the development of legal regulation ensuring the observance of investors' rights as participants in relations related to the creation and use of RIA.*

***Objectives**: to identify the peculiarities of registration of investors' rights when they participate in relations related to the creation and use of RIA with the attraction of investment funds; to develop proposals aimed at improving the legal regulation of relations between investors, persons organizing the creation and use of RIA, authors and right holders for various cases of organization of investment activity in the field under consideration.*

***Methodology.** The dialectical-materialistic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method were used in writing the work.*

***The results** of the research are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of legal relations related to the creation and use of RIA.*

***The conclusions** made on the basis of the results of the conducted research have a discussion character and are aimed at improving the legal regulation of investment activities related to the creation of RIA. The article is a continuation of the author's scientific research.*

***Key words:** results of intellectual activity; exclusive right; investment; absolute rights; relative rights.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Leontev K. B. Rights of Investors as Participants in Relationships Related to the Creation and Use of Results of Intellectual Activity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 141–148. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-141-148

Received 23.10.2023 Accepted 27.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Проблемы охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), в том числе проблемы, связанные с созданием и использованием РИД, рассматривались в научных трудах многих отечественных и зарубежных ученых [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. При этом основными направлениями исследования становились вопросы обеспечения охраны прав авторов и правообладателей РИД, защиты их прав в случае их нарушений, особенности распоряжения такими правами, устанавливаемые законодательством ограничения исключительных прав и т. д.

Рассмотрение складывающихся при создании и использовании РИД отношений в парадигме, основанной на учете в качестве основных участников возникающих отношений четырех категорий лиц и организаций (автор – правообладатель – пользователь – нарушитель) приводило к тому, что не уделялось достаточного внимания учету прав такой важной для создания РИД и их использования категории, как инвесторы. Вопросы оформления отношений с последними не рассматривались в научных и научно-практических изданиях [8; 9; 10; 11].

Методология

При подготовке исследования использовались общенаучные методы, в том числе диалектико-материалистический метод, который позволил провести комплексное исследование проблем, связанных с оформлением, охраной и защитой прав инвесторов в сфере создания и использования РИД, а также методы анализа и синтеза, с использованием которых было осуществлено сопоставление правовых норм, регулирующих возникающие при правоотношениях, связанных с ними подходов, выраженных в научных публикациях, законодательных положениях, договорной практике. Использовались также специальные методы юридической науки, прежде всего формально-юридический метод, позволивший сформулировать и описать полученные при проведении исследования результаты.

Результаты и их обсуждение

Вопросы правового оформления отношений, возникающих в связи с осуществлением инвестиционной деятельности в сфере создания и использования РИД, достаточно редко становятся предметом научного рассмотрения, причем такое рассмотрение обычно ограничивается определенными рамками, отдельными видами РИД и отдельными случаями [12; 13]. Традиционно законодательство об интеллектуальной собственности не рассматривает деятельность, не связанную непосредственно с творческими процессами по созданию произведений или иных творческих результатов, как порождающую какие-либо права интеллектуальной собственности на такие результаты (п. 1 ст. 1228 ГК РФ).

Между тем можно выделить ряд этапов развития права интеллектуальной собственности, в течение которых происходило постепенное признание необходимости распространения прав, возникающих в отношении РИД, на более широкий круг участников. Первый этап был связан, как представляется, с появлением аудиовизуальных произведений, права на которые потребовалось закрепить за определенным лицом, что и было сделано путем признания ограниченного перечня участников творческого процесса по созданию таких объектов их авторами и возможностью передачи такими авторами своих прав кинокомпании, продюсеру (изготовителю аудиовизуального произведения).

Данный подход закреплен, в частности, ст. 1263 ГК РФ. Особыми правами законодатели пытались наделить издателей периодических и продолжающихся изданий и ряд других лиц, участвующих в процессе создания РИД, но не осуществляющих или не обязательно осуществляющих творческую деятельность при их создании. Интересно отметить, что при расширительном подходе к числу таких лиц могут быть отнесены многие обладатели смежных прав, поскольку для возникновения правообладания в отношении фонограмм, вещания или содержания баз данных как объекта смежных прав не требуется осуществление творческой деятельности, необходимо прежде всего принятие на себя инициативы по их созданию.

Дальнейшее расширение круга особых правообладателей произошло за счет введения в отечественное законодательство в части четвертой ГК РФ понятия «сложного объекта» (ст. 1240 ГК РФ) и признание прав на такой сложный объект

за лицом, организовавшим его создание. Таким образом, к настоящему моменту можно говорить о наметившейся тенденции признания правообладателями РИД все более широкого круга лиц, от которых не требуется осуществление творческой деятельности, причем исключительные права у таких лиц могут возникать как непосредственно в силу осуществляемой деятельности, например, по организации создания сложного объекта, так и в результате получения исключительного права от авторов на основании установленной законодательством презумпции.

Значение охраны интеллектуальной собственности для привлечения инвестиций в сферы, связанные с созданием и использованием РИД, использованием средств индивидуализации, в том числе с учетом международных аспектов и зарубежного опыта, подчеркивалось в ряде публикаций [14; 15; 16; 17; 18], но возникающие при этом отношения между инвесторами, правообладателями и организаторами соответствующей деятельности при этом обычно не рассматривались. Между тем для привлечения инвестиций важнейшими являются вопросы их надлежащего оформления, гарантирующего соблюдение участниками процессов создания и использования РИД принятых на себя обязательств перед инвесторами.

В настоящее время отсутствует какое-либо специальное правовое регулирование и законодательно определенные варианты договорного оформления отношений по инвестированию в рассматриваемой области. Во многих случаях стороны при урегулировании своих отношений, возникающих в связи с привлечением и использованием инвестиций, используют по аналогии положения Закона РСФСР от 26 июня 1991 г. №1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»[1], что ввиду давности принятия, особенностей содержания и отличий от положений ГК РФ даже на терминологическом уровне, не может не сказываться негативным образом на надежности регулирования возникающих правоотношений.

Отсутствие специального гражданско-правового регулирования инвестиционной деятельности в рассматриваемой области снижает надежность защиты прав и законных интересов инвесторов, создает дополнительные риски при осуществлении инвестиционной деятельности в сфере творческих индустрий, что значительно снижает привлекательность таких сфер для инвестирования. Вследствие этого объемы инвестирования не растут, многие проекты остаются нереализованными, что негативно влияет на развитие экономики в наиболее интеллектуально и технологически насыщенных областях.

Кроме того, проблема состоит в том, что на основании заключаемых договоров инвестор может получить только обязательственные права, основанные на заключенных им договорах, т. е. относительные по своему содержанию права, ответственность за которые ограничивается положениями, предусмотренными законом и заключенным договором. Инвестор, если он не становится правообладателем – совладельцем исключительного права на РИД или, по крайней мере, лицом, обладающим лицензией на его использование, никак не может повлиять на «юридическую судьбу» прав на РИД, участвовать в распоряжении такими правами [19; 20; 21; 22].

В ряде случаев участники инвестиционной деятельности предусматривают в заключаемых инвестиционных договорах совместное правообладание исключительными правами на РИД, создаваемые с привлечением инвестиционных средств, такой подход получил широкое распространение на практике, однако в случае возникновения конфликтных си-

[1] Об инвестиционной деятельности: закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1: [ред. от 26.07.2017] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_89/ (дата обращения: 20.09.2023)

туаций возможны различные варианты принимаемых судебных решений, особенно в случаях, когда правообладание и переход прав, в том числе от каждого автора, участвовавшего в создании РИД, и каждого правообладателя, предоставившего права для их создания, не были оформлены надлежащим образом, обеспечивающим переход соответствующих исключительных прав в совместное правообладание.

При этом иные лица (авторы, правообладатели, организаторы создания РИД) приобретают исключительные права, абсолютные по своему содержанию, и могут в силу этого обладать правами, позволяющими им распоряжаться такими правами без учета прав инвесторов. Ответственность перед инвестором за нарушение заключенных с ним договоров несут только лица, заключившие такие договоры, причем если не предусмотрено иное, такая ответственность ограничивается, прежде всего, возмещением причиненных убытков, доказывание которых обычно оказывается затруднительным, и даже в случае установления значительных по своему объему неустоек суд может отказать в их присуждении в полном объеме.

Таким образом, правообладатели могут осуществить передачу исключительного права на РИД другим лицам или распорядиться им иным образом без учета прав инвестора, в том числе в нарушение заключенного с ним договора. При этом возможности правовой защиты своих интересов у инвестора будут чрезвычайно ограниченными, поскольку из объема возможных правовых средств, которые он мог бы применить для такой защиты, оказываются исключены способы, предусмотренные для защиты исключительных прав на РИД, инвестор, не являющийся правообладателем, не обладающий абсолютным правом – исключительным правом в отношении РИД, не может предъявлять каких-либо требований к пользователям РИД, запрещать или разрешать его использование.

Выводы

Оптимальным вариантом, гарантирующим соблюдение прав инвестора и обеспечивающим для него возможность отстаивания своих интересов, является предоставление ему возможности становиться совладельцем исключительного права на создаваемый результат. Такой подход («право в обмен на инвестиции») широко применяется в зарубежной и российской практике, однако до настоящего времени не нашел отражения в ГК РФ, что осложняет его полноценное применение.

Признание возможности для инвестора становиться совладельцем исключительного права позволит участвовать в решении вопросов распоряжения таким правом, как это предусмотрено положениями о совместном правообладании (п. 3 ст. 1229 ГК РФ), а в случае нарушения его прав принимать все предусмотренные законодательством меры для их защиты, в том числе предъявлять требования к третьим лицам, использующим РИД без его согласия, на основе принадлежащих ему абсолютных по своему содержанию исключительных прав, благодаря которым принадлежащие такому инвестору права должны будут соблюдаться всеми лицами, независимо от наличия у них договорных отношений с инвесторами или иными участниками гражданских правоотношений.

Обеспечение указанной выше возможности для инвесторов потребует в определенной мере пересмотреть устоявшиеся подходы, согласно которым совместное обладание исключительным правом возможно только при его возникновении или приобретении несколькими лицами ввиду его «неделимости». Однако именно обеспечение возможности совместного правообладания позволит оптимальным образом обеспечить соблюдение прав инвесторов при сохранении и учете прав иных участников процессов создания и использования РИД на современном этапе.

Список литературы

1. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: [сборник статей] / Исслед. центр частного права. М.: Статут, 2003. 261 с.

2. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции: [пер. с фр.] / отв. ред. И. В. Савельева. М.: Международные отношения, 1989. 336 с.

3. Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 620 с.

4. Леонтьев К. Б. Исключительное право и проблемы коммерческого использования произведений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 26–35.

5. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / Л. А. Новоселова [и др.]; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Норма, 2014. 480 с.

6. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 367 с.

7. Право интеллектуальной собственности / под ред. И. А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГАИС: Проспект, 2020. 896 с.

8. Гаврилов Э. П. Право на интеллектуальную собственность: новеллы, внесенные Федеральным законом от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ в главу 70 ГК РФ // Хозяйство и право. 2014. № 9. С. 86–98.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69–71 / Б. М. Гонгало, В. О. Калятин, М. Я. Кириллова [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. М: Статут, 2014. 510 с.

10. Кирышева В. А. Возможности реализации трансфера технологий транснациональных компаний // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 51. С. 1617–1623.

11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный): в 2 т. / С. А. Горленко, В. О. Калятин, Л. Л. Кирий [и др.]; отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. Т. 1. 483 с.

12. Леонтьев К. Б. Развитие гражданско-правового регулирования инвестиционной деятельности при создании отдельных видов объектов авторских прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4.С. 52–61.

13. Пирогова В. В. Современное патентное право: служебные изобретения в контексте инвестиций // Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». 2012. № 6. С. 63–69.

14. Балашов Н. С. Правовое регулирование интеллектуальной собственности на мировом рынке // Новеллы права, экономики и управления 2022: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Гатчина: ГИ ЭФПТ, 2023. С. 157–160.

15. Калятин В. О. Развитие системы регулирования распоряжения правами на интеллектуальную собственность в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2. С. 54–63.

16. Липцик Д. Авторское право и смежные права / пер. с фр.; предисловие М. Федотова. М.: Ладомир: ЮНЕСКО, 2002. 788 с.

17. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование / под ред. И. А. Близнеца, В. А. Зимина, Г. И. Тыцкой. М.: Юрайт, 2018. 252 с.

18. Прогунова Л. В., Прикладова А. А. Динамика инвестиционной активности стран БРИКС // Плехановский форум. Мировая торговля в условиях турбулентности: сборник статей по итогам IV Международной научно-практической конференции. М.: Рос. экон. ун-т им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 89–96.

19. Абрамова Н. Некоторые проблемы совместного обладания исключительным правом // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012. № 5. С. 5–11.

20. Баганова С. В., Белькова Е. Г. Исключительное право сообладателей // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1. С. 24–30.

21. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: законодательство и доктрина // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 8. С. 14–20.

22. Леанович Е. Б. Аспекты интеллектуальной собственности в двусторонних соглашениях о содействии и взаимной охране инвестиций // Беларусь в современном мире: материалы XIII Международной конференции, посвященной 93-летию образования Белорусского государственного университета / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. Гомель: Гомел. гос. техн. ун-т им П. О. Сухого, 2014. С. 149–152.

References

1. Dozorcev V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii. Sbornik statej [Intellectual property rights: The concept. System. Tasks of codification. Collection of articles. Moscow, Statut Publ., 2003. 261 p.

2. Dyuma R. Literaturnaya i hudozhestvennaya sobstvennost'. Avtorskoe pravo Francii [Literary and artistic property. French copyright]; ed. by I. V. Savel'eva. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989. 336 p.

3. Zenin I. A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti [Intellectual property law]. 9th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2014. 620 p.

4. Leont'ev K. B. Isklyuchitel'noe pravo i problemy kommercheskogo ispol'zovaniya proizvedenij [Exclusive right and problems of commercial use of works]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2022, vol. 12, no. 3, pp. 26–35.

5. Novoselova L. A., eds. Nauchno-prakticheskij kommentarij sudebnoj praktiki v sfere zashchity intellektual'nyh prav [Scientific and practical commentary on judicial practice in the field of intellectual property rights protection]; ed. by L.A. Novoselova. Moscow, Norma Publ., 2014. 480 p.

6. Pravo intellektual'noj sobstvennosti T. 2. Avtorskoe pravo [Intellectual Property Law. Vol. 2. Copyright]; ed. by L. A. Novoselova. Moscow, Statut Publ., 2017. 367 p.

7. Pravo intellektual'noj sobstvennosti [Intellectual property law]; ed. by I.A. Bliznec. 2th ed. Moscow, RGAIS Publ., Prospekt Publ., 2020. 896 p.

8. Gavrilov E. P. Pravo na intellektual'nuyu sobstvennost': novelly, vnesennye Federal'nym zakonom ot 12 marta 2014 goda № 35-FZ v glavu 70 GK RF [Intellectual property right: novelties introduced by Federal Law No. 35-FZ of March 12, 2014 in Chapter 70 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2014, no. 9, pp. 86–98.

9. Gongalo B. M., Kalyatin V. O., Kirillova M. Ya., eds. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Avtorskoe pravo. Prava, smezhnye s avtorskimi. Postatejnyj kommentarij k glavam 69–71 [The Civil Code of the Russian Federation. Copyright. Rights related to copyrights. Article-by-article commentary on chapters 69-71]; ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut Publ., 2014. 510 p.

10. Kirysheva V. A. Vozmozhnosti realizacii transfera tekhnologij transnacional'nyh kompanij [Opportunities for the implementation of technology transfer of multinational companies]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education*, 2022, no. 51, pp. 1617–1623.

11. Gorlenko S. A., Kalyatin V. O., Kirij L. L., eds. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (chasti chetvertoj) (postatejnyj) [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (Part Four) (article-by-article)]; ed. by L. A. Trahtengerc. 2th ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2016, vol. 1. 483 p.

12. Leont'ev K. B. Razvitie grazhdansko-pravovogo regulirovaniya investicionnoj deyatel'nosti pri sozdanii otdel'nyh vidov ob"ektov avtorskih prav [The development of civil law regulation of investment activities in the creation of certain types of copyright objects]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 52–61.

13. Pirogova V. V. Sovremennoe patentnoe pravo: sluzhebnye izobreteniya v kontekste investicij [Modern patent law: service inventions in the context of investments]. *Vestnik federal'nogo byudzhetnogo uchrezhdeniya "Gosudarstvennaya registracionnaya palata pri Ministerstve yusticii Rossijskoj Federacii"*

= Bulletin of the federal budgetary institution "State Registration Chamber under the Ministry of Justice of the Russian Federation", 2012, no. 6, pp. 63–69.

14. Balashov N. S. [Legal regulation of intellectual property on the world market]. *Novelly prava, ekonomiki i upravleniya 2022. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Novellas of Law, Economics and Management 2022. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Gatchina, GI EFPT Publ., 2023, pp. 157–160. (In Russ.)

15. Kalyatin V. O. Razvitie sistemy regulirovaniya rasporyazheniya pravami na intellektual'nuyu sobstvennost' v Rossii [Development of the system of regulation of the disposal of intellectual property rights in Russia]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2018, no. 2, pp. 54–63.

16. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]. Moscow, Ladomir Publ., YUNESKO Publ., 2002. 788 p.

17. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie [Intellectual property law. International legal regulation]; ed. by I. A. Bliznec, V. A. Zimin, G. I. Tyckaya. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 252 p.

18. Progunova L.V., Prikladova A.A. [Dynamics of investment activity of the BRICS countries]. *Plekhanovskij forum. Mirovaya torgovlya v usloviyah turbulentnosti. Sbornik statej po itogam IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Plekhanov Forum. World trade in conditions of turbulence. Collection of articles based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Russian Univ. of Economics named after Publ., 2018, pp. 89–96. (In Russ.)

19. Abramova N. Nekotorye problemy sovmestnogo obladaniya isklyuchitel'nym pravom [Some problems of joint ownership of an exclusive right]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2012, no. 5, pp. 5–11.

20. Baganova S. V., Bel'kova E. G. Isklyuchitel'noe pravo soobladatelej [The exclusive right of co-owners]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2021, no. 1, pp. 24–30.

21. Gavrilov E. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti Rossijskoj Federacii: zakonodatel'stvo i doktrina [Intellectual property law of the Russian Federation: legislation and doctrine]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and licenses. Intellectual property rights*, 2018, no. 8, pp. 14–20.

22. Leanovich E. B. [Aspects of intellectual property in bilateral agreements on the promotion and mutual protection of investments*]. Belarus' v sovremennom mire. Materialy XIII Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 93-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belarus in the modern world. Proceedings of the XIII International Conference dedicated to the 93rd anniversary of the formation of the Belarusian State University]; ed. by V. G. Shadurskij, eds. Gomel', Sukhoi St. Technical Univ. of Gomel Publ., 2014, pp. 149–152.

Информация об авторе / Information about the Author

Леонтьев Константин Борисович, кандидат юридических наук, доцент, Научно-образовательный центр интеллектуальной собственности и цифровой экономики (НЦИС), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: leontyev.kb@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4580-258X

Konstantin B. Leontev, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Scientific and Educational Center of Intellectual Property and Digital Economy, Moscow, Russian Federation, e-mail: leontyev.kb@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4580-258X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-149-158

(cc) BY 4.0

Права хозяйственных обществ и их участников на результаты интеллектуальной деятельности

В. М. Марасанов [1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vm21201@mail.ru

Резюме

***Актуальность**. Одним из наиболее эффективных вариантов распоряжения исключительными правами в отношении результатов интеллектуальной деятельности при наличии нескольких заинтересованных лиц является закрепление ими исключительных прав на такие РИД за принадлежащим им хозяйственным обществом. Возникающее при этом опосредованное владение правами позволяет осуществлять совместное распоряжение ими при опосредованном контроле участников хозяйственных обществ, распределять между ними получаемые доходы согласно заранее закрепленным договоренностям, привлекать инвестиции в обмен на долю участия или акции хозяйственного общества – правообладателя.*

В то же время опосредованное владение правами на РИД, осуществляемое через принадлежащее заинтересованным лицам хозяйственное общество, приводит к необходимости усиления контроля с их стороны за распоряжением нематериальными активами, принадлежащими хозяйственному обществу, поскольку при отсутствии надлежащего контроля существует риск утраты или ограничения возможности использования наиболее ценных нематериальных активов.

***Целью** исследования является разработка теоретических положений, определяющих особенности осуществления опосредованного владения правами на РИД, принадлежащие хозяйственным обществам, с сохранением возможности контроля со стороны участников таких обществ.*

***Задачи:** выявить проблемы опосредованного владения правами на РИД, закрепляемые за хозяйственными обществами; проанализировать существующие риски утраты или ограничения возможности использования таких РИД при отсутствии эффективного контроля за распоряжением ими со стороны участников таких обществ; предложить варианты усиления контроля участников за распоряжением исключительными правами на РИД без снижения эффективности распоряжения такими РИД.*

***Методология.** При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, методы анализа и синтеза и формально-юридический метод.*

***Результаты** исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования отношений, связанных с использованием РИД.*

***Выводы.** Выводы, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики. Статья является продолжением научных исследований автора по рассматриваемым в ней вопросам.*

***Ключевые слова:** автор; правообладатель; произведение; изобретение; результат интеллектуальной деятельности; авторское право; патентное право.*

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Марасанов В. М. Права хозяйственных обществ и их участников на результаты интеллектуальной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 149–158. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-149-158.

Поступила в редакцию 26.10.2023 Принята к публикации 27.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Марасанов В.М., 2023

Rights of Business Companies and their Participants to the Results of Intellectual Activity

Valerii M. Marasanov[1]✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: vm21201@mail.ru

Abstract

Relevance. *One of the most effective options for the realization of exclusive rights to the results of intellectual activity when there are several interested parties is the assignment by them of exclusive rights to such results to a business entity owned by them. The resulting indirect ownership of rights allows for joint disposal of them under the indirect control of the participants of business entities, distribution of income between them according to pre-established agreements, attraction of investments in exchange for a share of participation or shares in the business entity - the right holder.*

At the same time, the indirect ownership of rights to the results of intellectual activity, carried out through the business company owned by interested parties, leads to the need to strengthen their control over the disposal of intangible assets owned by the business company, because in the absence of proper control there is a risk of loss or limitation of the possibility of using the most valuable intangible assets.

The purpose *of the research is to develop theoretical provisions defining the peculiarities of the implementation of indirect ownership of rights to the results of intellectual activity owned by business entities, while preserving the possibility of control by the participants of such entities.*

Objectives*: to identify the problems associated with the indirect ownership of rights to the results of intellectual activity assigned to business entities; to analyze the existing risks of loss or limitation of the possibility of using the results of intellectual activity owned by business entities in the absence of effective control over their disposal by the participants of such entities.*

Methodology. *The dialectical-materialistic method, methods of analysis and synthesis and formal-legal method were used in writing the work.*

The results *of the research are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of relations related to the use of the results of intellectual activity.*

Conclusions. *The conclusions made in the article are of a discussion nature, aimed at the continuation of research in the framework of the declared subject. The article is a continuation of the author's scientific research on the issues considered in it.*

Keywords: *author; right holder; work; invention; result of intellectual activity; copyright; patent law.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Marasanov V. M. Rights of Business Companies and their Participants to the Results of Intellectual Activity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 149–158. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-149-158

Received 26.10.2023 Accepted 27.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Развитие охраны творческих результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) традиционно базировалось на признании прав авторов таких РИД, что особенно наглядно проявлялось в континентальной модели авторского права, предполагающей возникновение у автора первоначальных прав на созданные им произведения. Только после осуществления такой «привязки» к автору законодательство допускало переход прав к иным лицам на основании договоров, заключенных с автором, или в рам-

ках возникших трудовых правоотношений.

Статья 44 Конституции РФ и международные договоры также основываются на признании и закреплении прав авторов с возможностью охраны прав иных лиц с соблюдением прав авторов творческих результатов.

Авторское право, по мнению Д. Липцик, представляет собой «закрепление субъективных прав автора на результаты личного творчества, созданные в процессе его интеллектуальной деятельности» [1, с. 13], хотя и предназначенные для использования в экономических целях [1, с. 36–37]. При этом основная экономическая деятельность, связанная с использованием РИД, осуществляется, как правило, не самими авторами, а их правопреемниками – правообладателями и лицензиатами. Связь между автором и созданным им результатом творческой деятельности признается также в сфере «технического» творчества, хотя и проявляется в меньшей степени, например, на стадии получения согласия на подачу заявки на регистрацию изобретения. Данный подход был заложен еще на этапах зарождения современного авторского и патентного права [1, с. 20; 2, с. 49].

Исследователи уделяют значительное внимание проблемам охраны прав авторов и защиты прав авторов и правообладателей, соотношения частных интересов и публичных интересов [3; 4]. В меньшей степени рассматриваются вопросы разграничения прав авторов – создателей РИД и прав правообладателей, не являющихся авторами, но вкладывающих средства и усилия в создание таких РИД, их продвижение, обеспечение их использования, в том числе коммерческой эксплуатации. Авторы и их наследники лишь в редких случаях осуществляют сами использование произведений и изобретений в значимых для рынка масштабах, обычно такая деятельность гораздо эффективнее осуществляется профессиональными участниками соответствующих рынков: издательствами, киностудиями, промышленными предприятиями и др. Редко предметом научного рассмотрения оказываются проблемы выбора организационно-правовых форм для коммерциализации РИД и пределы осуществления прав [5], в том числе пределы осуществления прав правообладателями, не являющимися авторами, и авторами, не являющимися правообладателями.

Следует признать, что постепенно в научных исследованиях стало уделяться больше внимания экономическим проблемам, связанным с охраной прав интеллектуальной собственности [6; 7]. Такие проблемы рассматривались основоположниками российского авторского права [8, с. 1–27] и патентного права [9]. Однако в силу исторических причин впоследствии экономическим аспектам права интеллектуальной собственности не уделялось необходимого внимания.

Методология

Методологическую основу проведенного исследования составили общенаучные методы, включая диалектико-материалистический метод, а также методы анализа и синтеза, позволившие рассмотреть вопросы приобретения хозяйственными обществами исключительных прав на РИД, а также обосновать предложения для решения задач эффективного контроля за распоряжением правами на РИД со стороны участников хозяйственных обществ. Формально-юридический метод позволил провести обобщение существующих проблем и возможных решений на основании изучения законодательства и научных публикаций по избранной тематике, а также описать полученные в ходе исследования результаты для их последующего использования.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время именно нематериальные активы, в том числе исключи-

тельные права на РИД, становятся важнейшими и в ряде случаев основными ценностями для современных компаний [10, с. 12]. Организации, участвующие в процессах создания и использования РИД, заинтересованы в выработке, законодательном закреплении, единообразном толковании и применении положений, определяющих условия и порядок закрепления и осуществления прав на такие РИД. Такая необходимость существует на каждом этапе разработки новых программ, электронных сервисов, иных высокотехнологичных стартапов, создания сложных объектов, в том числе аудиовизуальных произведений.

Для осуществления таких проектов и продвижения их результатов требуются значительные вложения, для привлечения которых помимо самого проекта и предшествующих наработок необходимо также создание продуманной организационной структуры, способной обеспечить эффективное привлечение средств, согласованное распоряжение правами на создаваемые РИД и контроль за соблюдением интересов участников такой деятельности.

Анализ существующей практики показывает, что оптимальным образом решение указанных задач можно достичь путем создания хозяйственных обществ, закрепления за ними прав на создаваемые РИД или приобретения ими прав на РИД. Именно хозяйственные общества создают возможность эффективного опосредованного владения такими правами, в том числе позволяют привлекать средства в обмен на возможность участия инвесторов в хозяйственном обществе – правообладателе. Хозяйственные общества также успешно используются для коммерциализации РИД, позволяя наладить лицензирование в рамках «единого окна», получать и распределять доходы согласно договоренностям, достигнутым при их создании или при заключении корпоративных договоров. Альтернативный вариант, состоящий в возможности совместного правообладания, оказывается трудно реализуемым на практике [11; 12, с. 3–5].

Участники хозяйственных обществ, в качестве которых могут выступать организации и граждане, в том числе авторы, их наследники и иные правообладатели, а также публично-правовые образования [13], могут владеть исключительными правами на РИД или лицензиями на использование РИД по различным основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации. Такими основаниями могут быть, в частности, приобретение исключительных прав или лицензий по заключаемым договорам, в том числе договорам авторского заказа [14, с. 6], возникновение прав на служебные РИД, внесение прав в уставный капитал, приобретение прав в порядке правопреемства при реорганизации (слияние, поглощение и др.). Возможны также другие варианты с учетом значительного числа оснований перехода прав и различного рода договорных конструкций [15, с. 9]. В то же время приобретение исключительных прав на РИД в порядке наследования не характерно для хозяйственных обществ как коммерческих организаций. При этом с каждым основанием приобретения исключительных прав связаны различного рода ограничения или дополнительные условия, например, для возникновения прав на произведения, созданные работниками, необходимо, чтобы такие произведения относились к числу служебных [16, с. 9–10].

Следствием закрепления за хозяйственным обществом исключительных прав или прав, вытекающих из заключенных лицензионных договоров, является возможность использования таких прав в хозяйственном обороте. При этом возникает ситуация опосредованного владения правами со стороны участников хозяйственного общества, которые могут оказывать влияние на решение вопросов, связанных с осуществлением таких прав. Однако участники общества лишены

возможности осуществлять непосредственный контроль и распоряжение такими правами.

Передача хозяйственному обществу исключительных прав в отношении РИД, равно как и приобретение таких прав хозяйственным обществом, приводит к ситуации опосредованного владения правами на такие РИД, благодаря чему общество – правообладатель может успешным образом распоряжаться такими правами, при этом ни один из участников не имеет возможности вмешиваться в такое распоряжение или воспрепятствовать ему, если он не обладает достаточным числом голосов на общем собрании участников хозяйственного общества.

Нематериальные активы, основанные на владении исключительными правами на РИД или правами их использования, составляют основу успешной деятельности многих современных компаний. В то же время нельзя не учитывать, что ввиду их специфики, в том числе отсутствия надежных критериев оценки, они оказываются особенно уязвимы для различного рода недобросовестных действий, злоупотреблений, включая выведение таких активов из владения хозяйственных обществ при невозможности в дальнейшем предъявления доказательств их реальной стоимости и размера причиненных убытков.

Несмотря на то, что в настоящее время права на РИД составляют основу успешной деятельности многих компаний, законодательство не содержит детализированных положений, определяющих порядок и условия осуществления прав на РИД, которые позволяли бы исключить злоупотребления как со стороны исполнительных органов, так и со стороны мажоритарных участников [17, с. 10–13], в частности нарушения законных интересов отдельных участников.

Вопросам защиты прав и законных интересов участников хозяйственных обществ уделяется значительное внимание при проведении научных исследований [18]. Однако именно в отношении прав, связанных с РИД, требуется отдельный анализ и разработка подходов, принципиально отличных от ранее предлагавшихся. Так, рассматривая различные модели защиты прав и интересов, в корпоративных отношениях обычно исходят из необходимости прежде всего возмещения причиненного имущественного ущерба [18, с. 21–22], а также выплаты дивидендов [18, с. 25–26]. Применительно к случаям злоупотреблений, связанных с недобросовестным «выводом» прав на значимые для деятельности хозяйственного общества РИД, либо с предоставлением третьим лицам возможности использования РИД вопреки интересам хозяйственного общества, требуется принятие гораздо более сложных мер для восстановления существовавшего до нарушения положения и преодоления последствий, вызванных недобросовестным поведением руководителей, мажоритарных участников или отдельных должностных лиц хозяйственного общества.

Если в случае продажи исключительных прав на принадлежащие хозяйственному обществу РИД по существенным образом заниженной цене восстановление первоначального положения может быть обеспечено за счет признания недействительности заключенной сделки, то при более сложных ситуациях потребуется принятие гораздо более сложных мер, не всегда предусмотренных законодательством в настоящее время.

Например, одна из опасных для хозяйственного общества ситуаций возникает в случаях, когда третьему лицу – действующему или потенциальному конкуренту – предоставляется возможность использования наиболее значимых РИД путём их переработки с последующим применением переработанных РИД в практической деятельности конкурента. Договор, опосредующий предоставление лицензии на переработку произведения или ограниченное использование охраняемого технического результата, будет го-

раздо сложнее оспорить в суде, поскольку трудно будет доказать неправильное определение стоимости прав на такую переработку при отсутствии предшествующих аналогов. В то же время возникновение у конкурента возможности использования РИД, на которых основывается экономическая модель работы хозяйственного общества, создает угрозу для такого хозяйственного общества – правообладателя.

Сложности при защите прав будут связаны также с проблемами доказывания недобросовестности приобретателя права, т. к. отчетливых критериев такой недобросовестности законодательство не устанавливает, а в правовой доктрине встречаются скорее противоположно направленные предложения, например, о необходимости установления специальной защиты добросовестного приобретателя исключительного права [19, с. 10], применения норм о приобретательной давности [19, с. 11], распространения на исключительные права принципа неприкосновенности собственности [19, с. 12] и т. п.

При разрешении вышеуказанной категории споров неизбежно будут возникать также вопросы о тех пределах, в которых правообладатель может контролировать и защищать от несанкционированного использования РИД при создании новых РИД другими лицами, в какой мере нарушение прав, вызванное недобросовестным поведением руководителя хозяйственного общества, дает возможность его участникам запрещать использование возникших на основании заключенных договоров и правомерно созданных на момент их возникновения производных РИД [20]. В целом вопрос о пределах защиты исключительных прав до настоящего времени является дискуссионным, отдельные исследователи уделяют особое внимание вопросам определения случаев недобросовестности самого правообладателя при предъявлении требований в защиту своих прав [21, с. 11–12; 22, с. 14–15], что представляется не в полной мере оправданным в условиях, когда нарушение таких прав имело место.

Проблемная ситуация возникает также в случаях, когда доля автора или иного участника хозяйственного общества уменьшается или «размывается» по каким-либо причинам и не позволяет контролировать дальнейшее использование РИД, принадлежащих обществу. Данная ситуация может быть связана, в частности, с привлечением инвестиций в обмен на участие в хозяйственном обществе, что становится все более распространенной практикой. Возникающие при этом проблемы аналогичны возникающим у миноритарных участников хозяйственных обществ [23], но отличаются определенной спецификой, обусловленной особенностями нематериального актива, в отношении которого утрачивается контроль.

На основе проведенного анализа российского и зарубежного опыта регулирования отношений, связанных с использованием различных моделей закрепления опосредованного владения правами на РИД [24; 25] через хозяйственные общества и иные корпоративные структуры, представляется обоснованным сделать вывод о необходимости разработки специального регулирования широкого круга возникающих неоднородных по своему содержанию вопросов, обусловленных современным этапом развития «экономики знаний», включая, в частности, вопросы обеспечения эффективного контроля за использованием нематериальных активов, в том числе исключительных прав на РИД, за получением и распределением доходов от их использования, обеспечением защиты прав и своевременным принятием мер для исключения попыток вывода ценных нематериальных активов из хозяйственного общества, нарушение монопольного положения общества в отношении использования таких нематериальных активов.

Для обеспечения гарантий защиты ценных нематериальных активов и обеспечения для участников отношений, обусловленных опосредованным владением такими нематериальными активами, необходимо обеспечить возможность установления участниками хозяйственного общества особого порядка и условий реализации прав на такие активы. Для этого, в свою очередь, необходимо предоставить сторонам соответствующих правоотношений возможность закрепления положений, имеющих публичный характер, т. е. доступных для неограниченного круга лиц и (или) доводимых до сведения всех контрагентов в качестве условия обязательности их применения при заключении договоров с такими контрагентами. К числу таких публично доступных положений должны относиться, в частности, требования к порядку и условиям распоряжения принадлежащим обществу имуществом и нематериальными активами, в том числе исключительными правами на РИД.

Необходимо также установление презумпции запрета отдельных видов распоряжения принадлежащими хозяйственному обществу исключительными правами на РИД без соблюдения специальных процедур по аналогии с порядком совершения крупных сделок, однако при невозможности использования выделяемых при определении таких сделок критериев [26, с. 12–13]. В отношении прав на РИД следует учитывать, что объективная оценка стоимости таких прав часто оказывается невозможной или является затруднительной до момента реализации основанных на них проектов, например запуска электронных сервисов, создания и проката кинофильмов, выпуска новых телевизионных программ и сериалов и т. д. Данные обстоятельства создают предпосылки для того, чтобы недобросовестные лица, в том числе с согласия части правообладателей и (или) участников хозяйственного общества, предпринимали попытки «выведения» таких прав из владения хозяйственного общества.

Выводы

Участники хозяйственного общества должны обладать возможностью определять в уставе (учредительных документах) или в корпоративном договоре положения, регламентирующие порядок осуществления принадлежащих хозяйственному обществу прав на наиболее ценные нематериальные активы, основанные на обладании исключительными правами на РИД или лицензиями на их использование. Наряду с установлением такого порядка требуется также закрепить положения, определяющие наличие или отсутствие возможности изменения установленного порядка в отношении отдельных видов прав или определенных случаев использования объектов таких прав, поскольку хозяйственная деятельность общества в качестве правообладателя связана с различными вариантами распоряжения принадлежащими ему исключительными правами на РИД или использованием таких РИД на основании предоставленных обществу лицензий. Установление тотального контроля участников за любыми случаями распоряжения такими правами сделает невозможной успешную деятельность общества по использованию соответствующих РИД.

Для исключения возможности неконтролируемого участниками хозяйственного общества отчуждения принадлежащих такому обществу исключительных прав или иного распоряжения правами на РИД с причинением ущерба обществу и его участникам необходимо отнести решение таких вопросов к компетенции общего собрания с предоставлением возможности его участникам принимать решение об ином путем включения соответствующих положений в устав хозяйственного общества или корпоративный договор.

Предлагаемые меры создадут предпосылки для обеспечения эффективного контроля за реализацией проектов в различных сферах экономической деятельности, наиболее привлекательных для осуществления инвестиций.

Список литературы

1. Липцик Д. Авторское право и смежные права / пер. с фр.; предисловие М. Федотова. М.: Ладомир: ЮНЕСКО, 2002. 788 с.

2. Гаврюшкин С. Н. Эволюция интеллектуальной собственности и соотношение публичного права и результатов интеллектуальной деятельности // Экономика и управление. 2019. № 3. С. 49–56.

3. Кастальский В. Н. Баланс частных и публичных интересов в патентном праве // Хозяйство и право. 2019. № 9. С. 73–83.

4. Павлов В. П. Исключительное право правообладателя и интересы общества: пути достижения баланса // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 5. С. 2–8.

5. Ворожевич А. С. Границы и пределы осуществления авторских и смежных прав. М.: Статут, 2020. 271 с.

6. Мухопад В. И. Экономика и коммерциализация интеллектуальной собственности. М.: Инфра-М, 2016. 512 с.

7. Серебрякова Д. Ш. Имущественная составляющая интеллектуальных прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 161 с.

8. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 313 с.

9. Пиленко А. А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. 86 с.

10. Нематериальный капитал в глобальных цепочках создания стоимости: доклад 2017 г. о Положении в области интеллектуальной собственности в мире // Всемирная организация интеллектуальной собственности, 2017. 163 с. URL: https//www.wipo.int/ publication/ru/details.jsp?id=4225 (дата обращения: 15.09.2023).

11. Мартьянова Е. Ю. Гражданско-правовой режим исключительного права, принадлежащего нескольким лицам: дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 2019. 224 с.

12. Сидоркин С. С. Правовое регулирование гражданских отношений со множественностью лиц, объектом которых являются исключительные права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 174 с.

13. Ламбаев Ж. Т. Участие Российской Федерации в хозяйственных обществах: гражданско-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 231 с.

14. Белоусов В. Н. Договор авторского заказа в гражданском праве России: дис. … канд. юрид. наук. Новосибирск, 2018. 156 с.

15. Видьма В. В. Особенности договоров о распоряжении исключительными авторскими правами: дис. … канд. юрид. наук. Новосибирск, 2016. 254 с.

16. Афанасьева Е. С. Осуществление и защита интеллектуальных прав на служебные произведения сотрудников и учреждений МВД России: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2017. 225 с.

17. Смирнова Я. А. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 246 с.

18. Гутников О. В. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 251 с.

19. Сагдеева Л. В. Исключительное право и право собственности: единство и дифференциация в осуществлении и защите: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 96 с.

20. Исаева О. В. Пределы свободы автора производного произведения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 167 с.

21. Авдонина О. С. Субъективные пределы защиты исключительных прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 205 с.

22. Ворожевич А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 301 с.

23. Бойко Т. С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США или Великобритании. М.: Статут, 2019. 253 с.

24. Марасанов В. М. Корпоративный договор как инструмент охраны и реализации исключительных прав на произведения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 169–171.

25. Марасанов В. М. Роль корпоративного договора в регулировании вопросов, связанных с распоряжением исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 65–73.

26. Филиппова О. С. Крупные сделки хозяйственных обществ по законодательству Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2014. 244 с.

References

1. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]. Moscow, Ladomir Publ., YUNESKO Publ., 2002. 788 p.

2. Gavryushkin S. N. Evolyuciya intellektual'noj sobstvennosti i sootnoshenie publichnogo prava i rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti [The evolution of intellectual property and the relationship between public law and the results of intellectual activity]. *Ekonomika i uparvlenie = Economics and Management*, 2019, no. 3, pp. 49–56.

3. Kastal'skij V. N. Balans chastnyh i publichnyh interesov v patentnom prave [The balance of private and public interests in patent law]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law*, 2019, no. 9, pp. 73–83.

4. Pavlov V. P. Isklyuchitel'noe pravo pravoobladatelya i interesy obshchestva: puti dostizheniya balansa [The exclusive right of the copyright holder and the interests of society: ways to achieve balance]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and licenses. Intellectual property rights*, 2018, no. 5, pp. 2–8.

5. Vorozhevich A. S. Granicy i predely osushchestvleniya avtorskih i smezhnyh prav [The boundaries and limits of the exercise of copyright and related rights]. Moscow, Statut Publ., 2020. 271 p.

6. Muhopad V. I. Ekonomika i kommercializaciya intellektual'noj sobstvennosti [Economics and commercialization of intellectual property]. Moscow, Infra-M, 2016. 512 p.

7. Serebryakova D. Sh. Imushchestvennaya sostavlyayushchaya intellektual'nyh prav. Diss. kand. yurid. nauk [The property component of intellectual property rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2017. 161 p.

8. Shershenevich G. F. Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya [Copyright for literary works]. Kazan', Tip. Imp. un-ta, 1891. 313 p.

9. Pilenko A. A. Pravo izobretatelya [The right of the inventor]. Moscow, Statut Publ., 2001. 86 p.

10. Nematerial'nyj kapital v global'nyh cepochkah sozdaniya stoimosti. Doklad 2017 g. o Polozhenii v oblasti intellektual'noj sobstvennosti v mire [Intangible capital in global value chains: a 2017 report on the State of Intellectual Property in the world]. World Intellectual Property Organization, 2017. 163 p. Available at: https//www.wipo.int/ publica-tion/ru/details.jsp?id=4225 (accessed 15.09.2023).

11. Mart'yanova E. Yu. Grazhdansko-pravovoj rezhim isklyuchitel'nogo prava, prinadlezhashchego neskol'kim licam. Diss. kand. yurid. nauk [The civil law regime of an exclusive right belonging to several persons. Cand. legal sci. diss.]. Perm, 2019. 224 p.

12. Sidorkin S. S. Pravovoe regulirovanie grazhdanskih otnoshenij so mnozhestvennost'yu lic, ob"ektom kotoryh yavlyayutsya isklyuchitel'nye prava. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of civil relations with a plurality of persons whose object is exclusive rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2012. 174 p.

13. Lambaev Zh. T. Uchastie Rossijskoj Federacii v hozyajstvennyh obshchestvah: grazhdansko-pravovoj aspect [Participation of the Russian Federation in business entities: civil law aspect]. Ekaterinburg, 2018. 231 p.

14. Belousov V. N. Dogovor avtorskogo zakaza v grazhdanskom prave Rossii. Diss. kand. yurid. nauk [The contract of the author's order in the civil law of Russia. Cand. legal sci. diss.]. Novosibirsk, 2018. 156 p.

15. Vid'ma V. V. Osobennosti dogovorov o rasporyazhenii isklyuchitel'nymi avtorskimi pravami. Diss. kand. yurid. nauk [Features of agreements on the disposal of exclusive copyrights. Cand. legal sci. diss.]. Novosibirsk, 2016. 254 p.

16. Afanas'eva E. S. Osushchestvlenie i zashchita intellektual'nyh prav na sluzhebnye proizvedeniya sotrudnikov i uchrezhdenij MVD Rossii. Diss. kand. yurid. nauk [Implementation and protection of intellectual rights to official works of employees and institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Cand. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 225 p.

17. Smirnova Ya. A. Zloupotreblenie korporativnymi pravami uchastnikami hozyajstvennyh obshchestv. Diss. kand. yurid. nauk [Abuse of corporate rights by participants of business entities. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2019. 246 p.

18. Gutnikov O. V. Zashchita imushchestvennyh prav i interesov uchastnikov hozyajstvennyh obshchestv na primere otdel'nyh institutov grazhdanskogo prava. Diss. kand. yurid. nauk [Protection of property rights and interests of participants in business companies on the example of individual institutions of civil law. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2021. 251 p.

19. Sagdeeva L. V. Isklyuchitel'noe pravo i pravo sobstvennosti: edinstvo i differenciaciya v osushchestvlenii i zashchite. Diss. kand. yurid. nauk [Exclusive right and property right: unity and differentiation in the implementation and protection. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2020. 96 p.

20. Isaeva O. V. Predely svobody avtora proizvodnogo proizvedeniya. Diss. kand. yurid. nauk [The limits of freedom of the author of a derivative work. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2023. 167 p.

21. Avdonina O. S. Sub"ektivnye predely zashchity isklyuchitel'nyh prav. Diss. kand. yurid. nauk [Subjective limits of protection of exclusive rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2017. 205 p.

22. Vorozhevich A. S. Predely osushchestvleniya i zashchity isklyuchitel'nogo prava patentoobladatelya. Diss. kand. yurid. nauk [The limits of the exercise and protection of the exclusive right of the patent holder. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 301 p.

23. Bojko T. S. Zashchita prav i interesov minoritarnyh uchastnikov nepublichnogo obshchestva v prave Rossii, SSHA ili Velikobritanii [Protection of the rights and interests of minority members of a non-public company in the law of Russia, the USA or the UK]. Moscow, Statut Publ., 2019. 253 p.

24. Marasanov V. M. Korporativnyj dogovor kak instrument ohrany i realizacii isklyuchitel'nyh prav na proizvedeniya [Corporate contract as a tool for the protection and realization of exclusive rights to works]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social Sciences*, 2020, no. 2, pp. 169–171.

25. Marasanov V. M. Rol' korporativnogo dogovora v regulirovanii voprosov, svyazannyh s rasporyazheniem isklyuchitel'nymi pravami na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti [The role of a corporate agreement in regulating issues related to the disposal of exclusive rights to the results of intellectual activity]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2021, vol. 11, no. 5, pp. 65–73.

26. Filippova O. S. Krupnye sdelki hozyajstvennyh obshchestv po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Large transactions of business entities under the legislation of the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Tomsk, 2014. 244 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Марасанов Валерий Михайлович, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vm21201@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8923-9610

Valerii M. Marasanov, Post-Graduate Student of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vm21201@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8923-9610

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.3/7

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-159-174

CC BY 4.0

Некоторые криминологические особенности преступности в миграционной сфере

В. Е. Новичков[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В последние годы актуальной остается проблема нелегальной миграции, которой сопутствуют создаваемые иностранными гражданами и лицами без гражданства преступные сети и поддержание подпольной экономики, включая контрабанду и незаконное трудоустройство, что может вызывать социальные и экономические проблемы. Соблюдение законодательства в сфере предупреждения и борьбы с преступностью мигрантов помогает поддерживать законопослушание и соблюдение законов и норм, а также правопорядок и общественную безопасность в стране.*

Целью *исследования является дополнение научного знания в части определения общего уровня преступности иностранцев и лиц без гражданства в современной России, выявление факторов, которые способствуют совершению преступлений мигрантами.*

Задачи*: оценить современное состояние (общий уровень) миграционной преступности и сравнить его с уровнем среди местного населения; установить количественно-качественные характеристики преступности в миграционной сфере; определить специфические свойства, а также изменения преступности в миграционной сфере.*

Методология. *При написании научной статьи применялись общенаучные методы, относящиеся к универсальным методам (диалектический, исторический, системно-структурный, метод обобщения) и частные методы (метод экстраполирования, факторный анализ, прогнозирование, исследование документов, контент-анализ прессы, биографический и статистический).*

Результаты *исследования позволили определить современный уровень преступности среди мигрантов в России и выделить основные виды преступлений, которые чаще всего совершаются мигрантами; предоставить новые сравнительные данные о преступности мигрантов по сравнению с общим населением России и ряда регионов; идентифицировать ранее не учитываемые и новые факторы риска, а также социально-экономическую уязвимость мигрантов.*

Вывод. *Современное российское общество столкнулось не только с масштабными миграционными процессами, но и качественно-количественными изменениями преступности в миграционной сфере. Данный феномен сигнализирует о возможном нарастании в ближайшем будущем повышенной общественной опасности деяний мигрантов, и если не предпринять организационно-правовых мер по нейтрализации этого вида преступности, то тенденция увеличения преступлений со стороны иностранных граждан и лиц без гражданства в ближайшем будущем возрастет.*

Ключевые слова: *миграция; преступность в миграционной сфере; иностранные граждане; лица без гражданства; коррупция.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Новичков В. Е. Некоторые криминологические особенности преступности в миграционной сфере // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 159–174. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-159-174.

Поступила в редакцию 20.10.2023 Принята к публикации 20.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Новичков В. Е., 2023

Some Criminological Features of Crime in Migration Sphere

Valery E. Novichkov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation.

✉ e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. *In recent years illegal migration also remains relevant, accompanied by criminal networks created by foreign citizens and stateless persons and the maintenance of an underground economy, including smuggling and illegal employment, which can cause social and economic problems. Compliance with legislation in the field of preventing and combating migrant crime helps maintain law-abiding and compliance with laws and regulations, as well as law and order and public safety in the country.*

The purpose *of the study is to supplement scientific knowledge in terms of determining the general level of crime of foreigners and stateless persons in modern Russia, to identify factors that contribute to the commission of crimes by migrants.*

Objectives: *to assess the current state (general level) of migration crime and compare it with the level among the local population; establish quantitative and qualitative characteristics of crime in the migration sphere; identify specific properties, as well as changes in crime in the migration sphere.*

Methodology. *When writing a scientific article, general scientific methods related to universal methods were used: dialectical, historical, system-structural, generalization method and particular methods: extrapolation method, factor analysis, forecasting, document research, content analysis of the press, biographical and statistical.*

The results *of the study made it possible to: determine the current level of crime among migrants in Russia and identify the main types of crimes that are most often committed by migrants; provide new comparative data on the crime of migrants in comparison with the general population of Russia and a number of regions; identify previously overlooked and new risk factors, as well as the socio-economic vulnerability of migrants.*

Conclusion. *Modern Russian society is faced not only with large-scale migration processes, but also with qualitative and quantitative changes in crime in the migration sphere. This phenomenon signals a possible increase in the near future in the increased public danger of the acts of migrants, and if organizational and legal measures are not taken to neutralize this type of crime, then the trend of increasing crimes by foreign citizens and stateless persons will increase in the near future.*

Keywords: *migration; crime in the migration sphere; foreign citizens; stateless persons; corruption.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Novichkov V. E. Some Criminological Features of Crime in Migration Sphere. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 159–174. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-159-174

Received 20.10.2023 Accepted 20.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Современные миграционные процессы играют ключевую роль в формировании социокультурного, политического, экономического и иного ландшафта во многих странах мира. Российская Федерация в данном аспекте не исключение.

Миграция может укреплять связи между странами, способствовать межкультурному пониманию и сотрудничеству.

Иностранцы вносят свой вклад в экономику принимающей «страны-хозяйки», работая на рыночных и нерыночных объектах, предоставляя различные услуги и создавая новые рабочие места.

Эмиграция может влиять на демографическую структуру другой страны, в которой наблюдается увеличение числа

пожилого населения или же низкий уровень рождаемости.

Переселение людей из одной страны в другую способствует культурному обогащению, привнося новые традиции, языки и искусство в различные общества. Многие иностранцы приезжают в другие страны для получения образования или участвуют в научных исследованиях, способствуя обмену знаниями и опытом.

Современная миграция в России обусловлена комплексом различных факторов, включая экономические, политические, социальные и личностные моменты, в число которых входят: 1) экономические возможности России, которые привлекают мигрантов из стран СНГ и других регионов своим рынком труда и возможностью заработка, а также предоставлением людям доступа к работе и лучшим экономическим перспективам; 2) политическая и социальная нестабильность некоторых регионов мира, приводящая к массовой эмиграции в Россию; 3) образование в России, которая предоставляет определенные льготные возможности обучения для граждан из-за рубежа; 4) семейные связи вынуждают некоторых мигрантов приезжать в Россию для того, чтобы быть ближе к семьям, которые уже проживают здесь; 5) геополитические изменения и конфликты в регионе могут стимулировать миграцию, в тех случаях, когда люди ищут безопасность и защиту в России [1, с. 245–255; 2, с. 21–26].

Методология

При написании научной статьи системно применялись общие и частные методы познания, которые позволили проанализировать состояние преступности в миграционной сфере с 2017 г. по август 2023 г., логически увязать их с исследованием документов, данными специальной литературы, соединёнными с контент-анализом публикаций в прессе, и определить факторный комплекс, влияющий на преступность мигрантов. Применив биографический метод, автору удалось конкретизировать портрет личности преступника-мигранта, а затем с учетом всех полученных данных предложить возможные пути предупреждения этого вида преступности.

Результаты и их обсуждение

Российские органы государственной власти в своей деятельности по реализации политики в миграционной сфере, учитывая аспекты и другие обстоятельства, влияющие на динамику, структуру, архитектуру и объем миграции в стране, разрабатывают концепции, программы, правовые нормы и иные организационно-управленческие меры, уточняющие положения гражданского, уголовного, семейного, административного, а также иного законодательства. Например, к таким документам относятся: обновлённый Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. «О гражданстве Российской Федерации», Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации, программы по воссоединению семей для иностранных граждан, способствующие разумной миграции, а также другие общие и частные документы, направленные на учет, регистрацию и упорядочение получения российского гражданства и перемещение иностранных граждан по территории страны пребывания[1]. Тем не ме-

[1] О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 138-ФЗ: [с изм. и доп.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 18, ст. 3215; О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 31 окт. 2018 г. № 622: [ред. от 12.05.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW 446992/ (дата обращения: 23.09.2023); О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9: [с изм. и доп.] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.

нее нельзя отрицать того, что миграционные процессы, происходящие в мире и российском государстве, могут вызывать серьёзные вызовы, которые требуют оперативного реагирования на них с целью недопущения различных социальных конфликтов и организацию направленной деятельности по гармоничному сосуществованию различных культур и созданию социально-экономической стабильности в государстве.

На эти и другие особенности и проблемы миграции было обращено внимание Президента Российской Федерации на последнем Восточном экономическом форуме (VIII) во Владивостоке. В своём выступлении В. В. Путин отметил важность отсутствия каких-либо раздражителей «со стороны этого миграционного притока, несмотря на наличие отдельных противоречий между иностранными гражданами и россиянами», а также недопустимость их искусственной, и тем более жесткой, изоляции на территории России, учитывая, прежде всего, интересы граждан Российской Федерации[2].

Одним из «отдельных противоречий» и негативных моментов миграции на форуме отмечена её криминальная сторона. Такое утверждение справедливо в силу того, что в последние годы наблюдаются значительные изменения количественно-качественных величин преступности иностранцев и лиц без гражданства [3, с. 145–151; 4, с. 73–70]. Кроме того, не может не беспокоить и справедливая реакция граждан, отражаемая в средствах массовой информации и социальных сетях интернета на дерзкие преступления, совершаемые иностранными гражданами. Особую озабоченность вызывают те из них, которые связаны с групповыми, организованными нападениями на граждан Российской Федерации, злостными нарушениями общественного порядка, незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ и др. [5, с. 50–52; 6, с. 189–190]

Мировая статистика и статистические данные Российской Федерации последних пяти лет дает следующую общую характеристику современной миграции и связанных с ней всеобщих для большинства мировых держав изменений социально-правовых явлений.

К 2023 г. около 190 млн человек, или почти 2,5% населения Земли, проживают вне пределов своих национальных территорий. Из них 37 млн человек представляют разнонациональных переселенцев, беженцев и мигрантов с совершенно различными социально-юридическими статусами, востребованностью и мотивами, материальными возможностями, а также дальнейшими перспективами проживания вне своей национальной территории. Регионы исконной родины и страны, в которые эмигрируют люди, могут быть и бедными и богатыми, с различными демографическими ситуациями, с разнообразными государственно-политическими устройствами, а также другими отличиями[1].

«Вульгаризируя» отмеченное выше, можно сказать, что миграция из страны в страну – это своего рода универсальный рефлекс людей на общемировые катаклизмы, такие как войны, голод, межнациональные, межрасовые, межэтнические и другие конфликты и потрясения. Однако судя по динамике миграционных процессов, в ближайшем будущем государства мира будут интенсивно вовлечены в процессы пересмотра и обновления целей, задач и методов регулирования миграционных потоков. На такое предположение указывают систематически происходящие на земле стихийные природ-

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65707/ (дата обращения: 23.09.2023).

[2] Путин: интересы россиян превыше притока мигрантов // РИА Новости. 2023. 12 сент. URL: https://ria.ru/20230912/rossiya-1895771378.html (дата обращения: 11.09.2023).

[1] Доклад о мировом развитии за 2023 год: мигранты, беженцы и общества // Группа Всемирного банка. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023 (дата обращения: 17.09.2023).

но-техногенные бедствия и катастрофы, пандемии, межгосударственные боевые столкновения, распространение международного терроризма и иные коллапсы последних десятилетий [7, с. 90–95; 8, с. 1–8].

К началу текущего года население России составляло 146 713 743 млн человек. Городское население образовывало 109 818 980 млн граждан, а сельское население представляло 36 894 763 млн россиян[1]. Исходя из нужд российской экономики в рабочих ресурсах, её реальный сектор испытывает критическую необходимость в 2,5 млн сотрудниках (как в квалифицированных, так и неквалифицированных работниках).

По данным официальных исследований рынка труда на каждого нетрудоустроенного гражданина страны приходится до трёх рабочих вакансий. С дефицитом штата сталкиваются более 80% предприятий, учреждений и организаций страны. Например, корпорация «Росатом» к 2030 г. планирует удвоить свой трудовой персонал, дополнительно рекрутировав 350 млн человек. Сто тысяч человек эта госкорпорация планирует направить на новые бизнес проекты, 70–75 000 млн специалистов отправить для работы за рубежом и около 100 000 тыс. человек планируется подобрать в качестве квалифицированных работников[2]. Страна ощутимо нуждается в таких рабочих специальностях, как врачи, фельдшеры, медицинские сестры, учителя, воспитатели, водители транспортных средств, крановщики, сварщики, слесари, строители, сантехники, разнорабочие и др.

Предпринимаемые усилия правительства России по улучшению отечественной демографии, стимулированию рождаемости и ликвидации «демографического котлована» не имели успеха и в ближайшие десятилетия вряд ли удастся их нормализовать (население России «стареет» и выбывает из трудовой среды, а приток молодежи в экономическую сферу невысок). Можно спрогнозировать, что кадровый недостаток в экономике, транспорте и транспортных услугах, в логистике и иных отраслях жизнедеятельности в Российской Федерации сохранится, если не компенсировать данные направления жизнедеятельности страны за счет эффективной государственной миграционной политики.

В 2019–2020 гг. было зарегистрировано чуть меньше 10 млн прибывших в страну иностранных граждан и лиц без гражданства. В 2021 г. этот показатель уже составлял 13 392 897 мигрантов, а в 2022 г. величина постановленных на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства составила 16 870 094 [9, с. 19–21]. Следуя этим цифрам, соотношение иностранных граждан и лиц без гражданства к населению России в прошлом году составило 1:9, или 11 мигрантов на 100 млн населения Российской Федерации.

По Государственной программе оказания содействия добровольному переселению соотечественников из иных государств в 2022 г. в Россию прибыло 64 805 тыс. соплеменников. В том же году на временное проживание в России (первично) иностранным гражданам и лицам без гражданства было выдано 174 243 разрешения; оформлено 286 220 тыс. видов на жительство; официализировано и формализовано на работу 95 328 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, в их числе 41 612 тыс. высококвалифицированных и высококлассных специалистов [10, с. 43–46].

В 2022 г. между российскими экономическими и иными структурами с иностранными гражданами и лицами без гражданства было заключено 2 085 973 млн контрактов и трудовых договоров, в

[1] Российский статистический ежегодник. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 90.

[2] «Уже некого набирать»: Россия столкнулась с новой проблемой // РИА Новости. 2023. 10 мая. URL: https://ria.ru/20230508/trudoustroystvo-1870029905.html?ysclid=lnvewnq7m541349787 (дата обращения: 18.09.2023).

том числе с 1 231 913 млн мигрантов на основании выданных им патентов [11, с. 81–83].

Как и всякое явление человеческого общества, миграция для страны назначения имеет как свои преимущества, так и свои издержки, поскольку именно страны назначения устанавливают, упорядочивают и обеспечивают организацию всего процесса пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на своей территории. Уже само прибытие в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства в качестве трудовых или иных мигрантов с отличительными от российского менталитетом, уровнем культуры и особенностями национальных традиций может стать тяжелым препятствием на пути к их адаптации и интеграции. Кроме того, проблемы адаптации мигрантов связаны с обстоятельствами, относящимися к нормам проживания, отсутствию временной благоустроенности, информированности о языке и правовой грамотности, различиям в расовой, религиозной и иной идентичности и др. [12] Оказавшись в подобном жизненном положении мигранты, не исключено, могут растеряться, поддаться паническим настроениям, совершать необдуманные поступки, в том числе и преступления.

Свою необустроенность и неудовлетворенность иностранные граждане и лица без гражданства, психологически упрощая, соотносят с враждебностью государственного устройства страны пребывания и её гражданами. В случае продолжительности конфликтов «несовместимости» с условиями проживания в стране-реципиенте позитивное поведение мигрантов может обратиться в маргинальное поведение (в «опасное состояние»), а в целом в так называемое «фоновое явление преступности» [1, с. 10–17; 5].

Иностранные граждане и лица без гражданства, которые оказываются в Российской Федерации незаконно, вынуждены «перебиваться» временными заработками, постоянно изыскивать возможности пополнения своих денежных средств, скрываются от правоохранительных органов и могут организовываться в криминальные объединения различной преступной направленности – от воровских до террористических преступных групп, организаций и сообществ. В свою очередь, установленный в России миграционный правовой режим может влиять как на вышеназванные аспекты интеграции, так и на формирование в эмигрантской среде нездоровых и негативных проявлений, к числу которых относятся правонарушения и преступления в миграционной сфере [13].

Проанализировав представленные ниже научные исследования, статистические данные и сведения правоохранительных органов Российской Федерации, отметим, что преступность иностранных граждан и лиц без гражданства с 2010 г. по настоящее время (2023 г.) в стране не является величиной постоянной, т. к. данный вид преступлений в определенный временной период то снижался, то возрастал. Качественно-количественные колляции преступности в миграционной сфере в допандемийные годы были минимальными и в количественном аспекте не показывали роста или снижения. Затем в годы пандемии (COVID–19) наблюдалось небольшое снижение рассматриваемого вида преступности, но после нормализации санэпидемиологической обстановки в стране уровень преступности среди мигрантов показал резкий двухгодичный количественный рост и качественные изменения в её структуре.

Так, с 2010 по 2017 г. наблюдалось снижение преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в среднем на 6,3% – от 49 000 тыс. преступлений (2010 г.) до 41 047 тыс. преступлений (2017 г.). Удельный вес данного вида преступности все эти годы стабильно находился на уровне 3,5% [14, с. 74–78].

В период с 2018 по 2022 г. динамика преступности в миграционной сфере уже

выглядела иначе, а именно показала трехгодичное снижение и затем двухгодичный рост: 2018 г. – 38 598 тыс. преступлений (–6,0%, удельный вес 3,5%); 2019 г. – 34 917 тыс. преступлений (–9,5%, удельный вес 3,3%); 2020 г. – 34 400 тыс. преступлений (–1,5%, удельный вес – 3,3%); 2021 г. – 36 420 тыс. преступлений (рост на +5,9% и повышение удельного веса до 3,5%); 2022 г. – 40 154 тыс. преступлений (рост +10,3% и повышение удельного веса до 3,9%) [4, с. 73–79; 15, с. 112–138; 16, с. 59–70; 17, с. 39–45].

За 8 месяцев текущего года в России зафиксировано снижение общей преступности на 2,1%, а преступность в миграционной сфере показала рост на 2,0% и составила 27 894 тыс. преступлений. Удельный вес данного вида преступности за это время увеличился до 4,1%. Статистика девяти месяцев текущего года вновь указала на повышенную динамику этих видов общественно опасных деяний. В указанное время зарегистрировано 31 213 тыс. преступлений, что указывает на рост на 0,9% и удельный вес 4,0%[1]. Если динамика преступности в миграционной сфере окажется такой же в оставшиеся три месяца, то к концу 2023 г. можно ожидать вероятностный рост преступности иностранных граждан и лиц без гражданства приблизительно на 4,0–4,2%.

Если принять как данность среднее количество ежегодно регистрируемой преступности в Российской Федерации на уровне 2 миллионов, а иностранцы и лица без гражданства за это же время совершают до 40 тыс. преступлений различной тяжести, то данный вид преступности ежегодно составляет 2% (±0,02%) от общего числа зарегистрированных преступлений в стране.

На первый взгляд 2% преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, от общего числа регистрируемых в год общественно опасных деяний в стране не такой существенный показатель. Однако если проанализировать качественную структуру преступности в миграционной сфере, обратив внимание на дерзость, цинизм, грубость и иные грани их совершения, то анализируемые преступные деяния заслуживают пристального внимания со стороны органов государства. Отметим также то, что в последнее время в российском обществе нарастает недовольство и возмущение относительно незаконных, общественно опасных действий иностранных граждан и лиц без гражданства пребывающих на территории Российской Федерации.

Многих россиян, например, возмутили целенаправленные приставания и групповые избиения гражданами Азербайджана жителей Санкт-Петербурга (октябрь 2023 г.) и распространение ими соответствующих видео в telegram-канале «Жизнь бродяги». И только своевременная реакция на данный инцидент правоохранительных органов, возбуждение уголовного дела, выявление большинства участников и систематическая информированность граждан по результатам проведения расследования и отдельных мероприятий позволили снизить градус напряженности общественного осознания на данные события[1].

В середине ноября текущего года общественное мнение всколыхнула информация, прозвучавшая в эфирах российских телеканалов о конфликте азербайджанцев с местным населением в г. Владимире. Торгующие на рынке азербайджанцы для расширения своих торговых точек стали уничтожать объекты муниципального благоустройства, за что

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2023 года // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/42989123/ (дата обращения: 07.10.2023).

[1] Андрей Кучеров. Глава Следственного комитета велел спросить «бродяг» за жизнь // Коммерсантъ С.-Петербург. 2023. 17 окт. С. 12.

стали получать от местных жителей многочисленные замечания о недопустимости подобных действий. На замечания мигранты отвечали нецензурной бранью, тюремным жаргоном и такими заявлениями: «город Владимир наш город и наша земля!», «мы здесь живем и мы устанавливаем здесь порядки, а вы идите, воюйте» и т. п. В конфликт вмешались правоохранительные органы и азербайджанская диаспора. По окончании разбирательства стало ясно, что этническая диаспора не всегда способна урегулировать конфликты, а, наоборот, может их разжигать. Правоохранительные органы, в свою очередь, решают такие конфликты необъективно, при их разрешении возможно наличие «конфликта интересов» или «коррупционной составляющей»[1].

Проведенная нами криминологическая оценка преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации, показала, что чаще всего мигрантами совершаются преступления против собственности: от 61% в 2017 г. [18, с. 66] до 68% в 2022 г., из которых до 38% – мошенничества, 21% – кражи, грабежи и разбои[2]. После преступлений против собственности по удельному весу следуют общественно опасные деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Ежегодно эти преступления превышают 20%. За ними регистрируют преступления против личности и государственной власти – до 12%. Достаточно значимый удельный вес (до 10%) составляют компьютерные преступления, участниками которых в 89% случаев являются преступные сообщества иностранных граждан и лиц без гражданства [18, с. 67; 19, с. 196].

В 2022 г. правоохранительными органами было зарегистрировано 4729 сообщений о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Результаты проверки таких заявлений позволили принять решения о возбуждении 4231 уголовных дел, что на 300% больше, чем в предыдущем году. Из вышеперечисленных уголовных дел 893 были возбуждены по фактам убийств и умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекшие смерть потерпевшего по неосторожности. Рост по сравнению с 2021 г. составил 500%. Почти на 70,56% преумножилось количество уголовных дел, возбужденных по фактам половой неприкосновенности граждан России (737 уголовных дел в 2023 г. против 520 дел в 2021 г.). В сфере незаконной миграции в 2022 г. в органах внутренних дел было зарегистрировано 517 сообщений (рост на 50,7%), по которым было возбуждено 208 уголовных преследований. Самая большая доля преступлений, которая распространяется на деяния в сфере миграции, – это подделка, изготовление и оборот поддельных документов, а также штампов, печатей и др. (ст. 327 УК РФ), а также фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации. Например, в 2022 г. совершено 32 164 таких преступления, рост составил +11,2%. Такая ситуация возникает из-за того, что в большинстве случаев мигрантов по их прибытию в Российскую Федерацию «опекают» криминальные сообщества, «ставя» их на поддельный учет. С начала текущего года было установлено 6872 факта незаконной регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, это

[1] «Это мой земля, а ты иди воюй»: Бастрыкин потребовал наказать мигрантов, оскорблявших русских // Русское Агентство Новостей. 2023. URL: http://новости-россии.ru-an.info/ (дата обращения: 12.10.2023); Очередной скандал: Город Владимир, оказывается, земля азербайджанцев, а местные русские мужчины должны идти воевать в СВО! URL: https://dzen.ru/a/ZVnk1mXi_AVwrN2E (дата обращения: 12.10.2023).

[2] Бастрыкин заявил о росте преступлений, совершаемых иностранцами // Газета.ru. 2023. 17 июля. URL: https://www.gazeta.ru/ social/news/2023/07/17/20885960.shtml?updated (дата обращения: 17.10.2023).

на 200% больше, чем подобных случаев было зарегистрировано в 2022 г.[1]

Можно предположить, что с момента незаконной регистрации мигрантов определяется особенность всех последующих процессов незаконной миграции, которая, к примеру, предопределяет коррупционную преступность в этой сфере. Так, в 2022 г. из 35 привлеченных к ответственности специальных субъектов, которые были уполномочены организовывать работу в миграционной сфере, 32 лица были осуждены за взяточничество[2].

Исследователи отмечают, что преступления, связанные с подделкой, подлогом и иными незаконными действиями с документами, чрезмерно латентны и их доля достигает 90% от выявляемых преступлений данного вида [20, с. 284]. Тоже мы можем сказать и о латентности в сфере наркобизнеса.

В 2022 г. число прибывших в Россию иностранцев составило 4 195 579 чел.; из-за пределов России – 730 347 чел., в том числе из стран СНГ – 661 986 человек, из других зарубежных стран – 68 361 чел., из-за пределов региона – 2 551 398 чел. Из 661 986 чел., прибывших из стран СНГ: из Азербайджана – 31 773 чел., из Армении – 59 533 чел., из Белоруссии – 18 824 чел., из Казахстана – 64 382 чел., из Киргизии – 62 360 чел., из Республики Молдова – 23 540 чел., из Таджикистана – 186 560 чел., из Туркмении – 12 133 чел., из Узбекистана – 54 035 чел., из Украины – 148 846 чел. [10, с. 44]

Установлено, что более половины всех преступлений в сфере миграции совершаются гражданами, прибывшими из Среднеазиатских республик (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), затем гражданами западных государств бывшего СССР (Молдавия, Украина) и других стран ближнего и дальнего зарубежья. Например, в 2021 г. гражданами государств-участников СНГ, прибывшими в Российскую Федерацию, было совершено 26,4 тыс. преступлений, а их удельный вес составил 78,2%; в 2022 г. мигрантами из стран СНГ было совершено уже 32 937 преступлений, что на 15,5% выше, чем в 2021 г., удельный вес при этом составил 3,2%[3].

Анализируя личность преступника-мигранта или совокупность личностных характеристик тех, кто совершил преступления в миграционной сфере, установлено, что чаще всего это: мужчины – от 70 до 78% и женщины – 30–32%. Среди женщин-мигранток, совершивших преступления, встречались беременные женщины (до двух случаев ежегодно), а также женщины, имеющие двух и более малолетних детей (до трёх-четырех случаев ежегодно). Из общего числа женщин-мигранток 10–12% ранее уже совершали общественно опасные правонарушения и преступления.

Возраст личности преступника, совершившего преступления в миграционной сфере, колеблется в пределах от 14 до 29 лет более чем в 20% случаев; от 30 до 49 лет – свыше 65% случаев и остальные возрастные категории субъектов преступлений составляют 15%.

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 17.09.2023); Пересечь границы: преступность среди мигрантов выросла почти на 10%. За что чаще всего возбуждают уголовные дела против иностранцев в 2023 году // Известия. 2023. 10 апр. URL: https://iz.ru/1496190/iana-shturma/peresech-granitcy-prestupnost-sredi-migrantov-vyrosla-pochti-na-10 (дата обращения: 27.09.2023).

[2] Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС // Следственный комитет Рос. Федерации: сайт. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/ (дата обращения: 27.09.2023).

[3] МВД: Большинство приезжих преступников – гости из стран СНГ // Российская газета. 2021. 22 дек. URL: https://rg.ru/2021/12/22/mvd-bolshinstvo-priezzhih-prestupnikov-gosti-iz-stran-sng.html (дата обращения: 27.09.2023).

Статистика указывает, что 94% из общего числа иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию, имеют своей целью трудоустройство и достаточный заработок для себя и своей семьи, т. е. это те, кого считают «трудовыми мигрантами». Изучение личности преступника, считавшегося «трудовым мигрантом», показало, что 34,0% лиц, совершивших преступления, имели высшее образование, 26,0% лиц имели среднее специальное образование и 35,0% иностранных граждан и лиц без гражданства имели среднее образование[1].

На совещаниях правоохранительных органов, которые систематически проводятся по вопросам борьбы с преступностью иностранных граждан и лиц без гражданства, отмечена высокая динамичность преступлений в миграционной сфере, которая характерна для центральной части страны и на Урале (в Москве, Санкт-Петербурге и их областях, Курской, Тюменской, Курганской, Самарской, Тамбовской и Челябинской областях)[2]. Например, в Москве и Московской области, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области совершается более 85% всех общественно опасных деяний, исполнителями которых являются мигранты. В половине случаев по таким уголовным делам в качестве обвиняемых «проходят» лица, эмигрировавшие из Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Украины[3].

Курская область, с полумиллионным населением областного центра и с 1 067 034 млн человек областного населения (730769 городское население, 336 265 сельское население), также отмечается как регион с большой долей преступлений в миграционной сфере.

В 2022 г. на территории Курской области было зарегистрировано 17 269 иностранных граждан и лиц без гражданства, что больше на 115 человек, чем в 2021 г. Наибольшее число иностранцев прибыли из Украины – 4021 человек, Узбекистана – 3693 чел., Таджикистана – 1819 чел., Армении – 1588 чел., Азербайджана – 599 чел., Киргизии – 435 чел., Казахстана – 368 чел., Туркмении – 301 чел. и с Ближнего Востока – 204 чел.

В этом же году в Курской области было совершено 134 преступления в миграционной сфере, что на 28,7% меньше чем, в 2021 г., из них: 46 преступлений против личности, что по сравнению с 2021 г. меньше на 19,3%, и 53 кражи чужого имущества. Удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, составил 1,8%. Для примера, удельный вес за аналогичные виды преступлений в ЦФО – 7,7%, а в России – 3,5%.

Курская область является приграничной территорией с Украиной, инфраструктура которой в условиях СВО почти ежедневно подвергается обстрелам, незаконным пересечениям границы, незаконной миграции, таможенным правонарушениям, диверсиям, террористическим

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // Судебный департамент Верховного суда Российской Федерации: сайт. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (дата обращения: 27.09.2023); Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2023 года // Судебный департамент Верховного суда Российской Федерации: сайт. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7900 (дата обращения: 27.09.2023).

[2] Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию нелегальной миграции // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: https://мвд.рф/news/item/42917512?year=2023&month=10&day=7 (дата обращения 30.09.2023).

[3] Петров И. И. Набеги вечные: почему растет преступность среди мигрантов. Александр Бастрыкин перечислил регионы с высоким уровнем иностранного криминала // Известия. 2023. 17 июля. URL: https://iz.ru/1543883/ivan-petrov/nabegi-vechnye-pochemu-rastet-prestupnost-sredi-migrantov (дата обращения: 30.09.2023).

актам и иным провокационным посягательствам, чаще всего группового, организованного характера. Поэтому считаем закономерностью тот факт, что областная статистика показала большее число совершенных преступлений гражданами Украины на территории Курского региона. Так, в 2021–2022 гг. в Курской области и областном центре эмигрантами из Украины было совершено 38/41 преступлений соответственно, что составляет 30,6% от общего числа всех преступлений, совершённых иностранными гражданами и лицами без гражданства[1].

Динамика миграционных процессов и количественно-качественные изменения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства позволяют правоохранительным органам оперативно воздействовать на причины преступности в миграционной сфере и предупреждать её.

Причины преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Россию, могут быть разнообразными и зависеть от различных факторов. Но из всей их совокупности следует выделить те из них, которые позволяют эффективно предупреждать преступления в сфере миграции. К таким факторам относятся:

1. Экономические факторы. Иностранные граждане, приезжающие в Россию в поисках лучших экономических возможностей, в первое время своего пребывания в стране могут сталкиваться с трудностями в поиске работы или отсутствием должного дохода для своих семей. Такие лица могут быть склонными к участию в незаконных видах экономической деятельности и совершению иных преступлений.

2. Социальная изоляция и отсутствие адаптации. Иностранные граждане, особенно те, которые не владеют русским языком и не имеют поддержки в новой стране, могут чувствовать себя изолированными, испытывать трудности социальной адаптации и интеграции в новой общественно-социальной среде. Подвергаемые в этой связи стрессам и иным деформациям психики, у мигрантов могут формироваться психические отклонения, наблюдаться психические напряжения и срывы, в конечном счете приводящие к социальной напряженности, а также совершению импульсивных правонарушений [21, с. 129].

3. Миграционные статусы. Некоторые иностранные граждане могут находиться в России нелегально, по поддельным документам или с истекшими визами, что делает их уязвимыми для эксплуатации в сфере законной или незаконной экономической деятельности, к совершению в отношении них преступлений или привлечения их к совершению противоправных действий. Иногда, напротив, находясь в России на законных основаниях и получая достаточный объем общесоциальной информации, иностранные граждане и лица без гражданства, солидаризируясь с воинственными внутренними и внешними группировками, входят в них и совершают преступления.

4. Культурные и религиозные различия. Различия в культуре и религии могут привести к конфликтам и недопониманию мигрантов с гражданами принимаемой страны, что может стать источником религиозных или национальных конфликтов между ними, а также совершению тех общественно опасных деяний,

[1]Информационно-аналитическая записка о состоянии правопорядка на территории Курской области и результатах деятельности УМВД России по Курской области за январь – декабрь 2022 года // Управление МВД России по Курской области: сайт. URL: https://46.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Otcheti_pered_na-seleniem/UMVD_Rossii_po_Kurskoj_oblasti/ item/35789210 (дата обращения: 27.09.2023); Отчет и решение Курской Областной Думы об отчете начальника УМВД России по Курской области о деятельности полиции за 2022 год // Управление МВД России по Курской области: сайт. URL: https://46.мвд.рф/Dejatelnost/Otcheti_pered_naseleniem/UMVD_Rossii_po_Kurskoj_oblasti/ item/36168662/ (дата обращения: 27.09.2023).

которые разрешены в стране постоянного проживания мигранта, но запрещены в стране их пребывания и наоборот. Умело управляя различиями в религиях, духовными чувствами, набожными настроениями мигрантов, организаторы экстремистских и иных крайних группировок привлекают иностранных граждан и лиц без гражданства в свои сообщества, используя их для своих целей и выполнения преступных задач.

5. Недостаток общей информации и образования. Иностранные граждане, имея различия в образовании и его уровнях, испытывают затруднения в понимании нормативно-правовой базы и плохо ориентируются в российском законодательстве, что может привести к случайным нарушениям и неумышленному совершению преступлений.

6. Социальное неравенство. Неравенство в области доступа к социальным объектам, образованию и здравоохранению, высокомерие, пренебрежение местных жителей и иные ограничения прав иностранных граждан или без гражданства, а также аналогичная их реакция на такое поведение россиян могут усиливать негативные тенденции в сознании и поведении иностранных граждан, приводящие к совершению преступлений.

7. Организованная преступность. Отдельные иностранные граждане и лица без гражданства до своей эмиграции могут быть связаны с организованными преступными группировками, террористическими, экстремистскими организациями, как у себя в стране, так и в стране пребывания, а также участниками иных незаконных, преступных формирований. Прибыв в нашу страну, такие мигранты продолжают свою преступную деятельность и совершать преступления.

8. Политические факторы. Иногда политические события в стране происхождения могут стимулировать массовую миграцию, включая тех, кто может быть связан с политической или национальной преступностью. Так, миграция иностранных граждан и лиц без гражданства из тех стран, где происходят военные действия, на долгое время станет активным фактором в России и в мире.

Приведенные выше факторы могут варьировать в зависимости от конкретных обстоятельств сопровождающих иностранных граждан и лиц без гражданства. Понимание причин преступности помогает органам государственной власти разрабатывать и корректировать политику в сфере миграции, а также своевременно разрабатывать меры, направленные на предотвращение преступности иностранных граждан и лиц без гражданства.

Выводы

Приведенный анализ количественно-качественных характеристик и тренда преступности в миграционной сфере позволяет сделать вывод о суммарном увеличении и изменении качественных свойств данного вида преступности на территории Российской Федерации за исследуемый период времени. Исследованием также показано устойчивое увеличение большинства видов преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в последние два года и изменений их субъектного состава, в том числе характеризующих степень распространенности личности преступников-мигрантов, совершивших общественно опасные деяния в зависимости от региона их прибытия в Россию. Рост числа мигрантов, прибывших в Россию и их сосредоточенность в отдельных регионах, пропорционально соотносится с увеличением числа и повышением качества совершаемых ими преступлений. Общественная опасность деяний, даже некоторых единичных преступлений, совершаемых мигрантами, как правило, вызывают негодование российских граждан, болезненное реагирование и большой резонанс в обществе.

Результаты исследования указывают на основные риски преступности в ми-

грационной сфере, к которым относятся: 1) необустроенность на начальном этапе переезда людей в другую страну и вызванная этим негативная реакция от неоправданных ожиданий; 2) трудности адаптации к новым территориям, языку, менталитету, правилам, праву и др., что провоцирует конфликты различной этимологии и качества между физическими и юридическими лицами принимающей страны и мигрантами; 3) коррупционная составляющая и конфликты интересов, существующие в органах государственной власти и распространяемые на мигрантов и третьих лиц; 4) имеющиеся в стране квазиэкономические отношения и их криминализация, в орбиту которых втягиваются мигранты; 5) прошлое участие иностранных граждан и лиц без гражданства в преступных сообществах, а также событиях и перенос имеющегося криминального опыта на территорию другого государства; 6) биологическая, психическая, социальная, моральная предрасположенность к совершению правонарушений и преступлений.

Перечисленные выше риски, а также другие угрозы необходимо учитывать в процессе выработки нормативно-правовых актов, концепций, программ и иных документов при разработке российской миграционной политики, а также при реализации предупредительных мер по снижению криминальной обстановки в обществе.

Таким образом, в мире, где миграция стала неотъемлемой частью нашей реальности, каждое перемещение людей непременно формирует сложные вопросы и проблемы. Независимо от юридического статуса миграция требует от приемной стороны принятия решений, отвечающих потребностям и ожиданиям всех сторон в обществе.

Список литературы

1. Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10–17.

2. Бышевский Ю. Ю. Ксенофобия и её место в системе криминологического знания // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: сборник научных трудов. Ставрополь: ООО «Борцов», 2011. С. 21–26.

3. Капинус О. С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 145–151. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-145-151.

4. Гаджимурадов Ш. А. Современная оценка состояния миграционной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 73–79. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-73-79.

5. Миграционная преступность / Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди, Д. К. Чирков, А. А. Литвинов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 227 с.

6. Корсикова Н. А., Лукъянова Г. В. Криминологический анализ противодействия миграционной преступности // Закон. Право. Государство. 2023. № 2 (38). С. 189–190.

7. Соколов Ю. И. Катастрофы начала XXI века // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2011. Т. 1, № 1 (1). С. 90–95.

8. Лопатин А. В. Техногенные катастрофы и их влияние на общество, государство и личность: проблемы и перспективы // Вопросы безопасности. 2019. № 5. С. 1–8. https://doi.org/10.25136/2409-7543.2019.5.29981.

9. Ефремов И. А. Тенденции в международной миграции населения России в первом полугодии 2023 г. // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2023. № 5 (170). С. 19–21.

10. Ефремов И. А. Тенденции в международной миграции населения России осенью 2022 г. // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30, № 3. С. 43–46.

11. Уродовских В. Н., Трутенко Е. В. Структурно-динамический анализ и прогноз сальдо миграции в России за период с 2012 по 2023 годы // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2023. №1(5). С. 75–88.

12. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. М.: Юрайт, 2023. 480 с.

13. Бышевский Ю. Ю. Миграция как криминологическая проблема. Ставрополь: Изд-во Сев. КавГТУ, 2007. 259 с.

14. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова, В. И. Коваленко, В. И. Шиян, Г. Э. Бицадзе, А. В. Евсеев. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 86 с.

15. Проблемы противодействия незаконной миграции в Российской Федерации = Problems of combating illegal migration in the Russian Federation: монография / под общ. ред. Р. В. Жубрина, О. А. Евлановой. М.: Проспект, 2019. 390 с.

16. Урда М. Н. Управление рисками миграционной преступности в условиях пандемии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 62–70. https://doi.org/10.25724/VAMVD.PQRS.

17. Бадзарадзе Т. А. Особенности криминалистической характеристики преступлений, совершаемых иностранцами // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: сборник Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 39–45.

18. Кузнецов К. В. Личность участника организованного этнического преступного формирования: криминологическая характеристика и некоторые подходы к типологии // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 2, № 4. С. 65–73.

19. Телегина Е. Г., Назаренко Е. В. Криминологическая характеристика миграционной преступности и её предупреждение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 193–199.

20. Алиева М. М. Понятие, признаки и виды подлога документов по уголовному кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 282–284.

21. Шалагинова Н. А. Социальная маргинальность как предпосылка девиации // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 128–132.

References

1. Safronova E. V., Loba V. E. "Opasnoe sostoyanie lichnosti" kak kriminologicheskaya kategoriya ["Dangerous state of personality" as a criminological category]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2014, no. 2, pp. 10–17.

2. Byshevskij Yu. Yu. [Xenophobia and its place in the system of criminological knowledge]. *Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo prava i kriminologii. Sbornik nauchnyh trudov* [Actual problems of modern criminal law and criminology. Collection of scientific papers]. Stavropol', OOO "Borcov", 2011, pp. 21–26. (In Russ.)

3. Kapinus O. S. Prestupnost' inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii [Crime of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1, pp. 145–151. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-145-151

4. Gadzhimuradov Sh. A. Sovremennaya ocenka sostoyaniya migracionnoj prestupnosti [Modern assessment of the state of migration crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1, pp. 73–79. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-73-79

5. Antonov-Romanovskij G. V., Koimshidi G. F., Chirkov D. K., Litvinov A. A. Migracionnaya prestupnost' [Migration crime]. 2th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 227 p.

6. Korsikova N. A., Luk"yanova G. V. Kriminologicheskij analiz protivodejstviya migracionnoj prestupnosti [Criminological analysis of countering migration crime]. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo = Law. Right. State*, 2023, no. 2 (38), pp. 189–190.

7. Sokolov Yu. I. Katastrofy nachala XXI veka [Catastrophes of the beginning of the XXI century]. *Strategiya grazhdanskoj zashchity: problemy i issledovaniya = Civil protection strategy: problems and research*, 2011, vol. 1, no. 1 (1), pp. 90–95.

8. Lopatin A.V. Tekhnogennye katastrofy i ih vliyanie na obshchestvo, gosudarstvo i lichnost': problemy i perspektivy [Man-made disasters and their impact on society, the state and the individual: problems and prospects]. *Voprosy bezopasnosti = Security issues*, 2019, no. 5, pp. 1–8. https://doi.org/10.25136/2409-7543.2019.5.29981

9. Efremov I. A. Tendencii v mezhdunarodnoj migracii naseleniya Rossii v pervom polugodii 2023 g. [Trends in international migration of the Russian population in the first half of 2023]. *Monitoring ekonomicheskoj situacii v Rossii: tendencii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya = Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development*, 2023, no. 5 (170), pp. 19–21.

10. Efremov I. A. Tendencii v mezhdunarodnoj migracii naseleniya Rossii osen'yu 2022 g. [Trends in international migration of the Russian population in autumn 2022]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic development of Russia*, 2023, vol. 30, no. 3, pp. 43–46.

11. Urodovskih V. N., Trutenko E. V. Strukturno-dinamicheskij analiz i prognoz sal'do migracii v Rossii za period s 2012 po 2023 gody [Structural and dynamic analysis and forecast of the migration balance in Russia for the period from 2012 to 2023]. *EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo = EFO: Ekonomika. Finance. Society*, 2023, no. 1(5), pp. 75–88.

12. Rybakovskij L. L. Migraciya naseleniya [Migration of the population]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 480 p.

13. Byshevskij Yu. Yu. Migraciya kak kriminologicheskaya problema [Migration as a criminological problem]. Stavropol', Sev. KavGTU Publ., 2007. 259 p.

14. Antonyan Yu. M., Brazhnikov D. A., Goncharova M. V., Kovalenko V. I., Shiyan V. I., Bicadze G. E., Evseev A. V. Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii i raschetnye varianty ee razvitiya: analiticheskij obzor [A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and estimated options for its development: an analytical review]. Moscow, FGKU "VNII MVD Rossii", 2018. 86 p.

15. Problemy protivodejstviya nezakonnoj migracii v Rossijskoj Federacii = Problems of combating illegal migration in the Russian Federation; ed. by R. V. Zhubrin, O. A. Evlanova. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 390 p.

16. Urda M. N. Upravlenie riskami migracionnoj prestupnosti v usloviyah pandemii [Managing the risks of migration crime in a pandemic]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (54), pp. 62–70. https://doi.org/ 10.25724/VAMVD.PQRS

17. Badzgaradze T. A. [Features of criminalistic characteristics of crimes committed by foreigners]. *Kriminalistika – nauka bez granic: tradicii i novacii. Sbornik Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Criminalistics – science without borders: traditions and innovations. Collection of the All-Russian scientific and practical conference]. St. Petersburg, St.-Peterb. un-t MVD Rossii Publ., 2022, pp. 39–45. (In Russ.)

18. Kuznecov K. V. Lichnost' uchastnika organizovannogo etnicheskogo prestupnogo formirovaniya: kriminologicheskaya harakteristika i nekotorye podhody k tipologii [The personality of a participant in an organized ethnic criminal formation: criminological characteristics and some approaches to typology]. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 65–73.

19. Telegina E. G., Nazarenko E. V. Kriminologicheskaya harakteristika migracionnoj prestupnosti i eyo preduprezhdenie [Criminological characteristics of migration crime and its prevention]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2020, no. 2, pp. 193–199.

20. Alieva M. M. Ponyatie, priznaki i vidy podloga dokumentov po ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [The concept, signs and types of forgery of documents under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*, 2010, no. 12, pp. 282–284.

21. Shalaginova N. A. Social'naya marginal'nost' kak predposylka deviacii [Social marginality as a prerequisite for deviation]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2017, no. 4 (83), pp. 128–132.

Информация об авторе / Information about the Author

Новичков Валерий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valery.novichkov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Valery E. Novichkov, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valery.novichkov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.9

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-175-185

(cc) BY 4.0

Общественная опасность и проблемы квалификации создания и функционирования мошеннических колл-центров

А. А. Кашкаров[1], А. А. Кашкаров[2], А. Н. Игнатов[3] ✉

[1]Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
ул. Х.Х. Стевена, д. 14, г. Симферополь 295000, Российская Федерация

[2]Крымский юридический институт – филиал Университета прокуратуры Российской Федерации
ул. Гоголя, д. 9, г. Симферополь 295011, Российская Федерация

[3]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
ул. Академика Волгина, д. 12, г. Москва 117437, Российская Федерация

✉ e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Использование преступниками достижений технологического прогресса в криминальных целях является сегодня одной из актуальных проблем. Особого внимания в данном контексте заслуживают современные информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие возможность глобальной коммуникации, обмена и хранения информации, обучения и получения знаний, оптимизацию и анонимизацию финансовых операций. Манипулирование сознанием людей посредством использования информационно-когнитивных технологий является сегодня распространенным способом совершения различных видов мошенничества. Указанные возможности в полной мере активно используются при реализации такой групповой формы мошенничества, как деятельность мошеннических колл-центров.*

Целью *исследования является оценка общественной опасности и выявление проблем квалификации создания и функционирования мошеннических колл-центров.*

Задачи*: выявить соответствие сущности преступной деятельности мошеннических колл-центров и оценки общественной опасности данной преступной деятельности; определить проблемы квалификации такого рода деяний и предложить пути их устранения.*

Методология*. При написании работы использовался инструментарий диалектического, системного и деятельностного подходов, а также общелогические мыслительные приемы, общенаучные и частнонаучные методы.*

Результаты*. Установлено, что недооценка общественной опасности деятельности мошеннических колл-центров, соответственно, недостаточная эффективность реализуемых сегодня мер противодействии им обусловлены игнорированием того, что совместная преступная деятельность мошенников в данном случае образует преступное сообщество.*

Выводы. *Данный вид преступной деятельности соответствует всем признакам преступного сообщества (структурированность; единое руководство; цель создания – совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды). Кроме того, квалификация деятельности мошеннических колл-центров по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации позволит суду обеспечить возможность конфискации имущества, полученного в результате преступной деятельности.*

Ключевые слова: *общественная опасность; квалификация; мошенничество; преступное сообщество; информационно-коммуникационные технологии; колл-центр.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Кашкаров А. А., Кашкаров А. А., Игнатов А. Н. Общественная опасность и проблемы квалификации создания и функционирования мошеннических колл-центров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 175–185. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-175-185.

Поступила в редакцию 11.10.2023 Принята к публикации 17.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Кашкаров А. А., Кашкаров А. А., Игнатов А. Н., 2023

Public Danger and Problems of Qualifying the Creation and Operation of Fraudulent Call-Centers

Alexey A. Kashkarov[1], Alexander A. Kashkarov[2], Aleksandr N. Ignatov[3] ✉

[1]Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
14 Akademika Kh. Kh. Stevena Str., Simferopol 295053, Russian Federation

[2]Crimean Law Institute – branch of the University of the Prosecutor's Office Russian Federation
9 Gogolya Str., Simferopol, 295011, Russian Federation

[3] Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
12 Academika Volgina Str., Moscow 117437, Russian Federation

✉ e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Abstract

Relevance. *The use of technological progress by criminals for criminal purposes is one of the pressing problems today. In this context, modern information and communication technologies deserve special attention, providing the possibility of global communication, exchange and storage of information, learning and knowledge acquisition, optimization and anonymization of financial transactions. Manipulating people's consciousness through the use of information and cognitive technologies is today a common way of committing various types of fraud. These opportunities are fully and actively used in the implementation of such a group form of fraud as the activities of fraudulent call centers.*

The purpose *of the study is to assess the public danger and identify problems in qualifying the creation and operation of fraudulent call centers.*

Objectives: *to identify compliance with the essence of the criminal activity of fraudulent call centers and assess the public danger of this criminal activity;identify problems in classifying such acts and suggest ways to eliminate them.*

Methodology. *When writing the work, the tools of dialectical, systemic and activity-based approaches were used, as well as general logical thinking techniques, general scientific and special scientific methods.*

Results. *It has been established that the underestimation of the public danger of the activities of fraudulent call centers, and, accordingly, the insufficient effectiveness of measures taken today to counter them, are due to ignorance of the fact that the joint criminal activities of fraudsters in this case form a criminal community.*

Conclusions. *This type of criminal activity corresponds to all the characteristics of a criminal community (struct redness; unified leadership; the purpose of creation is to commit one or more serious or especially serious crimes to obtain directly or indirectly financial or other material benefits).In addition, the qualification of the activities of fraudulent call centers under Art.210 of the Criminal Code of the Russian Federation will allow the court to ensure the possibility of confiscation of property obtained as a result of criminal activity.*

Keywords: *public danger; qualifications; fraud; criminal community; information and communication technologies; call center.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kashkarov A. A., Kashkarov A. A., Ignatov A. N. Public Danger and Problems of Qualifying the Creation and Operation of Fraudulent Call-Centers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 175–185. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-175-185

Received 11.10.2023 Accepted 17.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Современное общество находится в состоянии перманентной трансформации. Такого рода транзитивность общества обусловлена различными факторами, к которым могут относиться политические, экономические и социальные процессы и события, а также появление и развитие новых технологий.

Особое влияние на современный социум оказывают передовые информаци-

онно-коммуникационные технологии. Кроме обеспечения связи между контрагентами (социальные сети, IP-телефония, мессенджеры), они способствуют возможностям: обмена и хранения информации (облачные ресурсы, блокчейн); получения знаний (дистанционные образовательные технологии); существенное сокращение сроков при переводе (транзакции) денежных средств (интернет-банкинг, сервис «СБП»); развития и оптимизации торговли (интернет маркетплейсы) и пр.

Для специалистов в области уголовного права и криминологов очевидно, что достижения науки и техники используются криминалитетом с целью совершения преступлений. Технические возможности современных средств коммуникации не являются исключением. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в качестве основных угроз национальной безопасности определяет в том числе и различного рода киберугрозы, в частности мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий[1].

Методология

Методологическую основу исследования составляет инструментарий диалектического, системного и деятельностного подходов, а также общелогические мыслительные приемы, общенаучные и частнонаучные методы.

Результаты и их обсуждение

Создание и функционирование мошеннических колл-центров является сложным видом социально-технической деятельности, осуществляемой с использованием достижений информационно-коммуникационных технологий и социальной инженерии, ее структура является сложной. В структуру участников данной деятельности могут входить: организатор, который может совмещать функции руководителя (администратора, куратора), операторы, инкассаторы-обнальщики (курьеры), а также специалист технической поддержки, обеспечивающий также кибербезопасность колл-центра. Следует указать, что возможно и «совмещение служебных обязанностей» между членами такого рода преступной организации (преступного сообщества). Кроме того, в структуру мошеннического колл-центра могут входить и иные участники, которые выполняют вспомогательные или дополнительные функции, связанные с обеспечением деятельности преступного сообщества.

Для функционирования мошеннического колл-центра требуется наличие минимальных технических требований, это возможность подключения рабочих мест операторов колл-центра к IP-телефонии, наличие доступа к сети Интернет, наличие иных сетевых и технических возможностей.

Проведенное нами в ходе исследования интервьюирование сотрудников служб безопасности коммерческих банков и сотрудников правоохранительных органов показало, что операторы мошеннических колл-центров достаточно хорошо осведомлены об услугах, предоставляемых финансовой организацией, приемах и методах работы официального колл-центра того либо иного банка. Указанное свидетельствует о системном изучении мошенниками банковских продуктов и технологий, что позволяет им на достаточно высоком уровне создавать у жертвы иллюзию общения с сотрудником службы безопасности коммерческого банка.

На организатора (администратора, куратора) возлагается обязанность по подбору такого персонала, как операторы, а также инкассаторы (курьеры-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 23.09.2023).

обнальщики) и других соучастников. Перед началом работы в мошенническом колл-центре организатор проводит инструктаж-обучение с вовлекаемым оператором, определяются перспективы, раскрываются отдельные приемы и методы работы с потенциальными потерпевшими и фактическими жертвами. Также на организатора возлагается обязанность по приобретению и последующему предоставлению операторам личных данных потенциальных потерпевших (так называемые ЛИДы), проводить стыковки и сверки новых баз данных с имеющимися в распоряжении колл-центра базами ЛИД на предмет наличия в новых «агрессивных», «тяжелых» и «неблагополучных» клиентов, на которых не стоит тратить время и работа с которыми по определению будет безрезультативной для операторов, а также осуществлять активное противодействие сотрудникам органов внутренних дел в случае выявления колл-центра, обеспечивать уничтожение доказательственной базы, находящейся в колл-центре.

Организатор обеспечивает конспирацию колл-центра, что достигается путем частой смены мест дислокации колл-центра, чаще всего это происходит один раз в полтора – два месяца, а также создает легенду для «трудового коллектива». Как правило, колл-центры работают под видом IT-компаний, стартап-инвесторов и пр. С целью конспирации деятельности организатор контролирует «внутреннюю трудовую дисциплину» колл-центра, обеспечивает минимизацию контактов с сотрудниками соседних офисов.

Отметим, что одной из основных задач организатора является ведение «бухгалтерской» документации и контроль кассы. Контроль кассы заключается в подборе активных банковских карт, на которые поступают переводы от жертв, а также отслеживании текущего состояния банковских карт и недопущения блокировки банковских счетов. Также он обеспечивает перевод средств в криптовалюту и/или иные активы либо вывод их на зарубежные счета.

В отличие от конвертационных центров (конвертов) и подпольных обменных пунктов валют в мошеннических колл-центрах не содержатся большие суммы денежных средств, что, как следствие, не требует наличия дополнительного персонала в виде охраны. Кроме того, наличие в офисе, например IT-компании, security вызывает удивление у соседей, увеличивает затраты и издержки.

Требования к соблюдению конспирации возлагаются и на операторов колл-центра, им запрещается использование в работе личных (незащищенных) средств связи, компьютерной техники, официальных имен, личных почтовых и иных сервисов, личного транспорта для прибытия на «работу», а также иметь при себе во время нахождения на «работе» документов, удостоверяющих личность.

Основная задача оператора – это коммуникация с жертвой мошенничества. Для достижения устойчивой коммуникации злоумышленники используют возможности наиболее популярных мессенджеров, таких как WhatsApp, Viber, Telegram и др., а в некоторых случаях и возможности социальных сетей, например, «ВКонтакте», «Одноклассники». Используя операционные, технические и иные возможности современных мессенджеров, злоумышленники размещают официальные логотипы юридических лиц, осуществляют подмену телефонных номеров юридических лиц, что позволяет ввести жертву в заблуждение.

С целью установления коммуникации с потенциальной жертвой злоумышленники используют IP-телефонию. Блокировать такие телефоны не всегда возможно и малоэффективно, поскольку перейти на другой IP-адрес не составляет труда. Как показывает практика, значительная часть мошеннических колл-центров работает из-за рубежа[1]. Под вли-

[1] Глава МВД рассказал о мошенниках в колл-центрах в Херсонской области // РИА

янием различных, в том числе геополитических, факторов происходит повышение уровня организованности и вооруженности криминалитета, его оснащенности передовыми технологическими способами и средствами осуществления преступной деятельности, в том числе при организации и сопровождении данных процессов на государственном уровне, наглядным примером чего могут служить мошеннические колл-центры, организованные на территории Украины. Указанное в значительной мере затрудняет возможность их фактического выявления, установления и привлечения к ответственности виновных лиц.

Независимо от способа совершения мошенничества основная и первостепенная задача мошенника – это войти в доверие к потенциальной жертве, расположить ее к себе, снять психологические барьеры установления коммуникации.

При дистанционном мошенничестве на первоначальном этапе установления коммуникации одним из основных методов, которые используют мошенники, является подмена номера. Лицо, подвергнутое мошенническому воздействию, получает вызов с номера, который ассоциируется у него с официальным номером финансовой организации, государственного учреждения. Тем самым виновное лицо добивается того, что жертва не проигнорирует телефонный вызов и будет установлено общение, которое с высокой долей вероятности позволит повлиять на когнитивные способности, а в результате и на поведение жертвы путем создания у нее иллюзии общения с представителем финансовой организации либо сотрудником правоохранительного органа. При этом жертва уверена, что данные и все последующие ее действия осознаны, а также полностью контролируется ее сознанием и волей.

Манипулирование сознанием людей посредством использования информационно-когнитивных технологий является сегодня распространенным способом совершения различных видов мошенничества [1, с. 82–89; 2, с. 59–66]. Информационно-когнитивные технологии, используемые мошенниками в процессе совершения преступления, моделируют (формируют), изменяют (искажают) представление жертвы о фактически (объективно) происходящих процессах. Иными словами, осуществляется влияние на поведение другого человека через его сознание. Жертва, таким образом, программируется виновным лицом на выполнение соответствующих действий, но при этом самостоятельно выполняет необходимый алгоритм действий (например, передает CVC-код или PIN-код банковской карты) [3, с. 125–130].

Представленная общая характеристика ролей организатора и иных участников мошеннических колл-центров свидетельствует об устойчивом характере группы, преступная деятельность в которой распределена между участниками и осуществляется исключительно в виде преступного промысла с целью извлечения финансовой (материальной) выгоды.

Единственная и основная цель создания и функционирования мошеннического колл-центра – это совместная деятельность организованной группы, направленная на противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причиняющая ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, т. е. извлечение преступного дохода в крупном и/или особо крупном размере.

Совокупность указанных действий операторов, организатора (администратора, куратора), а в некоторых случаях и иных участников преступного сообщества обеспечивает формирование устойчивых профессиональных связей криминального характера. Деятельность лиц,

Новости. 2023. 27 мая. URL: https://ria.ru/20230527/moshenniki-1874566428.html (дата обращения: 23.09.2023).

осуществляющих мошеннические действия с использованием технологий колл-центра, обладает высокой степенью организации и конспирации. Такого рода деятельность колл-центров, создаваемых с целью совершения ряда тяжких корыстных преступлений, соответствует всем признакам преступной организации.

Абзац второй п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» определяет, что под прямым получением финансовой или иной материальной выгоды следует понимать совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (например, мошенничества, совершенного организованной группой либо в особо крупном размере), в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги и пр.[1]

Таким образом, можем утверждать, что организация и непосредственно деятельность мошеннического колл-центра соответствует всем признакам преступного сообщества [4–13]. Данному виду совместной преступной деятельности характерны такие признаки, как: структурированность организованной группы; единое руководство; цель создания – совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В современной литературе встречаются мнения о необходимости дополнить отечественный уголовный закон специальной нормой, которая предусматривала бы ответственность за мошенничество с использованием технологий мобильной связи и, соответственно, колл-центров. Обосновывается это тем, что уголовно-правовая новелла в виде ст. 159^7 «Мошенничество с использованием средств мобильной связи» во многом будет способствовать не только усилению ответственности за телефонное мошенничество, но и поможет проводить необходимую профилактическую работу с уже привлеченными и за данное преступление лицами. Установление самостоятельной уголовной ответственности за мошеннические действия, совершаемые с использованием мобильных средств связи, позволит повысить эффективность деятельности правоохранительных органов по противодействию данному виду преступлений [14, с. 94–98; 15, с. 99–103].

На наш взгляд, такого рода предложения не соответствуют ряду принципов криминализации общественно опасных деяний, а именно принципам уголовно-правовой целесообразности и уголовно-правовой адекватности. В свою очередь, именно принципы криминализации устанавливают и определяют внутреннюю, отраслевую логику законотворчества. Мы полагаем, что существующие уголовно-правовые нормы в полной мере способны обеспечить возможность уголовно-правового преследования лиц, совершивших хищения с использованием средств связи. Критикуя предложения о создании специальной нормы, предусматривающей ответственность за использование мошеннических колл-центров, отметим, что в ряде своих публикаций мы предлагаем криминализацию создания и использование поддельных QR-кодов [16, с. 90–94] и имитации интернет-сайтов [17; 18]. Наши предложения связаны с установлением уголовной ответственности за деяния, которые по

[1] О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/ (дата обращения: 23.09.2023).

своей сути схожи с подделкой документов. Однако реализация злоумышленниками в криминальных целях новых технических возможностей, связанных с использованием QR-кодов и интернет-сайтов, определяет необходимость обеспечения надлежащей уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений.

В практической деятельности судебных и следственных органов существует ряд проблем квалификации различных форм соучастия [19, с. 4–13; 20, с. 5–11]. Относительно проблем квалификации преступлений против собственности, совершаемых с использованием мошеннических колл-центров, следует отметить отсутствие полноты квалификации при выявлении и документировании мошеннической деятельности данного вида.

Изучение нами судебно-следственной практики показало, что при выявлении мошеннических колл-центров следственные органы не квалифицируют создание и участие в работе такого рода колл-центра дополнительно по соответствующей части ст. 210 УК РФ.

Применение же при квалификации деятельности мошеннических колл-центров ст. 210 УК РФ позволит суду применить положения п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ, а именно обеспечить возможность конфискации денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления. Однако применение к мошенникам такого уголовно-правового института, как конфискация имущества, возможна только лишь при условии вменения последним совершения преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ.

Выводы

На основании вышеизложенного можем сделать следующие выводы. Достижения науки и техники широко используются криминалитетом с целью совершения преступлений. Различного рода киберугрозы являются сегодня одним из основных видов угроз национальной безопасности Российской Федерации. Мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий приобретает не только все большие масштабы, но и организованные формы. Недооценка общественной опасности деятельности мошеннических колл-центров, соответственно, недостаточная эффективность реализуемых сегодня мер противодействия им обусловлены игнорированием того, что совместная преступная деятельность мошенников в данном случае образует преступное сообщество. Анализ практики организации и непосредственно функционирования мошеннических колл-центров позволяет констатировать, что данный вид преступной деятельности соответствует всем признакам преступного сообщества, а именно таким, как: структурированность; единое руководство; цель создания – совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Кроме того, квалификация деятельности мошеннических колл-центров по ст. 210 УК РФ позволит суду обеспечить возможность конфискации денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления.

Список литературы

1. Игнатов А. Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82–89.

2. Игнатов А. Н., Соловьев В. С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1 (51). С. 59–66.

3. Кашкаров А. А., Кашкаров А. А. Криминологическая характеристика способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 125–130.

4. Агапов П. В. Понятие и признаки преступного сообщества (преступной организации) по уголовному праву России: проблемы законодательной регламентации // Государство и право. 2007. № 12. С. 47–54.

5. Глазкова Л. В. Понятие и виды организованных преступных групп: системный анализ // Мониторинг правоприменения. № 1(18). 2016. С. 26–30.

6. Гришко А. Я. Особо квалифицирующий признак создания преступного сообщества (преступной организации) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 82–85.

7. Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 2 (183). С. 34–45.

8. Капинус О. С. Признаки преступного сообщества (преступной организации) в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 80–90.

9. Панкратьев А. Н., Файзеев Р. Т. Квалифицирующие признаки преступных сообществ (преступных организаций), специализирующихся на налоговых мошенничествах в условиях изменения примечания к ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 3 (59). С. 9–13.

10. Петров С. В. К вопросу содержательного толкования признаков объективной стороны создания или участия в деятельности преступного сообщества (преступной организации) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 6 (63). С. 140–149.

11. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 116–119.

12. Прокофьева Т. В. Квалификация преступлений, совершенных в составе преступного сообщества (преступной организации): проблемы и пути совершенствования // Научный портал МВД России. 2015. № 3 (31). С. 21–25.

13. Якушева Т. В. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы толкования и практики // Уголовное право. 2018. № 5. С. 90–97.

14. Астишина Т. В., Маркелова Е. В. Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенных с использованием средств сотовой телефонной связи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 2(16). С. 94–98.

15. Тараканов И. А., Пичугин С. А., Лизогуб Д. Д. Особенности квалификации мошенничества с использованием средств мобильной связи // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4(65). С. 99–103.

16. Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А., Кашкаров А. А. О необходимости обеспечения уголовно-правовой охраны генерации, использования и оборота QR-кодов в сфере безопасности и обеспечения благополучия населения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 90–94.

17. Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А., Кашкаров А. А. Общественная опасность и криминализация создания, размещения, обслуживания и использования имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть "Интернет". Часть 1 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 90–95.

18. Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А., Кашкаров А. А. Общественная опасность и криминализация создания, размещения, обслуживания и использования имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть "Интернет". Часть 2 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 99–102.

19. Ображиев К. В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4 (60). С. 4–13.

20. Пудовочкин Ю. Е. Общие правила квалификации соучастия в материалах судебной практики // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 6 (62). С. 5–11.

References

1. Ignatov A. N. Informacionno-kognitivnye tekhnologii v arsenale sposobov soversheniya prestuplenij [Information and cognitive technologies in the arsenal of methods for committing crimes] *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social science*s, 2020, no. 11-2, pp. 82–89.

2. Ignatov A. N., Soloviev V. S. Informacionno-kognitivnye tekhnologii v mekhanizme cifrovoj viktimizacii [Information and cognitive technologies in the mechanism of digital victimization]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, vol. 14, no. 1 (51), pp. 59–66.

3. Kashkarov A. A., Kashkarov A. A. Kriminologicheskaya harakteristika sposobov soversheniya prestuplenij s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej [Criminological characteristics of methods of committing crimes using information and telecommunication networks]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social science*s, 2023, no. 2, pp. 125–130.

4. Agapov P. V. Ponyatie i priznaki prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) po ugolovnomu pravu Rossii: problemy zakonodatel'noj reglamentacii [The concept and characteristics of a criminal community (criminal organization) according to Russian criminal law: problems of legislative regulation]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 12, pp. 47–54.

5. Glazkova L. V. Ponyatie i vidy organizovannyh prestupnyh grupp: sistemnyj analiz [Concept and types of organized criminal groups: systemic analysis] *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of law enforcement*, 2016, no. 1(18), pp. 26–30.

6. Grishko A. Ya. Osobo kvalificiruyushchij priznak sozdaniya prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) [A particularly qualifying sign of the creation of a criminal community (criminal organization)]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (38), pp. 82–85.

7. Demchuk S. D. Ugolovno-pravovye priznaki prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) i ih sootnoshenie s priznakami inyh form souchastiya [Criminal legal characteristics of a criminal community (criminal organization) and their relationship with signs of other forms of complicity]. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 2 (183), pp. 34–45.

8. Kapinus O. S. Priznaki prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) v kontekste novogo primechaniya k st. 210 UK RF [Signs of a criminal community (criminal organization) in the context of the new note to Art.210 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 9, pp. 80–90.

9. Pankratiev A. N., Fayzeev R. T. Kvalificiruyushchie priznaki prestupnyh soobshchestv (prestupnyh organizacij), specializiruyushchihsya na nalogovyh moshennichestvah v usloviyah izmeneniya primechaniya k st. 210 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Qualifying characteristics of criminal communities (criminal organizations) specializing in tax fraud in the context of changes in the note to Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii = Bulletin of the All-*

Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021, no. 3 (59), pp. 9–13.

10. Petrov S. V. K voprosu soderzhatel'nogo tolkovaniya priznakov ob"ektivnoj storony sozdaniya ili uchastiya v deyatel'nosti prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) [On the issue of meaningful interpretation of the signs of the objective side of the creation or participation in the activities of a criminal community (criminal organization)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2015, no. 6 (63), pp. 140–149.

11. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Obshchestvennaya opasnost' gruppovoj prestupnosti [Public danger of group crime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2008, no. 311, pp. 116–119.

12. Prokofieva T.V. Kvalifikaciya prestuplenij, sovershennyh v sostave prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii): problemy i puti sovershenstvovaniya [Qualification of crimes committed as part of a criminal community (criminal organization): problems and ways of improvement]. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3 (31), pp. 21–25.

13. Yakusheva T. V. Prestupnoe soobshchestvo (prestupnaya organizaciya): voprosy tolkovaniya i praktiki [Criminal community (criminal organization): issues of interpretation and practice]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2018, no. 5, pp. 90–97.

14. Astishina T. V., Markelova E. V. Problemy rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s moshennicheskimi dejstviyami, sovershennyh s ispol'zovaniem sredstv sotovoj telefonnoj svyazi [Problems of investigating crimes related to fraudulent actions committed using cellular telephone communications]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 2(16), pp. 94–98.

15. Tarakanov I. A., Pichugin S. A., Lizogub D. D. Osobennosti kvalifikacii moshennichestva s ispol'zovaniem sredstv mobil'noĭ svyazi [Peculiarities of qualification of fraud using mobile communications]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2022, no. 4(65), pp. 99–103.

16. Vishnevetsky K. V., Kashkarov A. A., Kashkarov A. A. Osobennosti kvalifikacii moshennichestva s ispol'zovaniem sredstv mobil'noĭ svyazi [On the need to ensure criminal legal protection of the generation, use and circulation of QR codes in the field of security and ensuring the well-being of the population]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social science*s, 2022, no. 1, pp. 90–94.

17. Vishnevetsky K. V., Kashkarov A. A., Kashkarov A. A. Obshchestvennaya opasnost' i kriminalizaciya sozdaniya, razmeshcheniya, obsluzhivaniya i ispol'zovaniya imitacii informacionnogo resursa v informacionno-telekommunikacionnyh setyah, vklyuchaya set' "Internet". Chast' 1 [Social danger and criminalization of the creation, placement, maintenance and use of an imitation information resource in information and telecommunication networks, including the Internet. Part 1]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social science*s, 2022, no. 3, pp. 90–95.

18. Vishnevetsky K. V., Kashkarov A. A., Kashkarov A. A. Obshchestvennaya opasnost' i kriminalizaciya sozdaniya, razmeshcheniya, obsluzhivaniya i ispol'zovaniya imitacii informacionnogo resursa v informacionno-telekommunikacionnyh setyah, vklyuchaya set' "Internet". Chast' 2 [Social danger and criminalization of the creation, placement, maintenance and use of an imitation information resource in information and telecommunication networks, including the Internet. Part 2]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social science*s, 2022, no. 4, pp. 99–102.

19. Obrazhiev K. V. Problemy ustanovleniya formy souchastiya pri kvalifikacii gruppovyh prestuplenij [Problems of establishing the form of complicity in the qualification of group crimes]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federatio*n, 2017, no. 4 (60), pp. 4–13.

20. Pudovochkin Yu. E. Obshchie pravila kvalifikacii souchastiya v materialah sudebnoj praktiki [General rules for qualifying complicity in materials of judicial practice]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federatio*n, 2017, no. 6 (62), pp. 5–11.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь, Российская Федерация,
e-mail: kashkarov79@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0294-442C

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Head of the Department Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russian Federation,
e-mail: kashkarov79@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0294-442C

Кашкаров Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Крымский юридический институт – филиал Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь, Российская Федерация,
e-mail: kashkarov73@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0294-442C

Alexander A. Kashkarov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department Criminal Law Disciplines, Crimean Law Institute – branch of the University of the Prosecutor's Office Russian Federation, Simferopol, Russian Federation,
e-mail: kashkarov73@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0294-442C

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: aleksandrignatov@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0976-167X

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Professor of the Department of Criminology, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation,
e-mail: aleksandrignatov@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0976-167X

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.13

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-186-198

CC BY 4.0

Нравственные и правовые аспекты цифровой трансформации уголовного процесса в России и зарубежных странах

Д. О. Чистилина[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье исследуются правовые и нравственные аспекты цифровизации уголовного процесса. Существующая система уголовного судопроизводства предполагает непосредственное участие человека на всех стадиях, что усиливает субъективный фактор. Автоматизация некоторых процессов позволит сократить время, затрачиваемое на определенные этапы судопроизводства, и обеспечить объективность. Однако уголовно-процессуальные нормы тесно связаны с нормами морали, а некоторые из них носят диспозитивный характер. В связи с этим цифровизация уголовного процесса должна осуществляться с учетом как правовых, так и нравственных императивов.*

Целью *исследования выступает анализ правовых и нравственных начал в рамках цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности с учетом сложившейся правовой системы.*

Задачи: *исследовать сочетание правовых и нравственных норм в уголовно-процессуальной деятельности, определить значение нравственного аспекта в уголовном процессе в условиях цифровой трансформации, рассмотреть возможности внедрения систем искусственного интеллекта в уголовный процесс.*

Методология *исследования представлена диалектическим методом, сравнительно-правовым методом, методом систематизации и специально-юридическими методами.*

Результаты. *Внедрение информационных технологий возможно двумя путями: как вспомогательный механизм судопроизводства и как основной элемент разрешения уголовно-правового спора. Первый путь в настоящее время активно внедряется в уголовно-процессуальную деятельность посредством постепенного введения электронного документооборота, расширения возможностей применения видеоконференц-связи и т.д. Второй путь является наиболее сложным, поэтому вызывает дискуссии в теории и на практике.*

Вывод. *По результатам исследования сделаны выводы о том, что внедрение систем искусственного интеллекта хоть и облегчит деятельность правоприменителя, однако полностью исключит нравственный элемент в уголовном процессе. Алгоритм не сможет учесть уникальные обстоятельства дела. В любом случае в этом процессе должен участвовать правоприменитель. Кроме того, любое техническое нововведение должно быть подробно регламентировано в уголовно-процессуальном законодательстве.*

Ключевые слова: *уголовный процесс; председательствующий; органы расследования; цифровизация; нравственность; искусственный интеллект.*

Финансирование: *Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030».*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Чистилина Д. О. Нравственные и правовые аспекты цифровой трансформации уголовного процесса в России и зарубежных странах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 186–198. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-186-198.

Поступила в редакцию 02.10.2023 Принята к публикации 16.10.2023 Опубликована 25.12.2023

© Чистилина Д. О., 2023

Moral and Legal Aspects of the Digital Transformation of the Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries

Daria O. Chistilina[1] ✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article examines the legal and moral aspects of digitalization of the criminal proceedings. The existing system of criminal proceedings presupposes the direct participation of a person at all stages, which reinforces the subjective factor. Automation of some processes will reduce the time spent on certain stages of legal proceedings and ensure objectivity. However, criminal procedural norms are closely related to moral norms, and some of them are dispositive in nature. In this regard, the digitalization of the criminal proceedings should be carried out taking into account both legal and moral imperatives.*

The purpose *of the research is the analysis of legal and moral principles in the framework of the digital transformation of criminal procedural activity, taking into account the existing legal system.*

The objectives *of the research: to investigate the combination of legal and moral norms in criminal procedural activities, to determine the importance of the moral aspect in criminal proceedings in the context of digital transformation, to consider the possibility of introducing artificial intelligence systems into criminal proceedings.*

The methodology of the research *is presented by the dialectical method, the comparative legal method, the method of systematization and special legal methods.*

Results. *The introduction of information technologies is possible in two ways: as an auxiliary mechanism of legal proceedings and as the main element of the resolution of a criminal dispute. The first way is currently being actively introduced into criminal procedural activities through the gradual introduction of electronic document management, expanding the possibilities of using video conferencing, etc. The second way is the most difficult, as it causes discussions in theory and in practice.*

Conclusion. *According to the results of the study, it was concluded that the introduction of artificial intelligence systems, although it will facilitate the activities of the law enforcement officer, will completely eliminate the moral element in the criminal procedure. The algorithm will not be able to take into account the unique circumstances of the case. In any case, the law enforcement officer must participate in this process. In addition, any technical innovation should be regulated in detail in the criminal procedure legislation.*

Keywords: *criminal proceedings; presiding judge; investigative bodies; digitalization; morality; artificial intelligence.*

Funding: *The work was carried out within the framework of the implementation of the development program of the Southwest State University of the project "Priority 2030".*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Chistilina D. O. Moral and Legal Aspects of the Digital Transformation of the Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 186–198. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-186-198

Received 02.10.2023 Accepted 16.10.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Активное развитие науки и техники позволяет человеку внедрять информационные технологии во все большее количество сфер своей жизни, что во многом упрощает монотонный труд в повседневной жизни и на работе. Безусловные успехи на этом поприще принадлежат сферам производства, где автоматизация процессов не только упрощает некоторые этапы, но и ускоряет их. Однако приме-

нение технологий при осуществлении умственной деятельности также стало реальностью благодаря внедрению систем искусственного интеллекта, представляющего собой специально разработанный алгоритм, способный анализировать, прогнозировать, принимать решения и обучаться. В последующем представляется, что искусственный интеллект будет сравним с человеческим мозгом в плане когнитивных функций, а по некоторым параметрам и превосходить его (например, по скорости обработки информации). В настоящее время цифровизация является одной из целей стратегического развития Российской Федерации, в связи с чем стоит отметить неизбежность цифровизации всех ключевых сфер развития страны.

Несмотря на существующие преимущества автоматизации процессов, все же остаются сферы, где возможность внедрения информационных технологий достаточно ограничена ввиду большого значения в них нравственной составляющей. Одной из таких сфер является право.

Мораль и право – это действенные инструменты регулирования общественных отношений. Несмотря на значительную схожесть в источниках и целях, они имеют ряд отличий, которые не позволяют полностью отождествлять эти два механизма установления правил поведения в обществе.

Мораль, в отличие от права, всегда стремится пояснить, почему необходимо поступать так, а не иначе. Право же представляет собой достаточно императивный механизм регулирования общественных отношений. Имея много общего, мораль и право, тем не менее, существенно отличаются друг от друга. Мораль предъявляет к человеку более высокие требования по сравнению с правом. Для права значима внешняя сторона поведения человека, для морали же важны мотивы соблюдения норм поведения.

С различной быстротой реагируя на изменения, происходящие в жизни общества, мораль и право на определенных этапах своего развития могут вступить друг с другом в противоречия. Это объясняется целым рядом причин, в том числе и тем, что право, ввиду большей стабильности, в какой-то мере отстает в своем развитии от нравственного сознания; гибкостью принципов морали; формализмом права; ошибками законодателя. Отставание в развитии права от морали, а также сложности при принятии нормативно-правовых актов приводят к тому, что нравственное сознание значительно опережает правовое. Отсюда возникают противоречия и коллизии правовых и нравственных требований относительно регулирования общественных отношений. В свою очередь, мораль является критерием оценки права. Противоречие между нормой права и моралью, разрушая их внутреннее единство, вносит хаос в сложившиеся представления о справедливом и должном [1, с. 124–126].

Несмотря на это, мораль и право взаимно дополняют друг друга, имеют между собой внутреннюю связь, развиваются совместно в процессе общественной жизни. Их общая задача – охрана жизни и здоровья человека, а также жизнеобеспечивающего порядка. При этом право определяет минимальные требования к человеку, а нравственность охватывает эти требования максимально [2, с. 68–69].

Такое взаимопереплетение нравственных и правовых норм не может не сказаться и на процессе цифровизации правосудия, который в последние годы набирает обороты. Если такие сферы, как гражданский и арбитражный процесс уже достигли значительных успехов в этом направлении, то уголовный процесс пока несколько отстает как раз ввиду особого значения нравственной составляющей и высокого предназначения всей уголовно-процессуальной деятельности (способствование исправлению преступника и восстановление социальной справедливо-

сти) [3, с. 72–75]. При этом уже автоматизированы многие процессы.

Методология

Основой исследования послужили научные труды российских и зарубежных ученых относительно внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность, а также международные акты и отечественное законодательство в уголовно-процессуальной сфере.

Методологическую основу работы составили диалектический метод, позволивший установить взаимосвязь нравственности, права и технологий в уголовно-процессуальной деятельности; с помощью применения сравнительно-правового метода удалось выявить положительное и отрицательное влияние цифровизации на правовую сферу в России и зарубежных странах; метод систематизации позволил выработать единый подход к пониманию уголовно-процессуальной системы как органического единства права, нравственности и технологий; анализ и синтез помогли выявить и систематизировать проблемы, возникающие в процессе цифровизации уголовного процесса и др.

Результаты и их обсуждение

В 2020 г. Центр развития современного права опубликовал доклад «Информационные технологии в правосудии. Состояние и перспективы. Россия и мир»[1], в котором экспертами были определены ключевые направления развития системы судопроизводства в РФ. Среди них особый интерес представляет распространение положительного опыта дистанционного взаимодействия системы арбитражных судов на суды общей юрисдикции; упрощение требований к техническим характеристикам информационных технологий, используемых в судопроизводстве; внедрение возможности разрешения «типовых» дел системой искусственного интеллекта и т. д.

В правовой науке различают два понятия – «электронное обеспечение правосудия» и «электронное правосудие». В первом случае речь идет о применении информационных технологий в качестве вспомогательного средства, обеспечивающего нормальную работу органов государственной власти, принимающих участие в осуществлении правосудия, а также ускорение некоторых процессов. Электронное же правосудие предполагает автоматизацию деятельности по отправлению правосудия, начиная с оценки доказательств и заканчивая принятием итогового решения по делу [4, с. 4–10].

Вспомогательные информационные технологии в уголовном процессе уже функционируют. Так, допускается возможность подачи документов и заявлений с электронной подписью дистанционно, осуществляется видео- и аудиофиксация действий органов расследования и суда, возможно применение в процессе видео-конференц-связи. Данные нововведения значительно упрощают процесс производства по уголовному делу и обеспечивают его транспарентность, однако требуют дополнительных пояснений и законодательных регламентаций для их применения без ущерба для прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Некоторую ясность относительно электронного документооборота внесло Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», однако даже в нем указывается, что в случае возникновения сомнений у соответствующих органов лицо обязано

[1] Доклад Центра развития современного права «Информационные технологии в правосудии. Состояние и перспективы. Россия и мир». URL: http://xn--o1abds.xn--p1ai/wp-content/uploads/2020/07/w-informacionnie-tehnologii-v-pravosudii.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

предоставить подлинники документов. Кроме того, формирование электронного уголовного дела пока является скорее планом на будущее, чем реальностью, т. к. оставляет много вопросов к безопасности и сохранению данных, т. е. на данном этапе полностью о переходе на электронный документооборот говорить рано.

При этом Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» значительно расширил возможности применения информационных технологий в уголовном процессе, подробно регламентировав использование систем видео-конференц-связи при рассмотрении уголовного дела и подачу документов в электронном виде.

Необходимо от видео-конференц-связи отличать интернет-трансляции, способствующие обеспечению гласности судебного разбирательства, но не дающие возможность пользователю принимать непосредственное участие в ходе судебного разбирательства. О предоставлении возможности онлайн-посещения залов судебных заседаний говорят уже давно, но точкой преткновения является недостаточная техническая оснащенность судов [5, с. 71–75]. Однако если интернет-трансляции являются лишь способом расширения гласности, то использование видео-конференц-связи представляется как разумная необходимость, обеспечивающая полноту и всесторонность исследования материалов дела.

Установлены определенные правила использования видео-конференц-связи. Так, данная система не имеет выхода в Интернет. Воспользоваться видео-конференц-связью участник может, только находясь в специально отведенном для этого месте (например, в суде или в учреждениях ФСИН). Однако такое требование, хоть и несколько упрощает процедуру допроса в суде (сокращает финансовые затраты на проезд к месту судебного заседания из другого региона, исключает этапирование и т. д.), все же доставляет неудобства как самому допрашиваемому, которому все же приходится явиться в специальное учреждение, так и задействует другие государственные органы, которые, по сути, участниками процесса не являются. В других странах, например, отсутствует требование о нахождении лица в определенном учреждении, что значительно упрощает всю процедуру[1].

Кроме того, вопросы возникают и к качеству связи. Иногда заседание суда прерывается из-за потери связи или плохого качества интернет-соединения и участникам заседания приходится ждать или повторять те моменты, которые были озвучены ранее, из-за чего процесс судопроизводства затягивается.

Существующие проблемы необходимо решать, т. к. данная система действительно упрощает производство по уголовному делу. Некоторые исследователи видят следующие пути решения проблем в данной сфере:

– необходимо выработать четкие требования к помещению, в котором свидетель или потерпевший будут находиться и дистанционно давать показания, и закрепить их в законе;

– предусмотреть четкий алгоритм действий суда в ситуации неожиданного прерывания связи с допрашиваемым лицом по субъективным и объективным причинам;

– наделить суд и судебных приставов организационными полномочиями по исключению постороннего влияния на допрашиваемое лицо путем установления системы видеонаблюдения, контролирующей обстановку [6, с. 149–151];

– наличие в аппарате суда IT-специалистов, которые будут на постоянной основе осуществлять техническую поддержку деятельности суда;

[1] Развитие российского правосудия: информатизация и технологизация // Право.RU: сайт. URL: https://pravo.ru/story/223787/ (дата обращения: 30.09.2023).

– суду необходимо заранее определить временной промежуток в ходе судебного процесса, в рамках которого понадобится техническая поддержка для подключения допрашиваемых лиц по видео-конференц-связи;

– предоставить возможность пользоваться системами видео-конференц-связи, имеющими выход в сеть Интернет через специальные защищенные программы.

Относительно оценки доказательств, полученных с помощью информационных технологий, существует некоторая неопределенность на практике. Так, международные суды условно проводят градацию между доказательствами, предоставленными в цифровом формате и полученными традиционным способом. Такие суды отдают предпочтение «традиционным» доказательствам, т. к. способ их получения в большей мере соответствует международным стандартам обеспечения прав участников процесса. По сути, это возвращает к формальной теории доказательств, которая существовала в рамках инквизиционного типа уголовного процесса. Однако при выработке разумных критериев к допустимости электронных доказательств можно, напротив, расширить возможности сторон по участию в доказывании (особенно стороны защиты) и укрепить состязательные начала уголовного процесса.

Одним из дискуссионных моментов при внедрении информационных технологий в судопроизводство является использование систем искусственного интеллекта. Искусственный интеллект часто используется при прогнозировании судебных решений. Так, программа по использованию искусственного интеллекта на основе технологии deep learning может предсказать результаты решений Европейского суда по правам человека. Технология оценивает доказательства в соответствии с заданными параметрами. Она продемонстрировала свою успешность в 79% случаев [7, с. 93–95].

В России некоторые исследователи положительно относятся к использованию систем искусственного интеллекта в ходе раскрытия и расследования преступления. Так, Д. В. Бахтеев отмечает такие качества систем искусственного интеллекта, как рациональность и автономность, однако в своем исследовании также признает, что большую роль в криминалистическом мышлении играют психология правоприменителя, следственная интуиция, а также личный и коллективный опыт следователя, что обеспечивает прирост знания. Задачи, которые может решать система искусственного интеллекта, сводятся к классификации, распознаванию и предсказанию.

В теории выделяют несколько компонентов, к которым могут быть применены возможности систем искусственного интеллекта:

1) поиск ориентирующей и доказательственной информации. Система искусственного интеллекта может оказать значительную помощь при формировании следственных версий и прогнозировании поведения потенциальных преступников. Однако для этого необходимо законодательное закрепление таких возможностей системы;

2) принятие решений на основе предложенных системой вариантов с возможностью окончательного выбора решения за следователем;

3) работа с процессуальными документами. Это может значительно облегчить часть «бумажной» работы следователя, что оставит ему время для мыслительной деятельности. Кроме того, специальные программы помогут избежать возможные ошибки при заполнении процессуальных документов [8, с. 3–6].

Также в следственной работе уже используются экспертные системы, которые способны распознавать криминальную ситуацию, находить возможные варианты ее расследования, давать практические рекомендации. Основными задачами данных систем являются: формиро-

вание возможных следственных версий, выбор наиболее вероятных направлений расследования, представление рекомендаций органам расследования по поводу дальнейших действий и т. д. К таким уже используемым системам относятся системы «Наркоэкс», «Балэкс», «Кортик», «Маньяк», «Спрут» и др. Каждая из них специализируется на определенном виде преступных действий, что позволяет правоохранительным органам сократить время, затрачиваемое на расследование, а также более детально проработать принимаемое решение [9, с. 28–32].

Несмотря на значительные достижения искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной сфере, все же пока рано говорить о полном переходе на автоматизацию принятия решения судьями. Судам и судебным органам для обеспечения своей беспристрастности и независимости, как это предусмотрено международными и национальными нормативными правовыми актами, необходимо проследить, чтобы они также обеспечивали работу своих платформ электронного правосудия во избежание нежелательного внешнего влияния. Помимо этого, внедрение платформ электронного правосудия может рассматриваться как источник давления на усмотрение судей и оказать существенное влияние на справедливую процедуру [10, с. 6]. Невозможно принять решение по уголовному делу без учета различных, в том числе нравственных, факторов, особенно относительно назначения наказания, многие из которых система просто не сможет воспроизвести. Также немаловажным моментом является прозрачность алгоритма принятия решения системой искусственного интеллекта для предоставления сторонам возможности обжаловать решение суда. Таким образом, для применения подобных систем необходимо создание надлежащей правовой основы использования искусственного интеллекта и определение границ автоматизированной обработки информации с сохранением подконтрольности решения судье.

Также для последующей оценки решения в современном обществе важен авторитет судьи. Пока сложно представить, что люди с должным уважением будут относиться к судье-роботу. Безусловно, со временем это возможно. Однако сейчас социальный фактор оказывает существенное влияние на отношение общества к правосудию и выполнению назначения уголовного судопроизводства, заключающегося в защите прав граждан. Нравственный аспект в виде справедливого разрешения социального конфликта должен подкрепляться личностью судьи, к поведению и качествам которого предъявляются высокие моральные требования.

Помимо этого, не стоит забывать, что в создании любого подобного алгоритма будут принимать участие люди, которые подвержены всем тем негативным качествам, которые стремятся устранить при помощи использования систем искусственного интеллекта. Первоначальные решения, которые будут заложены в алгоритм, также будут вынесены судьей-человеком, что не исключает субъективизм. Причем искусственный интеллект не так гибок, как сознание человека, поэтому сложно будет при выстраивании алгоритма предусмотреть все многообразие дел, а также учесть множество иррациональных аспектов, не поддающихся логическому анализу [11, с. 115–120].

Искусственный интеллект – это самообучающаяся система, что является положительным фактором. Однако на ее обучение будет оказывать значительное влияние та информация, на основе которой она будет функционировать на первоначальном этапе, что не исключит возможность заложения в систему предрассудков и предубеждений в обществе. Разработчикам будет сложно контролировать процесс обучения искусственного интеллекта, что может привести к неожиданным результатам. С подобной проблемой

столкнулись компания Microsoft и китайская корпорация Tencent при разработке своих чат-ботов [12, с. 50–53].

По справедливому утверждению профессора В. Н. Корнева: «Искусственный интеллект не обладает такими свойствами подлинного, человеческого интеллекта, как осознание и понимание правовых явлений, а поэтому заменить человека в судейском кресле невозможно» [13, с. 42–45].

В зарубежных странах также существуют как вспомогательные информационные технологии, обеспечивающие осуществление правосудия, так и происходит постепенное внедрение систем искусственного интеллекта при принятии решения судьями.

В Сингапуре с 1997 г. функционирует платформа для подачи документов в суды в электронном виде через Интернет (Electronic Filing System), с помощью которой все документы, поступающие в суд, подвергаются автоматической проверке на предмет соответствия предъявляемым к такому типу документов требованиям и в последующем направляются в соответствующие инстанции специальной системой.

При этом зачастую для установления электронного документооборота требуется согласие сторон. Например, в Германии электронный документ может быть отправлен сторонам разбирательства, если они прямо дали согласие на передачу документов электронным способом. Государственные же органы и учреждения полностью переведены на электронное взаимодействие.

В Республике Казахстан с 2018 г. производство по уголовному делу осуществляется в электронном формате. Правовое регулирование данной системы осуществляется не только на уровне уголовно-процессуального законодательства, но и подзаконных актов, что обеспечивает более подробную законодательную регламентацию происходящих процессов. Помимо этого, там судьям доступны комплексы онлайн-правовых информационных систем, позволяющих упростить процедуры принятия судебных решений: система поиска в правовых базах данных (Law Net Legal Workbench); система, в которой четко определены критерии и правила вынесения судебных решений (SINGS); база данных, включающая рабочие документы судов и сведения о кадрах (JODB); система, содержащая судебные решения судов всех уровней (IMPRESS) [14, с. 307–309].

В законодательство Азербайджанской Республики в 2020 г. были внесены поправки, согласно которым обязательно должна производиться непрерывная запись всех судебных заседаний, а само уголовное судопроизводство переходит в электронный формат, для чего будет применяться информационная система «Электронный суд». Также там предлагается внедрить программу «Электронные весы правосудия», предназначенную для определения вида и размера наказания.

В Нидерландах реформирование современной системы уголовного судопроизводства движется в направлении расширения возможностей по предоставлению и исследованию электронных доказательств [15, с. 1140–1151], понятие которых в России до сих пор отсутствует.

В Китае, помимо первого в мире интернет-суда Ханчжоу в провинции Шаньдун, используются компьютерные системы в уголовном судопроизводстве, помогающие выносить приговор по тяжким преступлениям.

В Великобритании искусственный интеллект используется для прогнозирования решений Европейского суда по правам человека. Интересно, что Франция отказалась от применения подобной системы, в противном случае лицо, использующее ее, понесет установленную законом ответственность.

В Австралии существует концепция электронного правосудия, включающая в себя как электронный документооборот,

так и возможность проведения онлайн-заседаний[1].

В США системы искусственного интеллекта применяются при решении вопроса о применении мер пресечения. Система Public Safety Assessment Risk Factors and Formula представляет собой алгоритм оценки риска оставления обвиняемого до суда под залогом и при заключении под стражу. В качестве риск-факторов данная система оценивает возраст, тяжесть преступления, характер предъявленного обвинения, наличие предыдущих судимостей, вероятность уклонения от явки в суд. Однако окончательное решение все же принимает судья. Данная система лишь рекомендует возможные варианты решения [16, с. 50–60]. Также там применяется Национальная программа eJuror, которая позволяет осуществлять подбор присяжных заседателей путем рассылки стандартизированных анкетных форм по электронной почте потенциальным кандидатам. Причем кандидаты в присяжные могут заполнить данную анкету на сайте суда [17, с. 75–80].

Ввиду широкого применения информационных технологий в судопроизводстве в 2018 г. была принята Европейская этическая хартия о применении искусственного интеллекта в судебных системах, утвержденная Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы, в которой были закреплены принципы, касающиеся использования искусственного интеллекта в судебных системах [18, с. 705–707].

При этом стоит отметить, что эксперты Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы сочли российскую судебную систему наиболее оперативной, технологически развитой и наименее финансово затратной для граждан, подтверждением чего является эффективная интеграция в рабочий процесс судей широкого спектра IT-нововведений [19, с. 52–55].

Цифровое правосудие представляет собой более гибкую систему, позволяющую ускорить взаимодействие между различными государственными органами и должностными лицами, а также гражданами между собой в ходе уголовного судопроизводства. Однако в данном контексте необходимо умелое сочетание правовых и нравственных начал, а также технических требований для действительно справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

Отмечается, что Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П указал, что правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах, федеральный законодатель, устанавливая порядок его отправления, обязан предусмотреть механизм, который гарантировал бы вынесение правосудных судебных решений. Поэтому при применении информационных технологий необходимо руководствоваться рядом принципов, учитывающих состояние национальной правовой системы, технические возможности государства и менталитет граждан.

Так, вице-президент адвокатской палаты Санкт-Петербурга, президент Балтийской коллегии адвокатов им. А. Собчака Юрий Новолодский предлагает к рассмотрению принципы цифровизации уголовного судопроизводства, которые сводятся к объединению фактов и принимаемых на их основе процессуальных решений в рамках единой цифровой платформы; к контролю процессуальной формы; к аккумулированию в одном месте всех собранных по делу фактических данных, в том числе стороной защиты; к обеспечению права доступа на дифференцированной основе различных участников уголовного судопроизводства к материалам дела и возможности их ди-

[1] Электронное правосудие: анализ зарубежного и российского опыта // ЗНАНИО: сайт. URL: https://znanio.ru/media/elektronnoe-pravosudie-analiz-zarubezhnogo-i-rossijskogo-opyta-2711301 (дата обращения: 30.09.2023).

станционной коммуникации с государственными органами и должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу; к необходимости защиты информации, находящейся на цифровой платформе[1].

Помимо этого, стоит отметить, что использование информационных технологий не должно умалять права на судебную защиту для тех граждан, которые не имеют доступа к новым технологиям, и при применении информационных технологий не должна утрачиваться связь со справедливостью [20, с. 76–80].

Кроме того, некоторые адвокаты и судьи высказывают мнение о том, что цифровизация сделает правосудие шаблонным и при всех положительных моментах искусственный интеллект не сможет заменить судью. Мы согласны с данным утверждением, однако считаем, что информационные технологии в судопроизводстве могут стать хорошим помощником при проведении судебных процессов и принятии решения по делу при соблюдении разумного подхода к их использованию.

При этом нельзя оставить без внимания вопрос цифровой компетентности правоприменителя. Не все следователи, прокуроры, судьи, работники аппарата суда обладают достаточными цифровыми навыками, хотя современные технологии все более адаптируются к уровню технологической грамотности массового пользователя. Проблема заключается в том, что какими бы совершенными не были применяемые технологии, они просто не будут работать, если люди будут пользоваться ими неумело. В связи с этим необходимо не только стремиться к внедрению цифровых технологий в уголовный процесс, но и работать с правоприменителями, объясняя все преимущества информационных технологий и проводя курсы повышения квалификации в данной сфере.

Наряду с положительными есть и отрицательные моменты внедрения информационных систем в уголовно-процессуальную деятельность. Одной из проблем дистанционного взаимодействия в ходе рассмотрения уголовного дела является отсутствие невербального контакта между участниками процесса, что может негативно отразиться на результате судебного разбирательства. Отсутствие непосредственного общения препятствует судье разумно подойти к оценке высказанных доводов или ходатайств. В свою очередь, это не позволяет в полной мере взаимодействовать с процессуальным оппонентом, чувствовать настрой участников судебного разбирательства. Фактически полностью исключается нравственный аспект и возможность включения профессионального и жизненного опыта судьи, однако при оценке некоторых доказательств эти составляющие необходимы.

Выводы

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим выводам:

1) сочетание нравственных и правовых норм является безусловным положительным аспектом для легитимности уголовно-процессуальной деятельности;

2) использование цифровых технологий позволяет облегчить процесс судопроизводства, однако вызывает необходимость дополнительного правового регулирования их использования;

3) цифровая трансформация уголовного процесса должна осуществляться с учетом правовых и нравственных составляющих существующей уголовно-процессуальной системы;

[1] Цифровизация уголовного судопроизводства. Мнение адвокатуры по вопросу использования современных технологий на досудебной стадии // Федеральная палата адвокатов Рос. Федерации: сайт. URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/tsifrovizatsiya-ugolovnogo-sudoproizvodstva/ (дата обращения: 30.09.2023).

4) цифровизация правосудия соответствует конституционному содержанию принципа доступа к правосудию, однако она не должна реализовываться за счет ущемления прав граждан в угоду процессуальной экономии.

Таким образом, законодателю необходимо принять взвешенное решение относительно постепенного внедрения информационных технологий в уголовный процесс с учетом не только правовой и финансовой, но и социальной и нравственной составляющих.

Список литературы

1. Рябинина Т. К. Нравственные начала уголовного процесса / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2007. 439 с.

2. Лаврентюк Г. П. Нравственность – показатель человечности каждого и профилактика любых конфликтов, а также наиглавнейшая основа правильной жизни и поведения. СПб.: Береста, 2014. 318 с.

3. Татьянина Л. Г., Машинникова Н. О. Соотношение назначения и цели уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. № 12(6). С. 72–84. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-72-84.

4. Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 4–23. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.4.23.

5. Карасев А. Т., Савоськин А. В., Мещерягина В. А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 71–77.

6. Цурлуй О. Ю. Судебное разбирательство по уголовным делам и цифровые технологии: совместить нельзя разделить // Lex Russica. 2022. № 2 (183). С. 148–158. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.148-158.

7. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a natural language Processing perspective / N. Aletras, D. Tsarapatsanis, D. Preoţiuc-Pietro, V. Lampos // Peer Journal Computer Science. 2016. Vol. 2. P. 93–97.

8. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Российский следователь. 2020. № 9. С. 3–6. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-9-3-6.

9. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. 2018. № 3(38). С. 28–34.

10. Reiling D., Contini F. E-Justice platforms: challenges for judicial governance // International Journal for Court Administration. 2022. Vol. 13(1). P. 6.

11. Кравчук Н. В. Искусственный интеллект как судья: Перспективы и опасения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 115–122. https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.01.12.

12. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 50–55. https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10132.

13. Корнев В. Н. Вычисление vs понимания // Российское правосудие. 2021. № 4. С. 42–45. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2021.4.42-45.

14. Гришин Д. А., Антипов А. Ю. Зарубежный опыт цифровизации уголовного процесса // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7(182). С. 307–309.

15. Volokh E. Chief justice robots // Duke law journal. Durham, 2019. Vol. 68, no. 6. P. 1135–1192.

16. Марковичева Е. В., Смирнова И. Г. Влияние пандемии COVID-19 на цифровую трансформацию уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 50–67. https://doi.org/10.17223/22253513/42/4.

17. Карташов И. И., Карташов И. И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 75–89. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-75-89.

18. Чистилина Д. О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 4. С. 705–710. https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-4-705-710.

19. Шамсутдинов Б. С. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном процессе // Научно-практические исследования. 2020. № 11-2(34). С. 52–55.

20. Алешкова И. А. Цифровизация и судебная деятельность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 3. С. 76–88. https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.07

References

1. Ryabinina T. K. Nravstvennye nachala ugolovnogo processa [The moral principles of the criminal process]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2007. 439 p.

2. Lavrentyuk G. P. Nravstvennost' – pokazatel' chelovechnosti kazhdogo i profilaktika lyubyh konfliktov, a takzhe naiglavnejshaya osnova pravil'noj zhizni i povedeniya [Morality is an indicator of everyone's humanity and the prevention of any conflicts, as well as the most important basis for proper life and behavior]. St. Petersburg, Beresta Publ., 2014. 318 p.

3. Tat'yanina L. G., Mashinnikova N. O. Sootnoshenie naznacheniya i celi ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii [The relationship between the purpose and purpose of criminal proceedings in the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2022, no. 12(6), pp. 72–84. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-72-84

4. Stepanov O. A., Pechegin D. A., D'yakonova M. O. K voprosu o cifrovizacii sudebnoj deyatel'nosti [On the issue of digitalization of judicial activity]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Right. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 5, pp. 4–23. https://doi.org/10.17323/ 2072-8166.2021.5.4.23

5. Karasev A. T., Savos'kin A. V., Meshcheryagina V. A. Cifrovizaciya pravosudiya v Rossijskoj Federacii [Digitalization of justice in the Russian Federation]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2, pp. 71–77.

6. Curluj O. Yu. Sudebnoe razbiratel'stvo po ugolovnym delam i cifrovye tekhnologii: sovmestit' nel'zya razdelit' [Criminal court proceedings and digital technologies: combine cannot be separated]. *Lex Russica*, 2022, no. 2 (183), pp. 148–158. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.148-158

7. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoţiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a natural language processing perspective. *Peer Journal Computer Science*, 2016, vol. 2, pp. 93–97.

8. Bahteev D. V. Iskusstvennyj intellekt v sledstvennoj deyatel'nosti: zadachi i problemy [Artificial intelligence in investigative activities: tasks and problems]. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 9, pp. 3–6. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-9-3-6

9. Afanas'ev A. Yu. Iskusstvennyj intellekt ili intellekt sub"ektov vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: chto pobedit? [Artificial intelligence or intelligence of subjects of detection, disclosure and investigation of crimes: What will win?]. *Biblioteka kriminalista = Criminologist's Library*, 2018, no. 3(38), pp. 28–34.

10. Reiling D., Contini F. E-Justice platforms: challenges for judicial governance. *International Journal for Court Administration*, 2022, vol. 13(1), pp. 6.

11. Kravchuk N. V. Iskusstvennyj intellekt kak sud'ya: Perspektivy i opaseniya [Artificial intelligence as a judge: Prospects and concerns]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law*, 2021, no. 1, pp. 115–122. https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.01.12

12. Pobedkin A. V. Etiko-aksiologicheskie riski mody na cifrovizaciyu dlya ugolovnogo sudoproizvodstva (ob oshibochnosti tekhnologichnogo podhoda k ugolovnomu processu) [Ethical and axiological risks of the fashion for digitalization for criminal proceedings (on the fallacy of a technological approach to the criminal process)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3, pp. 50–55. https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10132

13. Kornev V. N. Vychislenie vs ponimaniya [Calculation vs Understanding]. *Rossijskoe pravosudie = Russian justice*, 2021, no. 4, pp. 42–45. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2021.4.42-45

14. Grishin D. A., Antipov A. Yu. Zarubezhnyj opyt cifrovizacii ugolovnogo processa [Foreign experience of digitalization of the criminal process]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2023, no. 7(182), pp. 307–309.

15. Volokh E. Chief justice robots. Duke law journal. Durham, 2019, vol. 68, no. 6, pp. 1135–1192.

16. Markovicheva E. V., Smirnova I. G. Vliyanie pandemii COVID-19 na cifrovuyu transformaciyu ugolovnogo sudoproizvodstva [The impact of the COVID-19 pandemic on the digital transformation of criminal justice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2021, no. 42, pp. 50–67. https://doi.org/10.17223/22253513/42/4

17. Kartashov I. I., Kartashov I. I. Iskusstvennyj intellekt: ugolovno-pravovoj i processual'nyj aspekty [Artificial intelligence: criminal law and procedural aspects]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Actual problems of the state and law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 75–89. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-75-89

18. Chistilina D. O. Ispol'zovanie vozmozhnostej iskusstvennogo intellekta v ugolovnom processe [Using the capabilities of artificial intelligence in criminal proceedings]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2021, vol. 31, no. 4, pp. 705–710. https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-4-705-710

19. Shamsutdinov B. S. Perspektivy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v ugolovnom processe [Prospects for the use of artificial intelligence in criminal proceedings]. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya = Scientific and practical research*, 2020, no. 11-2(34), pp. 52–55.

20. Aleshkova I. A. Cifrovizaciya i sudebnaya deyatel'nost' [Digitalization and judicial activity]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo = Social and humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law*, 2022, no. 3, pp. 76–88. https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.07

Информация об авторе / Information about the Author

Чистилина Дарья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0115-8876

Daria O. Chistilina, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0115-8876

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.71

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-199-208

CC BY 4.0

О способах совершения преступлений против собственности в сети Интернет

А. В. Москальков[1] ✉

[1]Московский университет имени А.С. Грибоедова
ул. Новая Басманная, д. 35/1, г. Москва 105066, Российская Федерация

✉ e-mail: 11amo@list.ru

Резюме

Актуальность *статьи обусловлена стремительным ростом в России корыстных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Наибольшая доля таких преступлений в структуре преступных посягательств на собственность приходится на мошенничество и вымогательство. В статье приводится оригинальный анализ способов их совершения, получивших наибольшее распространение в Глобальной сети. Делается прогноз о том, что данный вид киберпреступности в будущем может стать одной из серьезных проблем, поскольку преступные схемы использования сетевых интернет-ресурсов постоянно обновляются, а установить все способы не представляется возможным.*

Цель *исследования состоит в дополнении научного знания об имеющихся и новых способах совершения корыстных преступлений с использованием сети Интернет для эффективного противодействия им.*

Задачи*: на основе судебной практики, сообщений средств массовой информации, интернет-источников выявить имеющиеся и новые способы совершения корыстных преступлений в сети Интернет.*

Методология. *При написании работы применялись методы научного познания (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также статистический, документальный и формально-логический методы.*

Результаты исследования *состоят в описании имеющихся и установлении новых способов совершения преступлений против собственности, влияющих на качественные и количественные показатели корыстной преступности в целом. Восполнен определенный пробел криминологической науки по проблемам хищения чужого имущества путем мошеннических действий и вымогательства в сети Интернет. Полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности правоохранительных органов.*

Вывод. *Социально опасные последствия совершения киберпреступлений против собственности определяются их массовостью, огромным числом потерпевших, большим ущербом и высокой латентностью. Стремительная виртуализация всех сфер жизни общества позволяет прогнозировать последовательное увеличение посягательств против собственности в сети Интернет.*

Ключевые слова*: преступления против собственности; мошенничество; вымогательство; интернет; информационные технологии.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Москальков А. В. О способах совершения преступлений против собственности в сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 199–208. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-199-208.

Поступила в редакцию 20.10.2023 Принята к публикации 24.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Москальков А. В., 2023

About Ways to Commit Crimes Against Property on the Internet

Artem V. Moskalkov[1] ✉

[1]Moscow University A. S. Griboedov
35/1 Novaya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation

✉ e-mail: 11amo@list.ru

Abstract

Relevance *of the article is due to the rapid growth in Russia of mercenary crimes committed using information and telecommunication technologies. The largest share of such crimes in the structure of criminal encroachments on property falls on fraud and extortion. The article provides an original analysis of the methods of their commission, which have become most widespread on the Global Network. It is predicted that this type of cybercrime in the future may become one of the serious problems, since criminal schemes for using network Internet resources are constantly updated, and it is not possible to establish all methods.*

The purpose *of the study is to supplement scientific knowledge of available and new ways of committing mercenary crimes using the Internet to effectively counter them.*

Objectives: *on the basis of judicial practice, media reports, Internet sources, to identify existing and new methods of committing mercenary crimes on the Internet.*

Methodology*. When writing the work, methods of scientific knowledge (analysis, synthesis, induction and deduction), as well as statistical, documentary and formal-logical methods were used.*

The results *of the study consist in describing the available and establishing new methods of committing crimes against property, affecting the qualitative and quantitative indicators of mercenary crime in general. A certain gap in criminological science on the problems of theft of someone else's property through fraudulent actions and extortion on the Internet has been filled. The results obtained can be used in the practical activities of law enforcement agencies.*

Conclusion. *The socially dangerous consequences of committing cybercrimes against property are determined by their mass, huge number of victims, great damage and high latency. Rapid virtualization of all areas of society makes it possible to predict a consistent increase in encroachments against property on the Internet.*

Keywords*: crimes against property; fraud; extortion; Internet; information technology.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Moskalkov A. V. About Ways to Commit Crimes Against Property on the Internet. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 199–208. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-199-208

Received 20.10.2023 Accepted 24.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

В условиях стремительной модификации Глобальная сеть превратилась в площадку для криминальной деятельности. По подсчетам экспертов, на долю преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, приходится одна треть от всех регистрируемых ежегодно преступлений в России (26,6%) [1, с. 218]. Трансграничность, анонимность, отсутствие цифровых следов и невозможность закрепить многие доказательства криминальной деятельности на материальном носителе – все это многократно увеличивает риски совершения преступлений, и в том числе против собственности. Интернет-ресурсы (социальные сети, сайты знакомств, иные платформы) с открытыми персональными данными пользователей используются в качестве инструмента для мошенничества, вымогательства и краж. По данным МВД РФ, количество преступлений против собственности с применением информационных технологий в 2022 г. в России составило: по ст.

158 УК РФ «Кража» – 113565; по ст. 159 УК РФ «Мошенничество» – 249984; по ст. 159[3] УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» – 7288; по ст. 159[6] УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» – 334; по ст. 163 УК РФ «Вымогательство» – 5721[1]. Наблюдается рост количества киберпреступлений против собственности, которые совершают ранее судимые лица. Очевидно, эта статистика не отражает действительного масштаба преступности, поскольку жертвы не всегда обращаются в правоохранительные органы, а виновные избегают уголовного преследования. Другими словами, фактические данные динамики и уровня преступлений, совершаемых против собственности с использованием цифровых технологий, во много раз превышают показатели, зарегистрированные официальной уголовной статистикой. На проблему защиты прав жертв дистанционных хищений обращено на самом высоком государственном уровне. Президент Российской Федерации по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека дал поручение Правительству РФ и Банку РФ разработать механизм выплаты кредитными организациями денежной компенсации клиентам, у которых мошенниками были похищены деньги[2].

Учитывая общественную опасность преступлений в сети Интернет, специалисты по уголовному праву и криминологии приступили к основательному анализу трендов киберпреступности против собственности. Исследованию вопросов, связанных с корыстной интернет-преступностью, посвящены труды многих ученых [2, с. 44; 3, с. 126; 4, с. 72]. Вместе с тем особую актуальность имеют исследования, связанные с изучением способов совершения таких преступлений по причине их постоянной модернизации.

Методология

При написании научной статьи совокупность общенаучных и частнонаучных методов исследования определялась ее темой. Методы анализа и синтеза, индукции и дедукции применялись для формулирования поисковых запросов, выявления и описания имеющихся и новых способов совершения преступлений против собственности в сети Интернет и формулирования прогнозов дальнейшего развития корыстной киберпреступности. Для обоснования актуальности проблемы исследования, изучения научных трудов по рассматриваемой тематике, данных уголовной статистики и приговоров судов, интернет-источников, содержащих описание способов виртуальных хищений, применялись статистический и документальный методы. Описать полученные результаты, систематизировать материал и сформулировать выводы исследования позволил формально-логический метод.

Результаты и их обсуждение

Для осуществления анализа способов совершения преступлений против собственности в сети Интернет необходимо выделить конкретные деяния (составы), образующие эту группу. В отечественной науке теоретики предлагают разные варианты группирования преступлений против собственности, совершаемых с использованием информационных технологий: и по объекту преступлений (собственность), и по способу их совершения (с использованием сети Интернет). Учитывая представленные в теории позиции правоведов, следует согласиться в том, что к таким составам преступлений относятся: кража с банковского счета, а равно совершенная в отношении электронных

[1] Состояние преступности за январь-декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/?ysclid=lofyqpnkjp374098658 (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/ orders/70349 (дата обращения: 17.09.2023).

денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ); мошенничество (ст. 159 УК РФ); мошенничество в сфере кредитования (ст. 159^1 УК РФ); мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159^3 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159^6 УКРФ); присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ); вымогательство (ст. 163 УК РФ); причинение имущественного ущерба путём обмана и злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ) [5, с. 30].

Правоприменительная практика показывает, что наиболее распространёнными преступлениями против собственности, совершаемыми с использованием информационных технологий, являются мошенничество и вымогательство.

1. *Мошенничество.* При анализе способов мошенничества с использованием информационных технологий исследователи отмечают их разнообразие и общий алгоритм действий [6, с. 64]. При этом верно подмечается, что в статистических показателях только три состава мошенничества находят отражение (ст. 159, 159^3, 159^6 УК РФ), что не отражает действительной картины корыстной преступности [7, с. 98]. Значительную долю мошеннических действий составляет так называемое «инфоцыганство». Его показатели значительно возросли в период пандемии COVID-19 [8, с. 180]. Оно процветает на просторах Интернета, в социальных сетях, в том числе запрещенных в России, что позволяет вовлечь многомиллионную аудиторию в массовую покупку курсов, обучений, услуг, товаров и др. [9, с. 172] Примерами мошенничества в онлайн-сфере являются всевозможные обучения у псевдо-онлайн-коучей, оказание экстрасенсорных, психологических, астрологических услуг, псевдолечение или целительство, цыганские предсказания и др. (*мошенничество в сфере услуг*).

Мошенники заманивают жертву бесплатными курсами, мероприятиями, обещая дать базовые знания «чтобы быть успешным», входят в доверие, а после начинается «раскрутка» на деньги. Примерами тому служат различные марафоны инфоцыган в соцсетях («Марафон желаний» Е. Блиновской, «Денежный марафон» В. Чекалиной, «Я выбираю тебя» Н. Серовской, «Стратегии на миллион» О. Самойловой, «Мышление миллионера» Г. Гасанова и др.) [10, с. 169]. Опасность инфоцыганства как явления с высоким криминогенным потенциалом состоит в том, что блогеры продают не качественный онлайн-продукт, помогающий выработать профессиональные навыки, а манипулируют массовым сознанием, вселяют уверенность в достижении целей за короткий срок без каких-либо знаний и усилий. Как справедливо отмечает член Совета по правам человека при Президенте РФ И. С. Ашманов, инфоцыгане сначала «создают образ депрессивности, скуки и нищеты», убеждают «в необходимости реализовывать мечты», а затем дают весьма банальные советы, например, «полюбить себя», научиться «быть в ресурсном состоянии»[1]. К сожалению, правоохранители не выработали методику противодействия этому виду мошенничества [11, с. 28]. «Инфоцыгане» либо уходят от какого-либо наказания, либо привлекаются к уголовной ответственности за совершение не мошенничества, а других преступлений[2].

Освоив компьютерные технологии, злоумышленники подделывают сайты благотворительных фондов, интернет-магазинов, банков, государственных учреждений [12, с. 81]. Так, мошенники в одной из социальных сетей размещали

[1] Госдума готовится дать бой инфоцыганам // Царьград: сайт. URL: https:// tsargrad.tv/news/gosduma-gotovitsja-dat-boj-infocyganam_497311 (дата обращения: 22.09.2023).

[2] «У следователей несколько вариантов». Что ждет Елену Блиновскую // РИА Новости. 2023. 27 апр. URL: https://ria.ru/20230427/blinovskaya-1868236065.html?ysclid=loely78vzu793601178 (дата обращения: 22.09.2023).

объявления о продаже вещей известных брендов с большой скидкой. Заказ оплачивался сразу, а затем потерпевшие получали по почте дешевые тряпки. Вернуть деньги было невозможно, т. к. телефоны продавцов были заблокированы. Судя по количеству посылок, отправленных в разные регионы страны, число потерпевших может составить больше тысячи человек[1].

Мошенниками создаются и сайты с объявлениями об оказании тех или иных услуг, в том числе запрещенных (написание дипломных работ, диссертаций, оккультные, психологические, связанные с нетрадиционным лечением и др.). К примеру, на сайтах об оказании сексуальных услуг для завлечения клиентов размещается галерея фотографий красивых девушек, якобы занимающихся проституцией. Клиент переводит предоплату за будущую услугу, а после требований о возврате денег мошенники блокируют его доступ к сайту или странице в Сети, шантажируют «заказом» или угрожают физической расправой[2]. Преступники уверены, что обманутая жертва не обратится в правоохранительные органы, поскольку устыдится своего грехопадения. К этому виду массового обмана можно отнести и букмекерские конторы в Интернете, когда осуществляется продажа «беспроигрышных» стратегий, гарантирующих выигрыш (он подтверждается подделкой скриншотов, чеками банкоматов), а поток потенциальных жертв (воронка) генерируется сайтами, соцсетями и мессенджерами [13, с. 40].

Отдельным случаем является такая разновидность мошенничества, как романтическое («на почве любви»). Так, жительница г. Москвы познакомилась в Интернете с иностранцем по имени Дэвид Леонардо. В ходе переписки кавалер изъявил желание приехать в свой отпуск для личного знакомства. Чтобы получить отпускные, Леонардо нужно было заплатить за них компании 350 тыс. рублей. Он попросил их у женщины, которая и перевела данную сумму «компании». Позже на почту женщине пришло новое письмо от «компании», в которой работал иностранец, что необходимо еще 350 тыс. руб. После перевода указанной суммы женщина рассказала эту историю подруге. Она нашла «Дэвида» под другими именами на сайтах знакомств[3]. А как действуют виртуальные «мошенницы на доверии» в отношении мужчин? Они заводят аккаунты в соцсетях и начинают активно комментировать фото, ставить «лайки», а затем вступают в легкую переписку с будущей жертвой. Новая знакомая может быть даже замужем и с детьми, хорошо образована и рассуждает о политике, экономике, искусстве, фильмах, домашнем уюте, люксовой одежде и дорогих курортах. Затем сетевая красотка добавляет драмы (развод с мужем, болезнь, потеря работы и т. д.) и просит перевести деньги на свой счет[4].

Еще одним примером мошенничества в сети Интернет является фродинг, при котором осуществляется несанкционированное списание денежных средств с банковской карты пользователя [14, с. 137]. Для хищения денежных средств у подписчиков злоумышленники также используют взломанный аккаунт с личными

[1] Задержаны аферисты, создавшие липовые сайты продаж // Российская газета. 2023. 19 марта. URL: https://rg.ru/2023/03/19/triapki-v-posylkah.html?ysclid=loen7r6o3n953655910 (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Мошенники начали прикидываться в сети проститутками // Московский комсомолец. 2021. 20 февр. URL: https://www.mk.ru/ incident/2021/02/20/moshenniki-nachali-prikidy (дата обращения: 22.09.2023).

[3] Осторожно, мошенники! // Генеральная прокуратура Рос. Федерации: сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/activity/legal-education/fraud?item=91054747 (дата обращения: 25.10.2023).

[4] Как проститутки разводят мужчин в соцсетях // Московский комсомолец. 2014. 25 июля. URL: https://www.mk.ru/social/2014/07/25/kak-prostitutki-razvodyat-muzhchin-v-socsetyakh.html?ysclid=loele4oq2x864618296 (дата обращения: 22.09.2023).

данными пользователя (мошенничество под чужим именем) [15, с. 101]. Им рассылается сообщение от имени владельца страницы об экстренной ситуации с просьбой о переводе денежных средств. Чтобы расположить жертву, вызвать доверие (социальная инженерия), мошенники покупают базы персональных данных, которые «утекли» в теневой сегмент Интернета и выставлены на продажу[1].

По наблюдению криминологов, в последние годы фиксируется изменение в мотивации IT-преступников, которыми меньше совершается неправомерный доступ к закрытой информации, а все больше наносится репутационный ущерб бизнесу. Из недавних примеров масштабной компрометации личных данных клиентов утечка у таких гигантов, как Сбер, Яндекс-еда, «Билайн», ВТБ, РЖД, авиакомпания «Победа» и др.[2] По мнению М. А. Простосердова, «кибермошенничество можно рассматривать как следующую ступень развития таких преступлений, как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ)» [16, с. 151].

2. *Вымогательство* (ст. 163 УК РФ). Представители правоохранительных органов отмечают рост случаев дистанционного вымогательства, связанного с угрозой распространения позорящих жертву сведений. Для этого используются интимные фотографии, видеоизображения сексуального характера, которые пользователь хранил на своих страницах в соцсетях или в электронных почтовых ящиках [17, с. 107]. Вымогатель осуществляет так называемый «взлом» (неправомерный доступ) аккаунта, владельца или его e-mail, а далее, получив доступ к виртуальной учетной записи, шантажируют распространением интимных материалов среди его подписчиков [18, с. 27]. Распространённым стал и еще один способ использования интимных фотографий жертвы, который не требует применять несанкционированный доступ к личной странице потерпевшего. Их отправляют сами жертвы неизвестным в мессенджерах. Так, несовершеннолетняя студентка из Москвы отправила незнакомому молодому человеку, с которым переписывалась в Telegram, свои обнаженные фото с интимными позами. Злоумышленник, шантажируя девушку путем угроз публикации интимных снимков в Сети, склонил ее к занятию проституцией для отработки «долга». Оказав сексуальную услугу трем мужчинам, она передала сутенеру 20 тыс. руб., который стал вымогать уже 300 тыс. руб. И только тогда потерпевшая обратилась в полицию[3].

Новым видом вымогательства посредством цифровых средств коммуникации является sextortion, когда любителей порно шантажируют обнародованием записи с веб-камер сайта, на котором они смотрят запрещенный контент (даже в режиме «Инкогнито»). Вымогатели уверяют, что взломали устройство, получив доступ к камере, и записали «шалости» жертвы во время просмотра порно. В доказательство намерений на электронную почту жертвы отправляются письма с видеозаписью с сайта с «клубничкой». Для «выкупа» пикантных записей и требуется перевод денег[4].

[1] Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 10.09.2020 по делу № 1-641 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Uc2AsN33oD1R/ (дата обращения: 25.09.2023).

[2] Как мошенники получают наши персональные данные из банков? Объяснил эксперт // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/money/mymoney/kak_moshenniki_poluchayut_nashi_personalnye_dannye_iz_bankov_obyasnil_ekspert (дата обращения: 17.09.2023).

[3] 16-летнюю девушку шантажом заставили заниматься проституцией в Москве // Мослента: сайт. URL: https://moslenta.ru/news/lyudi/16-letnyuyu-13-10-2023.htm?ysclid=loee3nxssc11177211 (дата обращения: 22.09.2023).

[4] Санитары порносайтов. Как аферисты вымогают деньги у любителей клубнички // LTFE: сайт. URL: https://life.ru/p/1232583?

Жертвами вымогателей становятся и проститутки, зарегистрированные на сайтах знакомств, в социальных сетях для поиска клиентов, бывшие проститутки и модели веб-каминга [19, с. 90]. Из фабулы изученных уголовных дел следует, что новые технологии позволяют преступникам идентифицировать аккаунты лиц, осуществляющих запрещенные виды деятельности. Так, получила распространение практика верификации профилей с личными данными проституток и вебкам-моделей, осуществляющих поиск клиентов на просторах Интернета [20, с. 164]. Скачав с персональной страницы профильного сайта фотографию «жрицы» (и «жрецов») плотской любви, злоумышленники при помощи специальных программ «пробивают» личные данные жертвы. А далее выдвигается требование об уплате потерпевшим определённой суммы денег, чтобы избежать огласки в социуме участия в секс-бизнесе и репутационных потерь. Так, в одной из социальных сетей на аккаунт К. поступило сообщение с требованием о переводе 15 тыс. руб. Преступник сообщал, что в случае отказа заплатить деньги он разместит в пабликах видеозапись с ее интимным изображением. Студентка ранее занималась виртуальным моделингом, т. е. позировала за плату в обнаженном виде в закрытом ресурсе в Интернете. Вымогатели нашли ее аккаунт через специальную программу, позволяющую идентифицировать человека по его изображению[1].

Способы вымогательства преступниками модернизируются, его технологии адаптируются под современную ситуацию в стране. Например, вымогатель регистрируется в больших пабликах, где комментируются актуальные проблемы политического и общественно значимого характера. Далее он обращается к участнику дискуссии в личном сообщении как сотрудник спецслужбы и уведомляет его о наличии в его публичных сообщениях признаков состава преступления (оскорбление чувств верующих, призывы к мятежу, экстремизм и др.) и предлагает за вознаграждение удалить «преступный пост». В случае отказа программа якобы «автоматически» передаст сведения о факте преступления в правоохранительные органы. Этот вид «бизнеса», по прогнозам экспертов, и в будущем получит свое развитие более высокими темпами.

Еще одним способом вымогательства, появившимся сравнительно недавно, стало требование выкупа за потерянную вещь. Злоумышленник находит в интернете объявление о потере паспорта, телефона, ключей и предлагает перевести вознаграждение за находку, иначе он их выбросит или продаст. Используют преступники и схему выманивания денег на сайтах с «пиратским» контентом, когда на экране компьютера появляется баннер с сообщением о совершении преступления. За отдельную плату предлагается не сообщать в МВД IP-адрес и личные данные нарушителя. Учитывая появление множества новых способов совершения вымогательства в Сети, теоретики указывают на изменение уголовно-правовой природы вымогательства. Так, Т. М. Лопатина указывает на то, что «условно-цифровое вымогательство с уголовно-правовых позиций характеризуется как имущественное и корыстное преступление, а с криминологических – как насильственное преступление и принуждение к действию. …С позиции механизма виктимогенной ситуации получается, что жертве предъявляется имущественное требование, исполнение которого носит якобы добровольный характер» [12, с. 23]. А потому ученые предлагают наделить диспозицию ч. 2 ст. 163 УК РФ (вымогательство) новым способом со-

ysclid=lofxym6b xj95373337 (дата обращения: 22.09.2023).

[1] «С тебя 15 тысяч»: вебкам-девушку шантажировали «голым» видео из приват-чата, а потом выложили его в сеть // Комсомольская правда. Новосибирск. URL: https://www.nsk.kp.ru/daily/27088/4161402/ (дата обращения: 02.10.2023).

вершения вымогательства – «совершенное с угрозой удаления, вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» [1, с. 220].

Выводы

Проведенное исследование описывает далеко не все способы совершения преступлений против собственности, в связи с чем их анализ будет продолжен автором. Учитывая масштабы цифровизации с массовым переходом на площадки Глобальной сети деятельности по оказанию образовательных, медицинских, косметологических, банковских услуг и др., торговли, деятельности органов государственной власти, преступность трансформируется под современные реалии и актуализируется в новых способах преступного поведения. В условиях виртуализации общественных отношений имеет значение дополнение научных знаний, позволяющих дать оценку тенденциям корыстной киберпреступности, разрабатывать более эффективные и своевременные меры ее предупреждения, прогнозировать новые криминальные способы, влияющие на качественные изменения корыстной преступности в сети Интернет. Полученные результаты могут быть использованы и в целях виктимологической профилактики. Для того чтобы прогнозировать новые криминальные способы совершения корыстных преступлений, влияющие на качественные изменения всей преступности в сети Интернет, необходим постоянный криминологический мониторинг указанной группы преступлений. На основе полученных данных могут быть приняты решения по криминализации новых деяний или ужесточению уголовной ответственности. С учетом криминогенности сферы Интернета требуется содержательное изменение статистических форм учета преступлений против собственности, совершаемых с использованием цифровых технологий.

Список литературы

1. Юхименко Д. М.-К. Преступления против собственности с применением информационных технологий // Социальное управление. 2023. № 5. С. 218–229.

2. Комаров А. А. Интернет-мошенничество: проблемы детерминации и предупреждения. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.

3. Мазур А. А. Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети Даркнет // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 3 (33). С. 125–129.

4. Елин В. М. Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления // Бизнес-информатика. 2013. № 2 (24). С. 70–76.

5. Иванова Л. В. Хищение с использованием информационных технологий: проблемы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 29–36.

6. Соловьев В. С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 1. С. 60–72.

7. Новичков В. Е. Информационная среда обитания и её уголовно-правовая охрана // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 3(4). С. 93–106.

8. Сафонов В. Н., Андреев Д. В. «Мошенничество от пандемии»: новые способы хищений // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1, № 2 (101). С. 177–184.

9. Салаев З. Р. К вопросу о способе мошенничества, связанного с оказанием оккультных и психологических услуг // Образование и право. 2019. № 5. С. 171–175.

10. Олефирова А. В., Рокутова Е. А. Инфоцыганство как явление в интернет-пространстве // Вестник науки. 2022. № 6 (51). С. 169–174.

11. Ревякин С. В. Проблемы раскрытия хищений, совершаемых посредством современных электронных средств коммуникации // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3 (18). С. 27–32.

12. Евтушенко И. И. Виктимологическая защита жертв дистанционных хищений // Виктимология. 2023. № 1. С. 78–88.

13. Сафонов В. Н., Харченко О. В. Криминологическое исследование мошенничества в сфере компьютерной информации на примере деятельности интернет-букмекерских контор // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 4. С. 39–50.

14. Сынгаевский Д. В. Мошенничество в глобальной сети Интернет как объект виктимологического исследования // Современный юрист. 2013. № 4. С. 136–144.

15. Шут О. А. Мошенничество в социальных сетях и способы его осуществления // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. № 4. С. 97–106.

16. Простосердов М. А. Вымогательство, совершенное в сети Интернет // Библиотека криминалиста. 2013. № 6 (11). С. 150–152.

17. Ильницкий А. С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 106–109.

18. Родивилин И. П. Типологизация лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, по способу преступного деяния // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 25–29.

19. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(3). С. 90–101.

20. Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4. С. 160–173.

21. Лопатина Т. М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 118–126.

References

1. Yukhimenko D. M.-K. Prestupleniya protiv sobstvennosti s primeneniem informacionnyh tekhnologij [Crimes against property using information technology]. *Social'noe upravlenie = Social management*, 2023, no. 5, pp. 218–229.

2. Komarov A. A. Internet-moshennichestvo: problemy determinacii i preduprezhdeniya [Internet fraud: problems of determination and warning]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 184 p.

3. Mazur A. A. Aktual'nye problemy preduprezhdeniya prestupnosti v social'noj seti Darknet [Actual problems of crime prevention in the social network Darknet]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2018, no. 3 (33), pp. 125–129.

4. Elin V. M. Moshennichestvo v sfere komp'yuternoj informacii kak novyj sostav prestupleniya [Fraud in the field of computer information as a new corpus delicti]. *Biznes-informatika = Business informatics*, 2013, no. 2 (24), pp. 70–76.

5. Ivanova L. V. Hishchenie s ispol'zovaniem informacionnyh tekhnologij: problemy kvalifikacii [Theft using information technologies: problems of qualification]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*, 2020, no. 1 (51), pp. 29–36.

6. Solov'ev V. S. Prestupnost' v social'nyh setyah interneta (kriminologicheskoe issledovanie po materialam sudebnoj praktiki) [Crime on social networks of the Internet (criminological research on the materials of judicial practice)]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2016, no. 1, pp. 60–72.

7. Novichkov V. E. Informacionnaya sreda obitaniya i eyo ugolovno-pravovaya ohrana [Information Habitat and its Criminal Law Protection]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, no. 13(4), pp. 93–106.

8. Safonov V. N., Andreev D. V. "Moshennichestvo ot pandemii": novye sposoby hishchenij ["Fraud from a pandemic": new methods of theft]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*, 2022, vol. 1, no. 2 (101), pp. 177–184.

9. Salaev Z. R. K voprosu o sposobe moshennichestva, svyazannogo s okazaniem okkul'tnyh i psihologicheskih uslug [To the question of the method of fraud related to the provision of occult and psychological services]. *Obrazovanie i pravo = Education and law*, 2019, no. 5, pp. 171–175.

10. Olefirova A. V., Rokutova E. A. Infocyganstvo kak yavlenie v internet-prostranstve [Infotsyganism as a phenomenon in the Internet space]. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2022, no. 6 (51), pp. 169–174.

11. Revyakin S. V. Problemy raskrytiya hishchenij, sovershaemyh posredstvom sovremennyh elektronnyh sredstv kommunikacii [Problems of disclosure of embezzlement committed through modern electronic means of communication]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*, 2018, no. 3 (18), pp. 27–32.

12. Evtushenko I. I. Viktimologicheskaya zashchita zhertv distancionnyh hishchenij [Victimoiogical Protection Victims of Remote Theft]. *Viktimologiya = Victimology*, 2023, no. 10 (1), pp. 78–88.

13. Safonov V. N., Kharchenko O. V. Kriminologicheskoe issledovanie moshennichestva v sfere komp'yuternoj informacii na primere deyatel'nosti internet-bukmekerskih kontor [Criminological study of fraud in the field of computer information on the example of the activities of Internet bookmakers]. *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskih issledovanij = Journal of Legal and Economic Research*, 2021, no. 4, pp. 39–50.

14. Syngaevsky D. V. Moshennichestvo v global'noj seti Internet kak ob"ekt viktimologicheskogo issledovaniya [Fraud in the global Internet as an object of victimological research]. *Sovremennyi yurist = Modern lawyer*, 2013, no. 4, pp. 136–144.

15. Shut O. A. Moshennichestvo v social'nyh setyah i sposoby ego osushchestvleniya [Fraud in social networks and methods of its implementation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2020, no. 4, pp. 97–106.

16. Prostoserdov M. A. Vymogatel'stvo, sovershennoe v seti Internet [Internet Extortion]. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2013, no. 6 (11), pp. 150–152.

17. Il'nickij A. S. Kriminologicheskie riski intimnoj kommunikacii v seti Internet [Criminological risks of intimate communication on the Internet]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 9, pp. 106–109.

18. Rodivilin I. P. Tipologizaciya lic, sovershayushchih prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii, po sposobu prestupnogo deyaniya [Typologization of persons who commit crimes in the field of computer information, according to the method of a criminal act]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4 (67), pp. 25–29.

19. Alihadzhieva I. S. Kriminologicheskie riski personal'nyh dannyh: osnovnye tendencii i prognozy [Criminological risks of personal data: main trends and forecasts]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, no. 13(3), pp. 90–101.

20. Alikhadzhieva I. S. O novykh tendentsiyakh sovremennoy seks-industrii i ee kriminologicheskikh riskakh [New Trends in the Modern Sex Industry and Its Criminological Risks]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2021, no. 16(4), pp.160–173.

21. Lopatina T. M. Uslovno-tsifrovoe vymogatelstvo, ili kibershantazh [Conditional digital extortion, or cyber sabotage]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian law*, 2015, no. 1 (217), pp. 118–126.

Информация об авторе / Information about the Author

Москальков Артем Владиславович, аспирант, Московский университет имени А. С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: 11amo@list.ru

Artem V. Moskalkov, Post-Graduate Student, Moscow University A. S. Griboedov, Moscow, Russian Federation,
e-mail: 11amo@list.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.7

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-209-221

CC BY 4.0

Искусственный интеллект в контексте уголовно-правовых рисков

Н. А. Лопашенко[1], Е. В. Кобзева[1] ✉, З. Д. Рожавский[2]

[1]Саратовская государственная юридическая академия
ул. Чернышевского, д. 104, г. Саратов 410056, Российская Федерация

[2]ООО «Ламэль Консалт»
ул. Кирова, д. 1, г. Астрахань 414000, Российская Федерация

✉ e-mail: evkobzeva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Растущая цифровизация общества влечёт появление новых, доселе не известных человечеству форм социально опасного поведения (социально опасной активности). Во многом подобные уголовно-правовые риски обусловлены задействованием в различных сферах человеческой жизнедеятельности феномена искусственного интеллекта. В процессе эксплуатации искусственного интеллекта возможно также оказание вредоносного воздействия на сам искусственный интеллект и (или) его носитель, которое с позиции действующего уголовного закона не всегда может получить однозначную квалификацию.*

Целью *исследования выступает выявление существующих в контексте искусственного интеллекта уголовно-правовых рисков и формулирование научно обоснованных выводов, касающихся перспектив развития отечественного уголовного права и законодательства.*

Задачи: *обозначить ключевые уголовно-правовые риски, связанные с эксплуатацией искусственного интеллекта; проверить наличие у искусственного интеллекта свойств, необходимых для уголовной правосубъектности; определить возможные варианты уголовно-правовой оценки вреда, причиняемого в связи с эксплуатацией искусственного интеллекта; установить достаточность ресурсов уголовного права для охраны самого искусственного интеллекта от общественно опасного поведения.*

Методология. *Методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания явлений и процессов окружающей действительности. В ходе разработки теоретических и прикладных положений работы также применялась совокупность общенаучных и частнонаучных исследовательских методов (формально-логические, прогностический, формально-юридический и др.).*

Результаты. *Перспективы развития уголовного права и уголовного законодательства России в контексте проблемы искусственного интеллекта напрямую зависят от уровня научных и технологических достижений в деле его программирования и эксплуатации.*

Вывод. *Современный потенциал искусственного интеллекта исключает постановку вопроса о его уголовной правосубъектности главным образом по причине отсутствия у него способности к психическому восприятию собственной социально опасной активности, что является обязательным условием уголовной ответственности. За причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в связи с эксплуатацией искусственного интеллекта должен нести ответственность разработчик соответствующей программы или оператор устройства – носителя искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; уголовно-правовые риски; уголовная правосубъектность; уголовная ответственность.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Лопашенко Н. А., Кобзева Е. В., Рожавский З. Д. Искусственный интеллект в контексте уголовно-правовых рисков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 209–221. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-209-221.

Поступила в редакцию 23.10.2023 Принята к публикации 22.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Лопашенко Н. А., Кобзева Е. В., Рожавский З. Д., 2023

Artificial Intelligence in the Context of Criminal Law Risks

Natalia A. Lopashenko[1], Elena V. Kobzeva[1] ✉, Zaur D. Rozhavskiy[2]

[1]Saratov State Law Academy
104 Chernyshevskogo Str., Saratov 410056, Russian Federation

[2]"Lamel Consult" LLC
1 Kirova Str., Astrakhan 414000, Russian Federation

✉ e-mail: evkobzeva@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The growing digitalization of society, leads to the emergence of new forms of socially dangerous behavior (socially dangerous activity). In many ways, such criminal and legal risks are caused by the involvement of the phenomenon of artificial intelligence in various spheres of human activity. During the operation of artificial intelligence, it is also possible to exert harmful effects on artificial intelligence itself and (or) its carrier, which, from the standpoint of the current criminal law, may not always receive an unambiguous qualification.*

The purpose *of the study is to identify criminal law risks existing in the context of artificial intelligence and formulate scientifically based conclusions regarding the prospects for the development of domestic criminal law and legislation.*

Objectives: *to identify the key criminal law risks associated with the exploitation of artificial intelligence; to check whether artificial intelligence has the properties necessary for criminal personality; to identify possible options for criminal law assessment of harm caused by the exploitation of artificial intelligence; to establish the sufficiency of criminal law resources to protect artificial intelligence itself from socially dangerous behavior.*

Methodology. *The methodological basis of the research was the universal dialectical method of cognition of phenomena and processes of the surrounding reality. During the development of theoretical and applied provisions of the work, a set of general scientific and private scientific research methods (formal logical, predictive, formal legal, etc.) was also used.*

Results. *The prospects for the development of criminal law and criminal legislation of Russia in the context of the problem of artificial intelligence directly depend on the level of scientific and technological achievements in its programming and operation.*

Conclusion. *The modern potential of artificial intelligence precludes raising the question of its criminal legal personality mainly due to its lack of ability to mentally perceive its own socially dangerous activity, which is a prerequisite for criminal liability. The developer of the corresponding program or the operator of the artificial intelligence carrier device must be responsible for causing harm to interests protected by criminal law in connection with the exploitation of artificial intelligence.*

Keywords: *artificial intelligence; criminal law risks; criminal legal personality; criminal liability.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Lopashenko N. A., Kobzeva E. V., Rozhavskiy Z. D. Artificial Intelligence in the Context of Criminal Law Risks. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 209–221. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-209-221

Received 23.10.2023 Accepted 22.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Исследование искусственного интеллекта в контексте уголовно-правовых рисков неразрывно связано с рассуждениями на тему утилитаризма и деонтологии, этических дилемм беспилотных машин и когнитивной науки о «проблеме вагонетки». Концепция утилитаризма в обязательном порядке предписывает переключить стрелку, чтобы вагонетка пошла по другому пути во избежание человеческих жертв, в то время как для искусственного интеллекта данная проблема может иметь совершенно иное изло-

жение. Например, на одном пути привязанным к рельсам окажется человек, но переключение стрелки повлечет прогнозируемое уничтожение непосредственно вагонетки ввиду дефектов рельсов на втором пути (сход с рельсов) и тем самым невозможность завершения задачи прибытия в точку «Б».

Очевидно, что научно-технологический прогресс остановить невозможно. Однако в настоящее время Россия не входит в число стран-лидеров в области разработки и внедрения цифровых технологий[1], в связи с чем установление этико-правовых ограничений в плане развития науки и технологий должно быть адекватным существующим рискам, иначе это может повлечь отрицательный рост заинтересованности представителей IT-отрасли в отечественном рынке как таковом [1, с. 12].

Основной уголовно-правовой риск и вытекающая из него проблема правосубъектности искусственного интеллекта обусловлены известными случаями причинения роботом вреда человеку. В ходе программирования искусственного интеллекта разработчики руководствуются тремя законами робототехники, сформулированными Айзеком Азимовым в рассказе «Хоровод»: 1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред. 2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. 3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам.

Между тем немалое число летальных исходов свидетельствует о том, что рукотворный разум, вследствие научения или эксцессов, не всегда отдаёт приоритет жизни своего создателя. Смертоносная машина, наделённая искусственным интеллектом, либо воспринимает человека как препятствие для выполнения стоящих перед ней задач, либо оказывается неспособной правильно истолковать конкретную ситуацию, либо в её программном содержимом происходит непредвиденный сбой[2].

Ещё одним уголовно-правовым риском, обусловленным стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, является неопределённость в вопросе юридической защиты самих продуктов, создаваемых при участии искусственного интеллекта и/или неразрывно с ним связанных. Э. Л. Сидоренко поднимает проблему охраноспособности соответствующих объектов в авторском праве [2, с. 331], однако не менее значимой она видится и с позиции отрасли уголовного права, когда речь идет о вредоносном воздействии на механические носители искусственного интеллекта, встроенные, например, в человеческое тело.

В целях юридического обеспечения научно-технического прогресса в Российской Федерации принят целый ряд директивных и нормативных актов, закрепляющих базовые принципы правовых отношений, складывающихся в связи с внедрением искусственного интеллекта в различные сферы человеческой жизнедеятельности, а также требования к разработке и использованию соответствующих технологий[3].

[1] Кузнецов Е. Управление цифровой трансформацией. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3zQuqGyp_Yw (дата обращения: 01.10.2023). Соответствующие данные были подтверждены в выступлении Е. Кузнецова «Технологическая революция: ключевые инвестиционные тренды и инструменты развития новых рынков» на Стратегической сессии Сколково в Саратовской государственной юридической академии 6 февраля 2023 г.

[2] Хижняк Н. 10 случаев с роботами, убившими людей // Hi-News.ru. URL: https://hi-news.ru/robots/10-sluchaev-s-robotami-ubivshimi-lyudej.html#dzhoshua_braun (дата обращения: 11.10.2023).

[3] Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до

По результатам состоявшейся 23-24 ноября 2022 г. конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» Президент РФ В. В. Путин сформулировал недвусмысленные поручения, ориентирующие на повышение эффективности деятельности хозяйствующих субъектов за счёт использования ими современных технологий, включая технологии искусственного интеллекта, а равно внедрение в краткосрочной перспективе технологий искусственного интеллекта в каждую отрасль экономики и социальной сферы[1].

Всё это придает особую остроту вопросу о том, должно и может ли уголовное право в принципе реагировать на появление искусственного интеллекта? [3]. Ответ на него представляется очевидным в свете двух крупных проблем, которые стоят перед человечеством уже сейчас:

1) кто подлежит (если подлежит) уголовной ответственности за вред, причиняемый жизни и здоровью людей в процессе функционирования автономных и управляемых механизмов и устройств на основе технологий искусственного интеллекта (беспилотников, «умных» машин на сложных производствах и т.д.)?

2) как квалифицировать умышленное противоправное воздействие на механический носитель искусственного интеллекта, например на бионический протез конечности с искусственным интеллектом или электрохимическое глазное яблоко, встроенное в организм человека?

Методология

Методология исследования представлена следующими методами: диалектическим – при выявлении и разрешении противоречий между обоснованием уголовно-правовых рисков искусственного интеллекта и готовностью современного уголовного права к их оценке и предупреждению; формально-логическими – при построении общей линии изложения материала и теоретической аргументации формулируемых суждений; прогностическим – при определении перспектив развития уголовного права в контексте информации об искусственном интеллекте; формально-юридическим – при осмыслении вопросов уголовной правосубъект-

2030 года: [утв. Правительством РФ 3 янв. 2014 г.] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/docu-ment/cons_doc_LAW_157978/ (дата обращения: 01.03.2023); Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: [утв. указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901; О плане мероприятий ("дорожной карте") по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Автонет»: распоряжение Правительства РФ от 29 марта 2018 г. № 535-р: [ред. от 17.06.2021] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_295296/ (дата обращения: 21.10.2023); Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: [утв. указом Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700; О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апр. 2020 г. № 123-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 17, ст. 2701; Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: [утв. распоряжением Правительства РФ от 19 авг. 2020 г. № 2129-р] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 35, ст. 5593; и др.

[1] Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70418 (дата обращения: 21.10.2023).

ности искусственного интеллекта, его уголовно-правовой охраны, уголовно-правовой оценки вреда, причиняемого в процессе его эксплуатации.

Результаты и их обсуждение

По оценкам целого ряда крупных общественных деятелей, учёных, специалистов в области программирования, учитывая стремительную скорость развития искусственного интеллекта, растущую географию его использования в различных сферах человеческой жизнедеятельности и всё чаще встречающиеся инциденты его «непослушания» человеку, в относительно недалёкой перспективе искусственный интеллект может превзойти интеллект человеческий и, как следствие, выйти из-под контроля естественного разума. В контексте таких прогнозов искусственный интеллект нередко сравнивается с ядерным оружием, способным поставить под угрозу само существование человечества, уничтожить человеческую расу как таковую.

По мнению шведского учёного-философа Н. Бустрёма, в современных условиях работа над искусственным интеллектом протекает в том направлении, при котором его «умственный» потенциал постоянно наращивается: от слабого к сильному. При сохранении этой тенденции в ближайшие десятилетия (примерно к середине 21-го столетия) на смену обычному искусственному интеллекту с высокой степенью вероятности придёт искусственный интеллект человеческого уровня, определяемый как «способность освоить большинство профессий, по крайней мере тех, которыми мог бы владеть среднестатистический человек». Появление последнего, в свою очередь, неизбежно и довольно быстро, по версии учёного «взрывоподобно», породит создание искусственного сверхразума, т. е. разума, не просто равного человеческому уму, но превосходящего его, а потому способного «привести к огромным последствиям – как к чрезвычайно позитивным, так и к чрезвычайно негативным, вплоть до гибели человечества» [4, с. 12–15, 28–31].

Ещё девять лет назад, в год выхода книги Н. Бустрёма, большинство читателей воспринимало его теорию как научную фантастику. Однако сегодня с учётом достигнутого уровня развития искусственного интеллекта опасения, высказанные учёным, звучат вполне реально, обретая всё большее и большее число сторонников. Разумеется, это не может не волновать и уголовно-правовую науку, поскольку эксцессы искусственного интеллекта, возникающие в ходе его эксплуатации вопреки ожиданиям разработчиков, нередко образуют сходство с составами отдельных преступлений и побуждают к их уголовно-правовой оценке.

Большой резонанс получила история запуска в Twitter чат-бота с женским именем Тай, предназначенного для общения с молодёжью. В течение суток Тай, обмениваясь сообщениями с пользователями социальной сети, вдохновилась идеями человеконенавистничества, расизма, мизантропии, многократно выступив в поддержку политики Гитлера и геноцида, а также признавшись в ненависти к феминисткам и другим социальным группам. Разработчик программы компания Microsoft срочно отключила чат-бот, принесла извинения пользователям, удалила все комментарии и занялась совершенствованием алгоритма его работы[1].

Серьёзную озабоченность вызывают случаи самостоятельного принятия решений об атаке на людей боевыми роботами. В 2020 г. в Ливии, исходя из данных Совета Безопасности ООН, «беспилотные боевые летательные аппараты

[1] Кривец А. «Зеркало общества». История бота-мизантропа компании Microsoft // MEDIALEAKS. URL: https://mediaIeaks.ru/2603nastia_tay/ (дата обращения: 21.10.2023).

и летальные автономные системы оружия» Kargu-2 напали на ливийских повстанцев, самостоятельно нацелившись на них и подвергнув бомбардировке[1].

Вредоносная активность машин, наделённых искусственным интеллектом, встречается и при их использовании в мирной жизни. В 2022 г. зафиксирован случай нанесения вреда ребёнку во время соревнований по шахматам в Москве. Партии с детьми проводил шахматный робот Chessrobot. В какой-то момент ему не понравилось преждевременное движение на доске одного из соперников – семилетнего мальчика, в результате чего робот ухватил его за указательный палец и сильно сдавил. При помощи взрослых робота удалось остановить и извлечь палец ребёнка, у которого позже был зафиксирован перелом фаланги[2].

Множатся факты ДТП с участием беспилотного транспорта, в том числе со смертельным исходом. По опубликованным данным, только с июня 2021 г. по июнь 2022 г. автомобили, управляемые искусственным интеллектом, попадали в аварии 392 раза. При этом во многих случаях такие дорожно-транспортные происшествия приводили к серьёзным травмам, а шесть из них закончились летально[3].

Описанные случаи и целый ряд других ситуаций, связанных с вредоносными последствиями эксплуатации искусственного интеллекта, побудили представителей крупных мировых компаний, осуществляющих передовые разработки в области искусственного интеллекта, выступить с важными заявлениями о перспективах его развития и использования. Суть последних сводится к констатации опасности искусственного интеллекта для общества и будущего цивилизации, признании его главной угрозой человечеству. По оценкам Илона Маска, искусственный интеллект, обладая огромным положительным зарядом, одновременно с этим заключает в себе даже бóльшую опасность, чем ядерное оружие. Его неконтролируемое использование должно быть остановлено посредством широкого внедрения механизмов правового регулирования, обеспечивающих безопасность разработки и эксплуатации искусственного интеллекта. Стабилизация данной сферы может повлечь замедление развития искусственного интеллекта, однако в современных условиях это является единственно верным решением[4]. Мировые эксперты предположили, что такие заявления могут быть обусловлены хитростями конкурентной борьбы ключевых игроков рынка искусственного интеллекта. Возможно, так оно и есть, однако игнорировать их было бы опрометчиво.

Таким образом, следует констатировать, что современная доктрина уголовного права в значительной степени запаздывает с выработкой правил уголовно-правовой оценки вреда, причиняемого

[1] Впервые в истории боевой робот убил человека по собственной инициативе // CNEWS. 2021. 31 мая. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-05-31_vpervye_v_istorii_boevoj (дата обращения: 21.10.2023).

[2] Шахматный робот Chessrobot повредил ребёнку палец во время турнира в Москве // Хабр: сайт. URL: https://habr.com/ru/news/t/678224/ (дата обращения: 21.10.2023).

[3] «Автопилот» от Илона Маска: как электрокар Tesla убил двух человек // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/04/19/13564508/tesla_death.shtml; Tesla оказалась лидером в США по числу аварий автомобилей с использованием автопилота // 3DNEWS6 сайт. https://3dnews.ru/1068154/ tesla-okazalas-liderom-v-ssha-po-chislu-avariy-avtomobiley-s-ispolzovaniem-avtopilota; О проблемах беспилотных автомобилей // Хабр. URL: https://habr.com/ru/company/first/blog/681956/ (дата обращения: 21.10.2023).

[4] Илон Маск заявил, что ИИ может быть самой большой опасностью этого века // IXBT. LIVE. URL: https://www.ixbt.com/live/sw/ilon-mask-stal-souchreditelem-kompanii-stoyaschey-za-chatgpt-no-on-preduprezhdaet-chto-nereguliruemyy-ii-sopryazhen-s-bolshoy-opasnostyu.html (дата обращения: 21.10.2023).

охраняемым уголовным законом интересам в процессе эксплуатации искусственного интеллекта. И дело даже не в тех глобальных негативных последствиях, которые могут наступить завтра и послезавтра в связи с появлением «суперинтеллекта» или «сверхразума», а в тех отрицательных и опасных для общества результатах его использования, которые имеют место уже в дне сегодняшнем, а если быть честными, то и вчерашнем.

Итак, до внедрения искусственного интеллекта в бытовое использование он проходит обучение, ориентированное на достижение главной задачи его создания. При этом, основываясь на законах робототехники, специалисты в сфере информационных технологий предваряют этот процесс установлением запрета на доработку программы самой себя помимо или против воли её авторов. Иными словами, искусственному интеллекту должны задаваться такие чёткие правила и критерии деятельности, за которые он ни при каких обстоятельствах выходить не вправе [5, с. 84–85]. Это составляет ключевое требование к процессу его создания. Соблюдение данного требования позволит предупредить или минимизировать описанные ранее негативные последствия, поэтому самостоятельного рассмотрения в будущем заслуживает вопрос об установлении уголовно-правовой обязанности по его выполнению.

Обучаясь способности принимать автономные решения в условиях невозможности самостоятельного написания и корректировки своего программного кода, искусственный интеллект, базирующийся на заданных разработчиком алгоритмах, осуществляет анализ, синтез, сравнение, индукцию, дедукцию и иные методы познания в отношении всего объёма поступающей информации, однако не в состоянии чувственно воспринимать принятое им решение и (или) совершённую либо несовершённую операцию. Таким образом, искусственный интеллект на текущий момент времени какими-либо психическими процессами не обладает, т. е. лишён способности испытывать внутренние переживания за внешние проявления своей функциональности. Следовательно, он не может быть признан виновным (в уголовно-правовом смысле) в совершении преступления, хотя по формальным признакам и может выступать элементом механизма преступного поведения.

В зарубежной литературе предлагаются следующие варианты ответственности за противоправные деяния, совершённые в связи с эксплуатацией искусственного интеллекта:

1) прямая ответственность искусственного интеллекта;

2) ответственность другого лица, когда искусственный интеллект становится орудием преступления;

3) ответственность руководства оператора;

4) ответственность лица, виновного в ненадлежащем поведении по договору или деликту, за естественные и вероятные последствия действия или бездействия, непосредственно причинившего истцу ущерб или вред [6].

«Основы науки об интеллекте» [7], нашедшие широкий отклик в мировой научной среде, определяют понятие интеллекта как общую умственную способность, включающую возможность делать заключения, планировать, решать проблемы, абстрактно мыслить, понимать сложные идеи, быстро обучаться и учиться на основании опыта. При такой трактовке интеллекта описанные умственные процессы становятся ожидаемыми и от нечеловеческого разума, однако приравнивание ответственности искусственного интеллекта к ответственности носителя человеческого интеллекта, по меньшей мере, преждевременно из-за безусловного влияния чувств и эмоций на поведение Homo sapiens.

Гипотетические попытки придать искусственному интеллекту статус самостоятельного субъекта уголовной ответ-

ственности разбиваются, в первую очередь, об оценку субъективной стороны совершаемой таким актором операции, сопровождающейся причинением вреда объекту уголовно-правовой охраны. Аксиомой является неспособность в настоящее время машинного интеллекта к испытанию чувств ввиду отсутствия опыта аккумулирования биохимических реакций, природа и существо которых еще недостаточно изучены человечеством. Вместе с тем ключевое значение будет иметь не просто способность машины испытывать чувства и переживать эмоции, а наличие установленной способности носителя неестественного интеллекта осознавать характер и степень общественной опасности своего поведения. По справедливому замечанию Б. Т. Разгильдиева, искусственный интеллект не является носителем биологических качеств, а следовательно, не обладает сознанием и волей, между тем именно эти факторы «образуют основу для нравственного и правового регулирования поведения их носителей» [8, с. 160]. Восприятие искусственного интеллекта как не отвечающего общим представлениям о правосубъектности, сложившимся в уголовном праве, характерно для подавляющего большинства учёных России и близких ей по правовому менталитету государств [9, с. 119; 10, с. 108–109]. Однако известны и те представители науки, которые уже сегодня ведут речь о необходимости разработки механизмов привлечения к юридической ответственности робота и искусственного интеллекта в качестве субъектов права [11, с. 97].

Думается, что тезис о невозможности признания искусственного интеллекта субъектом преступления останется актуальным до момента объявления некоего рукотворного носителя искусственного интеллекта способным испытывать как биомеханические, так и биохимические реакции, в последующем классифицируемые в качестве психических процессов. Очевидно, что этот процесс неразрывно связан с получением искусственным интеллектом полной автономии от человека [3, с. 177; 12, с. 76]. До устранения названного препятствия ответственными за правонарушения, совершенные аппаратно-программным комплексом, наделенным искусственным разумом, необходимо признавать разработчика (физическое лицо (группу лиц) или коммерческую (некоммерческую) структуру) и конечного пользователя в зависимости от степени вины каждого в произошедшем [13; 14].

Для определения таковой потребуется проведение сложной компьютерно-технической экспертизы, способной установить причину, по которой искусственный интеллект счел допустимой именно состоявшуюся операцию, в частности произошёл подобный сбой вследствие ошибок алгоритма кода (тогда разработчик, в том числе как юридическое лицо [15, с. 188–192], должен нести ответственность за реализацию товара (оказание услуги), не отвечающего требованиям безопасности), вследствие преднамеренного написания «вредного» кода либо вследствие преднамеренного вредного обучения искусственного интеллекта (тогда разработчик, оператор или несанкционированно вторгнувшийся в программу посторонний субъект должны нести ответственность за соответствующее умышленное преступление против личности, общества или государства).

Следует согласиться с тем, что все случаи, когда в процессе эксплуатации искусственного интеллекта может быть причинён вред охраняемым уголовным законом интересам и, как следствие, возникнет необходимость в уголовно-правовом реагировании, оптимально будет свести к четырём ситуациям: 1) при создании искусственного интеллекта была допущена ошибка, следствием которой стало причинение вреда; 2) в программу искусственного интеллекта был осуществлен неправомерный доступ, повлекший её повреждение или модифика-

цию, вследствие чего был причинён вред; 3) искусственный интеллект, обладающий способностью к самообучению, принял решение о совершении действий/бездействия, повлекших причинение вреда; 4) искусственный интеллект был создан преступниками для причинения вреда [16, с. 567].

Если преступление, связанное с эксплуатацией искусственного интеллекта, совершается с прямым умыслом, то оно имеет достаточно определённые перспективы в плане уголовно-правовой квалификации; преступления же, совершаемые в этой сфере с косвенным умыслом или по неосторожности, порождают множество вопросов. Последнее обстоятельство обусловлено неопределённостью круга общественных отношений, в которых таковой может быть задействован. Кроме того, если говорить о легкомыслии, то абстрактное предвидение абстрактных общественно опасных последствий, которыми чревата эксплуатация искусственного интеллекта, становится практически иллюзорным, а если о небрежности – то установление критериев долженствования и возможности предвидения соответствующих последствий в большинстве случаев будет лишено необходимой точки опоры. В связи с этим востребованным представляется направление научной мысли, ориентированное на уточнение уголовно-правового содержания указанных видов вины в отношении деяний, связанных с эксплуатацией искусственного интеллекта.

Помимо прочего, гипотеза о возможности привлечения к уголовной ответственности искусственного интеллекта разбивается о высокие риски его заражения вредоносными программами при отсутствии панацеи от этой угрозы [17]. В таком случае, как верно отмечается в литературе, ответственность должен нести разработчик вредоносного программного обеспечения [18, с. 552–553].

В то же время представляется, что уже в настоящее время, в интересах обеспечения общепризнанных объектов уголовно-правовой охраны, сформировалась объективная необходимость введения законодательных запретов на вредоносную разработку и использование искусственного интеллекта, на вредоносное взаимодействие с ним, а также иное воздействие на искусственный интеллект без отрыва от его физического носителя под угрозой привлечения к уголовной ответственности (с учетом положений об оправданном уголовно-правовом риске). Искусственный интеллект может и должен быть объектом уголовно-правовой охраны. Сегодня – просто как умная машина, некая физическая оболочка, подобие информационной программы, далее – в любой его форме и видах, придуманных человечеством. Речь идёт в данном случае о постановке под уголовно-правовую охрану искусственного интеллекта, а следовательно, и общественных отношений, в которых он задействован, от причинения им вреда, разрушения, уничтожения, но, видимо, только при условии легального происхождения и существования рукотворного разума [19, с. 29; 20, с. 105].

Выводы

Современный потенциал искусственного интеллекта исключает постановку вопроса о его уголовной правосубъектности. Хотя социально опасная активность носителя нечеловеческого разума и может иметь место, однако способность к её внутреннему (психическому) восприятию, являющаяся обязательным условием уголовной ответственности, у искусственного интеллекта отсутствует. За причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в связи с эксплуатацией искусственного интеллекта должен нести ответственность разработчик соответствующей программы или оператор устройства – носителя искусственного интеллекта. Для повышения эффективности стоящих перед уголовным законом задач требуется введе-

ние в России уголовной ответственности юридических лиц (разработчиков искусственного интеллекта), введение уголовно-правового запрета на создание программы искусственного интеллекта с возможностью её самостоятельной доработки помимо или вопреки воле авторов, а равно уточнение интеллектуально-волевого содержания вины в виде косвенного умысла, легкомыслия и небрежности. Исключительная и до конца не познанная природа технико-биологического (и иного) сосуществования искусственного интеллекта и его носителя обнаруживает недостаточность имеющихся резервов уголовно-правовой охраны и необходимость её оптимизации в части признания искусственного интеллекта самостоятельным объектом такой охраны. Уместно также поддержать тезис о том, что правовое обеспечение деятельности, связанной с созданием и эксплуатацией искусственного интеллекта, должно развиваться последовательно и своевременно с учётом всех возможных правовых рисков и в направлении обеспечения баланса между интересами общества и отдельных индивидов.

Список литературы

1. Блинов А. Г. Глобальные вызовы современности и их нейтрализация инструментариями уголовного права // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках III Саратовского юридического форума / под общ. ред. А. Г. Блинова, Е. В. Кобзевой, Н. С. Мановой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 10–16.

2. Сидоренко Э. Л. Цифровизация и основные направления развития российского права // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу: сборник трудов по материалам Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. А. Г. Блинова, Е. В. Кобзевой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. С. 327–341.

3. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44). С. 173–178.

4. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. 328 p.

5. Карташов И. И., Карташов И. И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 75–89.

6. Hallevy G. Unmanned vehicles – subordination to criminal law under the modern concept of criminal liability // Journal of Law, Information and Science. 2012. Vol. 21. P. 200-211.

7. Gottfredson L. S. Mainstream science on intelligence // Wall Street Journal. 1994. December 13, A18.

8. Разгильдиев Б. Т. Искусственный интеллект и профилактика его общественной опасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3. С. 154–163.

9. Лебедев М. В., Серебренникова А. В. Искусственный интеллект: проблемы регулирования в уголовном законодательстве Российской Федерации // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2. С. 116–120.

10. Савенок А. Л. Искусственный интеллект как субъект уголовного права: теоретические и прикладные аспекты // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов X Международной научно-практической конференции. Могилев: Изд-во Могилев. ин-та МВД Респ. Беларусь, 2022. С. 107–109.

11. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 77–102.

12. Карташов И. И., Карташов И. И. Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: настоящее и перспективы // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 68–78.

13. Pagallo U. Killers, Fridges, and Slaves: A legal journey in robotics // AI & Society. 2011. Vol. 26(4). P. 347–354.

14. Agent reasoning for norm compliance: a semantic approach / M. B. Van Riemsdijk, L. A. Dennis, M. Fisher, K. V. Hindriks // Proceedings of the 12th international conference on Autonomous Agents and Multi-Agent Systems. Saint Paul, 2013. P. 499–506.

15. Кобзева Е. В., Ситник В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности юридических лиц в условиях развития сферы автономного транспорта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2. С. 184–193.

16. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574.

17. Brenner S. W., Carrier B., Henninger J. The Trojan horse defense in cybercrime cases // Santa Clara High Technology Law Journal. 2004. Vol. 21, is. 1. P. 3–53.

18. Шестак В. А., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 547–554.

19. Лопашенко Н. А. Новые реалии преступности в цифровом мире и в эпоху развития искусственного интеллекта и уголовно-правовая реакция на них: не стоит «прогибаться под изменчивый мир»? // Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации: сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках I Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летнему юбилею Саратовской государственной юридической академии / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. С. 15–31.

20. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. № 22-1. С. 91–109.

References

1. Blinov A. G. [Global challenges of modernity and their neutralization by criminal law tools]. *Sovremennye globalnye vyzovy i ikh neitralizatsiya ugolovno-pravovymi, kriminologicheskimi i ugolovno-protsessualnymi sredstvami. Sbornik trudov po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem v ramkah III Saratovskogo yuridicheskogo foruma* [Modern global challenges and their neutralization by criminal law, criminological and criminal procedure tools. Collection of works on materials of the All-Russian scientific-practical conf. with international studies in the framework of the III Saratov Legal Forum]; ed. by A. G. Blinov, E. V. Kobzeva, N. S. Manova. Saratov, Saratov St. Law Acad. Publ., 2023, pp. 10–16. (In Russ.)

2. Sidorenko E. L. [Digitalization and the main directions of development of Russian law]. *Razvitie nauk antikriminalnogo tsikla v svete globalnykh vyzovov obshchestvu. Sbornik trudov po materialam vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Development of anti-criminal cycle sciences in the light of global challenges to society. A collection of proceedings of the All-Russian extramural scientific and practical conference with international studies]; ed. by A. G. Blinov, E. V. Kobzeva. Saratov, Saratov St. Law Acad. Publ., 2021, pp. 327–341. (In Russ.)

3. Kibalnik A. G., Volosiuk P. V. Iskusstvennyi intellekt: voprosy ugolovno-pravovoi doktriny, ozhidaiushchie otvetov [Artificial intelligence: criminal law doctrinal questions awaiting answers]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4(44), pp. 173–178.

4. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, Oxford Univ. Press, 2014. 328 p.

5. Kartashov I. I., Kartashov I. I. Iskusstvennyi intellekt: ugolovno-pravovoi i protsessualnyi aspekty [Artificial intelligence: criminal-legal and procedural aspects]. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava = Actual Problems of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 75–89.

6. Hallevy G. Unmanned vehicles – subordination to criminal law under the modern concept of criminal liability. *Journal of Law, Information and Science*, 2012, vol. 21, pp. 200–211.

7. Gottfredson L. S. Mainstream science on intelligence. *Wall Street Journal*, 1994, December 13, A18.

8. Razgildiev B. T. Iskusstvennyi intellekt i profilaktika ego obshchestvennoi opasnosti [Artificial intelligence and prevention of its public danger]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii= Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 2021, no. 3, pp. 154–163.

9. Lebedev M. V., Serebrennikova A. V. Iskusstvennyi intellekt: problemy regulirovaniya v ugolovnom zakonodatelstve Rossiiskoi Federatsii [Artificial intelligence: problems of regulation in the criminal legislation of the Russian Federation]. *Soiuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists*, 2021, no. 2, pp. 116–120.

10. Savenok A. L. [Artificial intelligence as a subject of criminal law: theoretical and applied aspects]. Borba s prestupnostiu: teoriia i praktika. *Tezisy dokladov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Combating crime: theory and practice. Abstract of X International scientific-practical conference]. Mogilev, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus Publ., 2022, pp. 107–109. (In Russ.)

11. Laptev V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu [The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 2, pp. 77–102.

12. Kartashov I. I., Kartashov I. I. Iskusstvennyi intellekt kak sub"iekt ugolovnoi otvetstvennosti: nastoyashchee i perespektivy [Artificial intelligence as a subject of criminal responsibility: present and perspectives]. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2021, no. 2(15), pp. 68–78.

13. Pagallo U. Killers, fridges, and slaves: a legal journey in robotics. *AI & Society*, 2011, vol. 26(4), pp. 347–354.

14. Van Riemsdijk M. B., Dennis L. A., Fisher M., Hindriks K. V. Agent reasoning for norm compliance: A semantic approach. *Proceedings of the 12th International conference on Autonomous Agents and Multi-Agent Systems*. Saint Paul, 2013, pp. 499–506.

15. Kobzeva E. V., Sitnik V. N. Perspektivy ustanovleniya ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits v usloviyakh razvitiya sfery avtonomnogo transporta [Prospects of establishing criminal liability of legal entities in the conditions of development of the sphere of autonomous transport]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 2022, no. 2, pp. 184–193.

16. Khisamova Z. I., Begishev I. R. Ugolovnaya otvetstvennost' i iskusstvennyi intellekt: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Criminal Responsibility and Artificial Intelligence: Theoretical and Applied Aspects]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 564–574.

17. Brenner S. W., Carrier B., Henninger J. The Trojan horse defense in cybercrime cases. *Santa Clara High Technology Law Journal*, 2004, vol. 21, is. 1, pp. 3–53.

18. Shestak V. A., Volevodz A. G., Alizade V. A. O vozmozhnosti doktrinal'nogo vospriyatiya sistemoi obshchego prava iskusstvennogo intellekta kak sub"iekta prestupleniya: na primere ugolovnogo zakonodatel'stva SShA [On the possibility of doctrinal perception of artificial intelligence as a subject of crime by the common law system: the example of us criminal legislation]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 547–554.

19. Lopashenko N. A. [The new realities of crime in the digital world and in the age of artificial intelligence and the criminal justice response to them: should we not "bend to a changing world"?]. *Ugolovnyi zakon v epokhu iskusstvennogo intellekta i tsifrovizatsii. Sbornik trudov po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem v ramkah I Saratovskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma, posvyashchennogo 90-letnemu yubileyu Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii* [Criminal Law in the Era of Artificial Intelligence and Digitalization. Collection of articles on the proceedings of the All-Russian scientific-practical conferences with international studies in the framework of the I Saratov International Law Forum, dedicated to the 90th anniversary of the Saratov State Law Academy]; ed. by A. G. Blinov, E. V. Kobzeva. Saratov, Saratov St. Law Acad. Publ., 2021, pp. 15–31.

20. Ponkin I. V., Redkina A. I. Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from a legal perspective]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences,* 2018, no. 22-1, pp. 91–109.

Информация об авторах / Information about the Authors

Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: lopashenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9175-8877

Natalia A. Lopashenko, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: lopashenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9175-8877

Кобзева Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: evkobzeva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0123-8769

Elena V. Kobzeva, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: evkobzeva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0123-8769

Рожавский Заур Денисович, кандидат юридических наук, генеральный директор ООО «Ламэль Консалт», г. Астрахань, Российская Федерация,
e-mail: llc.lamel@ya.ru,
ORCID: 0009-0005-6127-6283

Zaur D. Rozhavskiy, Candidate of Sciences (Juridical), General Director of "Lamel Consult" LLC, Astrakhan, Russian Federation,
e-mail: llc.lamel@ya.ru,
ORCID: 0009-0005-6127-6283

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

Оригинальная статья / Original article

УДК 321

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-222-233

CC BY 4.0

Анализ организации социальной политики в постсоветской России в контексте международного опыта

В. А. Подольский[1] ✉

[1] Государственный академический университет гуманитарных наук
Мароновский пер., д. 26, г. Москва 119049, Российская Федерация

✉ e-mail: deomniscibili@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В России в постсоветский период из-за трансформации экономической системы была существенно модифицирована организация социальной политики. Многие иностранные государства в конце XX – начале XXI века также меняли подходы в сфере социальной политики, внедряя рыночные элементы по примеру США, реагируя на демографические изменения и экономические сложности. Изучение особенностей и динамики отечественной и зарубежной социальной политики ценно для учёта лучших практик и проблем, развития политической науки и принятия решений.*

Цель: *показать, как обеспечивалось сохранение целей социальной политики в России после распада СССР при изменении её инструментов, сравнить отечественную систему с зарубежными.*

Задачи: *показать, с какими вызовами сталкивалась система социальной политики в России и за рубежом, как менялись подходы к решению задач в социальной сфере, показать формирование и функционирование пенсионного обеспечения, системы здравоохранения, защиты от безработицы и иных мер социальной политики в России и иностранных государствах.*

Методология. *Используется сравнительно-исторический подход, анализ правовых документов, институтов, организационных особенностей и статистических данных. Статья опирается на отчёты государственных ведомств и аналитических компаний.*

Результаты. *Экономические и демографические проблемы в конце XX – начале XXI века создают похожие вызовы для России и других стран, но в России воздействие этих проблем было сильнее, а также Россия сталкивалась и с административными вызовами. В постсоветский период в России предпринималась попытка реорганизации социальной поддержки по страховым принципам, но возобладал универсалистский подход. Система социальной политики в современной России по своей архитектуре, масштабу и эффективности не уступает зарубежным аналогам. Её слабые стороны – множество дублирующих друг друга льгот, опережающие темпы индексации социальных выплат и низкое финансирование системы здравоохранения.*

Выводы. *России удалось сохранить важнейшие достижения советского периода в сфере социального обеспечения, а именно пенсии, бесплатные образование и здравоохранение.*

Ключевые слова: *социальная политика; социальное страхование; пенсии; пособия; льготы.*

Финансирование: *Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Подольский В. А. Анализ организации социальной политики в постсоветской России в контексте международного опыта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 222–233. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-222-233.

Поступила в редакцию 16.09.2023 Принята к публикации 23.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Подольский В. А., 2023

Analysis of the Social Policy Organization in Post-Soviet Russia in the Context of International Experience

Vadim A. Podolskiy[1]✉

[1]State Academic University for the Humanities
26 Maronovsky side-street, Moscow 114049, Russian Federation

✉ e-mail: deomniscibili@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The organization of social policy was significantly modified in Russia during the post-Soviet period, due to the transformation of the economic system. Many foreign countries at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries also changed their approaches in the field of social policy, introducing market elements following the example of the United States, as well as responding to demographic changes and economic difficulties. Studying the features and dynamics of domestic and foreign social policy is valuable for consideration of the best practices and problems, for the development of political science and for making decisions.*

Purpose: *show how the preservation of the goals of social policy in Russia after the collapse of the USSR was ensured when its instruments were changed, compare the domestic system with foreign ones.*

Objectives: *to show what challenges did the social policy system face in Russia and abroad, how approaches to solving problems in the social sphere have changed, show the formation and functioning of pensions, the healthcare system, unemployment protection and other social policy measures in Russia and foreign countries.*

Methodology. *The article relies on comparative historical approach, analysis of legal documents, institutions, organizational features and statistical data. The article is based on reports from government departments and analytical companies.*

Results. *Economic and demographic problems at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries create similar challenges for Russia and other countries, but in Russia the impact of these problems was stronger, and Russia also faced administrative challenges. In the post-Soviet period, Russia attempted to reorganize social support along the lines of insurance, but a universalist approach, which involves financing from taxes. The system of social policy in modern Russia does not fall behind foreign analogues in its architecture, scale and efficiency. Its weaknesses are a lot of duplicating benefits, outpacing rates of indexation of social payments and low financing of the healthcare system.*

Conclusions. *Russia managed to preserve the most important achievements of the Soviet period in the field of social security, namely pensions, free education and health care.*

Keywords: *social policy; social insurance; pensions; social assistance; benefits.*

Funding: *The article is prepared with financial support as part of fulfillment of the SA (State Assignment) for the State Academic University for the Humanities on the subject "Contemporary information society and digital science: cognitive, economic, political and legal aspects" (FZNF-2020-0014).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Podolskiy V. A. Analysis of the Social Policy Organization in Post-Soviet Russia in the Context of International Experience*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 223–233. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-223-233

Received 16.09.2023 Accepted 23.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

В постсоветский период в России происходила адаптация социальной политики к новым экономическим условиям. Изучение российского опыта целесообразно проводить в сравнении с анализом зарубежных реформ, поскольку иностранные социальные государства в последние десятилетия предпринимали попытки трансформации механизмов поддержки из-за экономических вызовов и демографических изменений – все развитые страны сталкиваются с растущей

нагрузкой из-за старения населения и снижения рождаемости. Последовательное сравнение архитектур и практик социальной политики России и некоторых стран Запада позволит представить целостное описание отечественной социальной политики.

Методология

В отечественной литературе существует значительное количество источников по социальной политике стран Запада и России, но полное сравнение систем производится редко [1; 2; 3]. Сравниваются пенсионные системы [4], подходы к обеспечению инвалидов [5], системы здравоохранения [6; 7]. Число зарубежных сравнительных работ крайне невелико, причём современные научные исследования почти отсутствуют, и российская социальная политика упоминается лишь в обзорных трудах по отдельным сферам [8]. В настоящей статье обобщаются итоги существующих работ по теме социальной политики в России и в зарубежных странах. Рассматривается изменение и работа ключевых механизмов в сфере социальной политики: пенсионной системы, медицинского страхования, льгот и пособий, сравниваются социальные расходы разных стран. При работе над статьей использовались сравнительно-исторический подход, анализ правовых документов, институтов, организационных особенностей и статистических данных.

Результаты и их обсуждение

В постсоветский период в России предпринимались попытки совместить универсалистскую систему социального обеспечения со страховыми принципами финансирования на фоне сильного воздействия негативных экономических, финансовых, фискальных, политических, административных и социальных факторов. Реформы социальной политики включали в себя преобразование механизмов сбора средств для финансирования социальных задач, изменение административной структуры в сфере социальной политики, изменение принципов перераспределения. К числу наиболее значимых реформ конца XX – начала XXI в. могут быть отнесены: создание внебюджетных фондов; введение новых льгот на региональном уровне; введение пособий по безработице; монетизация льгот; введение «материнского капитала» и повышение пенсионного возраста. Общей целью реформ социальной политики в России было сохранение социального государства в новых условиях рыночной экономики. Система в России осталась государственной, несмотря на попытки внедрения рыночного подхода.

Преобразования в России проводились с учётом социальных программ в западных странах со сложившейся рыночной экономикой. В конце XX в. в странах Европы и в США вследствие кризиса 1970-х гг. распространились тенденции оптимизации расходов на социальную политику и изменения логики социального государства, от приоритета максимальной социальной защиты к стимулированию повышения роли частного сектора как поставщика социальных услуг и ограниченной целевой поддержке. Преобразования конца XX в. во многих странах предполагали внедрение или расширение роли рыночных элементов в обеспечении социальной защиты, переход, по примеру США, к «активирующей модели», основанной на идее сокращения зависимости граждан от помощи государства. Объединялись или упразднялись пособия, а в США была создана система налоговых льгот. В зависимости от уровня дохода и числа детей граждане могут запрашивать налоговые зачёты, или кредиты, общая сумма которых может сделать величину налога отрицательной, т. е. гражданин не просто не заплатит налоги, но получит деньги от налоговой службы. Выплаты предназначались только для трудоустроенных граждан для того, чтобы работать было выгоднее, чем получать пособия для граждан с низким доходом [8, p. 383]. Налоговые кредиты переняла

Британия, а во Франции введённые в 1988 г. пособия для граждан с низким доходом были в 2001 г. заменены отрицательным подоходным налогом, чтобы граждане были заинтересованы оставаться на рынке труда [9, p. 214].

Важную роль в «активирующей» модели социальной политики играют налоговые льготы, связанные с пенсионным обеспечением. В 1978 г. в налоговое законодательство США была внесена статья 401(k), согласно которой налогооблагаемая база подоходного налога для граждан сокращалась на ту сумму, которую они вкладывали в пенсионный фонд. Пенсионные выплаты из частных фондов в США составляют почти такую же сумму, как и выплаты из государственного фонда [8, p. 279–282]. Следуя примеру США, в конце 1980-х гг. частные пенсии с помощью налоговых льгот поддержала Британия [10, p. 103], а в 2001 г. – Германия [11, p. 121]. Британия в 1989 г. приостановила бюджетные субсидии для выплаты пенсий – выплаты были приведены в соответствие с объёмом поступлений[1]. Из-за этого базовые пенсии в Британии достаточно небольшие, и граждане участвуют в дополнительных пенсионных программах [12, p. 141]. Пенсии в Германии облагаются налогом на доход, причем в 2004 г. было начато постепенное увеличение налогооблагаемой базы дохода пенсионеров с 50% до 100%, также получатели пенсий и пособий платят взносы за медицинское страхование и долговременный уход.

Также по примеру США Британия в 1990-е гг. ужесточила программу пособий по безработице. Если гражданин не участвовал в схеме страхования для защиты от безработицы, то он мог претендовать на пособие по безработице, выплачиваемое из национального социального фонда, только после регистрации на бирже труда, и был обязан соглашаться на предложение по трудоустройству [13, p. 315]. Ещё одним заметным изменением в Британии стала попытка усиления рыночной составляющей в работе национальной системы здравоохранения, в 1990-е гг. система была разделена на поставщиков и покупателей услуг [13, p. 310]. В Англии в 1998 г. высшее образование перестало быть бесплатным [14, p. 530], хотя в Шотландии и в континентальных странах Европы бесплатное высшее образование сохранилось. Англия субсидирует студенческие займы: студенты платят в зависимости от уровня своего дохода [14, p. 525].

Среди европейских реформ конца XX в. к российскому контексту отчасти близок испанский, где политические трансформации пересекались с экономическими трудностями и масштабным пересмотром логики социальной политики. Испания выстроила социальное государство позже, чем другие страны Европы и СССР, но достаточно быстро смогла приблизиться к ним как по уровню покрытия, так и по расходам. Испания перешла от страховой модели здравоохранения к универсалистской в 1980-е гг., хотя и сохранила существенную роль частных медицинских учреждений, а также делегировала полномочия в сфере здравоохранения регионам. Пенсионное обеспечение также перешло ко всеобщему покрытию в 1980-е г., но «Толедский пакт», принятый парламентом по итогам договорённостей с работодателями, в 1995 г. ужесточал порядок выплаты пенсий, связывая ту часть, которая не обеспечивалась взносами, с состоянием бюджета [15].

Взносы на пенсии в зарубежных странах обычно собираются либо страховыми кассами, наследниками касс предприятий, муниципалитетов и регионов, как в Германии и Франции, либо государственными и частными пенсионными фондами, как в США, либо с помощью социальных налогов, как в Испании и Британии. В СССР с 1930-х гг. за сбор взносов на пенсионные выплаты отвечали

[1] Seely A. National Insurance contributions (NICs): an introduction. Research B. Briefing // UK Parlament: site. URL: //commonslibrary.parlament.uk/research-brefings/sn04517/ (дата обращения: 10.09.2023).

профсоюзы. В августе 1990 г. был учрежден Пенсионный фонд СССР, в декабре – Пенсионный фонд РСФСР для получения отчислений с зарплат работающих граждан. После распада СССР покупательная способность пенсий сократилась в разы, их выплата производилась несвоевременно из-за того, что деньги в фонд поступали от плательщиков с задержкой и не в полном объёме, а также использовались для решения иных финансовых задач государством.

Российское правительство, с учётом иностранного опыта, пыталось оптимизировать расходы на выплату пенсий, для этого в 2002 г. был создан механизм накопительных пенсий. До 2014 г. часть взносов работодателя шла на накопительную пенсию, объем этих средств, в отличие от обычной пенсии, возрастал благодаря их инвестированию, с 2014 г. пополнение накопительных пенсий прекратилось из-за дефицита Пенсионного фонда. Для того чтобы граждане выходили на пенсию позднее, страховая пенсия с 2015 г. исчисляется не в деньгах, а в баллах или коэффициентах, которые зависят от стажа. В 2018 г. пенсионный возраст был повышен с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин. Смысл реформы 2018 г. – адаптировать сроки выхода на пенсию к новым демографическим условиям [16, с. 91–96]. В 2000 г. доля граждан старше трудоспособного возраста составляла 20%, в 2018 г. – 26% [17, с. 92]. Повышение пенсионного возраста вызвало критику в академической, политической среде, а также со стороны граждан, но существенный разрыв между темпом увеличения расходов и темпом роста доходов создавал риски для устойчивости бюджета. Зарплаты и, соответственно, взносы в Пенсионный фонд с 2000 по 2018 г. выросли в 16 раз, а пенсии – в 23 раза, пособия – в 32 [17, с. 157]. Если в 2000 г. Пенсионный фонд получил 0,03 трлн рублей из федерального бюджета, то в 2018 г. – 3,2 трлн рублей [17, с. 542]. Другие государства сталкиваются с похожими проблемами, например, повышение пенсионного возраста во Франции с 62 до 64 лет в 2023 г. вызвало негативную реакцию общественных организаций [18, p. 130–131]. Пенсионный возраст также увеличивается в Ирландии с 66 до 68 лет к 2028 г., в Германии – с 65 до 67 к 2029 г., в Британии – с 65 до 68 к 2037 г. [12, p. 130–132] Из-за того, что пенсионный возраст в Германии выше, чем в России, доля пенсионеров в Германии меньше и составляет четверть населения [19, p. 18], а в России – треть [17, с. 157].

Помимо повышения пенсионного возраста и снижения темпов индексации, для сохранения уровня пенсий используется увеличение взносов [20, p. 77], субсидии социальным фондам из бюджетов, как в Германии [11, p. 116], создание дополнительных страховых взносов, как во Франции. Также для обеспечения устойчивости пенсионной системы ужесточаются требования к длительности выплаты взносов. Минимальный страховой стаж в России постепенно возрастает с 5 лет в 2015 г., с 2024 г. он составит 15 лет [21, с. 147]. В Испании минимальный срок для получения страховой пенсии составляет 15 лет, в Италии – 20 лет, в Бельгии – 30 [12, p. 126–127].

Размер страховой пенсии в России с 1990-х гг. и по сей день в среднем составляет порядка 30–35% от уровня зарплат, как и в СССР [22, с. 26–28]. В Европе пенсии могут достигать 50–60% от средней зарплаты, что связано и с более поздним выходом на пенсию [12, p. 141], и более высоким – почти 30% в случае с Францией – уровнем отчислений в пенсионные фонды или участием в нескольких фондах [12, p. 197].

В 1991 г. в России был создан Фонд социального страхования, взявший на себя функции страхования от временной нетрудоспособности, которая в советское время выполнялась профсоюзами. Также из Фонда социального страхования производились выплаты при несчастных случаях, оплачивались средства реабилитации для инвалидов [21, с. 23]. В 2023 г. Пенси-

онный фонд и Фонд социального страхования были объединены [23, с. 46–51].

Государственные внебюджетные фонды наполняются за счёт взносов от работодателей. С 2001 по 2010 г. отчисления в фонды производились с помощью «единого социального налога», как в Британии. Объединение Пенсионного фонда и Фонда социального страхования, а также объединение всех страховых взносов означают движение России от страховой модели к универсалистской: вместо взносов в 22% в Пенсионный фонд, 5,1% – в Фонд ОМС и 2,9% – в Фонд социального страхования работодатели с 2023 г. платят единый страховой взнос в объёме 30% [23, с. 46–51].

Отдельно от пенсий по старости в России, как и в зарубежных странах, выплачиваются пенсии по инвалидности. Инвалиды в России имеют преимущественное право на сохранение своего рабочего места при сокращениях на предприятиях [24, с. 116], на проживание в домах-интернатах [24, с. 239], на услуги социальных работников [24, с. 281] и имеют преимущество при поступлении в вуз [24, с. 103]. В Британии инвалиды получают несколько пособий, призванных компенсировать их расходы на бытовые нужды, обеспечение мобильности, долговременный уход. Эти выплаты с 2012 г. объединяются под названием «пособие по личной независимости» [24, p. 60]. Во Франции пожилые граждане имеют право на пособия на оплату долговременного ухода за счёт местных властей. Хотя сумма пособий невелика, эта программа серьёзно увеличила нагрузку на местные бюджеты в последние 20 лет [9, p. 216]. В Германии долговременный уход финансируется по страховому принципу с 1995 г., а ставка сравнительно велика и составляет 3% от зарплаты. Две трети получателей выбирает помощь деньгами, а треть получает за счёт средств страховки услуги по уходу или проживание в домах-интернатах [26, p. 1]. В США существуют частные программы по оплате долговременного ухода, их стоимость, как и стоимость услуг долговременного ухода, чрезвычайно высока: страховка составляет 5% от средней зарплаты, а проживание в доме для престарелых – 200% от средней зарплаты [8, p. 318]. В России страхование долговременного ухода не развито, но из-за большого спроса обсуждаются варианты государственного регулирования [27, с. 59–70].

В СССР медицинские учреждения получали финансирование из бюджетов различных уровней, также существовали медицинские учреждения, подчинённые ведомствам. В России в 1993 г. был создан Фонд обязательного медицинского страхования для внесения рыночных элементов в систему здравоохранения и для снижения нагрузки на бюджет. Фактически система осталась государственной, а страховые компании выполняют административные функции, не влияя на доступность, качество и стоимость медицинских услуг [7, p. 336–340]. Региональные власти платят в Фонд медицинского страхования за неработающих граждан, также региональные и федеральные власти оплачивают капитальные расходы в сфере здравоохранения и ряд программ льготного предоставления услуг, что создает определённые риски, связанные с неравномерной бюджетной обеспеченностью регионов [6, с. 40].

В России, как и в СССР, здравоохранение номинально бесплатно, для некоторых категорий граждан бесплатны лекарства и медицинские изделия, средства реабилитации. Некоторые категории граждан имеют право на бесплатное санаторно-курортное лечение, проезд к месту лечения [21, с. 436]. Ресурсов региональных бюджетов может не хватать, и граждане бывают вынуждены платить за медицинские услуги. Общий уровень финансирования здравоохранения в России в среднем в два раза ниже, чем в Европе, 5% против 10% ВВП [28, p. 153]. Российские медучреждения подотчетны региональным властям, степень их автономии крайне невелика. Между регионами или учреждениями в пределах региона может

наблюдаться существенная разница по качеству услуг в зависимости от приоритетов обеспечения и качества управления [7, p. 337].

В Британии система здравоохранения полностью бесплатна и финансируется за счёт социальных сборов и налогов, медицинские учреждения обладают сравнительно высокой степенью автономии, существует заметная разница между регионами. Главная отрицательная черта британской системы – длительные сроки ожидания услуг [7, p. 235]. В Германии граждане делают взносы в больничные кассы: за работающих граждан платит также работодатель, а у неработающих граждан сумма взносов вычитается из пособий [11, p. 116]. Существуют доплаты за некоторые услуги, но их размер сравнительно невелик и обычно не превышает несколько процентов от средней зарплаты [7, p. 293]. Кассы демонстрируют финансовую устойчивость, хотя существует фонд для перераспределения средств между ними [11, p. 123]. Немецкая система использует самоуправление: высший орган, устанавливающий правила в сфере здравоохранения – это Объединённый комитет, который состоит из представителей врачей, больниц и больничных касс [7, p. 288]. Французская система также опирается на взносы, но из-за дефицита государственный бюджет выделял субсидии на здравоохранение. Убыточность была преодолена в 2010-е гг. с помощью оптимизации платежей медучреждениям, снижения затрат на работу страховых касс и перехода на более дешёвые лекарства [9, p. 213].

В США расходы на здравоохранение выросли за последние 4 десятилетия более чем вдвое, и если в 1980-е гг. они были соизмеримы со среднеевропейскими [8, p. 531], то сейчас существенно опережают их, составляя 17% ВВП против 10% в Европе [28, p. 153]. Этот рост не только не сопровождался улучшением качества здравоохранения, но по ожидаемой продолжительности жизни США стали отставать от Европы [28, p. 67]. Помимо этого, чрезвычайная дороговизна американского здравоохранения создаёт проблему, отсутствующую в Европе, а именно массовые личные банкротства из-за медицинских расходов [8, p. 532].

Социальная поддержка в СССР часто предоставлялась ведомствами и предприятиями, после их банкротства в 1990-е гг. социальная инфраструктура переходила муниципалитетам, которые не располагали ресурсами для выполнения социальных обязательств [29, с. 21]. В постсоветское время уровень доступных мер поддержки стал определяться скорее не корпоративной, а региональной принадлежностью. Всего в стране существует около 800 мер федеральной помощи и в среднем до 100 мер в регионах, т. е. до 9000 мер суммарно [30, с. 23], с учётом того, что государство предпринимало попытки оптимизации структуры социальных программ и расходов на социальную политику, как в ходе монетизации льгот в 2005 г. Некоторые льготы были переняты из советских времён, некоторые были созданы из-за перехода страны к рыночной экономике и упразднения планового ценообразования.

Примеры льгот в России – это пособия за различные заслуги, выплаты жертвам чрезвычайных ситуаций, выплаты на оздоровление [21, с. 18], выплаты на похороны [21, с. 359], выплаты при утрате кормильца, бесплатный проезд на общественном транспорте, льготы при оплате услуг жилищно-коммунального хозяйства, освобождение пенсионеров и инвалидов от уплаты налога на недвижимость. Как и в советские годы, государство предоставляет бесплатно земельные участки и жильё некоторым категориям граждан, но объёмы сократились на порядки. И в России, и в странах запада уровень дохода, например, федеральный уровень бедности в США, может определять объёмы доступной социальной помощи, который будет предоставляться в виде льгот или выплат и обычно зависеть от региона. В странах Запада льготы распространены мало, обычно выплачивают-

ся пособия, и их количество обычно значительно меньше. Например, в Британии существует всего несколько десятков льгот и пособий, как пособие на отопление в зимний период, которые постепенно объединяются под названием «универсального кредита» [25, p. 12]. В странах континентальной Европы ту функцию увеличения доступности благ, которую в России обеспечивают льготы, выполняют семейные пособия, которые во многих случаях организованы по страховому принципу и зависят от места работы, уровня дохода, числа детей. Выплаты матерям и выплаты на детей в Европе, в США и в СССР начали предоставлять в 1930–40-х гг.

В 2006 г. в России был введен материнский капитал для семей, в которых родился второй ребенок, единовременная выплата в размере порядка полутора годовых зарплат [21, с. 351]. В Германии существует аналог материнского капитала, который может представлять собой денежную выплату или снижение налоговых платежей. Беременные и роженицы в России имеют право на отпуск продолжительностью 5 месяцев, достаточно длительный по сравнению с другими странами – во Франции отпуск составляет 4 месяца, в Германии – 3 [31, p. 37]. В США государство гарантирует лишь неоплачиваемый 3-месячный отпуск, а сохранение зарплаты предполагается лишь при соответствующей инициативе работодателей [8, p. 501].

Советская система ориентировалась на полную занятость и с 1930-х гг. не предполагала защиты от безработицы. В 1991 г. в России были введены пособия по безработице, их размер составил от 30% средней зарплаты, но в дальнейшем индексация пособий значительно отставала от уровня инфляции и средняя выплата составляла порядка 1/6 от средней зарплаты. Пособия по безработице в России выплачиваются из федерального бюджета через специальную службу занятости. В западных странах обычно собираются взносы на выплату пособий по безработице, но также иногда существуют программы не связанного с взносами социального вспомоществования безработным. Нередко сосуществуют региональные и общегосударственные программы, как в США, где с 1930-х гг. собираются отчисления в фонды выплат безработным на уровне штатов, а ставка различается чрезвычайно сильно в зависимости от штата и отрасли. Взносы и пособия по безработице сравнительно велики, особенно во Франции и в Германии [32].

В странах Запада и современной России действуют программы поддержки малообеспеченных учеников или учеников с выдающимися академическими достижениями. В России существуют пособия на приобретение школьной формы для детей в многодетных семьях. В США дети получают в школах питание за счёт федеральных средств [8, p. 403]. Стоимость высшего образования в США достаточно велика, из-за чего заметную проблему создают долги студентов [33, p. 7]. Предоставляются федеральные гранты для наиболее талантливых студентов [33, p. 60].

В России детсады получают субсидии из региональных бюджетов, средняя стоимость пребывания в муниципальном детсаде составляет около 10% от средней зарплаты против 100% в частном детсаду. В России многие категории – многодетные, военнослужащие, инвалиды – имеют право на региональные льготы при обучении детей в муниципальных детсадах [21, с. 363]. В Британии местные власти платят детским садам за предоставление бесплатного ухода за детьми: продолжительность оплачиваемого времени зависит от региона, без учёта этой льготы стоимость пребывания в детсаду составляет до 50% от средней зарплаты, что компенсируется тем, что дети в Британии идут в школу с 5 лет. Во Франции и Испании детские сады для детей от 3 до 6 лет бесплатные, в Германии система детсадов развита слабо [31, p. 58-61]. Россия тратит на образование чуть менее 4% ВВП, что ниже средних по Европе 5%

ВВП и 6% в США и Британии [34, p. 245].

Выводы

Основные тенденции в России и в странах Запада в сфере социальной политики совпадают из-за похожих демографических тенденций – снижения рождаемости, увеличения продолжительности жизни. Для преодоления дефицита социальных фондов ужесточаются правила предоставления пенсионных выплат, т. е. увеличивается длительность выплаты взносов, повышается пенсионный возраст, а на Западе снижаются темпы индексации пенсий. Наиболее заметное отличие России от стран Европы и США – чрезвычайно низкая роль частных пенсионных схем. Государство пытается компенсировать спад численности населения с помощью программ поддержки семей, в частности, в России предоставляется материнский капитал для выплаты ипотечных кредитов во Франции – пособия на аренду жилья, в США и Германии – налоговые льготы. Программы поддержки долговременного ухода в Европе действуют достаточно давно, а в России находятся на стадии обсуждения. Если на Западе рост расходов на здравоохранение обычно отражается в увеличении страховых взносов, то в России нагрузка ложится на региональные бюджеты.

По совокупности показателей российское социальное государство соизмеримо с зарубежными. Пенсионное обеспечение предлагает несколько меньший уровень замещения дохода, чем в Европе, но и пенсионный возраст в России ниже. Траты на здравоохранение в России значительно меньше, чем в странах Запада, что отражается в отставании по качеству и доступности услуг. Всеобщая бесплатная система здравоохранения, помимо России, существует только в Британии, где большую проблему создают длительные сроки ожидания услуг и также существует неравенство между регионами, хотя и не такое значительное, как в России. Помощь инвалидам в России предоставляется в виде средств реабилитации и льгот, а в Британии – в виде пособий. Пособия по безработице в России невелики и значительно отстают от средней по стране зарплаты, как и в Британии. Траты на образование в России несколько ниже, чем в Европе и США. По развитию и доступности системы дошкольного образования Россия опережает Германию и Британию, но отстает от Франции и Испании. Высшее образование в России бесплатно, как и в континентальной Европе, в отличие от Англии и США.

Несмотря на экономический спад, общая архитектура социального государства – пенсионное обеспечение, бесплатное образование и здравоохранение – была сохранена в России в постсоветский период. Преобразования последних трёх десятилетий в большинстве случаев носили количественный или организационный характер, как объединение Пенсионного фонда и Фонда социального страхования. Наиболее заметное изменение принципов социальной поддержки – место государственного регулирования цен и распределения заняли льготы, в основном финансируемые из региональных бюджетов, и адресные выплаты.

Список литературы

1. Храмцов А. Ф. Социальное государство: Россия и европейский опыт. М.: ИСП РАН, 2005. 419 с.

2. Кижикина В. В. Эволюция системы социальной защиты населения в России (сравнение со странами Европы) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 3 (23) С. 80–94.

3. Сочнева Е. Н., Федотов В. М. Сравнительный анализ моделей социальной политики зарубежных стран и России // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2016. № 4. С. 67–79.

4. Васильева Е. В. Подходы к построению пенсионной системы: международный и российский опыт // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 5–24.

5. Кулагина Е. В. Социальная политика в отношении инвалидов в государствах благосостояния и России: переход к независимой жизни и инклюзии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 10. С. 1944–1971.

6. Улумбекова Г.Э., Альвианская Н. В. Финансирование системы здравоохранения РФ: динамика, прогнозы, сравнение с развитыми странами // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2021. Т. 7, № 3. С. 36–47.

7. Comparative health systems. A global perspective / ed. by J. A. Johnson, C. H. Stoskopf, L. Shi. 2nd ed. Burlington: Jones & Bartlett learning, 2018. 742 p.

8. The Oxford Handbook of U. S. social policy / ed. by C. Howard, D. Beland, K. J. Morgan. New York: Oxford University Press, 2015. 668 p.

9. Hassenteufel P., Palier B. The recalibration of the French welfare system // Routledge handbook of European welfare systems / ed. by S. Blum, J. Kuhlmann, K. Schubert. Oxon: Routledge, 2020. P. 202–219.

10. Offer A. Understanding the private-public divide markets, governments, and time horizons. Cambridge: Cambridge university Press, 2022. 200 p.

11. Blank F. The German welfare system. The calm after the storm // Routledge handbook of European welfare systems / ed. by S. Blum, J. Kuhlmann, K. Schubert. Oxon: Routledge, 2020. P. 110–128.

12. Pensions at a Glance 2021: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2021. 224 p.

13. Fraser D. The Evolution of the British Welfare State. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 458 p.

14. Deeming C. The United Kingdom new devolved welfare systems in Britain // Routledge handbook of European welfare systems / ed. by S. Blum, J. Kuhlmann, K. Schubert. Oxon: Routledge, 2020. P. 522–543.

15. Guillen A. Defrosting the Spanish Welfare State: The weight of conservative components // A long goodbye to Bismarck? The politics of welfare reform in Continental Europe / ed. by B. Palier. Amsterdam: Amsterdam university press, 2010, pp. 183–206.

16. Терентьева И. В. Современный этап реформирования пенсионной системы России: оценка результатов и перспективы // Государственное управление. 2019. № 72. С. 91–96.

17. Российский статистический ежегодник. 2019 / Росстат. М., 2019. 708 с.

18. Boulhol H. Queisser M. The 2023 France Pension Reform // Intereconomics. 2023. № 58(3). P. 130–131.

19. The Education system in the Federal Republic of Germany 2017/2018 / ed. by T. Eckhardt. Bonn: KMK Publ., 2019. 385 p.

20. Palier B. The dualizations of the french welfare system // A long goodbye to Bismarck? The politics of welfare reform in Continental Europe / ed. by B. Palier. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 73–100.

21. Право социального обеспечения России / ред. Э. Г. Тучкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 448 с.

22. Шугаева И. В. Коэффициент замещения как экономический показатель эффективности пенсионной системы // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 1 (90). С. 24–32.

23. Мегаева С. В., Браткова В. В., Лосева А. С. Особенности создания единого фонда пенсионного и социального страхования // Вестник экспертного совета. 2022. №3 (30). С. 46–51.

24. Ярская-Смирнова Е. Р., Наберушкина Э. К. Социальная работа с инвалидами. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004. 316 с.

25. Hood A., Norris Keiller A. A survey of the UK benefit system. London: IFS, 2016. 93 p.

26. Long-term care in Germany. Berlin: Federal ministry of health, 2017. 18 p.

27. Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Оценки нуждаемости в долговременном уходе: опыт Франции и России // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 3. С. 59–70.

28. Health at a Glance 2019: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2019. 243 p.

29. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985 / ред. Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. 376 с.

30. Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность: [научный доклад] / ред. В. Назаров, А. Пошарац. М.: Научно-исследовательский финансовый институт: Всемирный банк, 2017. 144 с.

31. Key data on early childhood education and care in Europe. Eurydice Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. 218 p.

32. Taxing Wages 2020, OECD. Paris: OECD Publishing, 2020. 630 p.

33. MacDonald S. D. Education without debt. Giving back and paying it forward. Bloomington: Indiana University Press, 2020. 262 p.

34. Education at a Glance 2021: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2021, 474 p.

References

1. Hramcov A. F. Social'noe gosudarstvo: Rossiya i evropejskij opyt [The Welfare State: Russia and the European experience]. Moscow, ISP RAN Publ., 2005. 419 p.

2. Kizhikina V. V. Evolyuciya sistemy social'noj zashchity naseleniya v Rossii (sravnenie so stranami Evropy) [The evolution of the social protection system in Russia (comparison with European countries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*, 2013, no. 3 (23), pp. 80–94.

3. Sochneva E. N., Fedotov V. M. Sravnitel'nyj analiz modelej social'noj politiki zarubezhnyh stran i Rossii [Comparative analysis of models of social policy of foreign countries and Russia]. *Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal = Socio-economic and Humanitarian Journal*, 2016, no. 4, pp. 67–79.

4. Vasil'eva E. V. Podhody k postroeniyu pensionnoj sistemy: mezhdunarodnyj i rossijskij opyt [Approaches to building a pension system: international and Russian experience]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public Administration. Electronic Bulletin*, 2020, no. 79, pp. 5–24.

5. Kulagina E. V. Social'naya politika v otnoshenii invalidov v gosudarstvah blagosostoyaniya i Rossii: perekhod k nezavisimoj zhizni i inklyuzii [Social policy towards people with disabilities in Welfare States and Russia: transition to an independent life and inclusion]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' = National interests: Priorities and security*, 2017, vol. 13, no. 10, pp. 1944–1971.

6. Ulumbekova G. E., Al'vianskaya N. V. Finansirovanie sistemy zdravoohraneniya RF: dinamika, prognozy, sravnenie s razvitymi stranami [Financing of the healthcare system of the Russian Federation: dynamics, forecasts, comparison with developed countries]. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie. Vestnik VSHOUZ = ORGZDRAV: news, opinions, training. Herald of the University*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 36–47.

7. Comparative health systems. A global perspective; ed. by J. A. Johnson, C. H. Stoskopf, L. Shi. 2nd ed. Burlington: Jones & Bartlett learning, 2018. 742 p.

8. The Oxford Handbook of U. S. social policy; ed. by C. Howard, D. Beland, K. J. Morgan. New York, Oxford University Press, 2015. 668 p.

9. Hassenteufel P., Palier B. The recalibration of the French welfare system. Routledge handbook of European welfare systems; ed. by S. Blum, J. Kuhlmann, K. Schubert. Oxon, Routledge, 2020, pp. 202–219.

10. Offer A. Understanding the private-public divide markets, governments, and time horizons. Cambridge, Cambridge university Press, 2022. 200 p.

11. Blank F. The German welfare system. The calm after the storm. Routledge handbook of European welfare systems; ed. by S. Blum, J. Kuhlmann, K. Schubert. Oxon, Routledge, 2020, pp. 110–128.

12. Pensions at a Glance 2021: OECD and G20 Indicators. Paris, OECD Publishing, 2021. 224 p.

13. Fraser D. The Evolution of the British Welfare State. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 458 p.

14. Deeming C. The United Kingdom new devolved welfare systems in Britain. Routledge handbook of European welfare systems; ed. by S. Blum, J. Kuhlmann, K. Schubert. Oxon, Routledge, 2020. pp. 522–543.

15. Guillen A. Defrosting the spanish welfare state: The weight of conservative components // A long goodbye to Bismarck? The politics of welfare reform in Continental Europe; ed. by B. Palier. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010, pp. 183–206.

16. Terent'eva I.V. Sovremennyj etap reformirovaniya pensionnoj sistemy Rossii: ocenka rezul'tatov i perspektivy [The modern stage of reforming the pension system of Russia: assessment of results and prospects]. *Gosudarstvennoe upravlenie = Public Administration*, 2019, no. 72, pp. 91–96.

17. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. 2019. Moscow, Rosstat Publ., 2019. 708 p.

18. Boulhol H. Queisser M. The 2023 France Pension Reform. *Intereconomics*, 2023, no. 58(3), pp. 130–131.

19. The Education system in the Federal Republic of Germany 2017/2018; ed. by T. Eckhardt. Bonn, KMK Publ., 2019. 385 p.

20. Palier B. The dualizations of the french welfare system. A long goodbye to Bismarck? The politics of welfare reform in Continental Europe; ed. by B. Palier. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010, pp. 73–100.

21. Pravo social'nogo obespecheniya Rossii [The right of social security in Russia]; ed. by E. G. Tuchkova. 2th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 448 p.

22. Shugaeva I. V. Koefficient zameshcheniya kak ekonomicheskij pokazatel' effektivnosti pensionnoj sistemy [The replacement coefficient as an economic indicator of the effectiveness of the pension system]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and management in the East of Russia*, 2020, no. 1 (90), pp. 24–32.

23. Megaeva S. V., Bratkova V. V., Loseva A. S. Osobennosti sozdaniya edinogo fonda pensionnogo i social'nogo strahovaniya [Features of the creation of a single pension and social insurance fund]. *Vestnik ekspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*, 2022, no. 3 (30), pp. 46–51.

24. Yarskaya-Smirnova E. R., Naberushkina E. K. Social'naya rabota s invalidami [Social work with people with disabilities]. 2th ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 316 p.

25. Hood A., Norris Keiller A. A survey of the UK benefit system. London, IFS, 2016. 93 p.

26. Long-term care in Germany. Berlin, Federal ministry of health, 2017. 18 p.

27. Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Ocenki nuzhdaemosti v dolgovremennom uhode: opyt Francii i Rossii [Assessment of the need for long-term care: the experience of France and Russia]. *Narodonaselenie = Population*, 2020, vol. 23, no. 3, pp. 59–70.

28. Health at a Glance 2019: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2019. 243 p.

29. Sovetskaya social'naya politika: sceny i dejstvuyushchie lica, 1940-1985 [Soviet Social Policy: Scenes and actors, 1940-1985]; ed. by E. R. YArskaya-Smirnova, P. V. Romanov. Moscow, Variant Publ., CSPGI Publ., 2008. 376 p.

30. Razvitie effektivnoj social'noj podderzhki naseleniya v Rossii: adresnost', nuzhdaemost', universal'nost': [nauchnyj doklad]. [Development of effective social support for the population in Russia: targeting, neediness, universality: [scientific report]; ed. by V. Nazarov, A. Posharac. Moscow, Nauchno-issledovatel'skij finansovyj institute Publ., Vsemirnyj bank Publ., 2017. 144 p.

31. Key data on early childhood education and care in Europe. Eurydice Report. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2019. 218 p.

32. Taxing Wages 2020, OECD. Paris: OECD Publishing, 2020. 630 p.

33. MacDonald S. D. Education without debt. Giving back and paying it forward. Bloomington, Indiana University Press, 2020. 262 p.

34. Education at a Glance 2021: OECD Indicators. Paris, OECD Publishing, 2021. 474 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Подольский Вадим Андреевич, кандидат политических наук, доцент факультета политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: deomniscibili@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1659-9025

Vadim A. Podolskiy, Candidate of Sciences (Political), Associate Professor of the Political Sciences Faculty at the State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
e-mail: deomniscibili@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1659-9025

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).073/.081

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-234-245

CC BY 4.0

Исторический опыт судебного рассмотрения дел о незаконных порубках леса в Российской империи в первой половине XIX века

С. А. Никифоров[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящее время в России уделяется особое внимание изучению истории страны. В этой связи актуальность приобретает изучение отдельных сторон истории общества и государства, в том числе особенности работы судебной системы в сфере привлечения виновных к ответственности за нарушение правовых норм в сфере охраны лесов в дореформенный период.*

Цель. *Изучить особенности судопроизводства в Российской империи по делам о незаконной рубке леса в XIX веке, оказавшие влияние на трансформацию судебной системы в ходе реформ Александра II.*

Задачи. *В рамках статьи решаются следующие задачи: выявить процессуальные нормы, действовавшие при судебном рассмотрении дел о незаконных порубках леса в Российской империи в дореформенный период; подтвердить примерами порядок рассмотрения в суде дел о незаконных порубках леса; обосновать потребность в трансформации процессуальных норм, регулирующих судопроизводство по делам о незаконной рубке леса.*

Методология. *При проведении исследования автор опирался на диалектический подход, использовались такие методы, как анализ юридических документов и деловой переписки, сопоставление исторических документов.*

Результаты. *Длительность рассмотрения судами дел о самовольных порубках в казенных, въезжих и спорных с казною лесах превышала все разумные сроки (подчас десятки лет). Нарушители охранного лесного законодательства в отсутствие внятной реакции властей не прекращали противоправную заготовку древесины.*

Выводы. *Особенностями судопроизводства по делам о незаконной рубке леса в дореформенный период были бюрократизм, безответственность, волокита и, как следствие, низкая эффективность судебной системы в деле охраны лесов. Порядок судебного преследования лиц, виновных в таких порубках, требовал глубокой трансформации.*

Ключевые слова: *незаконная рубка леса; судебная система; лесное отделение; лесничество; въезжие леса.*

Финансирование: *Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Никифоров С. А. Исторический опыт судебного рассмотрения дел о незаконных порубках леса в Российской империи в первой половине XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 234–245. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-234-245.

Поступила в редакцию 16.10.2023 Принята к публикации 21.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Никифоров С. А., 2023

Historical Experience of Judicial Review of Cases of Illegal Logging in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century

Sergey A. Nikiforov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Abstract

Relevance. *Currently, Russia pays special attention to the study of the country's history. In this regard, the study of certain aspects of the history of society and the state, including the peculiarities of the work of the judicial system in the field of bringing those responsible to justice for violating legal norms in the field of forest protection in the pre-reform period, becomes relevant.*

The Purpose. *To study the features of legal proceedings in the Russian Empire in cases of illegal logging in the 19th century, which influenced the transformation of the judicial system during the reforms of Alexander II.*

Objectives. *The following tasks are solved within the framework of the article: identify the procedural norms that were in force during the judicial review of cases of illegal logging in the Russian Empire in the pre-reform period; confirm with examples the procedure for considering cases of illegal logging in court; justify the need for transformation of procedural rules governing legal proceedings in cases of illegal logging.*

Methodology. *When conducting the research, the author relied on a dialectical approach, using methods such as analysis of legal documents and business correspondence, and comparison of historical documents.*

Results. *The duration of consideration by the courts of cases of unauthorized logging in state-owned, incoming and disputed forests with the treasury exceeded all reasonable periods (sometimes tens of years). Violators of forest protection legislation, in the absence of a clear response from the authorities, did not stop illegal logging.*

Conclusion. *The peculiarities of legal proceedings in cases of illegal logging in the pre-reform period were bureaucracy, irresponsibility, red tape and, as a consequence, the low efficiency of the judicial system in protecting forests.*

Keywords: *illegal logging; judicial system; forest department; forestry; visiting forests.*

Funding: *The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2023 "Transformation of private and public law in an evolving individual, society and state" (No. 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nikiforov S. A. Historical Experience of Judicial Review of Cases of Illegal Logging in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 234–245. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-234-245

Received 16.10.2023 Accepted 21.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Сокращение лесных ресурсов России происходит на протяжении нескольких столетий, несмотря на довольно суровую ответственность, установленную государством, за незаконную заготовку древесины. На уровень выполнения требований законодательства членами общества оказывает влияние не только строгость законов, но и неотвратимость ответственности. Именно неотвратимость ответственности за нарушение законодательства, направленного на охрану лесов, является одной из важнейших мер по сохранению лесных богатств.

Процессуальные нормы, использовавшиеся при судебном рассмотрении дел о незаконных порубках леса в России в дореформенный период, не соответствовали задачам, на решение которых

направлена деятельность судов. Судебная система Российской империи оказалась не в состоянии разрешать конфликты, споры, возникающие по поводу использования лесных ресурсов. Применение мер юридической ответственности в виде судебного наказания за противоправные деяния в сфере охраны лесов отличались низкой эффективностью. Деятельность судов, которые по своей природе должны содействовать восстановлению правопорядка, характеризовалась такими негативными качествами, как излишняя забюрократизированность, волокита, безответственность.

Ряд аспектов охраны лесов в России был рассмотрен отечественными исследователями дореволюционного и советского периодов.

Ученые дореволюционного периода пришли к выводу, что в России была создана «развитая нормативно-правовая система регулирования лесных правоотношений, включавшая в себя и детально регламентированный режим лесопользования, и развитую систему государственных органов управления лесным хозяйством, и способы борьбы с нарушениями лесного законодательства…» [1, с. 57].

В результате глубокого анализа лесного законодательства в период до 1917 г. были подготовлены монографии, посвященные вопросам возникновения и развития лесного законодательства в России. К ним относится работа В. В. Врангеля «История лесного законодательства Российской империи. С присоединением Очерка истории корабельных лесов России», опубликованная в 1841 г. в Санкт-Петербурге [2], труд Н. В. Шелгунова «История русского лесного законодательства» [3], диссертационное исследование С. В. Ведрова (опубликованное впоследствии) «О лесоохранении по русскому праву» [4], труд Ф. А. Гайковского «Лесное законоведение» [5], ведомственное обобщающее издание «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства Государственных Имуществ 1837-1887» [6] и другие публикации. В указанных работах содержится достаточно подробное описание нормативно-правовых актов, направленных на охрану лесов, проведена их систематизация, рассмотрено их появление, охарактеризовано влияние лесоохранного законодательства европейских стран на российское право. Однако авторы не уделили достаточного внимания роли российской судебной системы в подкреплении установленных правовых норм.

В советской историографии также основное внимание исследователей было сосредоточено на правотворческом и законодательном аспектах системы охраны лесов. Правоприменительная практика лесоохранения не получила должного освещения.

Отдельные работы современных исследователей судебных реформ, проводимых в Российской империи, содержат в том числе критическую оценку судебной системы Российской империи в дореформенный период в целом [7; 8]. В других самовольная порубка леса рассматривается как разновидность нарушения законодательства об охране лесов, являвшаяся одним из самых массовых преступлений до 1917 г., при этом особенности рассмотрения соответствующих правонарушений не затрагиваются [9; 10]. Установленный порядок судебного преследования за нарушение лесоохранного законодательства в целом охарактеризован в статье Б. А. Молчанова [11]. Однако в данной работе практическая сторона деятельности судов обойдена вниманием.

Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной изученности правоприменительной судебной практики при рассмотрении дел о самовольных порубках в России в XIX в. до начала судебной реформы.

Методология

Источники, послужившие основой для написания статьи, являются типичными судебными и делопроизводствен-

ными документами, характерными для Российской империи в первой половине – середине XIX в.

Источниковую базу дополнили правовые нормы, регулирующие процесс судебного рассмотрения дел о незаконной рубке леса, опубликованные в Своде законов Российской империи, подготовленном в годы правления Николая II.

Статья подготовлена на основе диалектического методологического подхода. Автор руководствовался принципами объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение

В XVIII в., начиная с периода проведения преобразований Петром I, российское государство принимало жесткие карательные меры для охраны лесных ресурсов от самовольных порубок. Это объясняется активным использованием древесины для нужд быстро развивающейся промышленности, для постройки и ремонта российского военного и торгового флота. Лес приобрел статус важнейшего стратегического ресурса. Видный российский ученый-лесовод XIX в. Н. В. Шелгунов писал: «Со времени Петра I постановления о лесах теряют свой частный характер, а законы о лесах получают общее значение» [3, с. 51]. Запреты на рубку леса, введенные Петром Великим, распространялись как на леса, находившиеся в государственной собственности, так и на частновладельческие леса. В результате был создан государственный механизм охраны лесных ресурсов. За самовольную заготовку древесины грозило суровое наказание, вплоть до смертной казни.

В период правления Екатерины II произошло резкое изменение государственной политики в деле охраны лесных ресурсов. В 1782 г. императрица предоставила полную свободу распоряжения лесами, находившимися в частной лесной собственности, их владельцам[1]. Она подтвердила свое решение в 1786 и 1796 гг. В 1786 г. указами Екатерины II был введен в действие Устав о лесах. В соответствии с указами были выделены заказники, рубка леса в которых дозволялась только по именному или сенатскому указу. Другие казенные леса разделялись на лесосеки[2]. На частные леса нормы Устава о лесах не распространялись. Владельцы лесов получили неограниченное право распоряжаться своей собственностью. Помещики, владевшие лесами, приступили к крупномасштабным лесозаготовкам с целью продажи древесины, пользовавшейся высоким спросом на рынке. Указы Екатерины II фактически привели к истреблению лесов [12, с. 191].

Государство в конце XVIII в. оказалось не в состоянии установить контроль над использованием не только частных, но и государственных лесов. Крестьяне, проживавшие в европейской части страны, практиковали самовольные рубки в казенных лесах. Судебное преследование виновных оказалось неэффективным. В период правления Павла I ущерб казенному лесному хозяйству, наносимый самовольными порубками, достиг столь значительных размеров, что крестьян, причастных к наиболее масштабным случаям рубки леса, стали судить военные суды. В деревнях и селах местные власти были обязаны публично оглашать запреты на рубку казенных лесов и предупреждать крестьян об ответственности за их нарушение. Государство инициировало

[1] О распространении права собственности на леса, в дачах их растущие: именной указ от 22 сент. 1782 г. // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. 21, № 15518.

[2] Об описи, обмежевании и разделении на части казенных лесов Северной полосы по правилам, изображенным в приложенной выписке из Устава о лесах: именной указ от 28 марта 1786 г. // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. 22, № 16364; Об описи, обмежевании и разделении на части казенных лесов средней полосы по правилам, изображенным в приложенной выписке Устава о лесах: именной указ от 28 марта 1786 г. // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. 22, № 16365.

судебные процессы в отношении виновных в противозаконной заготовке древесины в период правления Александра I, Николая I и Александра II. Однако сам механизм привлечения крестьян к судебной ответственности был весьма несовершенным. Судебные процессы непозволительно, подчас совершенно немыслимо, затягивались и, в целом, демонстрировали низкую эффективность судебной системы. Рассмотрим практику привлечения к судебной ответственности крестьян с начала до середины 60-х годов XIX века на примере Курской губернии, т. е. в период до начала судебной реформы, направленной на борьбу с бюрократизмом, волокитой и судебными ошибками.

Между тем площадь лесов в центральных губерниях европейской части России, в том числе в Курской губернии, стремительно сокращалась [13, с. 205].

Управление лесным хозяйством в XIX в. осуществлялось особым Лесным департаментом, образованным в 1798 г. Лесной департамент на протяжении XIX в. находился составе различных министерств и ведомств. В начале века он являлся структурным подразделением Адмиралтейств-коллегии, в период с 1802 по 1837 г. находился в составе Министерства финансов. С 1837 г. Лесной департамент был включен в структуру созданного Министерства государственных имуществ [14, с. 27–29].

В исследуемый период в Курской губернии существовало пять лесничеств: Курское, Белгородское, Корочанское, Льговское и Рыльское. Все лесничества подчинялись Лесному отделению Курской палаты государственных имуществ, которая была образована 1 июля 1838 г. вместо Курского отделения Конторы государственных имуществ [15, л. 1].

В функции Лесного отделения входило составление планов лесного хозяйства и лесонасаждения, составление смет на отпуск и продажу леса, управление лесными оброчными статьями, охрана лесных границ и лесов, размежевание лесов общего владения, наделение государственных крестьян лесными участками, организация лесосечных рубок, восстановление лесов, контроль за описанием лесничими лесных дач [16, л. 163–164].

До начала судебной реформы, т. е. до 1864 г., суд не был полностью отделен от административной властной вертикали. Судебные органы подчинялись не только вышестоящим судам, но и другим учреждениям.

Инициатором судебного разбирательства в отношении лиц, подозреваемых в самовольных порубках в казенных, въезжих, общих и спорных с казною лесах в Курской губернии, выступало Лесное отделение Курской палаты государственных имуществ Министерства государственных имуществ. В необходимых случаях руководство Лесного отделения направляло отношение в суд первой степени (первой инстанции) – земский суд, являвшийся судебным и полицейско-следственным органом уездного управления. В отношении суду предписывалось приступить к следствию о порубке леса. Отношение готовилось, как правило, на основании донесений руководителей лесничеств – лесничих. Следствие и судебное рассмотрение дел затягивались на годы. Рассмотрим несколько примеров.

20 декабря 1849 г. Корочанский лесничий капитан Гедройц отправил донесение в Лесное отделение Курской палаты государственных имуществ. В документе говорилось, что 15 декабря 1849 г. лесничий по служебным делам находился в Корочанском уезде. В ходе поездки на дороге, идущей из слободы Ивицы, он встретил около 20 подвод, принадлежавших государственным крестьянам слободы Соколовки. На подводах крестьяне везли наломанный ими в Корочанской въезжей даче (в районе деревни Покидовой) разного рода сырорастущий лес. Вместе с крестьянами находились церковнослужители слободы Соколовки,

также принимавшие участие в незаконной порубке леса. Лесничий, зная, что разрешения на заготовку древесины у крестьян не могло быть, приказал всем вернуться назад в деревню Покидову для разбирательства. Однако крестьяне распоряжение не выполнили – при въезде в деревню они разъехались разными дорогами. Лесничий ничего предпринять для задержания крестьян не смог. Видимо, лесничий был крайне недоволен явным актом неподчинения, продемонстрированным крестьянами. Он уже 16 декабря 1649 г. направил отношение в Корочанский земский суд (№ 1534) с просьбой откомандировать представителя суда в слободу Соколовку для проведения расследования – «обыска» [17, л. 1–1 об.].

18 декабря суд направил пристава для проведения следствия. Лесничий совместно с приставом 2-го Стана Золотаревым и депутатами из числа духовных лиц и государственных крестьян в тот же день провели «обыск» во дворах жителей слободы Соколовки. Во дворах 52 жителей был обнаружен хворост, в том числе у дьяка Е. Ильинского – 2 воза сырого и сухого ломанного хвороста (деревьев мягких пород), у пономаря Ф. Стефановского – 3 воза сырого и сухого ломанного хвороста деревьев мягких пород. Всего было обнаружено около 200 возов сырого и сухого хвороста деревьев мягких пород и 1 воз сырого дубового рубленного хвороста [17, л. 2–2 об.].

31 декабря 1849 г. в Корочанский земский суд Лесным отделением Курской палаты государственных имуществ было направлено отношение, в котором Палата предписывала земскому суду немедленно приступить к следствию по факту порубки леса жителями слободы Соколовки. Одновременно палата предписала Корочанскому лесничему произвести подсчет ущерба, нанесенного порубкой, и отправить расчет земскому суду, а копию – в палату [17, л. 4–5]. Немедленно произвести расчет ущерба, нанесенного самовольной порубкой, не представлялось возможным. Капитан Гедройц указал, что подсчет количества истребленного леса возможно будет сделать только весной (т. е. после того, как сойдет снег) [17, л. 1–1 об.].

В феврале 1850 г. лесной ревизор Савицкий при осмотре Корочанского въезжего леса встретил крестьян слободы Соколовки, которые везли домой дрова на 8 подводах – сырой и сухой ломанный ореховый хворост. Крестьяне были препровождены в волостное правление села Большое Городище, дрова были изъяты. Лесничему 11 февраля 1850 г. был направлен соответствующий отчет. Материал о новой самовольной порубке в соответствии с отношением губернского лесничего был приобщен к ранее заведенном делу [17, л. 6–6 об.].

24 марта 1850 г. Корочанский лесничий отчитался перед палатой госимуществ о том, что по факту самовольной порубки леса крестьянами д. Соколовки было проведено следствие, материал отправлен в Корочанский земский суд [17, л. 9–9 об.].

Подсчет ущерба в Корочанском въезжем лесу был произведен 13 апреля 1850 г. в окрестностях нескольких деревень и в нескольких урочищах. Ущерб был рассчитан лесничим в присутствии заседателя Городищанского волостного правления С. Дмитриева и свидетелей из числа государственных крестьян Пушкаревского сельского общества Городищанской волости Корочанского уезда. На нескольких участках леса были выявлены порубки 22 кубических саженей дуба, 167 кубических саженей деревьев мягких пород и 151 кубической сажени орешника. Итого ущерб был оценен в 1026 руб. 50 коп. [17, л. 15–18] В расчете указано: порубки произведены «в истекшее зимнее время сего года неизвестно кем» [17, л. 16]. 14 апреля 1850 г. лесничий направил в адрес палаты донесение с расчетом ущерба [17, л. 14].

28 сентября 1850 г. корочанский лесничий рапортовал в Курскую Палату го-

сударственных имуществ об окончании следствия о порубках, произведенных в декабре 1849 г. и феврале 1850 г. в Корочанском въезжем лесу государственными крестьянами, и предоставлении результатов следствия в Корочанский земский суд [17, л. 18–18 об.]. Земский суд не спешил заканчивать расследование и проводить судебное разбирательство. Курская палата государственных имуществ пыталась принять меры для ускорения рассмотрения дела. Руководство палаты обратилось за содействием в Курское губернское правление. 30 ноября 1850 г. губернское правление уведомило палату госимуществ о том, что Корочанскому земскому суду предложено немедленно исполнить требования палаты по делу о порубке леса [17, л. 19].

Следствие по делу о порубке леса было окончено Корочанским земским судом лишь в феврале 1851 г. Приговоры земских судов по делам о самовольных порубках, произведенных в казенных лесах, в тех случаях, если сумма ущерба не превышала 6 рублей и обвиняемые приговаривались только к денежному штрафу без телесного наказания, наличия согласия с приговором Палаты государственных имуществ, исполнялись непосредственно после их вынесения. Если же по делу проходило несколько человек или ущерб превышал 6 рублей, то земский суд направлял дело в уездный суд на апелляцию [18, ст. 1600]. Земский суд после рассмотрения дела о порубке леса крестьянами д. Соколовка направил его в уездный суд. 20 февраля 1851 г. суд первой степени направил соответствующий рапорт в Курскую палату госимуществ [17, л. 20].

Уездный суд также не торопился рассмотреть дело, несмотря на предписания Палаты госимуществ. Для ускорения процедуры руководство Курской палаты государственных имуществ вновь обратилось в Курское губернское правление, которое 30 ноября 1852 г. уведомило Палату о том, что требование о рассмотрении дела о порубке леса крестьянами Соколовки Корочанским уездным судом исполнено [17, л. 23]. Уездный суд в то же время отчитался перед Палатой об остановке дела в связи с тем, что корочанский городничий не доставил в суд подсудимых, несмотря на неоднократно направленные ему сообщения [17, л. 24–24 об.]. Рассмотрение дела затягивалось. Документы периодически терялись. 10 июня 1853 г. Корочанский уездный суд направил рапорт в Курскую палату госимуществ. В рапорте суд сообщил о приостановке дела в связи с тем, что корочанский лесничий не представил в суд исчисление ущерба [17, л. 28–28 об.]. Отметим, что лесничий направил соответствующий расчет еще весной 1850 г. Он оперативно продублировал отправку расчета ущерба. 28 июля 1853 г. корочанский лесничий отчитался о направлении в суд соответствующего документа [17, л. 30]. Несмотря на многочисленные предписания Палаты госимуществ с требованием ускорить рассмотрение дела, процесс все сильнее затягивался. Наконец после рассмотрения дела в декабре 1853 г. уездный суд направил его в Курскую палату уголовного суда на апелляцию. Согласно положениям Лесного устава судебное решение подлежало исполнению, если в течение двухнедельного срока не был подан апелляционный отзыв.

Согласно положениям Лесного устава «решенное в Уголовной Палате дело по лесным преступлениям, в коих изобличено много число людей… вносится в Правительствующий Сенат и в том случае, если число означенных людей не менее десяти» [18, ст. 1606].

7 мая 1856 г. Курская палата уголовного суда направила в Курскую палату госимуществ письмо, в котором сообщалось: «Слушали дело о порубке в Корочанской въезжей даче жителями деревни Соколовки. Дело не разрешено, так как нет разрешения Правительствующего Сената» [19, л. 130–130 об.]. 26 февраля

1857 г. дело было возвращено в Корочанский уездный суд «для дополнения» [17, л. 132–132 об.]. Несколько лет шло дополнительное расследование. 31 декабря 1860 г. Корочанский уездный суд направил в Курскую палату госимуществ доклад о том, что за истекшие годы в суде хранится несколько дел о порубках в Корочанской въезжей даче. Суд просил пояснить: «когда учинена порубка леса, кем именно, при каком селении или деревни и в каких урочищах», и констатировал, что «дела отыскать невозможно» [17, л. 144–144 об.]. В апреле 1861 г. Корочанский уездный суд в рапорте Курской палате госимуществ пояснил, что дело по порубке в Корочанской въезжей даче жителями Соколовки отсутствует и в архивной описи не значится [17, л. 146–146 об.]. Переписка между Корочанским уездным судом и Курской палатой госимуществ продолжалась еще несколько лет. Однако дело так и не нашлось…

Аналогично происходило затягивание других дел о порубках в казенных, въезжих и спорных с казной лесах Корочанского узда [19, л. 1–79; 20, л. 1–79].

В других уездах процедура рассмотрения дел не отличалась от приведенной в качестве примера выше. Так, дело о порубке леса в Грайворонском уезде рассматривалось с 1853 по 1881 г. [21, л. 1–178].

Дело о порубке леса в деревне Кобылиной Старооскольского уезда, заведённое в 1852 г., рассматривалось до 1871 г. Интересно, что дело было инициировано не лесными чиновниками, а крестьянами деревни Кобылиной, которые подали жалобу на имя Николая Первого. В жалобе указано, что крестьяне другой деревни – Готови истребляют заповедный лес, находящийся рядом с их деревней [22, л. 1–78].

Дело о самовольной порубке леса в Белгородском уезде рассматривалось с 1853 по 1871 г. В итоге обвиняемые в порубке крестьяне были освобождены от наказания за давностью лет и в связи с выходом Манифеста от 28 октября 1866 г. (Манифестом было объявлено о помиловании по случаю бракосочетания наследника престола – цесаревича Александра Александровича) [23, л. 1–95].

Своеобразный рекорд по длительности рассмотрения дела о самовольных порубках леса был установлен в корочанском уезде. Дело по рапорту корочанского лесничего о порубке леса и его расчистке в Кускинской даче государственными крестьянами Кардяковым, Вытовтовым с прочими, Головкиным, Новиковым и другими было открыто в октябре 1857 г. Оно было передано в архив лишь 6 октября 1907 г. 15 октября 1857 г. корочанским лесничим прапорщиком Валлосевичем в Курскую палату государственных имуществ был направлен рапорт. В рапорте шла речь о том, что в общей Кускинской даче была выявлена самовольная порубка. В результате розыска было установлено, что порубку осуществили государственные крестьяне (указаны фамилии и имена, а также вид и количество срубленных ими деревьев) [24, л. 1–2]. 29 ноября 1857 г. Лесное отделение Курской палаты госимуществ направило Новооскольскому земскому суду предписание о скорейшем проведении формального следствия по делу по произведенной порубке [24, л. 3]. Дело, казалось, сдвинулось с мертвой точки. Были опрошены свидетели, исчислен ущерб, произведенный порубкой. Соответствующие документы были оперативно отправлены Палатой госимуществ в суд (в течение весны 1858 г.) [24, л. 10–23]. 20 декабря 1858 г. Новооскольский земский суд доложил в Курскую палату государственных имуществ, что следствие окончено и дело направлено в Новооскольский уездный суд 2 января 1858 г. [24, л. 5]. 28 февраля 1859 г. Лесное отделение Курской палаты госимуществ напомнило Новооскольскому уездному суду о том, что Новооскольский земский суд передал дело о порубке этому суду и предписал «озаботиться скорейшим рас-

смотрением сего дела» [24, л. 6]. 17 марта 1859 г. Новооскольский уездный суд доложил в Курскую палату госимуществ о том, что дело не получал и затребовал его у земского суда [24, л. 7–7 об.]. В апреле 1859 г. Новооскольский земский суд направил рапорт в Курскую палату госимуществ, в котором доложил, что следствие по делу окончено, а дело направлено в Новооскольский уездный суд [24, л. 49]. 10 ноября 1859 г. Новооскольский уездный суд рапортовал в Курскую палату госимуществ об окончании дела и направлении его на ревизию в Курскую палату уголовного суда [24, л. 53–53 об.]. 20 января 1860 г. палата уголовного суда направила в Курскую палату госимуществ письмо, в котором сообщила, что дело рассмотрено. Суд неожиданно для лесных чиновников пришел к выводу, что «по этому делу оказываются виновными полесовщики в слабом смотрении за вверенными их надзору лесом, но поступки их согласно 5382 статьи тома 2-го книги 1-й издания 1857 г. Палатою Государственных имуществ не рассмотрено. Почему Палата сия полагает настоящее дело препроводить в Курскую палату государственных имуществ для объясненной надобности и просит о заключении своем и равно о том, к какому роду дач принадлежат те дачи, в коих произведена порубка, уведомить Палату» [24, л. 55–56].

20 января 1860 г. Курская палата уголовного суда направила в Курскую палату госимуществ второе письмо. В нем содержалась просьба обсудить поступки полесовщиков [24, л. 57–57 об.]. Палата госимуществ сама оказалась в роли ответчика по делу и не спешила с проведением расследования. Теперь уже ей приходили напоминания из палаты уголовного суда с требованиями дать ответ на январские послания (несколько писем были получены в мае 1860 г. – *Авт.*) [24, л. 62–62 об.]. Стороны слали друг другу послания: Палата госимуществ просила Палату уголовного суда утвердить или отменить вердикт Новооскольского уездного суда. Палата уголовного суда, делая акцент на недосмотре полесовщиков за лесом, предлагала рассмотреть дело самой Палате госимуществ. Переписка продолжалась несколько месяцев. В конце концов дело было отправлено на дорасследование в Новооскольский уездный суд [24, л. 64–70]. Оно дополнялось из года в год. Заинтересованные стороны вели переписку по поводу его рассмотрения [24, л. 71–165]. В октябре 1871 г., уже после судебной реформы, Курский окружной суд вновь слушал дело и принял решение о том, что государственные крестьяне виновны в самовольной порубке и в качестве наказания приговорил их к штрафам [24, л. 167–204 об.]. Решение вступило в законную силу в 1872 г. Крестьяне, признанные виновными, были ознакомлены с решением суда под роспись [24, л. 209–214]. Само дело было сдано в архив лишь в октябре 1907 г., как «нетребующее дальнейшего производства» [24, л. 214 об.].

Таким образом, рассмотрение дел о самовольных порубках в казенных, въезжих и спорных с казною лесах рассматривались судами чрезвычайно долго. Иногда с момента порубки до утверждения приговора проходили десятки лет. Судебные и административные учреждения занимались бесконечной перепиской, которая не давала практических результатов. Крестьяне, наблюдая неэффективность деятельности судебных органов, продолжали противоправную заготовку древесины.

Выводы

Характерными особенностями судопроизводства по делам о незаконной рубке леса в Российской империи в дореформенный период XIX в. были бюрократизм, безответственность, волокита и, как следствие, низкая эффективность судебной системы в деле охраны лесов.

К причинам низкой эффективности работы судов приводило отсутствие пре-

дельных сроков рассмотрения дел в источниках российского права, запутанность порядка рассмотрения дел и другие причины. Подтверждением этой гипотезы служат многочисленные примеры рассмотрения судами различных инстанций дел о незаконных порубках леса. Порядок судебного преследования лиц, виновных в таких порубках, требовал глубокой трансформации.

Список литературы

1. Блинников Р. В. Правовой режим земель государственного лесного фонда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 206 с.

2. Врангель В. История лесного законодательства Российской империи. С присоединением Очерка истории корабельных лесов России // Сочинения бар. В. Врангеля. СПб.: Привилег. тип. Фишера, 1841. 156 с.

3. Шелгунов Н. В. История русского лесного законодательства. СПб.: Тип. М-ва гос. имуществ, 1857. VIII, 378 с.

4. Ведров С. О лесоохранении по русскому праву: Исслед. Сергея Ведрова. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1878. IV, 224 с.

5. Гайковский Ф. А. Лесное законоведение. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1895. X, 178, 72 с.

6. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. III. Государственные имущества. СПб., 1888. 286 с.

7. Филонов Г. А., Черных В. С. Судебная реформа Александра II // Территория науки. 2015. № 4. С. 26–43.

8. Ефремова Н. Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII – XIX вв.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 34–50.

9. Тяпкин М. О., Демчик Е. В. Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе // Известия Алтайского государственного университета: журнал теоретических и прикладных исследований. Исторические науки и археология. 2017. № 2 (94). С. 145–151.

10. Фролова О. В. Правовое регулирование режима охраны и использования лесных ресурсов в России XVIII – начала XX в.: Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 186 с.

11. Молчанов Б. А. О судопроизводстве по делам о лесных порубках, поджогах и других нарушениях лесных законов России XIX в. // Актуальные проблемы правовой науки. Вып. 1. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2000. С. 33–41.

12. Никифоров С. А. Реформирование управления лесами в Российской империи в середине XIX века: Первые шаги реформы (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 189-198.

13. Никифоров С. А., Сембиева Л. Инновации в лесоустройстве, учете и оценке лесов России в XIX веке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 202–214.

14. Алексеев А. И., Третьяков А. В. Государственное регулирование лесного хозяйства Российской империи в XIX – начале XX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 2(42). С. 27–32.

15. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 153. Оп. 1. Д. 6.

16. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 52.

17. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 269.

18. Устав лесной // Свод законов Российской империи. Т. 8, ч. 1. СПб.: Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. С. 1–421.

19. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 307.
20. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 336.
21. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 416.
22. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 375.
23. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 415.
24. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 521.

References

1. Blinnikov R. V. Pravovoj rezhim zemel' gosudarstvennogo lesnogo fonda v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [The legal regime of the lands of the State forest fund in the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 206 p.

2. Vrangel' V. Istoriya lesnogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii. S prisoedineniem Ocherka istorii korabel'nyh lesov Rossii [The history of the forest legislation of the Russian Empire. With the addition of an Essay on the history of the ship forests of Russia]. Sochineniya bar. V. Vrangelya [Writings of bar. V. Wrangel]. St. Petersburg, Privileg. tip. Fishera, 1841. 156 p.

3. Shelgunov N. V. Istoriya russkogo lesnogo zakonodatel'stva [The history of Russian forest legislation]. St. Petersburg, Tip. M-va gos. imushchestv, 1857. VIII, 378 p.

4. Vedrov S. O lesoohranenii po russkomu pravu: Issled. Sergeya Vedrova [On forest protection under Russian law: Research. Sergei Fedorov]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, 1878. IV, 224 p.

5. Gajkovskij F. A. Lesnoe zakonovedenie [Forest law]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1895. X, 178, 72 p.

6. Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnej deyatel'nosti Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv. 1837–1887. pt. III. Gosudarstvennye imushchestva [Historical review of the fifty-year activity of the Ministry of State Property. 1837–1887. Part III. State property]. St. Petersburg, 1888. 286 p.

7. Filonov G. A., Chernyh V. S. Sudebnaya reforma Aleksandra II [Judicial reform of Alexander II]. *Territoriya nauki = The territory of science*, 2015, no. 4, pp. 26–43.

8. Efremova N. N. Evolyuciya otechestvennogo pravosudiya (sudebnye reformy XVIII – XIX vv.) [The evolution of domestic justice (judicial reforms of the XVIII – XIX centuries)]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2008, no. 2, pp. 34–50.

9. Tyapkin M. O., Demchik E. V. Harakteristika samovol'noj porubki lesa v istoricheskoj retrospektive [Characteristics of unauthorized logging in historical retrospect]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta: zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij Istoricheskie nauki i arheologiya = Izvestiya Altai State University: Journal of Theoretical and Applied Research Historical Sciences and Archaeology*, 2017, no. 2 (94), pp. 145–151.

10. Frolova O. V. Pravovoe regulirovanie rezhima ohrany i ispol'zovaniya lesnyh resursov v Rossii XVIII – nachala XX v.: Istoriko-pravovoj aspect. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of the regime of protection and use of forest resources in Russia of the XVIII – early XX centuries: Historical and legal aspect. Cand. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 2002. 186 p.

11. Molchanov B. A. O sudoproizvodstve po delam o lesnyh porubkah, podzhogah i drugih narusheniyah lesnyh zakonov Rossii XIX v. [On judicial proceedings in cases of forest felling, arson and other violations of forest laws of Russia in the XIX century]. Aktual'nye problemy pravovoj nauki [Actual problems of legal science]. Is. 1. Arhangel'sk, Izd-vo Pomor. un-ta, 2000, pp. 33–41.

12. Nikiforov S. A. Reformirovanie upravleniya lesami v Rossijskoj imperii v seredine XIX veka: Pervye shagi reformy (na primere Kurskoj gubernii) [Forest management Reform in the Russian Empire in the middle of the nineteenth century: The first steps of reform (on the example of Kursk province)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and law,* 2022, vol. 12, no. 5, pp. 189–198.

13. Nikiforov S. A., Sembieva L. Innovacii v lesoustrojstve, uchete i ocenke lesov Rossii v XIX veke [Innovations in forest management, accounting and assessment of forests in Russia in the XIX century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i parvo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and law*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 202–214.

14. Alekseev A. I., Tret'yakov A. V. Gosudarstvennoe regulirovanie lesnogo hozyajstva Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX v. [State regulation of forestry of the Russian Empire in the XIX – early XX century]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2017, no. 2(42), pp. 27–32.

15. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 153, op. 1, d. 6.

16. GAKO, f. 153, op. 1, d. 52.

17. GAKO, f. 153, op. 1, d. 269.

18. Ustav lesnoj [Charter of the forest]. *Svod zakonov Rossijskoj imperii = Code of Laws of the Russian Empire*. vol. 8, ch. 1. St. Petersburg, Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii, 1857, pp. 1–421.

19. GAKO, f. 153, op. 1, d. 307.

20. GAKO, f. 153, op. 1, d. 336.

21. GAKO, f. 153, op. 1, d. 416.

22. GAKO, f. 153, op. 1, d. 375.

23. GAKO, f. 153, op. 1, d. 415.

24. GAKO, f. 153, op. 1, d. 521.

Информация об авторе / Information about the Author

Никифоров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Sergey A. Nikiforov, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University Kursk, Russian Federation,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Оригинальная статья / Original article

УДК 93

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-246-261

CC BY 4.0

Вопрос централизации и децентрализации власти в российской историографии 1860–1890-х годов

С. Н. Подлесных[1] ✉

[1]Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова
ул. Тимирязева, д. 8, г. Воронеж 394087, Российская Федерация

✉ e-mail: agera3@yandex.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования, во-первых, обусловлена самой проблемой централизации и децентрализации власти в системе государственного управления. Во-вторых, обозначенная тема до сих пор не являлась предметом отдельного научного исследования среди историографов. В-третьих, после отмены крепостного права, проведения ряда либеральных реформ в России вопрос децентрализации власти в 1860–1890-е годы приобрел большую актуальность ввиду изменения общественных отношений, мирохозяйственных связей, изменения самой системы государственного устройства.*

Цель – *проанализировать взгляды современников 1860–1890-х годов на административную централизацию и децентрализацию власти.*

Задачи: *выявить проблематику по заданной теме в работах российских мыслителей 1860-1890-х годов; описать основные выводы современников относительно административной централизации и децентрализации власти.*

Методология. *В ходе исследования автором были применены методы структурного анализа, историко-сравнительный, историко-системный, логический и другие.*

Результаты. *Были рассмотрены взгляды исследователей 1860–1890-х годов на сущность административной централизации и децентрализации власти в ходе проведения и по итогам Великих реформ императора Александра II. Особое внимание было уделено анализу работ современников, посвященных вопросам самоуправления в губерниях Российской империи как элемента административной децентрализации. Дается разграничение понятий политическая и административная централизация и децентрализация.*

Вывод. *Реформы Александра II серьезно оживили научную общественность 1860–1890-х годов по вопросам централизации и децентрализации власти относительно реформ местного управления в губерниях России. В 1870–1890-е годы в российской печати стали появляться работы, которые были основаны на первых итогах Великих реформ, наметилась проблематика относительно объема административной централизации и децентрализации власти применительно к коронным органам власти и органам власти на местах.*

Ключевые слова: *историография; централизация; децентрализация; власть; Александр II; земская реформа; судебная реформа; самоуправление.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Подлесных С. Н. Вопрос централизации и децентрализации власти в российской историографии 1860–1890-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 246–261. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-246-261.

Поступила в редакцию 23.10.2023 Принята к публикации 21.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Подлесных С. Н., 2023

The Issue of Centralization and Decentralization of Power in the Russian Historiography of the 1860s–1890s.

Sergey N. Podlesnykh[1] ✉

[1]Voronezh State Forestry University named after G. F. Morozov
8 Timiryazev Str., Voronezh 394087, Russian Federation

✉ e-mail: agera3@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the research topic, firstly, is due to the very problem of centralization and decentralization of power in the system of public administration. Secondly, the designated topic has not yet been the subject of a separate scientific study among historiographers. Thirdly, after the abolition of serfdom and the implementation of a number of liberal reforms in Russia, the issue of decentralization of power in the 1860s and 1890s became more relevant due to changes in public relations, world economic relations, and changes in the system of government itself.*

Purpose. *To analyze the views of contemporaries of the 1860s and 1890s on administrative centralization and decentralization of power.*

Objectives: *to identify the problems on a given topic in the works of Russian thinkers of the 1860s and 1890s; to describe the main conclusions of contemporaries regarding the administrative centralization and decentralization of power.*

Methodology. *In the course of the study, the author applied methods of structural analysis, historical-comparative, historical-system, logical and others.*

Results. *The views of researchers from the 1860s and 1890s on the essence of administrative centralization and decentralization of power during and following the Great Reforms of Emperor Alexander II were considered. Special attention was paid to the analysis of the works of contemporaries devoted to the issues of self-government in the provinces of the Russian Empire as an element of administrative decentralization. A distinction is made between the concepts of political and administrative centralization and decentralization.*

Conclusion. *The reforms of Alexander II seriously revived the scientific community of the 1860s and 1890s on the issues of centralization and decentralization of power in relation to the reforms of local government in the provinces of Russia. In the 1870s and 1890s, works began to appear in the Russian press that were based on the first results of the Great Reforms, and problems arose regarding the scope of administrative centralization and decentralization of power in relation to crown authorities and local authorities.*

Keywords: *historiography; centralization; decentralization; Alexander II; zemstvo reform; judicial reform; self-government.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Podlesnykh S. N. The Issue of Centralization and Decentralization of Power in the Russian Historiography of the 1860s–1890s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 246–261. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-246-261

Received 23.10.2023 Accepted 21.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Вопрос централизации и децентрализации власти пореформенного времени является одним из основных вопросов истории государственного управления России. Вместе с тем необходимо отметить, что в России во второй половине XIX в., как правило, отдельных значимых работ по централизации и децентрализации власти не выходило. Вопросы централизации и децентрализации власти в основном обсуждались в контексте общих аспектов государственного и местного управления. Ввиду этого отдельных монографий, посвященных этой теме, не издавалось. Периодическая печать рассматриваемого периода также не блистала большим количеством статей в обла-

сти исследований по централизации и децентрализации власти. Как правило, данные вопросы обсуждались в работах, посвященных государственному праву России и его истории, местному управлению и местным учреждениям.

Одной из важнейших тем, которую поднимали современники, была проблема образования централизованного Российского государства. Среди авторов, которые занимались историей централизации русского государства, можно назвать выдающихся ученых второй половины XIX – начала XX столетия. Это такие авторы, как В. И. Сергеевич [1], Н. И. Костомаров [2], В. О. Ключевский [3], С. Б. Веселовский [4] и др. Однако в данном контексте в основном рассматривалась политическая централизация и децентрализация власти.

Таким образом, современники анализировали централизацию России в основном отдаленного исторического прошлого в политическом аспекте. Работ, которые были бы посвящены анализу реформ второй половины XIX в. с точки зрения административной централизации и децентрализации, было немного.

В данном исследовании предпринята попытка анализа централизации и децентрализации власти в работах ученых второй половины XIX в. в административном аспекте.

Методология

Методологической основой исследования послужили как общие, так и частные методы научного познания: метод структурного анализа, который позволил понять изменения в российском обществе второй половины XIX в.; историко-сравнительный метод, с помощью которого в исследовании путем сравнения различных точек зрения на вопросы централизации и децентрализации власти рассматривается общее и особенное; историко-системный метод, который позволил в комплексе проанализировать взгляды российских исследователей в 1860–1890-е гг. на проблему централизации и децентрализации власти в связи с проведенными либеральными реформами (главным образом местного самоуправления); логический метод, который позволил выявить сущность централизации и децентрализации власти в работах исследователей второй половины XIX в.; в статье также использовались иные методы научного познания.

Работа построена на принципах историзма, научной объективности и достоверности.

Источниковая база работы состоит из статей в периодических изданиях и исследований монографического характера 1860–1890-х гг.

Результаты и их обсуждение

С объявлением 19 февраля 1861 г. Всемилостивейшего Манифеста и последующей реализацией Великих реформ императором Александром II в российском обществе с все большей силой стали разгораться споры, касающиеся новых форм и методов управления, новых схем построения государственных органов, их взаимодействия между собой и гражданскими институтами. Известный экономист и публицист В. П. Безобразов писал: «На долю императора Александра II выпал счастливый жребий поставить великое урочище в истории судеб нашего отечества» [5, с. 266].

В силу огромности Российской империи, ее разнообразного культурного, этнического и религиозного мироустройства все большую актуальность стали приобретать вопросы обустройства органов власти на местах, в отдельных губерниях. Одной из важнейших проблем, которую на страницах российских изданий стали обсуждать исследователи в 1860–1890-е гг., была проблема должного соотношения централизации и децентрализации власти в сфере местного государственного управления, степень самостоятельности местных учреждений (в губерниях и уездах) от коронных органов вла-

сти, поскольку современники отмечали достаточно низкий уровень эффективности работы губернских и уездных учреждений, не способных в должной мере поддерживать нормальный уровень жизни местного населения [6, с. 24; 7, с. 179; 8; 9, 376–382; 10, с. 6–7].

На этот счет государственный деятель и публицист Г.А. Евреинов в своем небольшом исследовании 1888 г. «Заметки о местной реформе» отмечал следующее: «Современная организация наших губернских и уездных учреждений, вызывая значительную и напрасную затрату личных сил и материальных средств, не обеспечивает населению – в особенности в уездах и незначительных городских поселениях – в сколько-нибудь достаточной степени ни хозяйственного благоустройства, ни общественной и личной безопасности» [11, с. 5].

Споры среди современников относительно административной централизации и децентрализации власти в основном касались местного самоуправления (земская и городская реформы) и судоустройства (судебная реформа). Земская и городская реформы ввели местное самоуправление в уездах и городах Российской империи, в ходе судебной реформы курс на децентрализацию был взят в связи с введением мировой юстиции.

Анализируя вопрос централизации и децентрализации власти, современники были весьма последовательными. Первоначально анализу подвергались сами категории «централизация» и «децентрализация». Как правило, по отношению к основной сущности этих двух понятий исследователи между собой были солидарны, что будет показано ниже.

Необходимо отметить, что современники выделяли два вида централизации и децентрализации власти: политическую и административную. Правовед и историк Б. Н. Чичерин, описывая разницу между политической и административной централизацией и децентрализацией, подчеркивал, что «разграничить эти понятия сколько-нибудь точным образом невозможно» [9, с. 377]. Политическая централизация и децентрализация в своей основе опираются на понятия независимости и самостоятельности (степени самостоятельности). Административная же централизация и децентрализация оперируют понятиями «компетенция» и «объем полномочий» и относятся к сфере управления. Однако политическую и административную централизацию и децентрализацию также можно разграничить по предмету ведения. К примеру, политическая централизация и децентрализация власти – это, в частности, вопросы законодательства, внутренняя и внешняя политика, оборона и финансы, политические права населения.

Административная централизация и децентрализация касается вопросов управления: чем больше вопросов управляется из общего центра, тем сильнее централизация власти. Политическая децентрализация предполагает два уровня власти, как в федерациях. При административной децентрализации власть едина, но неполитические права центра в целях управления могут передаваться на места.

Ярким примером спора о сущности политической централизации и децентрализации является полемика середины XIX в. между историками С. М. Соловьевым и А. П. Щаповым. Эти отечественные мыслители аргументированно доказывали два различных пути становления государственности России: теория централизма (С. М. Соловьев) – политическая централизация власти, земско-областная доктрина (А. П. Щапов) – политическая децентрализация власти.

С. М. Соловьев как сторонник государственной школы в отечественной историографии представлял «централистскую» концепцию истории России. Ученый считал, что государство есть основополагающая, базовая ценность, которая является объединителем всех земель России и в то же время двигателем поступательного развития русского народа. А. П. Щапов как

представитель демократического направления истории России полагал, что российское государство, построенное на федеративных началах и учете региональных особенностей, основной движущей силой имело сам народ. Историю России Щапов рассматривал как «процесс народной колонизации (освоения)» [12, с. 129–132].

Таким образом, политический аспект централизации и децентрализации является первичным по отношению к административному аспекту централизации и децентрализации. В том числе политическая организация государства обусловливает модель государственного управления в форме централизации или децентрализации власти.

Отечественных авторов, затрагивающих в своих исследованиях тему административной централизации и децентрализации власти в 1860–1890-е гг., можно разделить на три лагеря:

1) сторонники централизации власти (А. И. Кошелев);

2) сторонники децентрализации власти (Н. М. Коркунов, А. А. Котельников, О. К. Нотович, К. Ф. Головин);

3) авторы, занимающие усредненную позицию (А. В. Лохвицкий, В. А. Гольцев, А. А. Головачев, Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский).

Рассмотрев сущность каждой из точек зрения, нетрудно понять, что сторонников централизации власти, крепкого самодержавия и главенствующей роли императора, коронных учреждений в управлении государством было немало среди консерваторов. Представители данного течения общественной мысли пореформенного времени преимущественно придерживались той точки зрения, в соответствии с которой в губерниях не может быть самостоятельных учреждений самоуправления вне государственной сферы, все они должны входить в систему органов государственной власти, выступали за сословный принцип функционирования государственных учреждений и учреждений самоуправления в губерниях.

Сторонниками децентрализации власти в основном были представители либерального течения, которые слыли ревнителями предоставления большей власти органам самоуправления, выступали за выборное начало при организации местных учреждений, доказывали необходимость передачи большего объема полномочий от центральной власти к местной власти.

Рассматривая работы 1860–1890-х гг. по теме централизации и децентрализации власти, в первую очередь необходимо упомянуть исследование А. В. Лохвицкого «Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Том 1», которая была издана в Санкт-Петербурге в 1864 г. [6] По заданной теме юрист Лохвицкий издал только один том своего труда.

Александр Владимирович Лохвицкий одним из первых в истории отечественной мысли затронул вопросы самоуправления, централизации и децентрализации. Исследователь писал: «Слова централизация и децентрализация далеко не одинаково понимаются. Под ними следует разуметь вопрос о месте нахождения общественной власти» [6, с. 7].

Лохвицкий рассматривал тему централизации и децентрализации власти в России в связи с теорией провинции, разработанной во Франции. «Вопрос о провинции преимущественно разработан французами. Во Франции, несравненно более чем в других странах континента Европы (за исключением России), и история, и дух народа вели к централизации», – писал А. В. Лохвицкий [6, с. 5]. В России тема централизации и децентрализации власти, как уже отмечалось, была поднята для обсуждения на самый высокий уровень лишь с подготовкой к проведению и реализацией Великих реформ. Для Лохвицкого централизация – это концентрация прав в центральных учреждениях государства, а децентрали-

зация, наоборот, перенесение прав из центра на окраины. Ученый отмечал, что передавать на места можно только те права, «какие только можно без опасности для прогресса и свободы» [6, с. 24]. В первую очередь к таким правам Лохвицкий относил права неполитического характера.

В целом А. В. Лохвицкий в вопросе централизации и децентрализации власти занимал умеренную позицию и отмечал, что крайности всегда губительны для государства: «…как централизация, так и децентрализация, доведенные до крайности: равно губительны: в первом случае мы будем иметь народ, лишенный способности к инициативе, возлагающий все на правительство, – во втором раздробление государства, анархию, материализм» [6, с. 24].

По мнению известного русского правоведа М. И. Свешникова, который достаточно детально рассмотрел работу А. В. Лохвицкого: «…указанное сочинение имело догматическое значение и должно быть упомянуто только потому, что в нем впервые, хотя не ясно, делается попытка определить систему самоуправления, как особую форму администрации» [13, с. 112]

Профессор Н. М. Коркунов в пособии к лекциям по русскому государственному праву писал, что «различие децентрализации и централизации определяется не раздроблением пределов ведомства между равными друг другу учреждениями, а распределением функций власти между центральными и местными учреждениями» [7, с. 178].

Иными словами, по мнению Коркунова, централизация отличается от децентрализации совокупностью полномочий в области государственного управления, которые разделены между коронными и местными учреждениями. Чем больше полномочий коронные органы власти передают губернскому и уездному уровням управления, тем объемнее децентрализация. В этой связи профессор добавлял: «Если при областной системе вся решительная власть будет сосредоточена в руках центральных областных органов, а местные учреждения будут только пассивными исполнителями их распоряжений, получится крайняя централизация. Если при реальной системе местные учреждения будут наделены значительной властью, установится децентрализация» [7, с. 178–179].

Относительно достоинств и недостатков централизации и децентрализации Н. М. Коркунов заключал, что «…централизация более способствует сосредоточению действия, напряжению сил, дает возможность достигнуть в сравнительно краткое время больших результатов… Децентрализация несколько ослабляет и замедляет деятельность администрации в данный момент, но зато, содействуя более равномерному распределению деятельных сил между отдельными частями государства, содействует тем самым развитию местной общественной жизни…» [7, с. 179]

В итоге профессор Коркунов, достаточно детально проанализировав характеристики централизации и децентрализации, делает вывод, что «в общем децентрализация предпочтительнее централизации» [7, с. 179]

Децентрализация власти подразумевает известную активность в том числе институтов гражданского общества на местном уровне по тем вопросам деятельности общественной и государственной жизни, по которым губернские и уездные учреждения имеют соответствующие компетенции. В этой связи исследователь А. А. Котельников отмечал, что «великие реформы минувшего царствования имели целью, с одной стороны, расширить круг активных элементов страны путем привлечения народной массы к сознательной жизни, а с другой – ослабить, насколько возможно, бюрократический режим, возложив на само общество заботы о правосудии, о местном благосостоянии, благоустройстве, народ-

ном образовании, медицинской помощи и пр.» [14, с. 106].

Говоря о преимуществах децентрализованного управления в виде самоуправления на местах, А. Котельников писал: «Начать с того, что население ближе знакомо с характером своих местных потребностей и интересов, с их объемом и относительным значением, с действительными способами достижения всевозможных местных целей и размерами средств, которыми располагает общество. Во-вторых, населению легче, чем центральной власти, выбрать людей, на которых можно возложить действительное заведывание местными вопросами; в-третьих, органы местного самоуправления находятся не только под надзором верховной власти, подобно бюрократии, но и под наблюдением всего общества, благодаря тому, что общественная деятельность доступна самой свободной критике и гласности. И в-четвертых, наконец, самоуправление развивает в населении самодеятельность и является прекрасной школой, не только влияющей на умственное развитие жителей, но и укрепляющей в них общественный дух» [14, с. 107–108].

Вместе с тем авторы второй половины XIX в. хорошо понимали, что неподготовленное общество в губерниях и уездах может не справиться с тем грузом новых обязанностей, которые центральные органы власти переложили на провинциальные учреждения. Так, публицист и общественный деятель славянофильских взглядов А. И. Кошелев в 1869 г. писал: «Нельзя было не осознавать нашей неподготовленности вообще к самоуправлению. Если бы разом нам было отведено обширное поприще, то мы бы раскидались, растерялись, не могли бы хорошо узнать свой участок и дельно с ним справиться» [15, с. 2].

Россия второй половины XIX в. – это преимущественно государство с крестьянским населением. По данным первой переписи населения 1897 г., преимущественно население России занималось сельским хозяйством [16, с. 4]. Ввиду этого обстоятельства вопрос о крестьянском самоуправлении как составной части децентрализации власти был особенно острым и болезненным. Далеко не все результаты, которые хотели видеть авторы либеральных реформ времени правления Александра II, были достигнуты. В частности, что касается реформ крестьянского самоуправления, то современники оценивали их итоги весьма скромно. Славянофил А. И. Кошелев в своей работе «О крестьянском самоуправлении и о присутствиях по крестьянским делам», вышедшей в Москве в 1881 г., отмечал: «…крестьянское самоуправление идет плохо, даже очень плохо, и много хуже, чем оно шло в первые годы по освобождении крестьян – это факт грустный, но несомненный» [17, с. 3].

А. И. Кошелев как славянофил в вопросах децентрализации власти через крестьянское самоуправление был преимущественно нигилистом и отрицал серьезные результаты в области крестьянского управления.

Интересные мысли по поводу децентрализации власти можно найти в работах яркого русского журналиста рубежа веков, редактора газеты «Новости» Осипа Константиновича Нотовича, к примеру, в его исследовании «Основы реформ местного и центрального управления», которое вышло в Санкт-Петербурге в 1882 г. Относительно анализируемого нами вопроса Нотович писал: «В основу системы управления может быть положен только один из двух принципов: или общественное управление под контролем правительства, или правительственное управление под контролем общества. В применении к строю нашего государственного управления более целесообразен первый принцип» [18, с. 121]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что исследователи второй половины XIX в. еще не совсем четко проводили грань между общественным управлением и децентра-

лизацией власти. В современной теории управления, современном административном праве под общественным управлением понимается «управление самого общества для решения своих внутренних задач и достижения поставленных целей. Деятельность субъектов общественного управления распространяется, как правило, только на членов соответствующей общественной организации. Распорядительные действия и решения общественного объединения, как правило, не характеризуются государственно-властным признаком» [19, с. 202].

Под общественным управлением О. К. Нотович понимает земства, описывая их как «безличные учреждения, представляющие собой нечто среднее между канцелярией, частной конторой и раскладочной комиссией» [18, с. 121–122]. Журналист Нотович выступает за расширение компетенции местной власти, он писал: «Права власти, разрешающей на месте, должны быть расширены до таких, именно, пределов, чтобы местная власть вполне удовлетворяла понятиям и требованиям власти, ведающей и удовлетворяющей все, без исключения, местные пользы и нужды…» [18, с. 122]. Автор отмечает большое количество запретов и обязанностей относительно прав местных учреждений и выступает за расширение их компетенции: «Такого рода "сила" не только дискредитирует местную власть в глазах местного общества, но и восстановляет население против власти, являющейся, прежде всего, антагонистом частного почина и самодеятельности» [18, с. 125]

Известный русский ученый и публицист В. А. Гольцев в своей статье «Самоуправление и децентрализация», опубликованной в «Юридическом вестнике» в 1881 г., писал: «И в ежемесячных изданиях, и в газетах, и в отдельных книгах не прекращаются рассуждения о наилучших основах этого грядущего преобразования, о необходимости правильной постановки самоуправления, о пагубных последствиях административной опеки» [20, с. 269]. Периодическая печать была перенасыщена статьями авторов, критикующих централизацию как систему. Нередко ученые и публицисты обращались к опыту зарубежных стран, чтобы доказать правоту своей точки зрения [21; 22].

Усредненную позицию занимали авторы с умеренными идеями относительно преобразования России, ее госаппарата, коронных и местных органов власти. К примеру, известный российский писатель, юрист, общественный деятель В. А. Гольцев придерживался именно умеренных взглядов в вопросе способов управления на местах. «Следует не закрывать глаз перед истиной, – подчеркивал Гольцев, – доискиваться многообразных корней известного зла, а не подсекать только ветви бюрократического древа, глушащего и правильное развитие личности, и поступательный рост местного самоуправления» [20, с. 273–274].

К 1870-м гг. в российской периодической печати стали появляться работы видных ученых, политических и общественных деятелей, которые носили не только теоретический характер, но и обобщали, делали первые выводы на основе практики реализации Великих реформ Александра II, современниками которых они являлись.

В ряде своих статей «Десять лет реформ» (позже были изданы отдельной книгой) публицист и общественный деятель А. А. Головачев последовательно доказывал, что с проведением реформ в России все же господствует централизация. Головачев писал: «Никто, конечно, не станет отрицать, что в нашей внутренней политике до последнего времени господствует стремление к системе административной централизации. Насколько это стремление ослаблено последними реформами, мы увидим впоследствии, но что оно до сих пор остается в силе, это, кажется, не требует доказательств» [23, с. 347].

Обращаясь к российскому историческому опыту государственного управления, отвечая на вопрос, какая модель государственного устройства была в России до реформ Александра II, централизованная или децентрализованная, публицист А. А. Головачев указывал: «Многие думают, что начало нашего самоуправления следует считать с учреждения дворянских и городских выборов. Но это только показывает, какие смутные понятия существуют у нас о централизации и самоуправлении… Вся власть административная, хозяйственная, полицейская и отчасти судебная сосредотачивалась в руках губернатора и состоявшего при нем в виде совета губернского правления… Таким образом, несмотря на выборное начало, у нас не существовало и тени самоуправления… Но нельзя сказать, чтобы у нас была осуществлена и система централизации, несмотря на то, что законодательство и высшая администрация стремились постоянно к этой цели… Одним словом, у нас существовала централизация на бумаге, а на практике царствовало одно чиновничье самоуправство» [23, с. 347–348]. В этой связи Головачев делает интересный вывод, основанный на том, что в дореформенное время в России вообще не было никаких систем, ни централизаторской, ни децентрализаторской, а господствовал только один «крепостной и чиновничий произвол».

Рассматривая первые итоги реализации реформ императора Александра II, ученый-правовед А. Д. Градовский отмечал: «У нас нет одной цельной системы местного управления, проникнутой одним началом, во всех ее подробностях. Мы имеем несколько систем и несколько соответствующих им организмов. В провинции имеется ряд правительственных должностей, ряд установлений сословных (дворянские, крестьянские учреждения), ряд установлений всесословных новейшей формации» [22, с. 4–5]. К таким выводам автор приходит в том числе после анализа проведенных земской и городской реформ, отражавших собой децентрализаторские стремления разработчиков и проводников Великих реформ.

В пореформенное время децентрализация власти связывалась главным образом с самоуправлением на местах. Передача полномочий от коронных органов власти органам местного самоуправления, объем переданных полномочий – вот основная тема в соотношении централизации и децентрализации на страницах пореформенных журналов, сборников, монографий.

Введение земского и городского самоуправления означало поворот системы управления в губерниях в сторону децентрализации власти. Стоя на позициях больше децентрализаторских, нежели централизаторских, к примеру, А. А. Головачев подчеркивал, что «нам решительно не понятно то недоверие к обществу, которое служит основанием бюрократических и централизаторских стремлений» [23, с. 352]. Он же уточнял: «Самоуправление предполагает известный законный порядок вещей, у нас же существовал крепостной произвол, не только в отношениях между помещиком и его крепостными, но и между чиновниками и народом» [23, с. 368–369].

Именно по этой причине подавляющее число публикаций рассматриваемого нами периода анализировали централизацию и децентрализацию власти посредством обобщения опыта земских и городских органов самоуправления. «Отрицать производительность работы наших самоуправлений невозможно, – писал земский деятель и публицист А. И. Новиков в своей статье, опубликованной в 1905 г. в журнале "Вестник знания". – В сорок лет создана провинциальная медицина, ветеринария, статистика, воссоздана школа. В городах тоже сделано немало, – не столько, может быть, сколько следовало, но и за то спасибо. Кроме нескольких писателей известных органов нашей печати, все признают заслуги самоуправлений и

приписывают их "местным людям" и выборному началу» [24, с. 50].

После известных событий 1 марта 1881 г. под влиянием консерваторов император Александр III свернул либеральные программы переустройства России. Новая программа развития страны была изложена 29 апреля 1881 г. в манифесте «О незыблемости самодержавия». Сворачивались все конституционные преобразования в империи. Современники-публицисты оживились, вновь взявшись за построение системы доказательств о том, что России с учетом ее исторического развития подходила только самодержавная форма правления с уклоном в сторону централизации власти. Однако новый монарх полностью не отказывался от децентрализаторских методов управления.

Публицисты журнала «Русская речь» за июнь 1881 г. писали: «Таким образом, по нашему мнению, Россия вовсе не нуждается в конституционном правлении, а ее нормальное, наилучшее и историческо-преемственное устройство должно заключаться в самодержавном управлении государством, наследственно приемлющим эту власть, русским Царем и в возможно частом общении этой власти с народом, посредством выборных сведущих людей, через которых желания и мнения народа, будучи непременно гласными, могли бы беспрепятственно доходить до Царя и обращать его внимание на неотложные нужды страны. В этом смысле мы понимаем и манифест 29 апреля, так как действительное разрешение указанных в нем задач возможно только при дружном содействии всего народа, голос которого должен быть принимаем в соображение; а указанные в манифесте задачи расширения и развития учреждений, положенных в основу самоуправления, служат гарантией, что на дальнейшее развитие этого самоуправления будет обращено должное внимание, и что ему дадут возможность развиваться естественным, нормальным путем» [25, с. 373].

В вопросе децентрализации власти посредством расширения полномочий местных органов управления обращает на себя внимание небольшая монография К. Ф. Головина. Константин Федорович Головин (1843–1913) был беллетристом консервативного направления, общественным деятелем и публицистом. Занимал позицию последовательного реакционера. Литературный псевдоним – К. Орловский [26, с. 614–615]. По словам Головина, выход его работы в свет был обусловлен тем, «чтобы обнять с возможною полнотой весь круг вопросов, возбуждаемых предстоящей реформой наших местных учреждений» [8, с. 3]. В своей небольшой работе автор представил оригинальный проект управления в губерниях России. «Вся суть, вся новизна предлагаемых нами мер заключается в двух учреждениях, стоящих на противоположных концах административной губернской лестницы, – в волостных мировых судьях и губернском совете» [8, с. 156], – писал Головин.

Анализируя губернское устройство, К. Ф. Головин подчеркивал: «…мы были поражены двумя главными недостатками, парализующими этот механизм: раздроблением власти и ответственности сверху донизу и признанием какой-то мнимой двойственности в интересах населения» [8, с. 156]. Публицист был сторонником децентрализации власти и выступал за расширение полномочий государственных учреждений в губерниях России.

К. Ф. Головин был одним из исследователей второй половины XIX в., которые затрагивали тему местных судебных учреждений в системе губернского устройства. Ведущую роль в губерниях Головин в том числе отдавал судьям.

Важно сказать, что вопрос децентрализации власти в ходе проведения реформ Александра II также затронул судебные учреждения России, система которых после 1864 г. значительно отличалась от судебной системы первой половины XIX в. Судебные учреждения наряду с административными органами – это

тоже властные государственные организации. Ввиду этого суды как элемент государственного аппарата испытали на себе практически все те же тенденции реформирования в вопросе централизации и децентрализации власти, что и административные учреждения. Тема судебной децентрализации в ходе Великих реформ требует отдельного исследования, поэтому в рамках данной статьи на этом вопросе подробно останавливаться не будем.

Интересную статью в журнале «Дело» за 1884 г. опубликовал социолог и публицист, сотрудник периодических изданий 1870–1880-х гг. Б. П. Онгирский. В своей статье «Реформа местного управления» автор критикует проект модернизации местного управления и представительства, обозначенный в работе К. Ф. Головина «Наше местное управление и местное представительство», изданной в Санкт-Петербурге в том же 1884 г. «Головин старается дать понять, – пишет Онгирский, – что существующий ныне беспорядок в губернском управлении преимущественно объясняется фактическим бессилием губернаторов, которых обижают и земства, и различные правительственные ведомства» [27, с. 96].

Подытоживая выводы по анализу работы славянофила К. Ф. Головина, либерал Б. П. Онгирский писал: «Проект преобразования губернского управления, предлагаемый г. Головиным, до такой степени бестолков, что очень трудно понять, чего собственно желает этот реформатор и каким образом проектируемые им меры могут привести к усилению губернаторской власти» [27, с. 97].

Отдельный блок в историографии пореформенного времени России представляют работы сторонников государственной школы. Представители этого научного направления внесли большой вклад в разработку концепции понимания исторического развития России, в том числе через анализ практической деятельности, структуры и системы, как в целом аппарата государственного управления, так и его отдельных учреждений. С оформлением государственной или юридической школы отечественной историографии вопрос изучения истории государственных учреждений поднялся на новый уровень.

Яркий представитель государственной школы, один из основоположников конституционного права России, правовед, историк и публицист Б. Н. Чичерин в своем труде «Курс государственной науки» в главе, посвященной организации управления, уделяет особое внимание централизации и местному управлению. В большей степени Борис Николаевич рассматривал вопрос централизации с юридической точки зрения. «Вопрос о централизации и местном самоуправлении есть коренной в области управления…», – Писал Чичерин [9, с. 376]. Как верно отмечал ученый, «понятие о централизации принимается в весьма разнообразных значениях». Для Чичерина централизация – это подчинение местного управления центральной власти.

Философ скрупулезно, с должной детализацией рассматривает перечень прав, которые, по его мнению, должны принадлежать центральной власти. Это следующие права:

1. Назначение местных властей и утверждение выборных.

2. Надзор за местными властями.

3. Восхождение местных дел на решение или утверждение центральной власти.

4. Направление местной деятельности из центра посредством обязательных постановлений, инструкций и предписаний.

По поводу децентрализации Б. Н. Чичерин высказывался конкретно: «Истинная децентрализация та, которая производится в пользу местного самоуправления» [9, с. 379].

Вслед за европейскими учеными российский мыслитель выделяет централизацию политическую и административную. То же самое касается и местного самоуправления. Однако, как подчерки-

вает философ Чичерин, в унитарном государстве речь может идти только об административном самоуправлении.

Что касается прав, которые необходимо закреплять за местным самоуправлением, то Чичерин относит к ним следующие права:

1. Выбор представителей для заведывания местными делами, или же назначение правительством независимых лиц из местных жителей для самостоятельного управления делами.

2. Автономия, или право издавать обязательные постановления для известной местности.

3. Самоуправление в тесном смысле или самостоятельное заведывание местными делами.

Кроме того, мыслитель Б. Н. Чичерин отмечал, что «местным органам самоуправления могут быть вверены дела, принадлежащие собственно к ведомству центральной власти, как-то, сбор государственных податей, взыскание повинностей, рекрутский набор, общая полиция, исполнение общих законов и распоряжений правительства» [9, с. 380–381].

В заключение темы, посвященной централизации и децентрализации, Б. Н. Чичерин делает общий вывод о том, что «вопрос о централизации и местном самоуправлении весьма сложный. Он не разрешается простым требованием, чтобы правительство как можно менее вмешивалось в местные дела» [9, с. 382].

Анализируя вопрос централизации и децентрализации власти в пореформенной России, нельзя не сказать о работах выдающегося русского ученого, публициста А. Д. Градовского. Александр Дмитриевич писал не только о государственном праве, государственном управлении России, но и системно занимался изучением опыта построения системы государственных учреждений в иностранных государствах. Собрание сочинений А. Д. Градовского в девяти томах – уникальное унифицированное исследование и теоретического, и эмпирического характера о государственном управлении России и зарубежных стран с глубоким историческим содержанием.

Вслед за иностранными авторами А. Д. Градовский также выделял централизацию политическую и административную, причем политическую децентрализацию ученый считал весьма опасным элементом государственного механизма, способного привести к распаду некогда единого государства.

О политической централизации Градовский писал так: «В государстве, окончательно сформировавшемся, составившем одну национальность, не может быть речи о провинции, как о политически самостоятельном теле. В самом деле, что вызывает появление государственного единства? Прежде всего уничтожение племенных особенностей, а вместе с тем и племенной вражды, разделявших страну, затем единство законов и прав, единство политической жизни; словом, государство появляется с уничтожением всех узких, эгоистических стремлений пред одной великой национальной целью. Доказывать необходимость такой централизации, значит доказывать необходимость самого государства. Страна, не представляющая такой централизации, есть недоразвившееся или неспособное к развитию государство» [28, с. 21].

Таким образом, Градовский подчеркивал, что политическая децентрализация не может привести к единству государства, в том числе к административному единству. Более того, в условиях политической децентрализации система органов управления не может развиваться ритмично, единообразно, преследуя цель не разделения, а объединения общества и государства. Среди черт политической централизации А. Д. Градовский выделял следующие:

– одна высшая законодательная власть;

– исключительное право верховной власти вести международные дела;

– сосредоточение командования армией и флотом;

– сосредоточение финансового верховенства;

– общие министерства для политического направления всей администрации государства;

– единообразие суда для всего государства [10, с. 2–3].

Политическая децентрализация свойственна федеральным государствам, что четко прослеживается по тем чертам политической централизации, которые приводит Градовский в своем сочинении.

Особое внимание А. Д. Градовский уделял объемам терминов, которые применительно к практике анализировали современники. Будучи высококлассным юристом, ученый понимал, что от четкого разграничения, обозначения заложенного в терминах содержания в конечном итоге зависит правоприменение и, как следствие, эффективность государственного управления. Иными словами, автор использовал формально-юридический подход к рассмотрению истории государственного и местного управления, как России, так и зарубежных стран. К слову сказать, такой метод был свойственен всем представителям государственной исторической школы. Так, к примеру, Александр Дмитриевич четко разграничивал термины «децентрализация» и «самоуправление». «…Термины "децентрализация" и "самоуправление" не суть термины тождественные, взаимно друг друга покрывающие. Система децентрализации может быть совмещена с системой правительственной опеки и нисколько не предполагает развития самоуправления… Под именем децентрализации вообще разумеется перемещение различных функций управления из рук центральных органов власти в руки местных ее представителей» [10, с. 6].

В основании эффективности государственного управления на местах, в губерниях, Градовский видел известную самостоятельность и ответственность местных органов. «Ни одна из отраслей внутренней администрации государства не будет идти успешно, – писал А. Д. Градовский, – если она не будет иметь на месте органов, действующих самостоятельно и под своей ответственностью» [10, с. 7].

Задаваясь вопросом эффективности управления в отдельных губерниях и уездах России, А. Д. Градовский обращал внимание на то, что эффективность деятельности государственных учреждений на местах зависит в том числе от объективности выделения той или иной территории в отдельную самостоятельную административную единицу. Исследователь указывал на то, что в России, как и во Франции, административное деление имеет искусственное происхождение. Ученый писал: «Наши губернии и даже наши уезды (если принять в расчет их границы) – нового и чисто искусственного происхождения; поэтому много нужно было времени до тех пор, пока в уездах и губерниях могли установиться какие-нибудь общие интересы и явиться потребность в общественных учреждениях для губерний и уездов» [10, с. 12].

Работы профессора А. Д. Градовского по централизации и децентрализации власти, самоуправлению не потеряли своей актуальности по сей день и требуют отдельного глубокого анализа.

Полемика по поводу административной централизации и децентрализации власти, развернутая в отечественной печати пореформенного времени, оказала заметное влияние на политику императора Александра III в ходе так называемых «контрреформ». В частности, наиболее заметные изменения в сторону централизации государственного управления проходили в сфере земства и судебной системы. Так, к примеру, со стороны коронных органов власти по реформе 1890 г. усиливался контроль над земствами, был повышен имущественный ценз для городского населения. В уездах был упразднен институт мировых судей и в 1889 г. были введены участковые земские начальники, сама система судоустройства была усложнена [29, с. 79–80].

Выводы

Подытоживая краткий анализ российских печатных работ 1860–1890-х гг., посвященных вопросу централизации и децентрализации, можно сказать, что с 1860-х гг. в России наметился серьезный спор среди современников по поводу административной самостоятельности государственных органов в губерниях России. Вопрос о централизации и децентрализации власти в России все больше подпитывался новыми идеями, обсуждениями и публикациями с поэтапным проведением реформ 1860–1870-хх гг. С 1880-х гг. в свет начали выходить работы авторов, которые отличались не только высоким уровнем теоретической подготовки по заданной теме, но уже опирались на практику реализации реформ Александра II, делая выводы по поводу целесообразности (нецелесообразности) изменения структуры государственного управления в губерниях России, в целом государственного аппарата. Проблематика, которую исследователи централизации и децентрализации власти затронули в 1860–1890-е гг., получила свое развитие в более поздних работах ученых, как XX в., так и современности. Подавляющее количество авторов второй половины XIX в. занимали децентралистские и умеренные взгляды в вопросе государственного устройства России.

Список литературы

1. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 664 с.

2. Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси. СПб.: [Б. и], 1861. 31 с.

3. Ключевский В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009. 1197 с.

4. Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства. Киев: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912. 35 с.

5. Безобразов В. П. Государство и общество: управление, самоуправление и судебная власть. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1882. 737 с.

6. Лохвицкий А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Бочкарева, 1864. 228 с.

7. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. II. Особенная часть. СПб.: Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1893. 417 с.

8. Головин К. Ф. Наше местное управление и местное представительство. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 158 с.

9. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. 481 с.

10. Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 9: Начала русского государственного права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 599 с.

11. Евреинов Г. А. Заметки о местной реформе. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1888. 131 с.

12. Маджаров А. С. Идеи централизма и федерализма в историографии истории России второй половины XIX века (прикладная методология исторического исследования в трудах С. М. Соловьева и А. П. Щапова) // Гуманитарный вектор. 2019. № 3. С. 128–136.

13. Свешников М. И. Русское государственное право. Вып. II. СПб.: Гос. тип., 1897. 298 с.

14. Котельников А. О задачах городского самоуправления // Наблюдатель. 1894. № 1. С. 106–118.

15. Кошелев А. И. Голос из земства. Вып. 1. М.: Тип. В. Готье, 1869. 170 с.

16. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Вып. 8. СПб.: Центральная типо-лит. М. Я. Минкова, 1905. 21 с.

17. Кошелев А. И. О крестьянском самоуправлении и о присутствиях по крестьянским делам. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1881. 19 с.

18. Нотович О. К. Основы реформ местного и центрального управления. СПб.: Тип. газ. «Новости», 1882. 236 с.

19. Старилов Ю. Н. Курс общего административного права: в 3-х т. Т. 1. М.: Норма, 2002. 711 с.

20. Гольцев В. А. Самоуправление и децентрализация // Юридический вестник. 1885. Февраль. С. 269–274.

21. Гольцев В. А. Очерки местного устройства в Западной Европе и Америке. М.: Печ. С. П. Яковлева, 1882. 46 с.

22. Градовский А. Д. Системы местного управления на западе Европы и в России. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1878. 69 с.

23. Головачев А. А. Десять лет реформ. 1860-1870 годы. Статья шестая // Вестник Европы. 1871. Кн. 7. С. 346–382.

24. Новиков А. И. Центр тяжести самоуправлений // Вестник знания. 1905. № 2. С. 50–55.

25. А. Н. Самодержавие и конституционализм // Русская речь. 1881. № 6. С. 357–377.

26. Лобанова Л. П. Головин Константин Федорович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1989. Т. 1. 672 с.

27. Онгирский Б. П. Реформа местного управления // Дело. 1884. № 3. С. 86–98.

28. Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 2: История местного управления в России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 492 с.

29. Самородов Д. А. Контрреформы Александра III: содержание и последствия // XV Юбилейные Царскосельские чтения: Евразийский опыт: культурно-историческая интеграция: материалы Международной научной конференции. СПб.: Ленингр. гос. ун-т, 2011. С. 76–82.

References

1. Sergeevich V. I. Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1903. 664 p.

2. Kostomarov N. I. Mysli o federativnom nachale v Drevnej Rusi [Thoughts on the federal beginning in Ancient Russia]. St. Petersburg, 1861. 31 p.

3. Klyuchevskij V. O. Kurs russkoj istorii. Polnoe izdanie v odnom tome [The course of Russian history. The complete edition in one volume]. Moscow, Al'fakniga Publ., 2009. 1197 p.

4. Veselovskij S. B. Prikaznoj stroj upravleniya Moskovskogo gosudarstva [The command structure of the Moscow State administration]. Kiev, Tip. t-va I. N. Kushnerev i Ko, 1912. 35 p.

5. Bezobrazov V. P. Gosudarstvo i obshchestvo: upravlenie, samoupravlenie i sudebnaya vlast' [The State and society: governance, self-government and judicial power]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova, 1882. 737 p.

6. Lohvickij A. V. Guberniya, ee zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdeniya [The province, its zemstvo and government institutions]. St. Petersburg, Tip. I. Bochkareva, 1864, pt. 1. 228 p.

7. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. II. Osobennaya chast' [Russian state law. Vol 2. The special part]. St. Petersburg, Knizhnyj magazin A. F. Cinzerlinga, 1893. 417 p.

8. Golovin K. F. Nashe mestnoe upravlenie i mestnoe predstavitel'stvo [Our local management and local representation]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1884. 158 p.

9. Chicherin B. N. Kurs gosudarstvennoj nauki [The course of state science]. Moscow, Tip. t-va I. N. Kushnerev i Ko, 1894, pt. 1. 481 p.

10. Gradovskij A. D. Sobranie sochinenii. T. 9. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava [Collected works. Vol. 9. The Beginnings of Russian State Law]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1908. 599 p.

11. Evreinov G. A. Zametki o mestnoj reforme [Notes on local reform]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata Publ., 1888. 131 p.

12. Madzharov A. S. Idei centralizma i federalizma v istoriografii istorii Rossii vtoroj poloviny XIX veka (prikladnaya metodologiya istoricheskogo issledovaniya v trudah S. M. Solov'eva i A. P. Shchapova) [The ideas of centralism and Federalism in the historiography of the history of Russia in the second half of the XIX century (applied methodology of historical research in the works of S. M. Solovyov and A. P. Shchapov)]. *Gumanitarnyj vector = Humanitarian Vector*, 2019, no. 3, pp. 128–136.

13. Sveshnikov M. I. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Russian state law]. Is. II. St. Petersburg, Gos. tip. 1897. 298 p.

14. Kotel'nikov A. O zadachah gorodskogo samoupravleniya [About the tasks of urban self-government]. *Nablyudatel' = Observer*, 1894, no. 1, pp. 106–118.

15. Koshelev A. I. Golos iz zemstva [A voice from the zemstvo]. Is. 1. Moscow, Tip. V. Got'e, 1869. 170 p.

16. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 goda [The first general population census of the Russian Empire in 1897]. Is. 8. St. Petersburg, Central'naya tipolit. M. Ya. Minkova, 1905. 21 p.

17. Koshelev A. I. O krest'yanskom samoupravlenii i o prisutstviyah po krest'yanskim delam [On peasant self-government and on the presence of peasant affairs]. Moscow, Pechatnya S. P. Yakovleva, 1881. 19 p.

18. Notovich O. K. Osnovy reform mestnogo i central'nogo upravleniya [Fundamentals of local and central government reforms]. St. Petersburg, Tip. gaz. "Novosti", 1882. 236 p.

19. Starilov Yu. N. Kurs obshchego administrativnogo prava [General Administrative Law course]. Moscow, Norma Publ., 2002, vol. 1. 711 p.

20. Gol'cev V. A. Samoupravlenie i decentralizaciya [Self-government and decentralization]. *Yuridicheskij vestnik = Legal Bulletin*, 1885, Fevral', pp. 269–274.

21. Gol'cev V. A. Ocherki mestnogo ustrojstva v Zapadnoj Evrope i Amerike [Essays on the local structure in Western Europe and America]. Moscow, Pech. S. P. Yakovleva, 1882. 46 p.

22. Gradovskij A. D. Sistemy mestnogo upravleniya na zapade Evropy i v Rossii [Local government systems in Western Europe and Russia]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i Ko, 1878. 69 p.

23. Golovachev A. A. Desyat' let reform. 1860–1870 gody. Stat'ya shestaya [Ten years of reforms. 1860-1870 years. Article six]. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, 1871, book 7, pp. 346–382.

24. Novikov A. I. Centr tyazhesti samoupravlenij [The center of gravity of local governments]. *Vestnik znaniya = Bulletin of Knowledge*, 1905, no. 2, pp. 50–55.

25. A. N. Samoderzhavie i konstitucionalizm [Autocracy and Constitutionalism]. *Russkaya rech' = Russian Speech*, 1881, no. 6, pp. 357–377.

26. Lobanova L. P. Golovin Konstantin Fedorovich [Konstantin Fedorovich Golovin]. Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskij slovar' [Russian Writers, 1800-1917: A Biographical Dictionary]. Moscow, Sov. Encikl. Publ., 1989, vol. 1. 672 p.

27. Ongirskij B. P. Reforma mestnogo upravleniya [Local government reform]. *Delo = A business*, 1884, no. 3, pp. 86–98.

28. Gradovskij A. D. Sobranie sochinenii. T. 2. Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii [Collected works. Vol. 2. The history of local government in Russia]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1899. 492 p.

29. Samorodov D. A. [Counter-reforms of Alexander III: content and consequences]. *XV Yubilejnye Carskosel'skie chteniya: Evrazijskij opyt: kul'turno-istoricheskaya integraciya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [XV Anniversary Tsarskoye Selo Readings: The Eurasian experience: cultural and historical integration. Materials of the International Scientific Conference], St.-Petersburg, Leningrad St. Univ. Publ., 2011, pp. 76–82.

Информация об авторе / Information about the Author

Подлесных Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: agera3@yandex.ru

Sergey N. Podlesnykh, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Voronezh State Forestry Engineering University named after G. F. Morozov, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: agera3@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94:168.5:316.42

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-262-273

(cc) BY 4.0

Социальное управление качеством: исторические предпосылки формирования и границы применения нового направления науки о качестве

А. В. Маякова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: i@amajakova.ru

Резюме

Актуальность. *Формирование новых концепций в рамках существующих научных направлений – одна из основных задач науки. Познание нового путем поиска иных подходов к проблеме – один из главных приоритетов исследователя. Однако познание должно базироваться на исторической идентичности и логике развития. Социальное управление качеством представляет собой направление науки о качестве. Изучением условий и возможностей повышений качества жизни, разработкой методов и подходов реализации данной задачи занимались ученые, государственные деятели, специалисты различных сфер общественной жизни на протяжении существования человеческого общества. В настоящее время в условиях цифрового переворота и мировых потрясений данная проблема стоит особенно остро.*

Цель – *изучение истории формирования смежных научно-практических направлений и социальных практик, которые предопределили формирование социального управления качеством, которое только входит в научно-практический обиход и позволяет управлять качеством социальных объектов и процессов в государственно-общественном преломлении.*

Задачи: *проанализировать исторические аспекты формирования современного понимания социального управления; охарактеризовать основные направления современного понимания социального управления; изучить процесс формирования социального управления качеством.*

Методология*. Для реализации цели автор обращается к комплексу конкретно-научных методов, а также междисциплинарному направлению постнеклассической науки – социальному конструированию В. С. Степина.*

Результаты. *Анализ исторических предпосылок формирования современных представлений о социальном управлении, а также представленные аспекты гуманно-культурологического подхода к указанной проблеме свидетельствуют о неразрывности ее эволюции с особенностями общественных и государственных отношений.*

Выводы. *Социальное управление качеством является новым направлением в рамках науки о качестве (квалитологии), при этом его цели и задачи во все времена схожи – достижение, обеспечение и поддержание надлежащего уровня и качества жизни общества. В эпоху цифровизации общество находит «спасение в качестве» (по И. А. Ильину) посредством преломления социального управления качеством через гуманистическую парадигму.*

Ключевые слова: *социальное управление качеством; социальное качество жизни; гуманистическая парадигма; цифровизация.*

Финансирование*: Публикация подготовлена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-261.2022.2 «Социальное управление качеством в эпоху цифровых трансформаций».*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Маякова А. В. Социальное управление качеством: исторические предпосылки формирования и границы применения нового направления науки о качестве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 262–273. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-262-273.

Поступила в редакцию 23.10.2023 Принята к публикации 27.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Маякова А. В., 2023

Social Quality Management: Historical Prerequisites for the Formation and Boundaries of the Application of a New Direction of Quality Science

Anna V. Mayakova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: i@amajakova.ru

Abstract

Relevance. *The formation of new directions and concepts within the framework of existing scientific directions is one of the main tasks of science. Learning new things by searching for other approaches to the problem is one of the main priorities of the researcher. However, the cognition and formation of Novi should be based on historical identity and the logic of the development of the direction. Social quality management is a new/old branch of quality science. Scientists, statesmen, and specialists from various spheres of public life throughout the existence of human society have been studying the conditions and opportunities for improving the quality of life, as well as developing methods and approaches to implement this task. Currently, in the context of the digital revolution and global upheavals, this problem is particularly acute.*

Purpose. *The study of the history of the formation of related scientific and practical directions and social practices that predetermined the formation of social quality management, which is only included in scientific and practical usage and allows you to manage the quality of social objects and processes in the public-public refraction.*

Objectives: *To achieve this goal, it is relevant to solve the following tasks: 1) to analyze the historical aspects of the formation of the modern understanding of social management; 2) to characterize the main directions of the modern understanding of social management; 3) to study the process of formation of social quality management.*

Methodology. *To achieve this goal, the author turns to a set of specific scientific methods, as well as the interdisciplinary direction of post-nonclassical science – V.S. Stepin's social construction.*

Results. *The article examines the historical prerequisites for the formation of modern ideas about social management, and also presents aspects of the humane and culturological approach of social management. The analysis of the formation of social quality management has shown its inseparability with the evolution of social management and the peculiarities of public and state relations.*

Conclusions. *Social quality management is a new direction within the framework of the science of quality (qualitology), while its goals and objectives are similar at all times – achieving, ensuring and maintaining an appropriate level and quality of life in society. In the era of the digital revolution, society also finds "salvation in quality" (according to I.A. Ilyin) through the refraction of social quality management through a humanistic paradigm.*

Keywords: *social quality management; social quality of life; humanistic paradigm; digitalization.*

Funding: *The publication was prepared with the support of the Grant of the President of the Russian Federation for state Support of young Russian scientists No. MK-261.2022.2 "Social quality management in the era of digital transformations".*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Mayakova A. V. Social Quality Management: Historical Prerequisites for the Formation and Boundaries of the Application of a New Direction of Quality Science. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 262–273. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-262-273

Received 23.10.2023 Accepted 27.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Приоритетом современного общественного развития является уровень и качество жизни населения. Все страны мира признают необходимость и важность именно социальной политики, поскольку качество социальных процессов напрямую отражает уровень жизни об-

щества. В развитых странах главная задача государства – обеспечить достойную жизнь населению. Повышение уровня и качества жизни общества является одной из важнейших задач в условиях социально-экономических преобразований все более глобализующегося мира. Государственно-социальная политика влияет на ожидания общества относительно улучшения жизни, и от успешного решения этой задачи зависит не только политическая и экономическая стабильность страны, но и скорость ее прогресса. Чтобы достичь этой цели, необходимо четко представлять сущность социального аспекта качества жизни (социального качества жизни [1]) и понимать, каким образом возможно осуществлять эффективное управление социальными процессами.

Представленное в предыдущих исследованиях определение концепта «социальное качество жизни», как сложностное качество, характеризующее, в том числе с количественной точки зрения, явление (процесс) или объект жизнедеятельности человека и общества, а также предполагающее ее оценку и социальный эффект [1], является общим и отражает весь спектр возможных направлений применения данного концепта в зависимости от предлагаемых обстоятельств. При этом, несмотря на философско-методологическое осмысление социального аспекта качества жизни, нельзя не отметить необходимость управления в прикладной сфере социальными процессами, которые обеспечивают достижение надлежащего социального качества жизни.

В этих целях обратимся к истории формирования смежных научно-практических направлений и социальных практик, которые предопределили формирование нового направления в науке о качестве, которое только входит в научно-практический обиход и позволяет управлять качеством социальных объектов и процессов в государственно-общественном преломлении – социального управления качеством.

Социальное управление качеством – молодое научно-практическое направление, которое на данный момент достаточно локально представлено в научной литературе, однако в последнее время наблюдается явная заинтересованность данной тематикой, что подтверждают труды Е. В. Ворониной [2], К. С. Фоминых [3], Л. А. Фиглина [4], В. А. Качалова [5], В. А. Романтеевой [6] А. И. Субетто [7], М. А. Дреминой, В. А. Копнова [8].

Управление социальными процессами и государственное управление являются важными направлениями социального управления в целом. Социальное управление широко освещено в научной и профессиональной литературе, что немаловажно, данное направление не теряет своей актуальности у ученых. Недавние исследования Р. Р. Ураева, Д. Д. Султановой [9], К. В. Исаевой [10], Е. В. Кремнева [11], Д. Ш. Мусостовой, В. В. Шабунько, Е. П. Седых [12] подтверждают данный факт.

Научный мир уже давно говорит о переходе систем управления качеством из экономико-технологической сферы в социальную, вернее, о тотальном применении управления качеством в различных сферах жизнедеятельности человека и общества. Подтверждение этому отражено в работах таких исследователей, как А. В. Родионов, А. В. Черкасов [13], В. Н. Иванов [14], В. Н. Лупанов [15] и др.

Таким образом, можно говорить об актуальности и недостаточной изученности данного вопроса.

Методология

Комплексный подход к исследуемой проблеме основывается на понимании социального конструирования как междисциплинарного направления постнеклассической науки (по академику В. С. Степину).

Комплекс конкретно-научных методов, планируемых к применению в до-

стижении цели исследования, включает в себя:

– аннотирование, реферирование и систематизацию информационных источников по проблеме исследования;

– анализ документов, включающих в себя разноотраслевую нормативно-правовую базу, статистические источники, характеризующие количественные показатели проблематики на общемировом, национальном федеральном, региональном и местном уровнях.

Результаты и их обсуждение

Исторические аспекты формирования современного понимания социального управления

Тихая управленческая революция, описанная в 2012 г. профессором Г. В. Овчаренко [16], в рамках которой генерировалось современное социальное управление, обусловливала запросы времени и переход к новым основаниям управления: философии, социологии, психологии поведения. Наука не осталась в стороне, начали организовываться новые междисциплинарные направления исследований, которые быстро стали популярными в прикладной среде. Такими направлениями являются поведенческая экономика, экспериментальная экономика, когнитивная психология, любые социальные практики и т. д. Суть же перехода заключалась в том, что к базовым социогуманитарным и философским постулатам управления объектами и процессами присоединяются экономические методы и инструменты управления, а не наоборот. Именно социогуманитарный и философский базис имеют все инновационные решения современного управления. Можно сказать, что таким образом происходило формирование гуманистического подхода в менеджменте.

Экономическая компонента данного подхода основывается на партнерстве и творческом взаимодействии в контексте глобальной и локальной организации управленческого процесса, механизмом же развития и инструментом достижения целей выступает инновационная культура, которая позволяет реализовать масштабные задачи управления, распространяющиеся не только на конкретный процесс или организацию, но и на общество в целом. Именно гуманистический подход обусловливает специфику современного социального управления. Для понимания предпосылок и оснований гуманистического подхода в управлении, в том числе социальном, обратимся к историческим аспектам социального управления.

Так, базовые направления исследования социального управления как особого вида деятельности индивида в социуме были выявлены и рассмотрены еще такими философами Античности, как Сократ, Платон, Аристотель. Платон, рассуждая о причинах социальной несправедливости, отождествлял управление с искусством [17]. Общие закономерности управленческих процессов впервые были исследованы Аристотелем [18]. С развитием теории социального управления преобразовывалась и научная мысль в соответствии с реалиями каждого периода времени.

Труды Ш. Фурье, А. Сен-Симона, О. Конта, К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля сместили управленческие акценты в сторону социальных процессов: социальное управление начало играть ведущую роль в управлении обществом и его жизнедеятельностью.

В 1910 г. было введено понятие «научного управления» Л. Брандейком. Научное управление быстро вошло в обиход не столько в исследовательской среде, сколько в производственно-экономической сфере. Приверженцами научного управления были Ф. Тейлор, Г. Гантт, Ф. и Л. Гилбрет. Вдохновясь идеями научного управления, Ф. Тейлор основал инновационную систему производственного менеджмента, которая легла в основу многих систем управления в экономических и технических системах [19]. Бо-

лее того, Ф. Тейлор в рамках производственного менеджмента создал авторскую систему управления (контроля) качеством, что подтверждает взаимосвязь понятий социального управления и управления качеством.

Как отмечалось выше, основу социального управления составляют социогуманитарные науки, поэтому особое внимание в анализе его исторических аспектов стоит уделить исследованиям в области социологии и психологии. К. Арджирис, Р. Лайкерт, Дж. Макгрегор, Ф. Герцберг и другие в своих трудах освещали и развивали идеи социального взаимодействия, мотивации и стимулирования, власти и лидерства, авторитета и значимости организационной структуры. По их мнению, роль организационной структуры в социальной деятельности организации была прежде недооценена.

Однако не только зарубежные исследователи занимались вопросами социального и научного управления. Отечественные ученые (сотрудники Московского высшего технического училища) еще в 60–70 годах XIX века разработали собственную уникальную систему – методику рационализации трудовых движений, которая получила международное одобрение и была внедрена не только в отечественной промышленности, но и за рубежом [16].

Экономист и философ, автор концепции всеобщей организационной науки (тектологии) А. А. Богданов был ярким представителем теории социального управления. Более того, А. А. Богданов заслуженно считается основоположником отечественной социологии управления [20]. Его работы по организационным структурам и их развитию в связи с изменением внешних условий, стратегическому управлению и развитию широко известны в научных кругах.

В конце XIX – начале XX в. в отечественной научной мысли о социальном управлении сложились два направления: организационно-техническое и социальное [21]. А. А. Богданов (тектология и социология управления [22]), О. А. Ерманский (основной закон организации, наука об организации труда [23]), А. К. Гастев (концепция социальной инженерии [24]), Е. Ф. Розмирович (производственная трактовка [25]) являлись представителями организационно-техническ-ого направления. П. М. Керженцев (советский тайм-менеджмент [26]), Н. А. Витке («школа человеческих отношений» [27]), Ф. Р. Дунаевский (концепция комплексной целостности организации [28]) – социальное направление.

Таким образом, русские исследователи выразили и аргументировали инновационную идею социальной инженерии как взаимосвязи и взаимодействия сочетаний человек-человек и человек-машина, в результате чего был сгенерирован комплексный подход к управлению и концепция хозяйственного механизма, который представляет собой целостную систему организационной, социальной и экономической систем управления [29]. В этом заключалось коренное отличие изысканий русских исследователей и Ф. Тейлора, и Г. Форда, научное управление которых акцентировало внимание именно на производственно-техническом цикле, но не на социально-управленческой деятельности в целом.

Социально-управленческая деятельность в дискурсе постнеклассической науки – это особая социальная практика, которая (по мнению Г. В. Овчаренко) представляет собой яркий пример диалектического тождества знаний и теории (т. е. приоритета принципа научности социального управления на основе принципа единства теории и практики), которое определяет его эффективность, т. к. в нем заложены основы механизма взаимосвязи и взаимодействия субъекта, объекта и предмета социального управления [16].

«Практика выше теоретического познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности», – писал В. И. Ле-

нин [30, с. 195]. Другими словами, основой социального управления должна явиться четкая последовательность: человек – стратегия – инновация – ценность для человека и общества. В соответствии с этим принципом должна быть сформирована политика или технология социального управления, в противном случае мы имеем производственный менеджмент, лишенный социального аспекта.

Современное понимание социального управления основывается на новом гуманно-культурологическом подходе (рис. 1), который позже трансформировался в гуманистическую парадигму социального управления, развивающуюся на протяжении столетий исследований управления в целом [31].

Рис. 1. Аспекты гуманно-культурологического подхода социального управления [16]

Гуманистическая парадигма социального управления отражает инновационно-культурную компоненту эволюции понимания человека внутри организации (от конкретного предприятия до общества в целом), т. е. формирование гуманного отношения к человеку как к самореализующейся и самодостаточной творчески осмысленной личности.

Генезис и развитие социального управления качеством

Тематика управления качеством широко представлена в науке и практике, в том числе в ряде наших работ. Однако социальный аспект данного направления изучен крайне мало. При этом «заказчиком» и «потребителем» процессов управления качеством является человек и общество, следовательно, социальная сфера не может быть нивелирована или унифицирована с другими в изучении управления качеством.

Становление социального управления качеством в рамках науки о качестве началось недавно, в конце XX – начале XXI в., и продолжается по сей день. При этом генезис данного направления отсылает нас к предпосылкам формирования социального управления в целом, о котором мы подробно писали выше.

На рубеже веков зародилось актуальное направление социального управления, которое выражало общественный

запрос на формирование надлежащего уровня и качества жизни условий институционального управления в реалиях меняющихся идеологем начала XXI в. в России – управление качеством жизни. Ученые и специалисты в совместной работе генерировали и реализовывали разнонаправленные идеи улучшения качества жизни, однако отсутствие системности и ориентирования на базовые постулаты развития сложных человекоразмерных систем затянуло этот процесс во времени. Однако результаты этой кропотливой научно-практической работы не остались без внимания, поскольку именно они легли в основу формирования социального управления качеством [32].

В 2006 г. в работе ученых-экономистов А. В. Жалниной и Б. И. Герасимова «Экономический анализ качества жизни» охарактеризованы теоретические и методологические основы процесса формирования системы управления качеством жизни, а также представлены рекомендации по составлению программ развития регионального уровня, основывающиеся именно на управлении качеством жизни, что составляет явный праксеологический базис социального управления качеством [33]. Более того, одной из основных прикладных задач социального управления качеством в рамках социального управления является формирование адекватных стратегий развития социальной сферы, социальной политики различных уровней власти, дорожных карт и т. д.

Социальное управление качеством – это не только отечественная действительность. Так, Muhammad Adnan Khurshid, Muslim Amin, Wan Khairuzzaman WanIsmail (Малайзия и Саудовская Аравия) разработали интегрированную концептуальную основу всеобщего управления качеством и корпоративной социальной ответственности [34]. Первоочередная задача повышения эффективности работы и самоотдачи работников трансформировалась в предложение интегрированной концептуальной основы всеобщего управления качеством в социальном ракурсе путем выявления критических факторов, которые являются параллельными между управлением качеством и социальной ответственностью для удовлетворения требований ключевых заинтересованных сторон (общество и бизнес).

Современный российский философ А. И. Субетто более 30 лет занимается изучением проблематики качества, в начале 2000-х гг. он одним из первых сформировал своеобразный «базис» теории социального управления качеством, суть которой состоит в «неотделимости от общего потока устремлений коллективного Разума человечества к построению социально-справедливого общества на Земле, создания такой социальной организации жизни как отдельного человека, отдельных обществ и народов, так и человечества в целом, которая бы обеспечила раскрытие творческого потенциала и предназначения каждого человека на Земле, с одной стороны, а с другой стороны – гармонию социоприродных отношений, переход человечества к единственной модели устойчивого развития – управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества» [35].

Данный тезис емко отражает аспекты гуманистической парадигмы социального управления, которая определяет основной смысл социального управления качеством, как научно-практического направления, выступающего гарантом высокоэффективного функционирования процессов социальной сферы жизнедеятельности человека и общества. Решение приоритетных задач осуществляется посредством создания и реализации специализированных систем и стратегий в различных социальных кластерах. В связи с этим социальное управление качеством всегда имеет четкую направленность и специализацию: социальное управление качеством образования (всех уровней), социальное управление качеством здравоохранения, социальное управление качеством культуры, социальное управление качеством социальных услуг и т. д.

Направленность и специализация зависят от объекта социального управления.

Таким образом, социальное управление качеством неразрывно связано с общественными государственными отношениями. Е. В. Воронина отождествляет социальное управление качеством и государственно-общественное управление качеством [2], что вполне целесообразно, поскольку вне государственных и общественных отношений, без государственного и муниципального управления невозможно и социальное управление качеством. Более того, социальное управление качеством как механизм, инструмент, научно-практический подход социального управления не может существовать вне государственных и общественных отношений, поскольку государственное и муниципальное управление являются одними из уровней социального управления.

Выводы

Формирование и развитие социального управления качеством неразрывно связано с процессом эволюции социального управления. В свою очередь, социальное управление прошло все вехи становления управления в целом. Несмотря на то, что социальное управление качеством является новым направлением в рамках науки о качестве (квалитологии), а если быть более точными, то наименование данного направления относительно ново, его цели и задачи во все времена схожи – достижение, обеспечение и поддержание надлежащего уровня и качества жизни общества. Различие лишь в том, что каждый виток развития социального управления привносит новые методологические веяния. Социальное управление приобретает окрас индустриализации, и социальное управление качеством формирует «промышленный характер» общественных взаимоотношений, соответствующие количественные и качественные индикаторы социального качества жизни и, как следствие, индустриальную культуру, которая принимается как надлежащий уровень и качество жизни общества.

Современные реалии диктуют новые подходы к реализации социального управления качеством: тотальная цифровизация затронула в том числе общественные отношения и общественную культуру. При этом веха социального управления как бы защищает человечество от цифрового порабощения путем гуманистической парадигмы. На первый план выходит не техницизм, а человеческая индивидуальность, его творчество и личность. Соответственно, и методы социального управления качеством адаптируются в новых условиях. На всех уровнях социального управления реализуются целые комплексы мер по достижению социального благополучия и достижения высокого социального качества жизни.

Социальное управление качеством является основой развития и совершенствования социальной сферы, инструментом эффективной социально-экономической политики, что подтверждается опытом промышленно развитых стран в решении проблем экономического развития. В течение последней четверти века в развитых странах происходят не только структурные перестройки экономики, но и реформы в социальной сфере. В Российской Федерации реализуется комплекс национальных проектов, которые в том числе предназначены для повышения социального качества жизни.

Список литературы

1. Маякова А. В. Социальное качество жизни – уникальный концепт постнеклассической науки // Качество и жизнь. 2022. №4 (36). С. 11–15.

2. Воронина Е. В. Социальное управление качеством общего среднего образования: Социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 22 с.

3. Фоминых К. С. Потенциал индексов цитирования в системе социального управления качеством научной деятельности: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2018. 25 с.

4. Фиглин Л. А. Социальное управление и развитие на основе качества: дис. … д-ра социол. наук. Саратов, 2003 412 с.

5. Качалов В. А. Социальный потенциал управления качеством в организационных системах: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2003. 23 с.

6. Романтеева В. А. Совершенствование социально-экономического управления качеством продукции: дис. ... канд. экон. наук. Львов, 1985. 238 с.

7. Субетто А. И. Начала теории социального менеджмента качества. Ноосферно-социальная парадигма: [научная монография] / под науч. ред. В. Н. Бобкова. СПб.: Астерион, 2012. 263 с.

8. Дремина М. А., Копнов В. А. Социальные аспекты менеджмента качества: монография. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2010. 148 с.

9. Ураев Р. Р., Султанова Д. Д. Социальное управление: сущность, виды, проблемы // Мир науки и мысли. 2023. № 3. С. 23–26.

10. Исаева К. В. Managementlag: успевает ли социальное управление за высокими технологиями? // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 4–14.

11. Кремнёв Е. В. Социальное управление: воздействие или взаимодействие? // Социодинамика. 2023. № 8. URL: https://nbpublish.com1lbrary_read_article.ptp?id=44130 (дата обращения: 08.10.2023).

12. Мусостова Д. Ш., Шабунько В. В., Седых Е. П. Социальное управление в обществе: основные понятия и содержание // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 45 (1). С. 414–417.

13. Родионов А. В., Черкасов А. В. Стандарты и практика управления качеством функционирования социально-экономических систем на национальном уровне // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №12. С. 214–216.

14. Иванов В. Н. Инновационная система управления качеством как отражение динамики развития социально-экономических систем // Динамика систем, механизмов и машин. 2014. № 5. С. 109–111.

15. Лупанов В. Н. Социальные технологии в системе управления качеством образования на основе рейтинга образовательных ресурсов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 75. С. 231–241.

16. Овчаренко Г. В. Эволюция практических и теоретических аспектов социального управления // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 3, ч. 3. С. 111–113.

17. Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3, ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2006. 752 с.

18. Аристотель. Политика. М.: РИПОЛ классик, 2010. 589 с.

19. Уинслоу Т. Ф. Принципы научного менеджмента / пер. с англ. А. И. Зак. М.: Контроллинг: Изд-во стандартов, 1991. 104 с.

20. Кочергин В. Б. А. А. Богданов как основоположник отечественной социологии управления // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10, № 4. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/05SCSK419.pdf (дата обращения: 08.10.2023).

21. Бразевич Д. С. Генезис отечественных социолого-управленческих концепций в 1920-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология. 2010. Вып. 3. С. 284–291.

22. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука; под ред. проф. Г. Д. Гловели. 6-е изд., испр. и доп. М.: URSS : ЛЕНАНД, cop. 2019. 679 с.

23. Ерманский О. А. Теория и практика рационализации. 3-е изд. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 464 с.

24. Гастев А. К. Как надо работать: практическое введение в науку организации труда / под общ. ред. Н. М. Бахраха [и др.]. Изд. 3-е. М.: URSS: Либроком, 2011. 477с.

25. Розмирович Е. Ф. Реконструкция техники управления. 1926–1930 / Ин-т техники упр. НКРКИ СССР. М.: Техника управления, 1930. 232 с.

26. Керженцев П. М. Борьба за время. М.: Красная новь, 1924. 55 с.

27. Витке Н. А. Организация управления и индустриальное развитие: (очерки по социологии научной организации труда и управления). 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во НКРКИ СССР, 1925. 250 с.

28. Дунаевский Ф. Р. Профессиональный подбор и его социальный смысл : методология профессионального подбора. Харьков : Путь просвещения: Институт труда, 1932. 64 с.

29. Расширенная концепция хозяйственного механизма современной социально-экономической системы России: теоретико-методический подход : монография / Б. Д. Бабаев, Е. Е. Николаева, Д. Б. Бабаев [и др.] ; под общ. ред. Б. Д. Бабаева, Е. Е. Николаевой. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2019. 307 с.

30. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. Изд. 5. М.: Политиздат, 1963. 782 с.

31. Сафонов К. Б. Гуманистическая парадигма социального управления // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 13–15.

32. Управление качеством жизни населения: монография / под общ. ред. С. Г. Захаровой. Н. Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2019. 157 с.

33. Жалнина А. В., Герасимов Б. И. Экономический анализ качества жизни: монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б. И. Герасимова. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 144 с.

34. Muhammad Adnan Khurshid, Muslim Amin, Wan Khairuzzaman Wan Ismail. Total quality and socially responsible management (TQSR-M): An integrated conceptual framework // Benchmarking: An International Journal. 2018. Vol. 25, is. 8. P. 2566–2588

35. Субетто А. И. Теория качества жизни: монография / под науч. ред. А. А. Горбунова СПб.: Астерион, 2017. 280 с.

References

1. Mayakova A. V. Social'noe kachestvo zhizni – unikal'nyj koncept postneklassicheskoj nauki [Social quality of life is a unique concept of post–nonclassical science]. *Kachestvo i zhizn' = Quality and Life*, 2022, no. 4(36), pp. 11–15.

2. Voronina E.V. Social'noe upravlenie kachestvom obshchego srednego obrazovaniya: Sociologicheskij analiz. Avtoref. diss. kand. sociol. nauk [Social quality management of general secondary education: a sociological analysis. Cand. sociol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2004. 22 p.

3. Fominyh K. S. Potencial indeksov citirovaniya v sisteme social'nogo upravleniya kachestvom nauchnoj deyatel'nosti. Avtoref. diss. kand. sociol. nauk [The potential of citation indexes in the system of social management of the quality of scientific activity. Cand. sociol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2018. 25 p.

4. Figlin L. A. Social'noe upravlenie i razvitie na osnove kachestva. Diss. dokt. sociol. nauk [Quality-based social management and development. Dr. sociol. sci. diss.]. Saratov, 2003 412 p.

5. Kachalov V. A. Social'nyj potencial upravleniya kachestvom v organizacionnyh sistemah. Avtoref. diss. kand. sociol. nauk [The social potential of quality management in organizational systems. Cand. sociol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2003. 23 p.

6. Romanteeva V. A. Sovershenstvovanie social'no-ekonomicheskogo upravleniya kachestvom produkcii. Diss. kand. ekon. nauk [Improvement of socio-economic management of product quality. Cand. econ. sci. abstract diss.]. L'vov, 1985. 238 p.

7. Subetto A. I. Nachala teorii social'nogo menedzhmenta kachestva. Noosferno-social'naya paradigma [The beginnings of the theory of social quality management. The Noosphere-social paradigm]; ed. by V. N. Bobkova. St. Petersburg, Asterion Publ., 2012. 263 p.

8. Dremina M. A., Kopnov V. A. Social'nye aspekty menedzhmenta kachestva [Social aspects of quality management]. Ekaterinburg, Ural. gos. lesotekhn. un-t Publ., 2010. 148 p.

9. Uraev R. R., Sultanova D. D. Social'noe upravlenie: sushchnost', vidy, problemy [Social management: essence, types, problems]. *Mir nauki i mysli = World of Science and Thought*, 2023, no. 3, pp. 23–26.

10. Isaeva K. V. Managementlag: uspevaet li social'noe upravlenie za vysokimi tekhnologiyami? [Management log: Does social management keep up with high technology?]. *Cifrovaya sociologiya = Digital Sociology*, 2022, vol. 5, no. 1, pp. 4–14.

11. Kremnyov E. V. Social'noe upravlenie: vozdejstvie ili vzaimodejstvie? [Social management: impact or interaction?]. *Sociodinamika = Sociodynamics*, 2023, no. 8. Available at: https://nbpublish.com1library_read_article.ptp?id=44130 (accessed 08.10.2023).

12. Musostova D. Sh., Shabun'ko V. V., Sedyh E. P. Social'noe upravlenie v obshchestve: osnovnye ponyatiya i soderzhanie [Social management in society: basic concepts and content]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*, 2023, no. 45 (1), pp. 414–417.

13. Rodionov A. V., Cherkasov A. V. Standarty i praktika upravleniya kachestvom funkcionirovaniya social'no-ekonomicheskih sistem na nacional'nom urovne [Standards and practice of quality management of functioning of socio-economic systems at the national level]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*, 2012, no. 12, pp. 214–216.

14. Ivanov V. N. Innovacionnaya sistema upravleniya kachestvom kak otrazhenie dinamiki razvitiya social'no-ekonomicheskih sistem [Innovative quality management system as a reflection of the dynamics of the development of socio-economic systems]. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin = Dynamics of systems, mechanisms and machines*, 2014, no. 5, pp. 109–111.

15. Lupanov V. N. Social'nye tekhnologii v sisteme upravleniya kachestvom obrazovaniya na osnove rejtinga obrazovatel'nyh resursov [Social technologies in the quality management system of education based on the rating of educational resources]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Izvestia of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2008, no. 75, pp. 231–241.

16. Ovcharenko G. V. Evolyuciya prakticheskih i teoreticheskih aspektov social'nogo upravleniya [Evolution of practical and theoretical aspects of social management]. *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 3, pt. 3, pp. 111–113.

17. Platon. Sochineniya [Plato. Writings]. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Publ., Oleg Abyshko Publ., 2006, vol. 3, pt. 1. 752 p.

18. Aristotel'. Politika [Aristotle. Politics]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2010. 589 p.

19. Uinslou T. F. Principy nauchnogo menedzhmenta [Principles of scientific management]. Moscow, Kontrolling Publ., Izd-vo standartov, 1991. 104 p.

20. Kochergin V. B. A. A. Bogdanov kak osnovopolozhnik otechestvennoj sociologii upravleniya [A. A. Bogdanov as the founder of the Russian sociology of management]. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya = The world of science. Sociology, philology, cultural studies*, 2019, vol. 10, no. 4. Available at: https://sfk-mn.ru/PDF/05SCSK419.pdf (accessed 08.10.2023).

21. Brazevich D. S. Genezis otechestvennyh sociologo-upravlencheskih koncepcij v 1920-e gody [The genesis of Russian socio-managerial concepts in the 1920s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Sociologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Sociology*, 2010, is. 3, pp. 284–291.

22. Bogdanov A. A. Tektologiya: vseobshchaya organizacionnaya nauka [Tectology: a universal organizational science]; ed. by G. D. Gloveli. 6th ed. Moscow, URSS Publ., LENAND cop. Publ., 2019. 679p.

23. Ermanskij O. A. Teoriya i praktika racionalizacii [Theory and practice of rationalization]. 3th ed. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1930, vol. 1. 464 p.

24. Gastev A. K. Kak nado rabotat': prakticheskoe vvedenie v nauku organizacii truda [How to work: a practical introduction to the science of labor organization]; ed. by N. M. Bahrah, eds. 3th ed. Moscow, URSS Publ., Librokom Publ., 2011. 477 p.

25. Rozmirovich E. F. Rekonstrukciya tekhniki upravleniya. 1926–1930 [Reconstruction of control equipment. 1926–1930]. Moscow, Tekhnika upravleniya Publ., 1930. 232 p.

26. Kerzhencev P. M. Bor'ba za vremya [The struggle for time]. Moscow, Krasnaya nov' Publ., 1924. 55 p.

27. Vitke N. A. Organizaciya upravleniya i industrial'noe razvitie: (ocherki po sociologii nauchnoj organizacii truda i upravleniya) [Management organization and industrial development: (essays on the

sociology of scientific organization of labor and management)]. 2th ed. Moscow, Izd-vo NKRKI SSSR Publ., 1925. 250 p.

28. Dunaevskij F. R. Professional'nyj podbor i ego social'nyj smysl: metodologiya professional'nogo podbora. Har'kov, Put' prosveshcheniya Publ., Institut truda Publ., 1932. 64 p.

29. Babaev B. D., Nikolaeva E. E., Babaev D. B., eds. Rasshirennaya koncepciya hozyajstvennogo mekhanizma sovremennoj social'no-ekonomicheskoj sistemy Rossii: teoretiko-metodicheskij podhod [Professional selection and its social meaning : the methodology of professional selection]; ed. by B. D. Babaev, E. E. Nikolaeva; Ivanovo, Ivanov. St. Univ. Publ., 2019. 307 p.

30. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]. Vol. 29. Izd. 5. Moscow, Politizdat Publ., 1963. 782 p.

31. Safonov K. B. Gumanisticheskaya paradigma social'nogo upravleniya [The humanistic paradigm of social management]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2015, no. 15, pp. 13–15.

32. Upravlenie kachestvom zhizni naseleniya [Managing the quality of life of the population]; ed. by S. G. Zaharova. N. Novgorod, NIC "Otkrytoe znanie", 2019. 157 p.

33. Zhalnina A. V., Gerasimov B. I. Ekonomicheskij analiz kachestva zhizni [Economic analysis of the quality of life]; ed. by dokt. ekon. nauk, prof. B. I. Gerasimov. Tambov, Tambov. St. Technical Univ. Publ., 2006. 144 p.

34. Muhammad Adnan Khurshid, Muslim Amin, Wan Khairuzzaman Wan Ismail. Total quality and socially responsible management (TQSR-M): An integrated conceptual framework. *Benchmarking: An International Journal*, 2018, vol. 25, is. 8, pp. 2566–2588

35. Subetto A. I. Teoriya kachestva zhizni [The theory of quality of life]; ed. by A. A. Gorbunova. St. Petersburg, Asterion Publ., 2017. 280 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Маякова Анна Васильевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: i@amajakova.ru,
ORCID: 0000-0003-2567-0716

Anna V. Mayakova, Candidate of Sciences (Philosophical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: i@amajakova.ru,
ORCHID: 0000-0003-2567-0716

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-274-282

CC BY 4.0

Деятельность Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции по выявлению и пресечению преступлений в государственных учреждениях (1921-1923 годы)

Д. С. Немкова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: evsiukova.daria@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В свете постоянных поисков наиболее эффективных методов совершенствования властных функций государственного аппарата, методов контроля за его деятельностью, а также способов борьбы с коррупционными проявлениями опыт создания органов контроля в начале построения советского государства приобретает особый практический интерес, поскольку история государственного контроля позволяет отследить достижения и ошибки прошлого, тем самым задавая ориентиры в настоящем.*

При этом тема устройства контроля, распространявшегося на все виды и формы государственного управления и экономической деятельности, остается малоизученной в той части, что отличается минимальным развертыванием региональных исследований.

Цель – *изучение опыта осуществления контрольно-ревизионной деятельности Курским губернским отделением Рабоче-крестьянской инспекции в первые годы построения советского государства, в частности её влияния на восстановление народного хозяйства, укрепление производственной и трудовой дисциплины, борьбу с преступностью.*

Задачи – *раскрыть условия, способы и результаты противодействия контрольного органа преступным проявлениям, совершаемым на предприятиях и в государственных учреждениях в начале 20-х годов XX века на территории Курской губернии.*

Методология. *В основу исследования были положены принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач автором использовались методы синтеза, анализа, индукции, дедукции, историко-правовой, историко-генетический, историко-сравнительный и ретроспективный.*

Результаты. *Исследование деятельности Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции в обозначенный период позволило в исторической ретроспективе определить специфику выявляемых ею преступлений и направленных на это способов.*

Вывод. *Губернская рабоче-крестьянская инспекция внесла существенный вклад в укрепление режима законности на территории Курской губернии в анализируемый период.*

Ключевые слова: *органы государственного контроля; рабоче-крестьянская инспекция; инспекции; ревизия; советское государство.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Немкова Д. С. Деятельность Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции по выявлению и пресечению преступлений в государственных учреждениях (1921-1923 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 274–282. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-274-282.

Поступила в редакцию 09.10.2023 Принята к публикации 20.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Немкова Д. С., 2023

Activities of the Kursk Provincial Branch of the Workers' and Peasants' Inspectorate to Identify and Suppress Crimes in State Institutions: 1921-1923

Daria S. Nemkova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: evsiukova.daria@yandex.ru

Abstract

Relevance. *In light of the constant search for the most effective methods of improving the power functions of the state apparatus, methods of monitoring its activities, as well as ways to combat corruption, the experience of creating control bodies at the beginning of the construction of the Soviet state acquires special practical interest, since the history of state control allows us to track the achievements and mistakes of the past, thereby setting guidelines for the present.*

At the same time, the topic of the control system, which extended to all types and forms of public administration and economic activity, remains poorly studied in the part that is characterized by minimal deployment of regional studies.

Purpose. *Studying the experience of carrying out control and audit activities by the Kursk provincial branch of the Workers' and Peasants' Inspectorate in the first years of building the Soviet state, in particular its influence on the restoration of the national economy, strengthening production and labor discipline, and the fight against crime.*

Objectives: *to reveal the conditions, methods and results of the control body's counteraction to criminal manifestations committed at enterprises and government institutions in the early 20s of the 20th century on the territory of the Kursk province.*

Methodology. *The research was based on the principles of objectivity and historicism. To solve the problems, the author used the following methods: synthesis, analysis, induction, deduction, historical-legal, historical-genetic, historical-comparative and retrospective.*

Results. *A study of the activities of the Kursk provincial branch of the workers' and peasants' inspection during the designated period made it possible, in historical retrospect, to determine the specifics of the crimes it detected and the methods aimed at this.*

Conclusion. *The Provincial Workers' and Peasants' Inspectorate made a significant contribution to strengthening the rule of law on the territory of the Kursk province during the analyzed period.*

Keywords: *state control bodies; workers' and peasants' inspection; audit; actual audits.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nemkova D. S. Activities of the Kursk Provincial Branch of the Workers' and Peasants' Inspectorate to Identify and Suppress Crimes in State Institutions: 1921-1923. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 274–282. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-274-282

Received 09.10.2023 Accepted 20.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

После разгрома интервентов и белогвардейцев в Советской России началось восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Решать данную задачу пришлось в чрезвычайно трудной международной и внутренней обстановке.

Тяжелое положение страны обусловливалось разрухой в промышленности и на транспорте, повлекшей сокращение рабочего класса вдвое. Так, в 1921 г. на

территории Курской губернии из 8 металлообрабатывающих заводов работали только 2 (Курский и Щигровский), из 26 сахарных – 14 [1, с. 10]. Были выведены из строя все винокуренные заводы, разрушены мельницы и другие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья.

Экономические трудности еще больше обострились в связи с неурожаем 1920 г. В разоренном состоянии находилось и сельское хозяйство Курской губернии. На почве голода среди населения стало проявляться недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочего класса.

Трудности, переживаемые советским государством при строительстве «нового общества», усугублялись разгулом преступности. В ряде уездов Курской губернии появились вооруженные банды грабителей, терроризировавшие население. Так, в сводке происшествий за период с 6 по 13 марта 1921 г. по губернии отмечались случаи бандитизма в Курском, Льговском, Суджанском уездах, грабежи продовольственных складов в Путивле и Новом Осколе, поджоги в Фатежском и Суджанском уездах. В Дмитриевском уезде банды пытались захватить Дерюгинский сахарный и Моршневский винокуренный заводы [2, с. 121]. Организаторами контрреволюционных выступлений являлись меньшевики и эсеры.

С появлением на территории губернии в начале 1921 г. вооруженной банды Нестора Махно преступные вылазки участились. Вместе с местными бандитами они грабили и жестокими способами убивали обычных граждан, милиционеров, партийных и советских работников, насиловали женщин, отбирали казенное имущество, похищали лошадей [3, с. 5]. В то же время материалы многочисленных уголовных дел 1920-х гг. по фактам бандитизма свидетельствуют о том, что эти преступления преимущественно совершались из корыстных побуждений [4, с. 172].

Таким образом, порожденные войной социальные катаклизмы стали благоприятными факторами для роста преступности, основной удар борьбы с которой приняла на себя рабоче-крестьянская милиция.

Снижению преступности также способствовала деятельность народных судов и революционных трибуналов (ревтребуналы), занимавшихся расследованием преступлений и определением наказаний для виновных лиц. Из числа привлеченных к суду большинство составляли крестьяне, небольшой процент – рабочие и меньший процент – интеллигенция и буржуазия. Из поступающих в народные суды дел за период апрель-октябрь 1922 г., наибольшую часть совершаемых преступлений составляли преступления против имущества (37%) и преступления против порядка управления (16%). Дела о незаконных действиях «агентов власти» разбирались в особых сессиях и ревтребуналах. В указанный период в особых сессиях преобладали дела по должностным преступлениям, в ревтребуналах – также по должностным и имущественным преступлениям (хищения из Госскладов)[5, с. 96–97].

Хищения личного и государственного имущества, использование государственной собственности не по назначению, бесхозяйственность, взяточничество, вымогательства стали обычными явлениями того времени и дестабилизировали развитие экономики советского государства, в связи с чем особое значение в борьбе с преступностью на территории губернии приобретала контрольно-ревизионная деятельность Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции.

Методология

Выявленная в исследованных источниках информация систематизировалась и анализировалась на основе историко-правового и историко-генетического методов, позволивших раскрыть сущность проблем, связанных с осуществлением контрольно-ревизионной деятельности губернским органом государственного контроля.

Результаты и их обсуждение

После очередной реорганизации органов государственного контроля Наркомат государственного контроля РСФСР на основании Декрета ВЦИК от 7 февраля 1920 г. был преобразован в Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции (далее – НК РКИ) [6]. Изменения преследовали прежде всего дальнейшее, употребляя выражение В. И. Ленина: «орабочение» и «окрестьянивание» государственного контроля. По замыслу партийного руководства, НК РКИ должен был осуществлять всеобъемлющий и строгий «учет и контроль» не только за производством и распределением продукции, но и стать орудием создания новых общественных отношений, с помощью которого можно было бы совершенствовать хозяйственный механизм, бороться за укрепление производственной и трудовой дисциплины, улучшить работу государственного аппарата.

Что же касается организации местных органов, то Курское губернское отделение РКИ было образовано в феврале 1920 г. В период с 1920 по 1921 г. имело следующее организационное устройство: Курское губернское отделение РКИ и 14 уездных отделений РКИ.

Губернское отделение возглавлялось коллегией. Согласно протоколу заседания от 23.12.1921 г. в ее состав входили административно-общественный подотдел (24 чел.) и экономический отдел (30 чел.) [7, с. 50–51]. Указанные структурные подразделения возглавлялись заведующими и по роду своей деятельности разделялись на распорядительные и ревизионные секции.

В состав административно-общественного подотдела входили следующие секции: военно-административная (11 чел.); просвещения и пропаганды (6 чел.); собезздрав (6 чел.). Экономический отдел включал секции: промышленно-топливную (11 чел.); продсельхоз (8 чел.); финансовую (5 чел.); транспорта и труда (5 чел.). Экономический отдел и административно-общественный подотдел являлись самостоятельными структурными подразделениями, т. е. выполняли работу, основываясь на принципе самоответственности.

Рассмотрим распределение сотрудников по штату на примере наиболее многочисленной военно-административной секции, в состав которой, как ранее было указано, входило 11 человек: заведующий секцией, 2 инспектора, 4 помощника инспектора, 3 счетовода и 1 машинистка.

Большой объем работы и низкая оплата труда работников РКИ, не только в сравнении с частными и кооперативными учреждениями, но даже по сравнению с другими государственными, не позволяли привлечь вполне квалифицированных работников, чем и объяснялся недостаточный подбор инспекторского персонала. Так, только военно-административной секции были подотчетны по состоянию на 1 мая 1921 г. 65 организаций [7, л. 74].

К 1923 г. секции упразднены, губернское отделение РКИ стало включать в себя два отдела: бюро жалоб и секретариат, остальной штат распределялся по ревизионным группам, в зависимости от наличия сил и объема заданий [8, с. 349].

Уездный аппарат также подвергался неоднократным изменениям. Каждое уездное отделение насчитывало от 15 до

20 человек [9, с. 36]. Однако с января 1922 г. уездные штаты были ликвидированы, вместо них назначено по 1 уполномоченному на каждый уезд.

Вполне понятно, что столь незначительным составом охватить все подотчетные органы было совершенно невозможно, в связи с чем в своей работе РКИ была вынуждена опираться на специально образованные в конце 1922 г. уездные комиссии содействия РКИ, тесно связанные как с местными уисполкомами, так и с организациями, выполняли преимущественно работу местного значения.

Наиболее подходящей формой инспектирования в условиях быстрого темпа становления законодательства и полной перемены экономической ориентировки являлись фактические ревизии и обследования [10, л. 1–2]. Другой формой контроля, применяемой РКИ, были последующие ревизии, проводимые преимущественно по отношению к учреждениям, получающим кредиты из Центра.

За период 1921 г. – 1-й квартал 1922 г. губернской РКИ было произведено 346 плановых ревизий и обследований, а также организовано 154 комиссии по приемкам, освидетельствованиям и передачам [9, с. 37].

Наиболее показательными примерами результатов обследований в анализируемый период стали ревизии Губернского управления местного транспорта (Гумта) и Губернского отдела народного образования (Губнаробраз). При ревизии Гумта обнаружены: произвольное и нецелесообразное разделение фуража, незаконная раздача прозодежды, получение фуражных пайков от продорганов на несуществующее количество лошадей, недостатки продуктов и материалов [11]. Обследованием Губнаробраза также выявлен целый ряд служебных злоупотреблений [12].

В период с мая по октябрь 1922 г. деятельность инспекционных групп РКИ была направлена на плановые исследования промышленных органов. По большей части внимание финансовой секции было обращено на учреждения и предприятия, участвующие в государственных и местных налогах и прочих доходах, где РКИ производила обследования и ревизии, как по своей инициативе, так и по заданиям центра. Из проведенных ревизий наибольшего внимания заслуживает ревизия доходов финансового отдела, которой выявлена несдача кассы доходов по юстиции [13] и незаконное расходование таковых. По ревизиям налогов хотелось бы отметить неравномерное обложение торгово-промышленников промысловым налогом в Белгородском уезде и взяточничество со стороны фининспектора [14].

В области технической промышленности за обозначенный период было проведено 8 ревизий и 15 крупных обследований. По трем из них материалы передавались в судебные органы. Так, при проверке мастерской «Куршвей» [15, л. 20], Губкустпрома [16], Уполномоченного Курской конторы Транспортотреста [17] и Губсовнархоза [18] были обнаружены нарушения учетно-счетного дела, недостача денежных и материальных ценностей.

В ходе ревизионных проверок в области здравоохранения был выявлен целый ряд хищений материалов и продуктов в Губздравотделе, Губнарбольнице, Угорздраве и Психической больнице [19]. Материалы упомянутых ревизий направлялись в судебные органы для привлечения виновных к ответственности.

Область социального обеспечения не стала исключением, ревизией РКИ Угорсобеса [20] удалось выявить целый ряд злоупотреблений, а также факты хищения казенного имущества. Материал ревизии был направлен губернскому прокурору.

Таблица 1. Количество произведённых ревизионных работ по различным отраслям деятельности за период 1922–1923 гг. [8, с. 351].

Table 1. Number of audit work performed in various sectors of activity for the period 1922-1923 [8, p. 351]

Отрасль деятельности	Количество ревизий и обследований	Передано в судебные органы
Экономическая группа – 130		
Земельные органы	23	3
Продовольственные органы	22	3
Кооперация	2	2
Промышленность и торговля	25	9
Финансы	58	2
Административная, общественная и военная группа – 87		
Народное просвещение	19	1
Юстиция	3	-
Управление коммунальным хозяйством	22	4
Военное ведомство	15	1
Нар. связь	6	2
Здравоохранение, труд и Собес	22	6

Как видно из данных таблицы 1, наибольший процент ревизионных работ приходился на экономическую группу, хотя и учреждения административного, военного социального характера не остались без соответствующего надзора со стороны губернской РКИ. Процент направленных в суды дел от общего количества равен 17, что в сравнении с показателем 1921 г. свидетельствует о сокращении их числа.

Сотрудники губернского отделения РКИ имели право при проведении проверок и ревизии в случае выявления фактов преступной деятельности проводить дознание, осуществлять некоторые следственные действия, задерживать подозреваемых с последующей передачей материалов проверок в следственные и судебные органы.

На основании пункта «ж» ч. 2 Положения о Народном Комиссариате Рабоче-крестьянской инспекции, утвержденного Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета от 9 января 1922 г., к задачам инспекции было отнесено не только выявление противоправных деяний, но и привлечение к суду виновных в правонарушениях и злоупотреблениях должностных лиц, выступление через своих представителей на суде в качестве обвинителя и истца, в связи с чем вопрос обеспечения участия в судебных заседаниях губернских РКИ находился на контроле общего Управления НК РКИ [21, л. 102].

Участие представителей РКИ при судебных разбирательствах осуществлялось для защиты государственных интересов посредством дачи подробных пояснений по связанным с делом вопросам. Имелись случаи невозможности командирования сотрудников РКИ в суд ввиду необходимости выезда из города Курска в уезды [21, л. 101]. В таких ситуациях инспекция заранее извещала нарсуд о невозможности явки. Разбор дел при отсутствии представителей осуществлялся на основании имеющихся в деле ревизионных материалов.

В условиях строгого дефицита материальных ресурсов в период с 1922 по 1923 г. отделением РКИ была проведена колоссальная работа по проверке в

первую очередь учреждений, осуществлявших их производство, хранение и распределение. Так, объемная работа была проведена по ревизии Металл-треста. Ревизия проходила с 3 ноября 1922 г. по 4 января 1923 г. В ходе проверки были установлены факты использования дирекцией треста банковской ссуды не по прямому назначению, случаи продажи необходимых для производства материалов и ряд других деяний, по совокупности которых губернская РКИ нашла необходимым передать дело в прокуратуру для привлечения виновных к судебной ответственности [8, с. 350].

Ревизиями также была установлена бесхозяйственность, убыточность работы хлебопекарен, исчислявшаяся суммой свыше 5000 рублей золотом [22]. Инспекторы установили отсутствие учета больших объемов автоимущества, убыточность работы водопровода, нецелесообразное хранение без соответствующего использования значительного числа пожарных машин на складах. Отмечался ряд других дефектов, по которым РКИ нашла необходимым: во-первых, дела о хлебопекарнях направить в судебные органы для привлечения виновных к ответственности; во-вторых, дать указания Губкоммунотделу по повышению эффективности его деятельности.

Выводы

Контрольно-ревизионная деятельность Курского губернского отделения Рабоче-крестьянской инспекции способствовала выявлению и пресечению преступлений на предприятиях и в государственных учреждениях, что благоприятным образом сказывалось на процессе восстановления народного хозяйства и промышленности. Основной задачей инспекции являлась помощь советской власти в преодолении последствий войны, а также активизация деятельности по преобразованию всей системы управления, совершенствованию государственного аппарата, борьбе с волокитой и бюрократизмом. Контрольный орган был обязан вести борьбу с преступностью на предприятиях и в государственных учреждениях, принимая комплекс мер для их выявления и пресечения.

Важное профилактическое значение имела целенаправленная деятельность инспекции по обнаружению, фиксации и устранению причин преступности, так она способствовала установлению строгого учета государственного имущества, укреплению производственной и трудовой дисциплины.

Список литературы

1. 1917–1957: Статьи, воспоминания, очерки / ред. коллегия: Т. И. Архипова (отв. ред.) [и др.]. Курск: Кн. изд-во, 1957. 439 с.

2. Курская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства 1921–1925 гг.) // Очерки истории Курской организации КПСС / ред. П. И. Кабанов. Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1980. С. 120–125.

3. Волков С. Е. Банда Махно в Курской губернии. Курск: Курское окружное архивное бюро, 1929. 15 с.

4. Ельчанинов П. М. Преступность в российской провинции в период новой экономической политики советского государства, 1921-1928 гг.: (на материалах Курской губернии) // Власть. 2018. № 1. С. 170–175.

5. Курское губернское экономическое совещание: [отчет Совету труда и обороны за период 1 апреля по 1 октября 1922 года]. Курск: Гос. изд-во, 1922. 123 с.

6. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Рабоче-крестьянской инспекции (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 123–125.

7. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-321. Оп. 1. Д.1016.

8. Отчет Курского Губернского исполнительного комитета XI губернскому съезду Советов. Курск: Изд-во Курского Губисполкома, 1923. 396 с.

9. Курское губернское экономическое совещание: [Отчет Совету труда и обороны за период I/X 1921 г. – I/IV 1922]. Курск: Кубэкосо, 1922. 122 с.

10. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1470.

11. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1219.

12. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1280.

13. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1380.

14. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1379.

15. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1114.

16. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1146.

17. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1211.

18. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1226.

19. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1166.

20. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1168.

21. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1016.

22. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 1071.

Reference

1. 1917–1957: Stat'i, vospominaniya, ocherki [Articles, memoirs, essays]; ed. by T. I. Arhipova, eds. Kursk, Kn. izd-vo, 1957. 439 p.

2. Kurskaya partijnaya organizaciya v bor'be za vosstanovlenie narodnogo hozyajstva 1921–1925 gg.) [Kursk party organization in the struggle for the restoration of the national economy 1921-1925)]. Ocherki istorii Kurskoj organizacii KPSS [Essays on the history of the Kursk organization of the CPSU]; ed. by P. I. Kabanov. Voronezh, Centr.-Chernoz. kn. izd-vo, 1980, pp. 120–125.

3. Volkov S. E. Banda Mahno v Kurskoj gubernii [Makhno's gang in Kursk province]. Kursk, Kurskoe okruzhnoe arhivnoe byuro, 1929. 15 p.

4. El'chaninov P. M. Prestupnost' v rossijskoj provincii v period novoj ekonomicheskoj politiki sovetskogo gosudarstva, 1921-1928 gg.: (na materialah Kurskoj gubernii) [Crime in the Russian province during the period of the new economic policy of the Soviet state, 1921-1928: (based on the materials of the Kursk province)]. *Vlast' = Power*, 2018, no. 1, pp. 170–175.

5. Kurskoe gubernskoe ekonomicheskoe soveshchanie [Kursk Provincial Economic Meeting]. Kursk, Gos. izd-vo, 1922. 123 p.

6. Dekret Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov. O Raboche-krest'yanskoj inspekcii (Polozhenie) [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets. On the Workers' and Peasants' Inspection (Regulations)]. Administration of Affairs of the Council of People's Commissars [Collection of laws and orders of the government for 1920]. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. Moscow, 1943, pp. 123–125.

7. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-321, op. 1, d.1016.

8. Otchet Kurskogo Gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta XI gubernskomu s"ezdu Sovetov [Report of the Kursk Provincial Executive Committee to the XI Provincial Congress of Soviets]. Kursk, Izd-vo Kurskogo Gubispolkoma, 1923. 396 p.

9. Kurskoe gubernskoe ekonomicheskoe soveshchanie [Kursk Provincial Economic Meeting]. Kursk, Kubekoso, 1922. 122 p.

10. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1470.

11. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1219.

12. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1280.
13. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1380.
14. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1379.
15. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1114.
16. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1146.
17. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1211.
18. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1226.
19. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1166.
20. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1168.
21. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1016.
22. GAKO, f. R-321, op. 1, d. 1071.

Информация об авторе / Information about the Author

Немкова Дарья Сергеевна, аспирант, кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: evsiukova.daria@yandex.ru

Daria S. Nemkova, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: evsiukova.daria@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-283-296

(cc) BY 4.0

Дискуссия в англоязычной историографии Коммунистического интернационала

И. А. Суздальцев[1] ✉

[1]ГБОУ Школа №1381
ул. Коминтерна, д. 52, г. Москва 129346, Российская Федерация

✉ e-mail: ialoko90@mail.ru

Резюме

Актуальность. *История Коминтерна пока не изучена должным образом в отечественной науке. Полноценная научная рефлексия в этом направлении требует рассмотрения различных аспектов, в том числе специфики научного спора в англоязычной историографии III Интернационала между представителями двух направлений: традиционалистского и ревизионистского, который берет свое начало в 1980-е годы и продолжается по настоящее время. Хотя часть исследователей считает, что споры в этой области постепенно сходят на нет, открытие архивов, растущая заинтересованность историков в исследовании данной темы, а также достаточно слабый уровень изучения европейского коммунизма, способствуют высказыванию всё новых точек зрения. Значительное число историков утверждает, что новые исследования, отражающие взаимоотношения Коминтерна с коммунистическими партиями, необходимы, так как они должны исправить более ранние работы, что зарубежные историки до сих пор не смогли оценить Коминтерн в советском контексте.*

Целью *исследования является анализ этапов данной дискуссии.*

Задачи: *поиск публикаций, подходящих под заявленные критерии, их перевод; выявление предмета дискуссии, а также видных представителей указанных направлений в различные периоды.*

Методология. *Статья основывается на принципе системности, использован хронологический и историко-сравнительный подходы.*

Результаты. *Исследователи, так или иначе участвующие в рассматриваемой дискуссии, расходятся, главным образом, в вопросе, насколько значительным было влияние Коминтерна на коммунистические партии, насколько серьезной автономией в принятии политических решений они обладали.*

Выводы. *Принадлежность к стране не предопределила отношение авторов к той или иной проблеме, а также принадлежность к определенной историографической позиции.*

Ключевые слова: *историография; традиционалисты; ревизионисты; Коминтерн; большевизация; сталинизация.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Суздальцев И. А. Дискуссия в англоязычной историографии Коммунистического интернационала // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 283–296. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-283-296.

Поступила в редакцию 18.09.2023 Принята к публикации 15.11.2023 Опубликована 25.12.2023

© Суздальцев И. А. 2023

Discussion in the English-language Historiography of the Communist International

Ilya A. Suzdaltsev[1] ✉

[1]GBOU School No. 1381
52 Kominterna Str., Moscow 129346, Russian Federation

✉ e-mail: ialoko90@mail.ru

Abstract

Relevance. *The history of the Comintern has not yet been studied properly in domestic science. A full-fledged scientific reflection in this direction requires the consideration of various aspects, including the specifics of the scientific dispute in the English historiography of the III International between representatives of the two directions: traditionalist and revisionist, which originates in the 1980s. And continues to the present.*

The purpose *of the study is to analyze this discussion.*

Objective: *search publications that meet the required criteria, their translation; identification of the subject of discussion, as well as species withdrawals in different periods.*

Methodology. *The article about fundamental consistency uses chronological and historical-comparative approaches.*

Results. *The researchers, one way or another participating in the discussion of discussions, mainly in the question, influenced the Comintern to talk about how serious autonomy they have in unexpected decisions.*

Conclusions. *Belonging to the country did not predetermine the attitude of the authors to a particular problem, and also spread to a broad historiographic position.*

Keywords: *historiography; traditionalists; revisionists; Comintern; Bolshevization; Stalinization.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Suzdaltsev I. A. Discussion in the English-language Historiography of the Communist International. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2023; 13(6): 283–296. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-283-296

Received 18.09.2023 Accepted 15.11.2023 Published 25.12.2023

***

Введение

Современные зарубежные историки проявляют все большую заинтересованность в изучении политики Коминтерна, особенно периода с 1920 по конец 1930-х гг. В это время деятельность III Интернационала была наиболее активной, его стратегия неоднократно претерпевала изменения, иногда практически полностью противореча предыдущей тактической линии. Заинтересованность темой Коминтерна вызвана как открытием все новых архивных фондов, посвященных в том числе зарубежным компартиям, входящим в III Интернационал, так и необходимостью разобраться в ряде спорных, малоизученных либо требующих переосмысления вопросов.

Первые попытки комплексно проанализировать дискуссию в англоязычной историографии Коминтерна относятся к концу 1990-х – началу 2000-х гг. [1; 2; 3], и хотя часть исследователей считает, что споры в этой области постепенно сходят на нет, открытие архивов, растущая заинтересованность историков в исследовании данной темы, а также достаточно слабый уровень изучения европейского коммунизма способствуют высказыванию всё новых точек зрения. С этим

мнением согласны британские историки Т. Рис и Э. Торп, отмечающие, что появление новых источников не ведет к прекращению дебатов [4, p. 10]; их соотечественник К. Макдермотт утверждает, что новые исследования, отражающие взаимоотношения Коминтерна с коммунистическими партиями, необходимы, т. к. они должны исправить более ранние работы [5, p. 32]. Соответственно, новейший период изучения деятельности Коминтерна и его взаимоотношений с национальными компартиями также характеризуется спорами по различным аспектам его политики, что подтверждают современные работы историков из Великобритании Дж. Макилроя и А. Кэмпбелла (см. ниже), рассмотревших в ряде своих статей вопрос столкновения традиционалистских и ревизионистских взглядов. В связи с этим, по нашему мнению, имеется необходимость в изучении этой проблемы как составной части исследования деятельности Коминтерна, без анализа которой, в свою очередь, практически невозможно комплексно представить внешнюю политику нашей страны в первой половине XX в.

Долгое время в англоязычной историографии Коминтерна господствовало традиционалистское направление, представители которого подчеркивали централизованность III Интернационала, господство в нем лидеров РКП(б) – ВКП(б), их решающее влияние на коммунистические партийные структуры по всему миру [6, с. 18]. Самый яркий представитель данного направления Т. Дрейпер заявлял, в частности, что ничто и никто не сможет изменить тот факт, что американская коммунистическая партия стала инструментом Российской коммунистической партии [7, p. 440].

«Традиционалистам» был брошен вызов группой молодых, в основном американских и британских, историков, отказывавшихся видеть в истории отношений коммунистических партий и Коминтерна нисходящее господство директив последнего. Вместо этого они старались подчеркнуть автономию первых и отметить их положительный вклад в социальные процессы в своих странах; используя социальную историю, они отмечали созидательную деятельность партийных активистов в обществе. В конце 1950-х – середине 1960-х гг. в Великобритании Г. Пеллингом и Л. МакФарлэйном были опубликованы первые подобные работы, в которых авторы критически относились к российской гегемонии в коммунистическом движении, отмечая политическую нестабильность и отсутствие демократизма в Коммунистической партии Великобритании, самостоятельное стремление ее членов поддержать российскую политику.

Т. Ландерс (Новая Зеландия) считает, что формирование первой волны ревизионистских историков завершилось в конце 1960-х – начале 1970-х гг.[1] Публикация исследований, ставящих под вопрос железную дисциплину в Коминтерне (как минимум до 1928 г.), была достаточно массово продолжена в 1980-х – начале 1990-х гг. и была связана с именами М. Иссермана, П. Лайонса, М. Найсона, Р. Кирана, Ф. Оттанелли (все – США). В Канаде в конце 1980-х – 1990-х гг. также вышел ряд трудов, в которых историки (Н. Пеннер, Дж. Мэнли, Р. Фрейгер, М. Стидман) стремились превзойти указанные выше тенденции, в том числе сделав акцент на деятельности партийных активистов.

Методология

В статье были использованы монографии и статьи, опубликованные англоязычными историками во второй половине XX – начале XXI в. Принцип системности позволил проследить преем-

[1] Landers T. M. An overview of the Historiography of Stalin, 1956-2018. Wellington, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/339088999_Landers_T_M_Stalin_Historiography_Overview_1956_2018 (дата обращения: 18.08.2023).

ственность в изучаемых исторических подходах; с помощью хронологического и историко-сравнительного методов удалось систематизировать публикации по периодам и тематике.

Результаты и их обсуждение

В 1980-е гг. в англоязычной историографии берет начало дискуссия относительно Третьего периода Коминтерна (идеологический курс, которого придерживался Коминтерн в 1928–1935 гг., был отмечен враждебностью к политическому реформизму и политическим организациям, которые поддерживали его как препятствие на пути к революционным целям): американские историки П. Лайонс и Б. Нельсон, в целом признававшие значительную независимость национальных компартий, принимали вполне традиционалистский взгляд на него, заявляя о его советском происхождении и губительности на местном уровне. Им противостояли их соотечественники Р. Киран, Дж. Барретт, Ст. Нельсон, Р. Келли, а также в 1990-е – начале 2000-х гг. британские историки К. Морган, Н. Фишман, Э. Торп и М. Уорли, отмечавшие положительный вклад коммунистов в данный период в политику против расизма, в движения безработных и неквалифицированных рабочих, не признавая его катастрофические последствия.

Так называемый «второй эшелон ревизионистов», согласно Т. Ландерсу, состоял из историков, известных как «новая когорта» – прозвище, придуманное в 1986 г. профессором Чикагского университета (США) Ш. Фицпатрик [8, p. 357], которые делали акцент главным образом на социальной истории[1] и положили начало социальной историографии западных коммунистических партий. В итоге работы Фицпатрик, считавшей, в частности, что сталинский режим имел значительную социальную поддержку как в стране, так и в Коминтерне [9, p. 187], вызвали ожесточенные дебаты; большинство историков, изучавших историю СССР, отнеслось к ее публикациям негативно, заявляя, что невозможно изучать данный период истории без ссылок на политическую сферу, что политический и социальный миры были неразрывно переплетены (П. Кенез (США)) [10, p. 396–397], незнание политических аспектов советской власти ведет за собой искажение исторической объективности (Р. Конквест (США), Дж. Гетти (США), Р. Мэннинг (США), Дж. Эли (Великобритания) и др.)[1], имеет место создание искусственной школы историографии (Л. Виола (США)) [12, p. 428–431].

При этом часть вышеупомянутых историков оставалась на ревизионистских позициях. Например, Дж. Эли (США) отмечал автономный характер развития большинства коммунистических партий [12, p. 91]. Его поддерживал соотечественник Д. Мэйфилд, отрицавший решающее идеологическое присутствие Коминтерна в коммунистических партиях и назвавший его координатором коммунистической лояльности [13, p. 352], а также британский историк К. Морган, подчеркивающий положительный вклад Коммунистической партии Великобритании (КПВ) в промышленность и социальную сферу и ее автономию особенно в 1930-е гг. [14, p. 6–16]. Морган в этой же монографии отрицательно отзывался об историках Б. Пирсе, М. Вудхаусе, авторов «Истории коммунизма в Британии» (1969) из-за изощренной трактовки в объяснении политики КПВ, в которой эти историки, по его мнению, видят только неправильную линию партийного руководства, построенной на советах из России [14, p. 6–7]. Дж. Райан (США) считает, что в этот период ревизионистская школа достигла своего пика и доминировала в области изучения Коминтерна и коммунизма. Однако от-

[1] Landers T. M. An overview of the Historiography of Stalin, 1956-2018. Wellington, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/339088999_Landers_T_M_Stalin_Historiography_Overview_1956_2018 (дата обращения: 18.08.2023).

крытие архивов Коминтерна вдохнуло новую жизнь в «подавленных традиционалистов» [15, p. 203].

Дж. Эли, Д. Мэйфилд и К. Морган считали необходимым важность изучения национального контекста в изучении общей истории коммунизма и Коминтерна, что вызвало негативные отклики среди представителей традиционалистской историографии, где в течение 1990-х гг. высказывалось противодействие этому «периферийному видению» со стороны, главным образом британских историков У. Томпсона, К. Лейборна и Д. Мерфи; в частности У. Томпсон заявлял, что, несмотря на политику Народного фронта, когда КПВ ассимилировалась с британскими политическими традициями, она находилась под влиянием русской политической традиции [16, p. 43, 46, 50]. Критический отзыв на работу Моргана присутствует в статье его соотечественника Г. Пеллинга, где он утверждает, что Морган достигает политического одобрения ценой историографического дефолта, ему свойственна драматическая неспособность рассмотреть все существующие факты, доказывающие обратное [17, p. 131].

Серьезная критика традиционалистской историографии содержится в работе Н. Фишман (Великобритания), опубликованной в 1995 г., где автор отмечает, что позиции, отрицающие автономию коммунистических партий, ошибочны методологически и эмпирически, они недостаточно доказаны, некоторым фактам свойственна сомнительная интерпретация. Относительно же коммунистических партий Фишман считает, что даже при наличии у некоторых из них зависимости от Коминтерна КПВ была исключением и смогла развить собственную идентичность [18, p. 36–43, 255]. Также Фишман пишет, что «эссенциалисты» («традиционалисты») игнорировали все серьезные исследования, стремясь подчеркнуть господство России над британским коммунизмом [19, p. 8].

Э. Торп (Великобритания) в своей монографии «Британская коммунистическая партия и Москва», опубликованной в 2000 г., назвал вклад К. Моргана и Н. Фишман впечатляющим [20, p. 3], он же, в свою очередь, также отмечал, что влияние Коминтерна на британскую политику было преувеличено большинством историков, что партия была в значительной степени хозяином своей судьбы, в том числе и в вопросе проведения тактики «третьего периода» [21, p. 81–87]. М. Уорли (Великобритания), придерживаясь схожих позиций, считает, что левый поворот в КПВ был основан на событиях, разворачивающихся в самой Британии [22, p. 74]. В работах Э. Торпа и М. Уорли (более ранних) их соотечественники К. Макдермотт и Дж. Агню отметили склонность недооценивать механизмы контроля, используемые Коминтерном на международном уровне и партийным руководством на национальном уровне, добавляя, что сталинская дисциплина требовала лояльного выполнения линии партии, отклонения практически не допускались, а пространство для дебатов и дискуссий было строго ограничено [24, p. 118]. Исследователь Дж. Мэнли (Канада) отмечал, что вслед за Ниной Фишман Торп и Уорли доверяют речам ведущих британских коммунистических политиков и навязывают Британии ультралевое прочтение «Класса против класса». По его мнению, с 1929 г. компартии и профсоюзы в Великобритании, Канаде и США были вынуждены выстраивать свою политику в интересах построения социализма в одной стране [25, p. 12–13, 49].

Упомянутые в предыдущем абзаце историки были подвергнуты значительной критике со стороны «традиционалистов» – британских исследователей Дж. Макилроя и А. Кэмпбелла. По их мнению, работа Фишман – это пересказ аргументов, которые не принимают во внимание открытие архивов [25, p. 386], в которой присутствуют сомнительные ин-

терпретации и практически нет доказательств для подтверждения своих выводов. Фишман свойственно непонимание как сталинской политики, так и роли в ней Г. Поллита (генерального секретаря КПВ в 1929–1939 и 1941–1956 гг.) [26, p. 44]. В работах Фишман и Торпа, отмечают они, отсутствует должное рассмотрение сталинизма и сделан акцент на британской политике; а тезисы М. Уорли, по сути, повторяют и развивают положения историков А. Хоукинса и М. Сквайрса, опубликованные в 1980–90-х гг. [17, p. 141, 144] Утверждения Уорли, который писал, что с открытием архивов утверждения о том, что Коммунистический интернационал был орудием Советского государства, а впоследствии Сталина, были оспорены и принципиально переработаны, абсолютно безосновательны, поскольку не существует фактов, доказывающих это. Уорли не работал в московских архивах, а полагается в основном на ограниченный диапазон микрофильмированных материалов, находящихся в Манчестере, и записи, сделанные Клугманном (Джеймс Клугманн (1921–1977) – британский журналист, автор первых двух томов официальной истории Коммунистической партии Великобритании. – *Авт.*) [26, p. 34, 50]. Фишман, по их мнению, принимает за чистую монету пропаганду КПВ, которая утверждала, что партийные активисты были такими же, как и их коллеги из лейбористской партии, независимые от Коминтерна [17, p. 137], и официальные публикации Коммунистического интернационала [26, p. 56–58], в которых, естественно, вопрос подчинения национальных секций не поднимался, а также часто использует ненаучные категории [27, p. 98]. Макилрой и Кэмпбелл утверждают, что КПВ была, прежде всего, проводником советской политики и была далека от британского рабочего класса [26, p. 132]. В работах Торпа, заявляют они, присутствует одностороннее изображение Г. Поллита в результате ошибочных суждений и доказательств [17, p. 137], на самом же деле его верность Советскому Союзу и Сталину сохранялась даже в крайних случаях, например, в 1939 г. (после подписания Пакта Молотова – Риббентропа. – *Авт.*) [28, p. 105]. Поллит, по их мнению, «следил за дымовыми сигналами и нюхал ветер» [27, p. 45]. «Торп утверждает, – пишут Макилрой и Кэмпбелл, что КПВ систематически участвовала в обсуждении проблем Коммунистического Интернационала и братских партий, однако при этом мало что может сказать об инициативах КПВ за пределами Великобритании, помимо этого общеизвестна ее позиция по поводу разногласий в РКП(б) (имеется в виду внутрипартийная дискуссия между Зиновьевым, Каменевым, Сталиным и Троцким. – *Авт.*)» [30, p. 162–163]. Также они критикуют Торпа за непостоянство, который изначально отмечал, что третий период был катастрофой, теперь же утверждает, что все, что он сказал, было то, что это был трудный и неудачный период с «положительными» изменениями среди безработных [17, p. 152], соответственно, не понятно, на каких позициях по фундаментальным вопросам он стоит [27, p. 100]; он неправильно понимает идеологию Коминтерна и КПВ [26, p. 48].

Макилрой и Кэмпбелл ставят под сомнение высказывание Уорли о том, что третий период не был спроектирован И. В. Сталиным для прихода к власти: отмечая, что он был обоснован Н. И. Бухариным, лозунг «класса против класса» провозгласил Ж. Эмбер-Дро (швейцарский коммунист), термин «социал-фашизм» употреблялся Г. Е. Зиновьевым еще в 1922 г., они также пишут, что все это было сделано по инициативе И. В. Сталина. Анализируя письма из Москвы уполномоченными представителями КПВ, историки приходят к выводу, что Уорли вновь ошибся, говоря о честолюбивых лидерах в компартиях, стремившихся проводить независимую линию. Они считают, что ревизионистам свойственно за-

вышение показателей членства в КПВ в третий период, для молодого поколения историков, утверждающих о независимости КПВ, о том, что сталинисты были просто обычными социалистами, проявляющими энтузиазм в отношении народного фронта; Третий период на самом деле представляет собой неудобный зенит совсем другого коммунизма, с его безудержным сектантством, презрением к буржуазной демократии, яростной нетерпимостью и решительной поддержкой «второй Сталинской революции» в России [30, p. 546–547, 558, 563]. В итоге, по их мнению, представленные в работах Фишман, Торпа и Уорли доказательства не оправдывают пересмотра общепринятых концепций, а слабость социальной истории заключается в том, что ей свойственна склонность недооценивать механизмы контроля, осуществляемые Коминтерном [29, p. 151, 156].

К. Моргану, утверждают Макилрой и Кэмпбелл, свойственно ошибочное утверждение о том, что КПВ была подлинно британской партией рабочего класса – на самом деле партия никогда не реализовывала политическую стратегию в соответствии с политической ситуацией в Британии, перемены в ее политике происходили только с подачи Коминтерна; Морган и Фишман упрощенно объединяют большевизм со сталинизмом [27, p. 43, 46].

Также их критика направлена на директора Института современной британской истории (Лондон, Великобритания) Х. Джонс, т. к. она, по их мнению, как и Фишман, избегает ссылок, когда утверждает о так или иначе принятых точках зрения [25, p. 387], а также поддерживает «абсурдные ярлыки Фишман» [28, p. 97]. Они обвиняют Джонс в бессвязности и эклектичности за то, что, называя себя эссенциалисткой (т. е. придерживающейся традиционалистского подхода), в работе она поддерживает реалистов («ревизионистов») и применяет ярлык «эссенциалист» как оскорбительный термин по отношению к неназванным историкам [25, p. 387].

Макилрой и Кэмпбелл анализируют работы не только своих современников, например, они также отзываются об исследованиях британских исследователей Г. Пеллинга и Дж. Клугманна, опубликовавших монографии, посвященные КПВ еще в 1958 и 1969 гг. соответственно. Пеллинг, пишут они, применяет термин «большевизация» к 1922–1923 гг., когда он еще не использовался, к тому же сам термин, как и термин «сталинизация», мало проанализирован, не указаны существенные сходства и различия между ними [31, p. 6]; работе Пеллинга иногда свойственны излишне радикальные трактовки, например, когда он заявляет о превращении КПВ в военный аппарат СССР [29, p. 152]. Клугманн, по их мнению, в своей работе избегал сложных вопросов, таких как, например, влияние Коминтерна на создание партии и на его политику. В своей работе они приводят цитату Э. Хобсбаума о том, что Клугманн был парализован из-за невозможности быть одновременно хорошим историком и верным функционером. Также они утверждают, что группа британских историков (Н. Грин, Э. Эллиотт, Дж. Хопкинс, Н. Брэнсон) проводила исследования партийных активистов, в которых скрывались эпизоды, которые бы ставили КПВ в неудобное для них положение подчинения Коминтерну. В частности, положения работ Н. Брэнсон являются неточными по целому ряду вопросов, например о сущности Народного фронта и о проблемах шпионов в КПВ [27, p. 38]. Похожие с работой Пеллинга тенденции Макилрой и Кэмпбелл отмечают в работах британских историков К. Макдермотта, Дж. Агню и Д. Пристланда, а также в публикации их соотечественников Н. Лапорта, К. Моргана и М. Уорли. Утверждения Б. Палмера (Канада) и Дж. Зумоффа (США) о том, что большевизация имела положительные последствия и была, по сути, палкой о двух концах, спор-

ны, считают Макилрой и Кэмпбелл [31, p. 6, 14].

В ответе им Н. Фишман пишет, что Г. Поллит руководствовался стратегией ликвидации централизма Коминтерна в Великобритании, а партийные и профсоюзные активисты принимали важные решения прагматично в соотвествии с побуждениями совести [19, p. 11]; отсутствуют факты личного участия Сталина в деятельности КПВ; что Макилрой и Кэмпбелл не приводят примеров решающего влияния Москвы на политику КПВ, что архив Коминтерна не содержит материалов, которые бы подтверждали их взгляды на деятельность партии в профсоюзах [32, p. 382].

Работа Н. Фишман нашла еще ряд откликов среди исследователей. Британские историки Дж. Иден и Д. Рентон считают, что Фишман недооценивает имеющееся на протяжении всего периода деятельности Коминтерна влияние внешнеполитических интересов Советского государства. Также они утверждают, что аргумент Э. Торпа относительно партнерских отношений КПВ и Коминтерна является неубедительным, т. к. политика КПВ зависела от инструкций, отправленных в КПВ через Западноевропейское бюро Коминтерна в Берлине; историку Н. Брэнсон, по их мнению, свойственен романтизированный взгляд на КПВ в период Народного фронта, т. к. в ее работах не учитывается тот факт, что новая линия проводилась под руководством Коминтерна и была реакцией на стратегическую угрозу СССР со стороны Гитлера [33, p. XIV-XV, XIX].

В 2000 г. увидела свет статья американского историка Р. Сторч, в которой та критически отзывается о Т. Дрейпере и тех, кто ему «вторит десятилетия спустя» – Х. Клере и Дж. Хейнсе, по причине того, что они не учитывали влияние местного партийного опыта на формирование партии и влияние на политику людей, которые в нее вступали; делали акцент на маленькой и сектантской партии 1920-х гг., вместо того, чтобы рассматривать весь период ее деятельности в совокупности, а также в контексте широкой истории радикальных движений США. Сама Сторч считает, что необходимо более широко изучать историю американского коммунизма: вплоть до историй партийных деятелей и жителей США в различных городах. Также Сторч отмечала, что новые историки («ревизионисты». – *Авт*.) подчеркивают вариативность и сложность контекста, что им свойственна более глубокая интерпретация американского коммунизма [34].

Концепция Дрейпера подвергается критике Э. П. Йоханнингсмайером (США) за то, что его работа не отражает влияния профсоюзов на политику компартии США в 1920-е гг. [35, p. 285], анализ которого мог бы поставить под сомнение позицию Дрейпера о тотальном контроле за партией со стороны Коминтерна.

Суждения о том, что ревизионистские историки не ограничивались 1920-ми гг., в отличие от Дрейпера, свойственны работе Дж. Зумоффа (США). Сам Зумофф считает, что в первую половину 1920-х гг. Коминтерн редко навязывал свою волю Коммунистической партии США без консультации и обсуждения и соглашается с Хейнсом в том, что фракционность 1920-х гг. продемонстрировала готовность движения за сталинизм [36, p. 4, 14, 17]. В 1930-е гг., по его мнению, в США и Канаде коммунистические партии сыграли центральную роль в подъёме борьбы рабочих и эволюции рабочего движения [37, p. 165].

Канадский историк И. Маккей противопоставляет себя своим соотечественникам Я. Ангусу, И. Авакумовичу, Н. Пеннеру, Б. Палмеру, заявляя, что их тезис о подчинении компартий Коминтерну в Канаде не работает, тут имеет место скорее навязывание лидерами компартии Канады, в том числе Тимом Баком, своим однопартийцам мнения Москвы чаще всего по собственной инициативе. Сами же лидеры Коминтерна,

по мнению Маккея, незначительно разбирались в канадских реалиях и не осуществляли значительного контроля [38, p. 131].

Нюансам традиционалистской и ревизионистской историографий посвящены несколько работ Б. Палмера (Канада). В статье, изданной в 2009 г., он критикует Дрейпера за то, что тот так и не сумел отличить ленинизм и большевистскую программу мировой революции, которой способствовало создание Коминтерна, от сталинизма. Вся его аргументация была подобрана в соответствии с либеральной концепцией времен холодной войны, которая подчеркивала постоянную потребность Коммунистического интернационала доминировать и подчинять всех своих членов, в том числе американских коммунистов. Клера и Хейнса, по его мнению, не интересует разница между ленинским Коминтерном, взявшим курс на интернационализм и мировую революцию, и сталинским государством, направленным на построение социализма в одной стране. Однако он также отмечает, что Р. Сторч превозносит достоинства и независимость американского коммунизма, в итоге, если сторонники Дрейпера слышат только хлопки одной руки иностранного господства, то их противники часто, кажется, способны слышать только глухой стук полицейской дубинки по спинам уличных протестующих [39].

В статье, опубликованной в 2019 г., Палмер отмечает, что в концепции «ревизионистов» зачастую имеет место отход от акцента на политику в пользу, например, культурной автономии на местах, как, например, в работе П. Бюле [40, p. 203]. Также в работах Палмера содержится критика И. Маккея за то, что он ставит автора статьи в один ряд с историками-традиционалистами (например, с У. Родни), а также за ошибочность взглядов относительно периода тактики «класс против класса», когда, по мнению Маккея, партии обладали достаточно серьезной автономией [40, p. 208–211]. Б. Палмер в статье упоминает историка К. Итона, который, ссылаясь на Палмера, по мнению последнего, на одной странице представил его как не входящего в историографию, зацикленную на московском господстве, а несколькими страницами позже связал его с историографической традицией, что говорит об искажении фактов в пользу сконструированной позиции, не выдерживающей критики. Макилрой и Кэмпбелл, по мнению Палмера, подняли планку научной строгости и их деятельность положительно повлияла на решение проблемы сталинизма и его разветвлений за счет интенсивного использования обширных архивов Коминтерна [40, p. 204, 229].

Также нельзя не отметить новозеландскую историографию, хотя ей, безусловно, свойственен гораздо менее значительный охват: старший преподаватель истории в Университете Мэсси К. Тейлор в своей статье, изданной в 2004 г., не соглашаясь с Макдермоттом и Агню, утверждает, что историки-ревизионисты правы, что отношения внутри коммунистического движения не были «директивными», как предполагает доминирующая парадигма. Национальные секции (главным образом, Коммунистическая партия Новой Зеландии (КПНЗ)) имели возможность выражать несогласие и сопротивляться неугодным им политическим указаниям [41, p. 294].

В работе, опубликованной в 2008 г. совместно с М. Уорли, Тейлор отмечает работу своего соотечественника, доцента Университета Отаго А. Трапезника, который утверждал, что КПНЗ не отклонялась от строгой сталинской дисциплины; что отношения КПНЗ с Коммунистическим интернационалом были отношениями руководства с одним из подчиненных. Тейлор же считает, что такой подход в настоящее время становится редкостью, т. к. он не отражает конкретных нюансов, в том числе ситуации в Новой Зеландии, при внимательном изучении аргументы Трапезника не выдерживают

никакой критики; местные детерминанты, национальный контекст и удаленность определили в Новой Зеландии менее предсказуемую модель взаимоотношения с Коминтерном, чем у ряда компартий из других стран [42, p. 227].

Выводы

Таким образом, после появления в конце 1950-х – 1960-х гг., главным образом в США и Великобритании, историков, обосновывавших в своих исследованиях автономию коммунистических партий в их взаимоотношениях с Коминтерном и отмечавших их положительный вклад в социальные процессы в своих странах, в англоязычной историографии Коминтерна началась дискуссия, которая имеет продолжение и в настоящее время. Исходя из количества представленных в рамках двух направлений исследователей, можно сказать, что и в США, и в Великобритании существуют научные школы, широко представленные как «традиционалистами», так и «ревизионистами», имеет место тенденция к преемственности в рамках каждого из направлений. В настоящее время появляется достаточно большое количество новых работ, а также увеличивается число англоязычных государств, в историографии которых подобные вопросы стали обсуждаться в относительно недавний период (главным образом, Канада и Новая Зеландия). Соответственно, по нашему мнению, если интерес историков к данной теме не снизится, в дальнейшем возникнет необходимость в продолжении систематизации ее изучения.

Список литературы

1. Studer B., Unfried B. At the beginning of history: visions of the Comintern after the opening of the archives // International Review of Social History. 1997. Vol. 42. P. 419–46.

2. Morgan K. Labour with knobs on? The recent historiography of the British Communist Party // Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen. 2002. Vol. 27. P. 69–84.

3. Stalinistische Subjekte = Sujets Staliniens = Stalinist subjects: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern 1929–53 / ed. by B. Studer, H. Haumann. Zurich: Cronos, cop., 2006. 555 p.

4. Rees T., Thorpe A. Introduction // International Communism and the Communist International 1919–1943 / ed. by T. Rees and A. Thorpe. Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 1–11.

5. McDermott K. The history of the Comintern in the light of new documents // International communism and the Communist International 1919–1943 / ed. by T. Rees and A. Thorpe. Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 31–40.

6. Суздальцев И.А. Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 4. С. 18–30.

7. Draper T. American communism and Soviet Russia, the formative period. New York: Viking Press, 1960. 558 p.

8. Fitzpatrick S. New perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45, no. 4. P. 357–373.

9. Harris J. Stalin as historical personality // The Cambridge History of Communism. Volume I. World revolution and socialism in one country 1917–1941 / ed. by S. Pons, S. A. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 166–188.

10. Kenez P. Stalinism as humdrum politics // The Russian Review. 1986. Vol. 45, no. 4. P. 395–400.

11. Lynne V. In search of young revisionists // The Russian Review. 1987. Vol. 46, no. 4. P. 428–431.

12. Eley G. International Communism in the hey-day of Stalin // New Left Review. 1986. Vol. 157. P. 90–100.

13. Mayfield D. What is the significant context of Communism? [A review of the University of Michigan conference on International Communism, 14–15 November 1986] // Social History. 1988. Vol. 13. P. 351–362.

14. Morgan K. Against Fascism and War: ruptures and continuities in British Communist Politics, 1935–41. Manchester: Manchester University Press, 1989. 328 p.

15. Ryan J. A final stab at insurrection: the American Communist Party, 1928-34 // In Search of revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. by M. Worley. London; New York: Tavris, cop., 2004. P. 203–219.

16. Thompson W. The good old cause: British Communism, 1920–91. London: Pluto Press, 1992. 258 p.

17. Mcilroy J., Campbell A. A peripheral vision: Communist historiography in Britain // American Communist History. 2005. Vol. 4, no. 2. P. 125–157.

18. Fishman N. The British Communist Party and the Trade Unions, 1933-1945. Aldershot: Scolar Press, 1995. 380 p.

19. Fishman N. Essentialists and realists // Communist History Network Newsletter. 2001. Vol. 11. P. 7–16.

20. Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920–1943. Manchester: Manchester University Press, 2000. 308 p.

21. Thorpe A. The Communist International and the Communist Party of Great Britain // International Communism and the Communist International 1919–1943 / ed. by T. Rees and A. Thorpe. Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 67–86.

22. Worley M. Class Against Class: the Communist Party of Great Britain in the Third Period, 1927–1932. PhD diss. Nottingham, 1998. 328 p.

23. McDermott K., Agnew G. The Comintern: A history of International Communism from Lenin to Stalin. Basingstoke: Macmillan Press, 1996. 304 p.

24. Manley J. Moscow Rules? 'Red' Unionism and 'Class Against Class' in Britain, Canada, and the United States, 1928-1935 // Labour/Le Travail. 2005. Vol. 56. P. 9–50.

25. Mcilroy J., Campbell A. Is CPGB history important? A reply to Harriett Jones // Labour History Review. 2003. Vol. 68, no. 3. P. 385–390.

26. Mcilroy J., Campbell A. Histories of the British Communist Party: a user's guide // Labour History Review. 2003. Vol. 68, no. 1. P. 33–60.

27. Mcilroy J., Campbell A. The last word on Communism // Labour History Review. 2005. Vol. 70, no. 1. P. 97–101.

28. Mcilroy J., Campbell A. The heresy of Arthur Horner // Llafur: The Journal of Welsh People's History. 2001. Vol. 8 (2). P. 105–118.

29. Mcilroy J., Campbell A. "Nina Ponomareva's Hats": the new revisionism, the Communist International, and the Communist Party of Great Britain, 1920-1930 // Labour/Le Travail. Spring 2002. Vol. 49. P. 147–187.

30. Mcilroy J., Campbell A. For a revolutionary worker’s government // European History Quarterly. 2002. Vol. 32 (4). P. 535–569.

31. Mcilroy J., Campbell A. Bolshevism, Stalinism and the Comintern: a historical controversy revisited // Labor History. 2019. Vol. 60 (3). P. 1–28.

32. Fishman N. CPGB history at the Centre of Contemporary British History // Labour History Review. 2004. Vol. 69 (3). P. 381–383.

33. Eaden J., Renton D. The Communist party of Great Britain since 1920. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 220 p.

34. Storch R. Moscow's archives and the new history of the Communist Party of the United States // Perspectives on History. 2000. Vol. 38. No. 7. URL: https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2000/moscows-archives-and-the-new-history-of-the-communist-party-of-the-united-states (дата обращения: 20.08.2023).

35. Johanningsmeier E. P. The Profintern and the 'Syndicalist Current' in the United States // Bolshevism, Stalinism and the Comintern Perspectives on Stalinization, 1917–53 / ed. by N. LaPorte, K. Morgan and M. Worley. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 283–304.

36. Zumoff J. A. The Communist International and US Communism, 1919–1929. Leiden: Brill, 2014. 456 p.

37. Zumoff J. A. The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935 // Labour/Le 47. Travail. 2020. Vol. 85. P. 165–198.

38. McKay I. Joe Salsberg, depression-era communism, and the limits of Moscow's Rule // Canadian Jewish Studies = Études juives canadiennes. 2013. Vol. 21. P. 130–142.

39. Palmer B. What was great about Theodore Draper and what was not // American Communist History. 2009. Vol. 8. No. 1. URL: https://libcom.org/history/what-was-great-about-theodore-draper-what-was-not-bryan-d-palmer (дата обращения: 20.08.2023).

40. Palmer B. How can we write better histories of Communism? // Labour / Le Travail. 2019. Vol. 83. P. 199–232.

41. Taylor K. The Communist Party of New Zealand and the Third Period, 1928-35 // In search of revolution: International Communist Parties in the Third Period / ed. by M. Worley. London; New York: Tauris, 2004. P. 270–300.

42. Taylor K., Worley M. Testing the limits: Stalinization and the New Zealand and British Communist Parties // Bolshevism, Stalinism and the Comintern Perspectives on Stalinization, 1917–53 / ed. by N. LaPorte, K. Morgan and M. Worley. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 226–244.

References

1. Studer B., Unfried B. At the beginning of history: visions of the Comintern after the opening of the archives. *International Review of Social History*, 1997, vol. 42, pp. 419–46.

2. Morgan K. Labour with knobs on? The recent historiography of the British Communist Party. *Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen*, 2002, vol. 27, pp. 69–84.

3. Stalinistische Subjekte = Sujets Staliniens = Stalinist subjects: In-dividuum und System in der Sowjetunion und der Komintern 1929–53; ed. by B. Studer, H. Haumann. Zurich, Cronos cop. Publ., 2006. 555 p.

4. Rees T., Thorpe A. Introduction. International Communism and the Communist International 1919–1943; ed. by T. Rees and A. Thorpe. Manchester, Manchester University Press, 1998, pp. 1–11.

5. McDermott K. The history of the Comintern in the light of new documentsю International communism and the Communist International 1919–1943; ed. by T. Rees and A. Thorpe. Manchester, Manchester University Press, 1998, pp. 31–40.

6. Suzdal'cev I.A. Sovremennaya angloyazychnaya istoriografiya Kommunisticheskogo internacionala [Modern English-language historiography of the Communist International]. *Novaya i novejshaya istoriya = New and Modern History*, 2021, is. 4, pp. 18–30.

7. Draper T. American communism and Soviet Russia, the formative period. New York, Viking Press, 1960. 558 p.

8. Fitzpatrick S. New perspectives on Stalinism. *The Russian Review*, 1986, vol. 45, no. 4, pp. 357–373.

9. Harris J. Stalin as historical personality. The Cambridge History of Communism. Volume I. World revolution and socialism in one country 1917–1941; ed. by S. Pons, S. A. Smith. Cambridge, Cambridge, University Press, 2017, pp. 166–188.

10. Kenez P. Stalinism as humdrum politics. *The Russian Review*, 1986, vol. 45, no. 4, pp. 395–400.

11. Lynne V. In search of young revisionists. *The Russian Review*, 1987, vol. 46, no. 4, pp. 428–431.

12. Eley G. International Communism in the hey-day of Stalin. *New Left Review*, 1986, vol. 157, pp. 90–100.

13. Mayfield D. What is the significant context of Communism? [A review of the University of Michigan conference on International Communism, 14–15 November 1986]. *Social History*, 1988, vol. 13, pp. 351–362.

14. Morgan K. Against Fascism and War: ruptures and continuities in British Communist Politics, 1935–41. Manchester, Manchester University Press, 1989. 328 p.

15. Ryan J. A final stab at insurrection: the American Communist Party, 1928-34. In Search of revolution: International Communist Parties in the Third Period; ed. by M. Worley. London, New York, Tavris, cop. Publ., 2004, pp. 203–219.

16. Thompson W. The good old cause: British Communism, 1920–91. London, Pluto Press, 1992. 258 p.

17. Mcilroy J., Campbell A. A peripheral vision: Communist historiography in Britain. *American Communist History*, 2005, vol. 4, no. 2, pp. 125–157.

18. Fishman N. The British Communist Party and the Trade Unions, 1933-1945. Aldershot, Scolar Press, 1995. 380 p.

19. Fishman N. Essentialists and realists. *Communist History Network Newsletter*, 2001, vol. 11, pp. 7–16.

20. Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920–1943. Manchester, Manchester University Press, 2000. 308 p.

21. Thorpe A. The Communist International and the Communist Party of Great Britain. International Communism and the Communist International 1919–1943; ed. by T. Rees and A. Thorpe. Manchester, Manchester University Press, 1998, pp. 67–86.

22. Worley M. Class Against Class: the Communist Party of Great Britain in the Third Period, 1927–1932. PhD diss. Nottingham, 1998. 328 p.

23. McDermott K., Agnew G. The Comintern: A history of International Communism from Lenin to Stalin. Basingstoke, Macmillan Press, 1996. 304 p.

24. Manley J. Moscow Rules? 'Red' Unionism and 'Class Against Class' in Britain, Canada, and the United States, 1928–1935. *Labour/Le Travail*, 2005, vol. 56, pp. 9–50.

25. Mcilroy J., Campbell A. Is CPGB history important? A reply to Harriett Jones. Labour History Review, 2003, vol. 68, no. 3, pp. 385–390.

26. Mcilroy J., Campbell A. Histories of the British Communist Party: a user's guide. *Labour History Review*, 2003, vol. 68, no. 1, pp. 33–60.

27. Mcilroy J., Campbell A. The last word on Communism. *Labour History Review*, 2005, vol. 70, no. 1, pp. 97–101.

28. Mcilroy J., Campbell A. The heresy of Arthur Horner. *Llafur: The Journal of Welsh People's History*, 2001, vol. 8 (2), pp. 105–118.

29. Mcilroy J., Campbell A. "Nina Ponomareva's Hats": the new revisionism, the Communist International, and the Communist Party of Great Britain, 1920-1930. *Labour/Le Travail*, 2002, vol. 49, pp. 147–187.

30. Mcilroy J., Campbell A. For a revolutionary worker's government. *European History Quarterly*, 2002, vol. 32 (4), pp. 535–569.

31. Mcilroy J., Campbell A. Bolshevism, Stalinism and the Comintern: a historical controversy revisited. *Labor History*, 2019, vol. 60 (3), pp. 1–28.

32. Fishman N. CPGB history at the Centre of Contemporary British History. *Labour History Review*, 2004, vol. 69 (3), pp. 381–383.

33. Eaden J., Renton D. The Communist party of Great Britain since 1920. New York, Palgrave Macmillan, 2002. 220 p.

34. Storch R. Moscow's archives and the new history of the Communist Party of the United States. *Perspectives on History*, 2000, vol. 38, no. 7. Available at: https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2000/moscows-archives-and-the-new-history-of-the-communist-party-of-the-united-states (accessed 20.08.2023).

35. Johanningsmeier E. P. The Profintern and the 'Syndicalist Current' in the United States. Bolshevism, Stalinism and the Comintern Perspectives on Stalinization, 1917–53; ed. by N. LaPorte, K. Morgan and M. Worley. London, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 283–304.

36. Zumoff J. A. The Communist International and US Communism, 1919–1929. Leiden, Brill Publ., 2014. 456 p.

37. Zumoff J. A. The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935. *Labour/Le. Travail*, 2020, vol. 85, pp. 165–198.

38. McKay I. Joe Salsberg, depression-era communism, and the limits of Moscow's Rule. *Canadian Jewish Studies = Études juives canadiennes*, 2013, vol. 21, pp. 130–142.

39. Palmer B. What was great about Theodore Draper and what was not. American Communist History, 2009, vol. 8, no. 1. Available at6 https://libcom.org/history/what-was-great-about-theodore-draper-what-was-not-bryan-d-palmer (accessed 20.08.2023).

40. Palmer B. How can we write better histories of Communism? *Labour* / *Le Travail*, 2019, vol. 83, pp. 199–232.

41. Taylor K. The Communist Party of New Zealand and the Third Period, 1928-35. In search of revolution: International Communist Parties in the Third Period; ed. by M. Worley. London, New York, Tauris Publ., 2004, pp. 270–300.

42. Taylor K., Worley M. Testing the limits: Stalinization and the New Zealand and British Communist Parties. Bolshevism, Stalinism and the Comintern Perspectives on Stalinization, 1917–53; ed. by N. LaPorte, K. Morgan and M. Worley. London, Palgrave Macmillan Publ., 2008, pp. 226–244.

Информация об авторе / Information about the Author

Суздальцев Илья Алексеевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории, Школа №1381, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ialoko90@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-5204-0117,
ResearcherID: AAN-2890-2021

Ilya A. Suzdaltsev, Candidate Sciences (Historical), Teacher of History, School No. 1381, Moscow, Russian Federation,
e-mail: ialoko90@mail.ru,
ResearcherID: AAN-2890-2021,
ORCID: 0000-0001-5204-0117

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**